ПОСВЯЩАЕТСЯ
30-ЛЕТИЮ АССАМБЛЕИ НАРОДА КАЗАХСТАНА

МАТЕРИАЛЫ XII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
23 сентября 2024 г., Алматы

ИСТОРИЯ ПАМЯТЬ ЛЮДИ

Ассамблея народа Казахстана
Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК
Евро-Азиатский Еврейский Конгресс
О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва»

МАТЕРИАЛЫ
XII Международной научно-практической конференции
23 сентября 2024 года

Алматы, 2025

УДК 94
ББК 63.3
И90

Издание осуществлено при спонсорской поддержке
О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва»

Руководитель проекта: Барон А.И.

Председатель редакционной коллегии: Сейдуманов С.Т.
Редакционная коллегия: Арцишевский А.А., Ананьева С.В., Барон А.И., Каштелюк Ю.И., Прокопенко Л.А., Трескунова М., Чугайнова И.

И90 История. Память. Люди: Материалы XII Международной научно-практической конференции. 23 сентября 2024 г., Алматы – Алматы, 2025.–480 с.

ISBN 978-601-08-4907-5

Сборник статей «История. Память. Люди» представляет собой комплексное исследование историко-культурного наследия еврейского народа, его связи со значимыми событиями и личностями на территории Евразии.

Особое внимание в сборнике уделяется вопросам сохранения исторической памяти, интерпретации творческого и научного вклада, а также изучению уникальных архивных материалов, связанных с репрессиями и поворотными моментами в истории.

Материалы сборника охватывают широкий круг тем, включая воспоминания о личностях, внесших значительный вклад в различные области науки, искусства и общественной жизни.

Сборник предназначен для историков, культурологов, исследователей межэтнических отношений, а также для студентов и преподавателей социально-политических специальностей. Он может быть использован в качестве источника для научных исследований, образовательных программ и дискуссий о сохранении культурного наследия в контексте глобальных исторических процессов.

В издании акцентируется внимание на значимости документального подхода и персоналистической точки зрения, что позволяет сочетать теоретический анализ с реальными примерами. Это делает издание ценным вкладом в исследование исторической памяти и социально-политических наук.

УДК 94
ББК 63.3
И90
ISBN 978-601-08-4907-5

© О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва», 2025

ПОСВЯЩАЕТСЯ

30-ЛЕТИЮ АССАМБЛЕИ НАРОДА КАЗАХСТАНА

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово: 7
Барон А.И., Мирилашвили М.,
Edwin Nathan Yabo Glusman, Азильханов М.А.

МАТЕРИАЛЫ XII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Сейдуманов С.Т. 16
Каштелюк Ю.И. Мастер слова – о Мастере сцены 21
Момынкул Б.А. Он строил будущее, не забывая о прошлом 30
Перфильева Н.Н. Трудовой пахарь 37
Перфильева Н.Н. Их добрый след 40
Корешкова Т.С. Учитель – Просветитель 45
Корешкова Т.С. Из истории автографов 54
Брусиловская Е.Ф. Вспоминая Александра Розенцвайга. Человек, с которым ушла эпоха 59
Мартынова В. Участие евреев в создании атомных предприятий Средней Азии 64
Дубсон В. Еще один миллион имен эвакуированных для Центральной базы имен жертв Шоа Яд Вашем 78
Каштелюк Ю.И. Жизнь и судьба: к 100-летию со дня рождения ветерана войны и труда, члена еврейской общины Маркса Каплана 87
Арцишевский А.А. Плеяда Коганов из Алматы 93
Бароховская Л.С. Мысли по поводу и без… 99
Бричкин А. Бричкин Лев Александрович, 1925-1986 гг. 116
Владимирски И. Страницы истории еврейской общины Харбина 123
Vladimirsky I. And finally I was stopped by the Chinese Wall: diaries of Siberian Jewish gold entrepreneur Yakov Frizer (1869-1932) 135
Жакупов Б. Его называли Маэстро! К 50-летию со дня смерти А.Е. Мовша 153
Дьякова Е.В. Деятельность 1-го Харьковского медицинского института в эвакуации 158
Гаврилова Н.И. Предпринимательская и благотворительная деятельность Якова Савельевича Домбровского: вклад еврейского купечества в хозяйственное освоение Сибири 173
Медведева-Нату О. Прерванная жизнь варшавянина Яна Чернякова 182
Крутова Н. Ефим Годовский − театральный художник и педагог Восточного Казахстана 216
Треблер С. Память об отце 223
Омарова А. С., Мырзахметова А. Ж. История одной скульптуры 231
Иофе В.Г. Немного об одной семье 238

Каштелюк Ю.И. Струны столетия 253
Тверитнева И. Книга Скорби 259
Кашмакова М.В., Ярков А.П. Борис Григорьевич Манн 264

ЛЕТОПИСЬ ПОКОЛЕНИЙ

Трескунова М. Дети Войны рассказывают Детям Мира 271
Алексеева Елена Антоновна 273
Альперович Зинаида Залмановна 275
Арепьева Галина Емельяновна 277
Арон Любовь Ефимовна 278
Масалович Елена Ильинична 281
Бродская Людмила Аркадьевна 288
Гисин Эрнест Вениаминович 290
Городецкий Лев Гдальевич 292
Дёмина Клара Александровна 293
Беренфельд Светлана Александровна 296
Дзвоник Людмила Лазаревна 297
Штейнгольц (Енина) Сталина Абрамовна 299
Иориш Лариса Наумовна 302
Казанцева Дина Захаровна 303
Каплан Маркс Ильич 309
Каральник Борис Вольфович 313
Каштелюк Исаак Хаимович 316
Коротич Феня Исааковна 317
Лысковская (Кривенцова) Наталья Соломоновна 318
Лейдерман Анна Львовна 322
Лысковская Анна Иосифовна 326
Матлина Ленина Марковна 331
Меерович Элла Заливна 334
Нечаева Жанна Сергеевна 335
Певзнер Лев Залманович 337
Полякова Лариса Михайловна 338
Ремес Ася Гельевна 340
Ремес Семен Борисович 343
Рехтман Анна Гиршовна 346
Рингарт Галина Львовна 349
Рубина Евгения Соломоновна 351
Сапожников Ефим Моисеевич 354
Сапожникова (Дробиц) Розалия Фёдоровна 357
Сидоренко Елена Давыдовна 358
Шершер Сима Исаевна 361

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ТВОРЧЕСТВУ ПИСАТЕЛЯ ЮРИЯ ГЕРТА (1931-2003)

Приветственное слово:
Арцишевский А.А., Калиева А., Габдуллин Б. 364
Арцишевский А.А. Его нестерпимая быль. Юрий Герт 367
Арцишевский А.А. Заноза в сердце 371
Бельская Л. 373
Тамендаров Ф.Ф. 379
Жаксылыков А.Ж. 379
Чернова Н.М. 380
Жаксылыков А.Ж. Философские аспекты повести Ю.М. Герта «Приговор» 382
Ананьева С.В. Пространство времени Ю. Герта 387
Хамраев А.Т. Об образе времени в романе Ю. Герта «Кто, если не ты?..» 389
Бадиков В.В. Кто, если не мы? Юрий Герт 393
Атембаева Г. Эмигрантская книга-исповедь Юрия Герта «Эллины и иудеи» 401
Герт Ю. Антисемитизм... с «человеческим лицом» 405
Цейс А. Если не теперь 412
Шапиро А. Его пером водила совесть 414
Шапиро А. Анна и Юрий Герт 416
Шапиро А. Интервью с Анной Герт 421
Герт Ю. Его знали многие… 428
Каштелюк Ю.И. Писатель и время 431

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / ҚОРЫТЫНДЫ / CONCLUSION 440
Сейдуманов С.Т. / Seidumanov S.T.
Фотографии, опубликованные на обложке 449

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Александр Иосифович Барон
Председатель Совета ОЮЛ «Ассоциация «Мицва»,
член Совета Ассамблеи народа Казахстана

Живая память

Уважаемые друзья!

В 2025 году отмечаются две большие даты – 80 лет Великой Победе и 30-летие Ассамблеи народа Казахстана. И в этом же году мы предлагаем вашему вниманию новое издание, объединяющее эти знаменательные события, – сборник материалов XII Международной исторической научно-практической конференции «История. Память. Люди».

Сборник, как и все другие издания проекта, стал плодом многолетнего и очень продуктивного сотрудничества Ассоциации «Мицва» с Ассамблеей народа Казахстана и рядом других ведущих научных и общественных организаций. Среди них Национальная академия наук РК, Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Евро-Азиатский еврейский конгресс и другие структуры.

Книга включает более 50 материалов. Это доклады, статьи, научная публицистика и эссе, отражающие две ключевые темы нашего проекта: «Эвакуация и беженство в Казахстан, другие республики Центральной Азии и Западную Сибирь в годы Второй мировой войны», а также «История евреев Центральной Азии и Западной Сибири». Представленные на конференции в сентябре 2024 года и опубликованные в нынешнем сборнике материалы стали результатом работы казахстанских и международных экспертов. Наряду с Казахстаном в числе стран-участниц – Австралия, Германия, Израиль, Канада, Кыргызстан, Польша, Россия, США, Узбекистан, Украина и другие страны. Работы авторов созданы на основе исторических материалов во взаимодействии с центральными и региональными архивами разных государств.

Важно отметить ключевую особенность проекта: наряду с профессиональными исследователями постоянными участниками

конференции становятся непосредственные свидетели событий, потомки фронтовиков и тружеников тыла – их дети, внуки, а сегодня и правнуки. Они выступают авторами очерков, эссе, интервьюируют представителей старшего поколения, чье ранее детство пришлось на годы войны, было отмечено эвакуацией и беженством. Иногда эти воспоминания носят отрывочный характер, но наши авторы вместе с волонтерами-журналистами помогают собрать их в единое целое и сделать живым мемуарным материалом. Вместе с воспоминаниями очень ценным источником становятся семейные альбомы и фронтовые треугольники, в которых масштабные события приобретают конкретные черты личной истории, обрастают важными деталями, помогающими нам живо представить то время.

Этот материал важен не только с исторической, но и с гуманистической точки зрения. Он позволяет сформировать у читателей чувство сопричастности тем событиям и протянуть нить преемственности между ветеранами и молодежью. К слову, одна из глав нынешнего сборника посвящена волонтерской инициативе «Летопись поколений». В рамках этого общинного проекта активисты разных возрастов объединились для того, чтобы взять видеоинтервью у ветеранов. Результатом инициативы стали три серии документального фильма «Летопись поколений» и глава в нынешнем сборнике – волонтеры перенесли воспоминания на бумагу.

Также необходимо отметить еще одну особенность нынешней книги – в нее вошла целая глава, посвященная творчеству и биографии известного казахстанского писателя, многолетнего редактора отдела прозы казахстанского Республиканского литературно-художественного журнала «Простор» Юрия Герта (1931-2003 гг.). Одно из его центральных произведений – роман «Кто, если не ты?». Созданное с большим художественным вкусом и документальной точностью произведение отражает чаяния детей войны и представляет собой ценный материал для исследователей и всех тех, кто интересуется историей.

Каждый материал проекта, каждое новое исследование вплетается в большую многослойную летопись, позволяет рассмотреть вопрос с разных сторон – культурологической, социальной, экономической, гуманитарной.

Проект исторической конференции действует более 30 лет. В его рамках издаются не только сборники материалов конференции «История. Память. Люди», но и другие книги, тематически пересекающиеся с историей Второй мировой войны и летописью еврейских общин Центральной Азии и Западной Сибири. В числе таких изданий сборник очерков известного журналиста и публициста Людмилы Енисеевой-Варшавской (1940-2015 гг.) «Вычитано и выверено мной окончательно!!!», сборник публицистики писателя, заслуженного деятеля РК Адольфа Арцишевского «Наперекор и вопреки! Но – следуя заветам…», сборники «Морис Шамис (Симашко)», в которые вошли материалы четырех Международных литературных чтений, посвященных творчеству народного писателя Казахстана Мориса Симашко (1924-2000 гг.), другие издания. Это более 20 книг, которые пополнили Республиканскую еврейскую библиотеку имени Мориса Симашко при Ассоциации «Мицва», национальные и региональные библиотеки, библиотеки Ассамблеи народа Казахстана, этнокультурных объединений, международные книжные собрания, а также архивы вузов, колледжей и школ. Этот научный фонд уже становится материалом для написания новых исследовательских работ.

Как уже подчеркивалось, большая роль в подготовке и проведении проекта принадлежит нынешнему юбиляру – Ассамблее народа Казахстана. АНК помогает объединить волонтеров этнокультурных объединений, ветеранов разных этносов народа Казахстана в подготовке материалов с ценными воспоминаниями и архивными документами. От имени Ассоциации «Мицва» и как член Совета АНК желаю Ассамблее народа Казахстана дальнейшей успешной работы, направленной на укрепление единства народа нашей страны.

Хочу пожелать новому сборнику и в целом всему проекту Международной исторической конференции счастливой жизни, чтобы он послужил стимулом к проведению новых исследований, которые станут живым источником, ценным материалом для сохранения исторической памяти, исторического наследия народа Казахстана.

Д-р Михаил Мирилашвили,
Президент Евро-Азиатского Еврейского Конгресса

Дорогие участники Международной научно-исторической конференции «История. Память. Люди».

От лица лидеров Евро-Азиатского Еврейского Конгресса, позвольте поблагодарить в очередной раз организаторов конференции, прежде всего председателя Ассоциации «Мицва», нашего многолетнего коллегу Александра Барона, Ассамблею народа Казахстана и других ключевых партнеров за подготовку и проведение столь важного мероприятия. Мы также благодарны президенту и правительству Республики Казахстан за внимательное и заботливое отношение к жизни еврейской общины и содействие ее многочисленным инициативам, включая данную конференцию.

Сложно переоценить важность продолжения всеобъемлющего научного изучения событий Второй мировой войны. Каждый новый эпизод, каждый новый факт, заполняющий пробелы исторического знания, дополняет картину и позволяет реконструировать сложнейшую реальность столь глобального события, затронувшего буквально весь мир.

Одним из сюжетов, второстепенным по отношению к военным действиям, но оттого не менее важным, является эвакуация миллионов граждан в Казахстан, другие страны Центральной Азии и Западную Сибирь. Судьбы беженцев, эвакуированных людей, промышленных объектов, учреждений здравоохранения, культуры, науки, искусства, образования – миллионы судеб, миллионы личных и коллективных спасений и трагедий.

Все это – большой и не до конца охваченный пласт изучения на фоне страшных событий тех лет. Международная конференция «История. Память. Люди» играет важную роль в восполнении этого пробела и ежегодно собирает новые свидетельства и материалы, документируя важные аспекты изучаемого периода.

Казалось бы, такой маленький исторический отрезок – но столько еще не изучено и не восполнено. Казалось бы, всего шесть лет – но человеческая история навсегда разделилась на до и после. Сегодня, когда над миром снова сгущаются тучи антагонизма и

вражды, страшные события Второй мировой войны и их глубокое изучение обязаны служить нам предостережением.

Мы обязаны помнить сами и неустанно напоминать другим, к чему способна приводить пропагандируемая ненависть и дегуманизация. Но среди страшных уроков стоит также выделять и светлые истории того периода: проявление человечности и пронятую руку помощи бежавшим от ужасов евреям.

Мы вновь благодарим организаторов и участников этой важной инициативы и желаем успешной и плодотворной конференции.

Edwin Nathan Yabo Glusman
Ambassador of the State of Israel to the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic

Dear Readers,

It is with great honor and heartfelt pride that I extend my warmest greetings in this preface to a remarkable collection dedicated to the historical and cultural heritage of the Jewish people. This book, a compilation of insightful articles, reflects the rich tapestry of Jewish history and its profound connections with significant events and influential figures across the vast expanse of Eurasia.

The Jewish community has always been a beacon of resilience, intellect, and cultural vibrancy, contributing to the diverse mosaic of civilizations it has touched. Through the pages of this book, readers will embark on a journey that not only explores the depth of Jewish traditions and historical experiences but also highlights the enduring ties that link the Jewish people with the lands and communities of Eurasia.

This scholarly endeavor serves as both a tribute to our ancestors and a bridge to future generations, fostering a deeper understanding and appreciation of the shared history that binds us all. The meticulous research and thoughtful narratives presented here illuminate the indelible impact of the Jewish heritage on the broader cultural and historical landscape of this region.

I am especially honored to note that this book is dedicated to the 30th anniversary of the Assembly of the People of Kazakhstan, an institution that embodies the spirit of unity, cultural diversity, and mutual respect. This dedication underscores the importance of interethnic harmony and the rich contributions of various communities to the fabric of Kazakhstan's society.

I commend the authors and contributors for their dedication to preserving and celebrating our rich legacy. May this book inspire reflection, dialogue, and a renewed sense of connection among all who read it.

Азильханов М.А.
Заместитель Председателя Ассамблеи народа Казахстана - заведующий Секретариатом АНК Администрации Президента РК

Уважаемые участники XII Международной научно-практической конференции «История. Память. Люди»!

В год 30-летия Ассамблеи народа Казахстана разрешите поздравить Вас с проведением XII Международной научно-практической конференции «История. Память. Люди»!

Сборник конференции является уникальным, поскольку рассказывает о личностях, внесших значительный вклад в развитие. Сегодня мы с огромной благодарностью вспоминаем о тех людях, которых стояли у истоков нашей Ассамблеи, деятелей страны П. Атрушкевича, С. Терещенко, А. Алиева и многих других, чьи имена упоминаются на страницах сборника «История. Память. Люди».

Итоги конференции ежегодно играют огромную роль в сохранении исторической памяти.

Этот сборник представляет собой ценный вклад в осмысление исторического опыта, сохранение памяти и укреп-ление единства народа. Каждый выпуск демонстрирует стрем-ление к глубокому исследованию важнейших тем, связанных с нашей общей историей, культурой и идентичностью.

XXII Конференция является важным шагом в укреплении научного и культурного взаимодействия. Она объединяет учёных, исследователей и представителей этнокультурных объединений, создавая уникальную платформу для обмена идеями, опытом и знаниями. Итоги конференции, ежегодно отражённые в материалах сборника, играют огромную роль в сохранении исторической памяти и развитии межкультурного диалога.

2025 год является значимой вехой в истории нашей страны – мы отмечаем 30-летие Ассамблеи народа Казахстана. За три десятилетия Ассамблея стала уникальным институтом, который объединяет представителей более 100 этносов, проживающих в Казахстане. Она служит мощным примером гармоничного сосуществования и сотрудничества, поддерживая атмосферу дружбы и взаимопомощи. Ассамблея народа Казахстана – это не

только инструмент межэтнического согласия, но и яркий символ миролюбия и национального единства.

Евреи Казахстана – это неотъемлемая часть нашего общества, внесшая огромный вклад в науку, искусство, культуру и экономику страны. Несмотря на трагические страницы истории, Казахстан стал для многих этносов новой родиной, где они смогли обрести мир, стабильность и возможность развиваться. Их пример вдохновляет и напоминает нам о важности человеческой солидарности и взаимопомощи.

Как говорится в еврейской мудрости: *«Тот, кто забывает прошлое, теряет будущее».* Эти слова прекрасно отражают суть нашей работы: помнить, чтобы сохранить единство, мир и стабильность в обществе.

2025 год также связан с юбилеем 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Эта Победа – величайший символ мужества и героизма, объединяющий народы в память о борьбе за свободу. Казахстан внёс значительный вклад в Победу, и мы гордимся подвигами наших предков, которые защитили мир для будущих поколений. Мы никогда не забудем тех, кто отдал свои жизни ради мира, и будем продолжать воспитывать молодёжь на примерах их доблести.

Особое место в этом сборнике отведено трудовому подвигу казахстанцев в годы эвакуации, когда наша земля стала приютом для тысяч переселенцев. Казахстанцы проявили не только гостеприимство, но и искреннюю готовность помочь, разделяя с переселенцами кров, еду и поддержку в тяжёлые времена. Эти примеры солидарности и самоотверженности остаются в памяти народа как символы настоящего человеческого единства.

Искреннюю благодарность мы выражаем Ассоциации «Мицва», которая с 2002 года неизменно способствует организации конфе-ренции «История. Память. Люди» и изданию одноимённого сборника. Благодаря её активной деятельности это мероприятие стало традицией, объединяющей исследо-вателей, учёных и представителей этнокультурных объединений. Вклад Ассоциации в сохранение исторической памяти и развитие межкультурного диалога заслуживает искреннего уважения.

Дорогие друзья, позвольте пожелать вам плодотворной работы, вдохновения и успехов в дальнейших исследованиях и проектах. Пусть материалы сборника «История. Память. Люди» станут значимым вкладом в сохранение исторической памяти и развитие межкультурного диалога.

Сейдуманов С.Т.
Генеральный директор Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, академик НАН РК, доктор социологических наук, профессор

Уважаемые читатели!

По приглашению Ассоциации еврейских национальных организаций Казахстана «Мицва» принимаем участие в подготовке очередного сборника статей «История. Память. Люди» – уникального издания, в котором собраны поистине ценные материалы, освещающие важнейшие аспекты историко-культурного наследия не только еврейского народа, но и Казахстана в целом.

Не секрет, что мир становится все более тесным, сложным и взаимосвязанным. Международные отношения сталкиваются с серьезными вызовами, обусловленными растущими различиями между национальными интересами, общественными потребностями и глобальными кризисами, такими как изменение климата, социальное неравенство и вооруженные конфликты. Тем не менее, даже в этих сложных обстоятельствах мы можем увидеть проблески надежды. Гражданские движения, объединяющие людей вокруг идей социальной справедливости, экологической устойчивости и защиты прав человека, напоминают нам о том, что настоящая сила кроется в единстве и общих усилиях. Ведь сохранение мира — это наша общая задача. В эпоху глобальной турбулентности нам необходимо новое качество международного сотрудничества, основанное на уважении к суверенитету государств, диалоге, синергии и совместных благих усилиях.

История учит нас, что мир очень хрупок, но каждый шаг к дружбе и взаимопониманию делает наше будущее более светлым. Уважение к культурным различиям, готовность к диалогу и признание ценности каждого народа являются основой для создания устойчивого общества, государства и мира. С гордостью мы можем сказать, что Казахстан стал домом для более 130 этносов, которые живут здесь в мире и согласии. Это бесценное наследие, которое мы обязаны бережно сохранять и приумножать.

К слову, республиканские социологические исследования, проведенные нашим Институтом в 2022-2024 гг., в контексте задач, поставленных Главой государства и Научно-экспертным советом АНК, показали, что ситуация в сфере межэтнических отношений в Казахстане в последние три года оставалась стабильной. Подавляющее большинство респондентов – 92,5% – считают, что отношения между этническими группами в их населённом пункте носят благоприятный характер. Более 84% опрошенных согласны с тем, что государственная политика в области межэтнических отношений отвечает интересам как их этнических групп, так и интересам всех казахстанцев.

В контексте управления межэтническими отношениями нельзя не отметить особую роль и место Ассамблеи народа Казахстана, чье 30-летие мы будем широко отмечать в этом году. Основная цель Ассамблеи заключается в регулировании отношений между различными этносами и содействии консолидации казахстанского общества. Хотя Ассамблея не является де-юре государственным органом, она была создана для решения государственных задач в этой области и уже 30 лет успешно выполняет свою миссию, являясь важнейшим элементом государственно-общественного регулирования межэтнических отношений.

После обретения независимости в декабре 1991 г. Казахстан действительно в силу объективных процессов распада супердержавы – Советского Союза стал самой уязвимой постсоветской страной, в которой могли разгореться межнациональные конфликты. В первые годы независимости исключительная и выверенная политика и действия первого Президента Казахстана позволили создать наиболее эффективную систему регулирования межнациональных процессов, кульминацией стало создание Ассамблеи народа Казахстана в 1995 г., точное и правильное определение формата, целей, задач, форм и методов работы новой организации. Страна за 3 года, начиная с января 1992 по март 1995 гг., прошла свой не похожий ни на какой-либо другой путь поиска форм управления и регулирования межнациональных процессов. В 1992 г. был создан Отдел внутренней политики в объединенном тогда Аппарате Президента и Кабинета Министров РК, где был определен референт, конкретно отвечающий за эти вопросы. Общеизвестны различные конфликты на территории республики, которые возникали

в тот период (я их не буду здесь перечислять) по которым органы власти как в центре, так и на местах сумели найти наиболее эффективные решения. Тогда, особо подчеркнем, повсеместно и в центре, и на местах в государственном аппарате работали высокопрофессиональные госслужащие. В силу небывалых сложностей и объема работы было решено в 1993 г. ввести должность советника Президента, была введена также должность консультанта советника Президента. В дальнейшем связи с усложнением и масштабностью процессов, влияющих на межнациональные процессы, (например, отрицательное сальдо миграции в 1994 г. составило около 462 000 человек) был создан и начал работу Государственный комитет Республики Казахстан по национальной политике. То есть исторически в стране последовательно и целенаправленно совершенствовалась система работы в сфере межнациональных отношений, государственные структуры менялись, совершенствовались: вначале это была должность Референта в составе немногочисленного Отдела (в нем было всего 6 сотрудников), затем статус государственного служащего, отвечающего за межнациональные отношения в стране, был повышен, была введена должность Советника Президента, позднее был создан Государственный комитет по национальной политике. 11 декабря 1994 года первый Президент Казахстана дал поручение Информационно-аналитическому центру Аппарата Президента начать работу по созданию Ассамблеи единения и согласия, идею которой он выдвинул еще 2 года назад 30 декабря 1992г. на первом Форуме народов Казахстана. ИАЦ подготовил концептуальные основы создания Ассамблеи народа Казахстана. Концепция была объемной, но я выделю лишь несколько основных составляющих, среди которых новым было следующее: возглавляет Ассамблею Президент страны, определяются два его заместителя от общества, в Аппарате Президента создается специальный рабочий орган – Исполнительный Секретариат, все руководители этнокультурных объединений входят в состав АНК, для оперативного рассмотрения текущих вопросов создается Совет АНК. То есть было предложено совершенно новое в государственном управлении – обеспечить тесную связь и сочетание административных ресурсов государства и жизненной силы, организационной энергии этнокультурных объединений. В итоге, 1 марта 1995 г. Указом Президента Республики Казахстан была создана

Ассамблея народов Казахстана. В течение 1995-1996 гг. Исполнительным секретариатом АНК совместно с Информационно-аналитическим центром Администрации Президента были отработаны все основные формы и методы работы, определена место и роль АНК в системе регулирования межнациональных отношений в государстве. Такова вкратце предыстория создания Ассамблеи народа Казахстана, которая представляет собой казахстанское управленческое ноу-хау.

В Казахстане существуют объективные условия для формирования нации как политически организованной общности всего населения республики. Эти условия включают исторические, экономические, политические и духовные факторы. За годы независимости в стране сформировалась эффективная модель государственной этнополитики, которая предоставляет широкие возможности для этнокультурной самоидентификации. Это позволяет создавать общественные организации и этнокультурные центры, которые помогают решать разнообразные задачи в этой сфере общественных отношений.

Мы видим, что деятельность этнокультурных объединений не только способствует формированию национальной идентичности, но и является важным шагом к укреплению нашего суверенитета. Эти объединения помогают создать общество, в котором каждый гражданин ощущает свою значимость и ответственность за общее будущее.

В свете вышесказанного, Ассоциация «Мицва» представляет собой яркий пример того, как конструктивная деятельность гражданского общества может способствовать обогащению культурного и социального разнообразия. Это, в свою очередь, является основой для построения устойчивого и гармоничного общества. Как представитель и объединитель еврейской общины «Мицва» не только сохраняет и развивает самобытность своего народа, но и вносит существенный вклад в укрепление единства и мира в нашем разнообразном обществе.

С точки зрения социальной значимости деятельность «Мицвы» соответствует принципам, характерным для независимых гражданских институтов в демократических государствах. Она предоставляет платформу для самоорганизации, что способствует укреплению горизонтальных связей внутри общины и по-

могает её представителям активно участвовать в общественной и культурной жизни Казахстана. Это особенно важно в условиях, когда успешное развитие страны зависит от того, насколько её граждане ощущают себя полноценными участниками общественных процессов. Кроме того, Ассоциация активно развивает международные связи, представляя Казахстан в глобальном еврейском сообществе. Благодаря образовательным, культурным и социальным программам она укрепляет взаимодействие между Казахстаном и мировой еврейской диаспорой, создавая условия для культурного обмена и открывая новые горизонты для сотрудничества. Если задуматься, то деятельность «Мицвы» выходит за рамки узкоэтнической повестки дня и становится примером для более широкого участия граждан в жизни и развитии своей страны.

Отдельно хочется отметить значимость культуры, науки и образования. В своём выступлении на 32-й сессии Ассамблеи народа Казахстана Глава государства Касым-Жомарт Кемелевич Токаев подчеркнул, что необходимо уделить особое внимание научным исследованиям в области этносоциальной и этнополитической проблематики. Для нашего Института философии, политологии и религиоведения, который является базой для работы алматинской Научно-экспертной группы (НЭГ) Ассамблеи народа Казахстана города Алматы, слова Президента означают не только поддержку учёных и нашего предмета исследования, но и демонстрируют особое отношение Главы государства к науке в целом. Только через глубокое осмысление нашего прошлого и активное научное сотрудничество мы можем создать будущее, основанное на взаимном уважении и сотрудничестве.

В завершение хотел бы выразить благодарность всем общественным, научным, государственным и частным организациям, которые вносят свой вклад в дело мира, сохранения межэтнической гармонии и диалога, а также в продвижение высоких моральных и этических ценностей, образование и просвещение.

Пусть сборник «История. Память. Люди» станет источником вдохновения для новых свершений и будет способствовать укреплению единства нашего дружного и мудрого народа.

Каштелюк Ю.И.

Мастер слова – о Мастере сцены

Вышла в свет книга Адольфа Арцишевского «Шаги командора». Новое издание писатель посвятил памяти своего друга – режиссера Рубена Андриасяна и его творческих единомышленников. Впервые документальная повесть была представлена в начале ноября 2024 года в Союзе писателей, где Адольфу Арцишевскому торжественно вручали атрибуты звания заслуженного деятеля РК. Торжественная церемония прошла при участии руководства литературных сообществ и главы Ассоциации «Мицва», члена Совета Ассамблеи народа Казахстана Александра Барона. А несколькими днями позже презентация книги состоялась в Республиканской еврейской библиотеке имени Мориса Симашко. Эта творческая встреча прошла при участии Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова и Ассамблеи народа Казахстана.

Живые строки

Приветствуя участников и гостей презентации, Александр Барон обратил внимание на художественную и документальную ценность книги:

– Мэтр литературы, мастер живого слова Адольф Арцишевский посвятил книгу мэтру театра, народному артисту Республики Казахстан, награжденному множественными наградами Рубену Андриасяну – это легенда театра, человек, которого я вспоминаю с большой теплотой. Как известно, Адольф Арцишевский долгое время был заведующим литературной частью театра и прекрасно знает сценический мир, а Рубен Андриасян был не только его творческим соратником, но и близким другом. Эти факторы, помноженные на дарование Адольфа Арцишевского, позволили создать замечательную книгу. Адольф Альфонсович поделился, что в его писательском архиве находится еще много ценного материала о Рубене Андриасяне. Уверен, что этот материал может стать основой для еще одной книги, и не одной, – подчеркнул Александр Барон, вновь поздравив Адольфа Арцишевского с высокой наградой.

Во вступительном слове Адольф Арцишевский отметил, что всего за свою творческую деятельность он выпустил 36 книг, в их числе художественная проза, поэзия, публицистика. По словам автора, в каждой книге он ставил задачу быть честным, искренним с читателем. Коллеги писателя в своих выступлениях подчеркивали, что книги Адольфа Арцишевского служат образцом высокой культуры, а герои его очерков – большие профессионалы, посвятившие жизнь служению своему делу. В их числе многолетний художественный руководитель Национального русского театра драмы имени Михаила Лермонтова – Рубен Андриасян.

Литературные портреты

В публицистическом издании Адольфа Арцишевского наряду с многолетним художественным руководителем Лермонтовки появляются образы известных литераторов, публицистов, журналистов, филологов, деятелей театра. Среди них ученый-филолог Виктор Бадиков, журналистка, мастер публицистического жанра Людмила Енисеева-Варшавская, поэтесса, драматург и публицист Светлана Аксенова-Штейнгруд и другие представители творческой среды Казахстана второй половины XX века и начала нынешнего столетия.

Ведущая встречи с писателем в Ассоциации «Мицва», заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, кандидат филологических наук Светлана Ананьева сделала акцент на уникальности книги Адольфа Арцишевского: автора документальной повести связывала с его главным героем не только совместная работа – Арцишевский был завлитом в ТЮЗе им. Н. Сац и в Лермонтовке андриасяновской поры, – но и тесная дружба. Во многом именно благодаря этому писатель смог создать живой и многоплановый образ главного героя и его коллег. Арцишевский присутствовал на репетициях спектаклей Андриасяна, вел дневниковые записи, а в последующем записывал высказывания режиссера на диктофон, что помогло живо воссоздать процесс работы над спектаклями, моменты творческого созидания.

Сам же автор, рассказывая о книге, говорил об особой способности Андриасяна собирать вокруг себя творческих людей. Он мог «заразить человека вирусом театра» и нередко, впечатленный рассуждениями о сценическом искусстве, собеседник режиссера «заболевал» театром, открывал для себя волшебство сцены. Андриасян и другие герои книги Арцишевского обладали даром создавать культурное пространство, организовывать проекты, впоследствии вошедшие в историю отечественного литературного и театрального искусства.

Арцишевский описывает творческую работу Рубена Андриасяна в разные периоды – в советское время, в первые годы Независимости, ставшие периодом небывалого творческого подъема, в двухтысячные, когда в Лермонтовский театр, знаменуя смену поколений, пришли молодые артисты – студенты андриасяновского курса в Национальной академии искусств имени Жургенова. Пережив за свою творческую жизнь немало общественных перемен, режиссер всегда стремился уловить нерв времени, смотреть на творческий процесс незамыленным взглядом. По поручению худрука завлит Арцишевский пускался на поиски актуального на данный момент драматургического материала, будь то классика или современная драматургия. Андриасян нередко обращался к Чехову, считая, что его пьесы просты только на первый взгляд и для их интересного сценического решения необходимо найти ключ. И режиссер вместе с актерами находился в поиске этого ключа. Он жил театром, был одухотворен идеями новых постановок, а в работе с актерами находил те самые, нужные слова, которые помогали им воплощать видение режиссера и самим становиться соавторами спектакля.

Адольф Арцишевский признался, что торопился выпустить книгу – 86-летний мастер слова стремился успеть воздать должное своему другу и коллеге Рубену Андриасяну, а потому ряд диктофонных записей остался нерасшифрованным и ждет своего часа.

Предисловие к документальной повести написал казахстанский кинорежиссер, сценарист, поэт, заслуженный деятель РК Бахыт Каирбеков. В нем он назвал автора «зерцалом чужих судеб» за галерею живых образов, воссозданных в его книгах. «Для

Адольфа Арцишевского каждый встретившийся на его пути талант – благодатный материал. И чем благородней металл, из которого он выплавлен, тем блистательней отражение в этой удивительной амальгаме, – пишет Каирбеков и определяет, в чем секрет писателя: – В любви к ближнему, достойному его пера, в благоговейном отношении к каждому виду творчества».

На презентации книги автор много вспоминал. Он рассказывал о том, как начиналась его совместная работа с Рубеном Андриасяном, как шел репетиционный процесс, как режиссер осмысливал драматургические произведения и какие задачи ставил перед заведующим литературной частью и актерами.

Ведущая встречи Светлана Ананьева назвала дружбу Арцишевского и Андриасяна случаем особым, ведь, как правило, коллеги, особенно в творческой среде, очень редко налаживают друг с другом теплые товарищеские отношения. Но Арцишевский и Андриасян стали примером того, как общее дело стало фактором, объединившим людей, укрепившим дружбу.

– Я приехал из Москвы – с Высших литературных курсов в Алма-Ату в 1981 году, а в 1982 году Рубен Андриасян предложил мне стать завлитом в ТЮЗе. Тогда он дорабатывал последний год в Театре юного зрителя, чтобы затем стать режиссером в Театре Лермонтова. Меня он пригласил перейти вместе с ним, – вспомнил, с чего начиналось их с режиссером сотрудничество, Адольф Арцишевский.

Творческий поиск

Первым спектаклем Рубена Андриасяна в Театре Лермонтова стала постановка «Дом» по Федору Абрамову, а затем он планировал перейти к русской классике. Режиссер находился в поиске интересного, нетривиального материала, который мог бы прозвучать со сцены. К поиску пьесы для новой постановки Андриасян пригласил и нового завита Лермонтовского театра – Адольфа Арцишевского.

– Он мне сказал: «Адольф, надо найти не затасканную русскую классику...» Помню, как дня два или три сидел дома, среди книжных полок, и мучительно соображал, что можно предложить

академическому театру. И вдруг рука как-то механически потянулась к полке и достала первый том Николая Лескова. Я подумал, что такой крупный писатель не мог хотя бы однажды не обратиться к драматургии. Я не ошибся, в первом томе была пьеса «Расточитель». Пьеса огромная, пьеса рыхлая, раза в три, в четыре больше норматива, но это пьеса авторства большого художника, – продолжил Арцишевский. – Рубен Суренович ее очень сильно сократил – и правильно сделал. А также определился с выбором актера для воплощения главного персонажа: пьеса самоочевидно была написана для того, чтобы главную роль в ней сыграл такой мастер сцены, как Юрий Борисович Померанцев. Это был его звездный час – один из многих в его долгой актерской биографии.

Как подчеркнул Адольф Арцишевский, пьеса стала одухотворенным началом для новой совместной работы – его, завлита, и режиссера Андриасяна. В этом творческом процессе Адольфа Арцишевского интересовало все: как писатель, как летописец, он фиксировал все главное, ценное, чтобы затем, спустя много лет, воплотить это в книге «Шаги командора».

Ценность публицистики

Продолжая тему воспоминаний, Светлана Ананьева подчеркнула, что в своих словах, в своих строках Адольф Арцишевский раскрывает двери в свою творческую лабораторию, в свой творческий мир, где хранится множество ценных замыслов, где идет глубокое осмысление образов и рождаются прекрасные идеи. Такая творческая работа свойственна большому автору.

Эту тему подхватил общественный и политический деятель, профессор, доктор филологически наук Бейбит Мамраев. Он отметил большую значимость публицистики Арцишевского – документальные очерки писателя написаны с художественным вкусом, они сочетают фактический материал с художественным творчеством писателя, что делает их живой, интересной литературой.

– Дорогой Адольф Альфонсович, я вспоминаю время, когда вы были заместителем главного редактора «Науки Казахстана». Этот этап вашей работы пришелся на 1990-е годы. В тот период еще отмечались юбилеи Абая, Жамбыла, Мухтара Ауэзова, Каны-

ша Сатпаева, и материалы издания, посвященные этим замечательным людям, становились настоящим событием, а сегодня они служат ценным научным и литературным наследием, читаются так же живо, как и тогда, – это признак вашего большого дарования. И ваша новая книга раскрывает перед нами живой мир нашей культурной истории, что очень важно и очень ценно как для нас, так и для молодежи, которая должна знать нашу культурную историю, – подчеркнул Бейбит Мамраев.

В ходе презентации заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Простор», народный писатель Казахстана Любовь Шашкова рассказала, что познакомилась с книгой на недавнем чествовании Адольфа Арцишевского в Союзе писателей РК. Начав читать, она погрузилась в живой мир театра того времени, когда коллективом ТЮЗа, а затем Лермонтовки руководил Рубен Андриасян. На страницах книги перед ней предстала целая галерея литературных портретов замечательных людей.

– Тогда, на вручении, глава Казахского ПЕН-клуба Бигельды Габдуллин высказал мысль о том, как много и благодарно в своем творчестве последних лет Адольф Арцишевский обращается к памяти своих друзей – людей, с которыми его сводила судьба. Мы за суетой и бегом времени оправдываем себя тем, что нам вечно некогда, и не работаем над такими воспоминаниями, а он нашел время, издал замечательные книги, – отметила народный писатель РК.

Лейтмотив повествования

В качестве примера Любовь Шашкова привела не только презентуемую документальную повесть, но и книги Арцишевского о его друге и коллеге Викторе Бадикове (1939-2008 гг.). Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей РК Бадиков был специалистом в области истории и теории литературы, он писал яркие критические и литературоведческие статьи, материалы на тему социальной роли литературы. Также был известен своим поэтическим творчеством. Бадиков всегда был полон планов и творческих идей, но безвременная кончина – литературовед погиб в автомобильной катастрофе – не позволила осуществить задуманное.

– По сути, в разных книгах Адольф Арцишевский собрал все статьи Бадикова – и прозу и поэзию. Большой авторитет в казахской и русской литературе Виктор Владимирович Бадиков погиб в 70 лет. Но Адольф Арцишевский продлил его творческую жизнь, подарив нам замечательные книги, – сказала Любовь Шашкова и передала свои эмоции от знакомства с презентуемой книгой: – И вот, когда уже самому Адольфу 86 лет, мы держим в руках книгу, посвященную Рубену Андриасяну. Поскольку много писала о Лермонтовском театре для «Казправды», брала интервью у Рубена Сурeновича, хорошо знаю репертуар театра разных периодов, я сразу погрузилась в текст.

Лейтмотивом повествования в повести «Шаги командора» служит репетиция драмы Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» – ею автор начинает книгу, ею завершает.

– Я была потрясена тем, что он начинает эту книгу со спектакля «Сирано де Бержерак», который ставился в ТЮЗе, – продолжила Любовь Шашкова. – Это был период, когда Андриасян позвал туда Арцишевского. Через текст писателя я увидела мир театральной кухни, мир режиссера Андриасяна и мир завлита Арцишевского. То есть мы, читатели, увидели театр изнутри!

Она подчеркнула, что присвоение Адольфу Арцишевскому звания заслуженного деятеля РК стало закономерным признанием его творческого дарования. К слову, Адольф Арцишевский активно сотрудничает с литературно-художественным журналом «Простор»: на страницах издания публикуются его проза, литературные переводы, рецензии, публицистика.

В продолжение темы ведущая презентации Светлана Ананьева напомнила о вышедшем недавно двухтомном сборнике «Казахстан в моей судьбе», в котором наряду с произведениями казахстанских авторов представлена проза Адольфа Арцишевского.

– Произведения Адольфа Арцишевского служат образцом высокой литературы, это тот материал, на котором могут учиться молодые писатели, все, кому интересно литературное творчество, – подчеркнула Светлана Ананьева.

В свою очередь доктор филологических наук Алма Тусупова поделилась воспоминаниями о творческих встречах с замечательными людьми, которые на малой сцене Лермонтовки проводила одна из героинь документальной повести, журналистка, мастер

публицистического жанра Людмила Енисеева-Варшавская. Часто героем встреч становился Адольф Арцишевский. На этих творческих вечерах он читал свои стихи.

– Во время моей долгой работы в Институте литературы и искусства имени Ауэзова мы постоянно ходили на творческие вечера, которые организовывала Людмила Филипповна. Я приходила вместе со студентами. На этих встречах читал свои стихи Адольф Альфонсович. Это было высокохудожественно – мы слушали как завороженные. Это было настоящее соприкосновение с поэтическим искусством, благодаря его чтению мы стали лучше понимать поэзию. Мы с нетерпением ждали эти вечера. Хочу сказать, что для студентов они были очень полезны – помогли им ощутить великую значимость поэтического жанра, – поделилась Алма Тусупова.

Худрук, режиссер, человек

Похожие воспоминания хранит глава Туркменского общественно-культурного центра г. Алматы Гульнара Аннакулиева. Поздравляя автора с выходом книги, она рассказала, что посещает спектакли Театра Лермонтова с 1975 года и всякий раз после просмотра очередной постановки убеждается, что театр держит марку.

– Театр Лермонтова славится замечательной плеядой актеров. Рубену Андриасяну, который пришел в театр в 1980-х, удалось сохранить традиции прошлого и создать новые, и все это он делал органично, профессионально, талантливо, – подчеркнула Гульнара Аннакулиева. При этом она добавила, что хранит в памяти игру корифеев, в частности театрального долгожителя, Героя Труда Казахстана, народного артиста РК Юрия Померанцева (1923–2022). Одной из последних постановок с участием ветерана сцены, которую посмотрела Гульнара Аннакулиева, стал спектакль по пьесе Джефа Барона «Визиты к мистеру Грину» режиссера Сергея Попова. Этот спектакль был создан в последние годы творческого руководства театром Рубена Андриасяна, и он, как подчеркнула Гульнара Аннакулиева, поддержал режиссера.

Эту мысль подхватил автор книги – Адольф Арцишевский отметил, что, будучи художественным руководителем, Андриасян всегда отличался творческой щедростью и предлагал другим режиссером воплощать выгодный драматургический материал.

– Я его как-то спросил: «Чем ты сам объясняешь, что при тебе приглашенные тобой режиссеры так удачно работают?» Он говорит: «Дело в том, что я отдаю им все самое дорогое. То, что я сам хотел бы поставить, я просто передоверяю другому человеку», – рассказал Адольф Арцишевский. – Я не могу забыть одну постановку – кажется, над ней работал режиссер по фамилии Мажурин. Он поставил пьесу «Жанна» Александра Галина, где главную роль сыграл Померанцев. Он воплотил образ стареющего ловеласа. Представить себе Померанцева в туфлях на каблуках, в пижонском костюме голубовато-синего цвета, с каким-то фантастическим клоком волос на голове… Звездным часом этого спектакля был эпизод, когда герой Померанцева садится ужинать – пировать. Перед ним богато накрытый стол, изысканная закуска, коньячок, он потирает руки, накладывает эту закусочку в тарелку, наливает в рюмочку коньячок и торжественно подносит ее к губам, вдыхает аромат… все, на этом ужин закончен: здоровье героя не позволяет ему всем этим насладиться… Эта находка имела громадный успех у зрителей, – вспоминал Адольф Арцишевский.

Он рассказал, что Рубен Андриасян очень ценил Померанцева, всегда заботился о самочувствии Юрия Борисовича, каждый раз старался дать ему карт-бланш. Такое внимательное отношение было ко всему коллективу. Андриасян был требователен, но эта требовательность сочеталась с вниманием к актерам – как настоящий руководитель Андриасян понимал, насколько важно уважение к актерам, их творческим чаяниям, их находкам.

– Тот же Померанцев всегда приходил на репетицию с большим количеством придумок, ведь он «коллекционировал образы», был очень наблюдательным. При этом он понимал, что, все внимательно выслушав и посмотрев, режиссер возьмет немного – лишь то, что действительно необходимо спектаклю. И в этом творческом процессе они были взаимно благодарны друг другу, потому что именно в такой скрупулезной работе рождается искусство, – рассудил автор книги.

Он подчеркнул, что Рубен Андриасян оставил большое наследие – как режиссер, как театральный педагог. Он мог рассуждать о театре с разных точек зрения, смотреть на сценическое искусство

под разным углом. Своими рассуждениями он вдохновлял людей театром, что было свойством большого мастера.

– Рубен Андриасян руководил одним театром 37 лет подряд – это фантастика, единственный случай такого долголетия на посту худрука в Лермонтовском театре. Руководил он достаточно успешно, работал со студентами, с молодыми актерами, воспитал целую когорту учеников. Они до сих пор продолжают держать его линию, и дай бог им творчески работать по заветам мастера. Но мы понимаем, что сцена – это живой организм, и он должен меняться, таков закон творчества. Рубен это прекрасно понимал и учил этому студентов и молодых актеров. Но при всех изменениях остаются традиции театра, которые служат источником вдохновения для будущих поколений. Именно частью большой истории и сценической традиции Театра Лермонтова стал Рубен Андриасян. «Зерно своей преданности театру он заложил в своих учеников», – сказал Адольф Арцишевский.

Александр Барон, в свою очередь, подчеркнул символичность проведения этой творческой встречи в стенах Республиканской еврейской библиотеки имени Мориса Симашко, действующей при Ассоциации «Мицва»: в одном из библиотечных залов создан именной стеллаж с книгами Арцишевского.

– Очень важно, что книги писателя интересуют молодежь – представители юного поколения читают их, обсуждают вместе с писателем, – отметил Александр Барон. – Это та литература, которая учит честности, порядочности, доброте, потому что написана автором от чистого сердца, от всей души.

Момынкул Б.А.
почетный журналист Казахстана

Он строил будущее, не забывая о прошлом

Люди старшего поколения, особенно те, кто работал в сельскохозяйственной отрасли, хорошо знали выдающегося агрария, Героя Социалистического Труда Александра Львовича Нахмановича. Было время, когда его имя гремело на весь Советский Союз. В 2024 г. ему исполнилось бы 100 лет. Да, его нет с нами, но память о нем жива. Память – это основа созидательности, преемственности…

Познакомиться со знаменитым председателем колхоза «Трудовой пахарь» Александром Львовичем Нахмановичем мне посчастливилось в далеком 1985 г. В августе того года в Джамбульской области меня назначили главным редактором Свердловской районной газеты «Село жаңалығы – Сельская новь». И с того времени, не побоюсь этого слова, мы подружились.

Об Александре Львовиче впервые я рассказал 30 лет назад в очерке «Он дерзал, и дерзил, и с ним считались все», опубликованном в «Знамени труда» в 1994 г. А в 2024 г. этой сильной, целеустремленной и волевой личности исполнилось бы 100 лет. Он принадлежит к тем, кто не считал свою работу подвигом, а просто стремился исполнять обязанности ответственно и честно. Своей порядочностью завоевал глубокое уважение односельчан, служа живым примером истинной человечности. Именно такие люди делают нашу страну живой, развивающейся и чистой. Это те, кто с любовью хранит родное село, для блага которого отдал множество лет своего труда.

В Джамбулскую область семья Нахмановичей переехала в 1935 г. из Алма-Аты, куда правительство переселило их из деревни Пузово Копыльского района Белорусской ССР, что на границе с Польшей.

14-летний паренек Саша Нахманович начал работать в 1938 году учетчиком, затем был табельщиком Джамбулского свеклосовхоза Свердловского (ныне Байзакского) района. В том же году арестовали отца, а за Александром закрепилось постыдное прозвище – сына врага народа. Работы было много, отдых казался роскошью, но, как будто этого было недостаточно, вскоре разразилась война. С июля 1942-го по февраль 1944 г. А. Нахманович защищал Родину в звании старшины 1-го Белорусского фронта, командира полковой разведки.

Демобилизовавшись после третьего ранения, инвалидом второй группы вернулся домой, и с присущим ему рвением принялся за работу. Каждый трудовой день был вкладом в общее благо. Работа его не пугала. До конца войны он заведовал пошивочной артелью кожкомбината при Джамбулском свеклосовхозе. Был старшим бухгалтером, управляющим отделением и руководил проф-

союзом. Его умение легко решать задачи заметили наверху, так он стал председателем колхоза имени XXII съезда КПСС Джамбулского района. Хозяйство окрепло, появились положительные результаты по многим показателям, а спустя семь лет направили его в отстающий по всем показателям колхоз «Трудовой пахарь» Свердловского района. И снова засучив рукава принялся за дело. Как вспоминал сам Александр Львович, главной бедой коллективного хозяйства было повальное воровство. Ведь в то время бытовало понятие, что общее – значит, ничейное. Особенно сильно таскали свеклу.

– Поймал как-то колхозника, перевозившего корень в село Акжар, вызвал объездчика, еще кого-то и заставил провезти вора по всему селу. Представляете картину: едет вор на бричке, запряженной ишаками, а с двух сторон сопровождающие. Так тот вор потом пришел ко мне, «лучше б выпороли, чем такой позор пережить», говорит. На селе общественное порицание служило самым действенным оружием. Вот так, приходилось быть не только хозяйственником, а еще и психологом, - вспоминал Александр Львович.

– В другой раз, – со смехом рассказывал А. Нахманович, – зашел ко мне директор гродиковской школы П. Щелев: «Проблема у меня, две учительницы ссорятся, никакого сладу нет с ними, может, поможете?». Ладно, говорю, приводи. Я в тот день приемник переносной купил, сижу, кручу его в руках, заходят две дамы. Только спросил, почему ссорятся, они набросились друг на друга, оскорбляют. Тут я нажал на какую-то кнопку, приемник как захрипит. Я не растерялся, говорю, вот я записал ваши ругательства, соберите завтра общую школьную линейку. Павел Павлович, – обращаюсь к директору, – я дам детям послушать, как вы ругаться умеете. Учительницы на коленях просили: не нужно линейки, не надо, чтобы дети услышали. И ведь перестали скандалить.

Главное в работе – делать все с душой, создать атмосферу взаимопонимания в коллективе, считал Александр Львович. Именно от этого зависят не только высокие результаты, но и легкость рабочего процесса.

Его запомнили прямолинейным, открытым. Он никогда не старался понравиться руководству, не заискивал. Он также умел быть жестким. Об этом лучше всего знали те, кто с ним трудился.

Вот как вспоминает о нем почетный гражданин области Анатолий Андреевич Шупта, в то время замначальника облсельхозуправления:

– Мы укладывали водопроводные полипропиленовые трубы, но никак их сварить не могли. Нахманович собрал инженеров и рабочих и сказал: «Я не знаю, как их сварить, но знаю, как побудить вас сделать это. Если через два дня не найдется выхода, то кто-то из вас потеряет должность, а кто-то лишится шестого разряда». И на следующий день ведь сварили.

Он обладал смелостью следовать своему пути, не обращая внимания на угрожающее лихо. В те времена это могло привести к суровым последствиям – утрате должности или даже лишению партбилета. А ведь многие действовали по указке сверху. Его особое искусство уборки хлеба превратилось в поучительное наставление для множества людей.

– Хлеб уродился тогда очень низкорослым и уже перезревал, а тут указание убирать раздельным способом, – вспоминал Александр Львович. – Сначала нужно было уложить его в валки, а уже затем обмолачивать. Вопрос стоял очень серьезно. Меня на бюро обкома даже вызвали, грозили строгачом за игнорирование. Тогда первым секретарем обкома партии был Сапаргалиев. «Почему игнорируете раздельную уборку?», – спрашивает. «Ничего мы не игнорируем», – отвечаю. «Сколько хлеба уберете раздельно?» «Восемьдесят пять процентов». А надо сказать, что к тому времени мы уже половину посевов обмолотили, хотя с нас требовали 65 процентов раздельной уборки. А на следующий день к нам приезжает председатель облисполкома Асанбай Аскаров. На поле десять комбайнов без валков работают.

– Как убираешь хлеб?

– Раздельно.

– Как убираешь хлеб, нахал?

– Солому отдельно, зерно отдельно.

Он махнул рукой и, направляясь к машине, спросил:

– Что нужно, чтобы собрать урожай без потерь?

– Нужно, чтобы вы немедленно отсюда уехали, – был мой дерзкий ответ. Он уехал, а я остался ждать последствий. Через час

подъезжает машина – Кадыров, председатель колхоза имени Амангельды. Его А. Аскаров направил ко мне, езжай, поучись у Нахмановича. Много председателей здесь тогда побывало.

Прямолинейность, непоколебимость и беспристрастность Александра Львовича порой внушали немалый страх, но кому-то помогали принять правильное решение.

Один из таких случаев произошел в то время, когда в опалу попал Динмухамед Ахмедович Кунаев.

– В центральной прессе вышла статья Собчака о «кунаевщине» и «рашидовщине», и так она меня задела. А на следующий день на каком-то совещании колхозников с трибуны говорю:

– Написал там какой-то сопляк..., а из зала меня поправляют:

– Собчак, Собчак.

– Вот я и говорю сопляк.

Тут зал встал и захлопал, всех потрясло такое отношение к руководству страны, а сказать боязно. Смотрю, и в президиуме все встали, я к ним обращаюсь:

– Ну, а вы что? Вы же только что наоборот говорили.

В зале опять хохот.

Так вот после этого выступления Николай Ильич Головацкий, ни разу не посетивший Кунаева после его снятия с работы (хотя они близкими друзьями были), пошел к нему домой.

– А ты смелый человек, не побоялся прийти ко мне, – сказал Динмухамед Ахмедович.

– Не я смелый. Нахманович выступил, и совесть меня заела. На что Кунаев ответил: «Передай ему мою признательность».

Курьезная ситуация случилась как-то раз при очередном посещении колхоза гостями. Я в молодости Горьким увлекался, есть у него рассказ про Савву Морозова. В Нижнем Новгороде проходил съезд промышленников, на котором Менделеев рассказал о связи науки с производством и что, мол, сам царь Александр за науку. Тогда Савва вскочил и крикнул: «Если царь за науку, то это не наука, а ерунда».

Так вот, к нам приехал инспектор ЦК КПСС Эйнзамецян в сопровождении секретаря крайкома и председателя облисполкома. Едем в поле, и тут инспектор поворачивается и говорит:

– Скоро намечается Пленум ЦК КПСС.

– А кто с докладом выступит? - спросил я.

– Никита Сергеевич.

И тут я вспомнил Савву Морозова и говорю:

– А Савва Морозов сказал, если царь за науку, то это не наука, а ерунда.

В машине тихо стало, только секретарь крайкома и председатель облисполкома кулаками в бока мне тычут. Когда вышли из машины, инспектор устроил мне выволочку и предложил: вы этого, молодой человек, не говорили, а мы не слышали.

Александр Львович изменил в отдельно взятом колхозе отношение к труду. Сельчане научились глубоко ценить труд, за который можно получать достойную зарплату. Он умел вдохновить своих сотрудников, показать им важность их работы во благо общей цели. Люди чувствовали себя частью чего-то большого, и это придавало им сил трудиться с полной самоотдачей. При нем появились Дом культуры, торговый центр, профилакторий, быткомбинат, благоустроенные дома, проведен водопровод, село росло и хорошело. Но для всего этого была необходима огненная энергия, безумный энтузиазм и преданность делу. Будучи превосходным организатором производства, он был предан идее совместного решения проблем и всегда привлекал к этому процессу специалистов, членов правления и активистов. Даже в тех случаях, когда решение вопроса было для него очевидно и он имел четкое представление о том, как поступить, председатель непременно собирал людей. Александр Львович не просто управлял, он создавал пространство для диалога. Его подход вдохновлял на развитие инициативы и формировал чувство ответственности за порученное дело.

А. Нахманович с искренним почтением относился к опытным колхозникам. Он всегда воспринимал беседы с ними как ценное обогащение. Их рекомендации и идеи тщательно анализировались, многие из них воплощались в жизнь. Он выступал не только в роли руководителя, но и постоянно учился сам, усваивая уроки опыта.

Велико было его стремление к новаторству, он неустанно искал новые пути и методы для дальнейшего роста производительности труда, повышения урожайности и снижения себестоимости

сахарной свеклы. Возглавляемый им коллектив колхоза «Трудовой пахарь» добился исключительных успехов, став высокорентабельным производством. В его работе не было места случайности: каждый шаг был продуман, каждый выбор взвешен. Словно искусный архитектор, знал, как из хаоса собрать гармонию, а из проблем создать возможности.

За свой доблестный и самоотверженный труд А. Нахманович удостоился множества наград, в том числе звания Героя Социалистического Труда, он является кавалером орденов Ленина, Октябрьской Революции, Дружбы народов, Отечественной войны и множества медалей, в том числе боевых. Избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР нескольких созывов, делегатом двух съездов КПСС и нескольких Всесоюзных съездов колхозников.

Мне вспоминается вот такой случай. На одной из встреч Александр Львович стал расспрашивать меня, как живется в новом районе, кто родители. Отвечая на его вопросы, вскользь упомянул, что скоро должна состояться свадьба моего младшего брата. За два-три дня до этого торжества Александр Львович звонит мне по телефону и говорит: «Завтра заедь ко мне». Ничего не подозревая, приезжаю к нему в правление. Он вызвал какого-то специалиста и сказал: «Сделаешь, как я вчера тебе наказывал». А мне говорит: «Иди с ним». Оказалось, Александр Львович приготовил все овощи и фрукты на свадебный стол. Я к нему: «Сколько заплатить?». А он отвечает: «Это подарок от трудпахарцев. Да стой ты, не спеши, заедь еще к Рубальскому, он тебе курочек подкинет». Оказалось, что Александр Львович позвонил директору Джамбулской птицефабрики Николаю Рубальскому, чтобы и он оказал помощь.

В последние годы жизни Александр Львович сильно болел. Отказывали почки. В неделю раза два приезжал в Тараз на гемодиализ. Видать, процедура была болезненной. Он выходил из больницы бледный. «Не дай бог никому этого испытать», – сказал он на мой немой вопрос.

Жизнь Александра Львовича Нахмановича – это величественная ода несгибаемому упорству и безмерной верности родной земле, яркий образец для будущих поколений, призывающий вернуться к основам, к своим корням. Это путь, вымощенный любовью и

заботой о своем крае. Он напоминает нам, что истинная сила заключена в понимании и уважении к тому, откуда мы вышли. Каждое его действие, каждое решение – это искренний жест, направленный на то, чтобы продолжить строительство будущего, не забывая о прошлом. Он стал символом стойкости, вдохновляя молодое поколение на поиски своих истоков, на осознание важности традиций и значимости мест, которые формируют нашу сущность. Это путешествие вглубь себя и своей истории, где каждое сердце бьется в ритме земли, уверенно шаг за шагом прокладывая путь к жизни, насыщенной заботой, теплом и глубокой привязанностью к родным просторам. Его жизнь служит маяком надежды в мире перемен, подталкивая всех нас к ответственной любви к своим корням и стремлению к светлому будущему.

Перфильева Н.Н.

Трудовой пахарь

В декабре 2024 г. в селе Туймекент Байзакского района Жамбылской области широко отметили 100-летие со дня рождения Александра Нахмановича. Ветеран Великой Отечественной войны, Герой Социалистического Труда Нахманович был одним из организаторов современного сельского хозяйства в Южном Казахстане, возглавлял известный на весь Советский Союз колхоз-миллионер «Трудовой пахарь».

В памятном мероприятии принимали участие советник Президента РК Малик Отарбаев, аким Жамбылской области Ербол Карашукеев, дочь Александра Львовича, Галина, а также представители общественности и жители села.

Встреча, посвященная памяти Александра Нахмановича, состоялась и в еврейской общине Тараза.

Собравшиеся говорили о вкладе Александра Львовича и других представителей общины в развитие региона. Также живыми воспоминаниями о знаменитом земляке поделился на страницах областной газеты «Знамя труда» ветеран журналистики, бывший редактор газеты Бекет Момынкул:

«Об Александре Львовиче впервые я рассказал 30 лет назад в очерке «Он дерзал и дерзил, и с ним считались все». А в этом году

этой сильной, целеустремленной и волевой личности исполнилось бы 100 лет. Он принадлежал к тем, кто не считал свою работу подвигом, а просто стремился исполнять обязанности ответственно и честно. Своей порядочностью завоевал глубокое уважение односельчан, служа живым примером истинной человечности. Именно такие люди делают нашу страну живой, развивающейся и чистой.

Прямолинейность, непоколебимость и беспристрастность Александра Львовича порой внушали немалый страх, но кому-то помогали принять правильное решение», – поделился Бекет Момынкул.

Об одном из случаев, где проявилась принципиальность Нахмановича, автору ранее рассказывал сам герой очерка: тот случай произошел в то время, когда Динмухамед Ахмедович Кунаев попал в опалу.

«В центральной прессе вышла статья Собчака о «кунаевщине» и «рашидовщине», и так она меня задела... А на следующий день на каком-то совещании колхозников с трибуны говорю:

– Написал там какой-то сопляк...

А из зала меня поправляют: «Собчак, Собчак».

– Вот я и говорю – сопляк…

Тут зал встал и захлопал, всех потрясло такое отношение к руководству страны, а сказать – боязно. Смотрю, и в президиуме все встали, я к ним обращаюсь:

– Ну а вы что? Вы же только что наоборот говорили…

В зале опять разразился хохот.

Так вот после этого выступления Николай Никитич Головацкий (дважды Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «40 лет Октября» Панфиловского района Алма-Атинской области. – *Ред.*), ни разу не посетивший Кунаева после его снятия с работы (хотя они близкими друзьями были), пошел к нему домой.

«А ты смелый человек, не побоялся прийти ко мне», – сказал Динмухамед Ахмедович.

«Не я смелый. Нахманович выступил, и совесть меня заела».

На что Кунаев ответил: «Передай ему мою признательность».

Таким принципиальным был председатель».

И вот настал день юбилея. В Туймекентском сельском Доме культуры состоялась конференции «Еңбегі еленген тау тұлға» и

выставка с содержательными экспонатами, видеороликом, где современники рассказывали о новаторском опыте управления Александра Львовича, его заслугах, о том, как работалось с ним плечом к плечу.

Малик Отарбаев отметил, что жизнь Героя Социалистического Труда, ветерана Великой Отечественной войны, доктора экономических наук Александра Нахмановича является примером для всех нас, и передал теплые слова приветствия депутатов Сената Парламента РК Бекболата Орынбекова и Сакена Арубаева.

– В народе говорят, что Родину славят герои. Александр Львович внес значительный вклад в развитие региона, в том числе Байзакского района. Честным трудом завоевал уважение окружающих. Он изменил в отдельно взятом колхозе отношение к труду. Ветеран войны, выдающийся аграрий за год сумел превратить колхоз «Трудовой пахарь» в один из лучших. Внес большой вклад в строительство объектов культуры и образования. Он пример того, как надо неуклонно достигать поставленных целей и с запредельной отдачей трудиться на благо народа, – отметил аким области Ербол Карашукеев.

Своими воспоминаниями поделились ветеран госслужбы Анатолий Шупта, бывший руководитель областного управления сельского хозяйства Амангельды Карентаев, доктор экономических наук, профессор Мурат Алиев, сын общественного деятеля Хасана Бектурганова Тастемир Хасанулы, председатель областного совета биев, почетный гражданин Байзакского района Онласын Есиркепов, житель села Туймекент Александр Приходин. Они отмечали, как много он сделал для простых тружеников.

Галина Нахманович поблагодарила организаторов, отметив, что наш общий долг – увековечивать и хранить память о выдающихся личностях, таких как ее отец.

Впечатлениями о памятном мероприятии поделилась председатель еврейского культурного центра «Шиват Цион» Ирина Акулова. Она почеркнула, что вся программа была прекрасно организована.

– Сначала почтили память героев района: возложили цветы к мемориалу ветеранам Великой Отечественной войны и бюсту Халық қаһарманы Газиза Байтасова, погибшего от рук террористов.

Затем состоялись церемония открытия мемориальной доски в память об Александре Нахмановиче и конференция, посвященная 100-летию со дня рождения нашего знаменитого земляка. Очень тронули живые воспоминания об Александре Нахмановиче – люди хранят память, и это замечательно.

Перфильева Н.Н.

Их добрый след

Ко Дню Независимости в декабре 2024 г. в клубе по изучению истории говорилось о вкладе представителей еврейской общины Жамбылской области в дело развития Казахстана и становления Независимости.

Об историческом пути Казахстана в разные периоды, процессах становления Независимости рассказал руководитель клуба по изучению истории, культуры и традиций «Авраам» еврейской общины Тараза Евгений Белоголовых.

Он подчеркнул, что евреи в числе других этносов активно участвовали в процессах развития Казахстана в разные исторические эпохи. К слову, в регионе они появились еще во времена глубокой древности и с караванами Великого шелкового пути разносили по разным странам информацию о Степи как о перекрестке культур, месте веротерпимости и радушия к путникам.

– Небольшие колонии и диаспоры персидских и бухарских евреев жили еще в древнем Таразе и Отраре. Возможно, связано это с торговлей на Великом шелковом пути. А с конца позапрошлого века началась новая история евреев в Казахстане. Первыми поселенцами были так называемые николаевские солдаты и их потомки, которые остались жить в городе Верном (Алматы) после того, как крепости был придан статус города в 1867 году.

К началу 1900-х годов в уезде и в городе проживало 177 евреев. Причем оседали на юге только те, кто имел право жительства за пределами черты оседлости. Это были евреи, принявшие православие, образованные люди самых разных профессий – врачи, фармацевты, владельцы промышленных и ремесленных предприятий, купцы первой гильдии и т. д.

История Алматы сохранила несколько имен евреев, поселившихся здесь до революции и внесших вклад в развитие города.

Например, купец Гирш Гамбург построил завод по производству безалкогольных напитков, купец Аарон Сморгунер был самым известным юристом Верного, земский врач Лейба Фидлер лечил почти весь город – о нем Мухтар Ауэзов упоминает в романе «Путь Абая».

В 1930-е годы в Казахстан приезжала молодежь на стройки пятилеток, ссыльная интеллигенция. Приехал в служебную командировку, да так и остался в Казахстане навсегда Евгений Брусиловский, ставший впоследствии классиком казахской музыки, написавшим первую казахскую оперу «Кыз Жибек» и десятки других симфонических произведений.

В 1940-е в Казахстан прибыли эвакуированные с оккупированных немцами во время войны территорий, медики и раненые с госпиталями, а также интеллигенция – ученые, деятели культуры, режиссеры, операторы, музыканты, художники. Был сослан в Алма-Ату известный скульптор Исаак Иткинд, проживший здесь до конца своих дней. Наталия Сац основала в Алма-Ате театр юного зрителя. Жил и работал в этом городе и знаменитый писатель Самуил Маршак.

В следующие два десятилетия рост еврейского населения во многом связан с освоением целинных и залежных земель, развитием промышленности, науки и культуры. Так, Л. Лямин был управляющим трестом «Целинтрансстрой», Л. Гольдберг, И. Пимштейн, С. Франк руководили первыми целинными совхозами, Н. Гендельман – один из создателей первого вуза в Акмолинске (Астане). В эти годы численность еврейского населения в Казахстане составляла около 30 тысяч человек.

Большое развитие в эти годы получила и Жамбылская область, которая в 2024 году отметила важную дату – 85-летие со дня образования. Руководитель клуба обратил внимание на огромный вклад казахстанцев еврейского происхождения в развитие самых разных отраслей экономики региона: сельского хозяйства, промышленности, железнодорожного транспорта, потребкооперации, здравоохранения, образования, культуры, спорта.

– Их достижения, – отметил он, – представлены на специальном стенде, а память о них жива и передается из поколения в поколение.

Александр Нахманович – председатель колхоза-миллионера «Трудовой пахарь». Трижды депутат Верховного Совета КазССР. Он первым стал сеять рапс и сафлор, впервые в стране ввел бригадно-групповую организацию труда, к нему приезжали перенимать опыт ученые и аграрии из разных городов Союза. Построил санаторий «Мерке», владел казахским языком. Ветеран Великой Отечественной войны, за фронтовые и трудовые заслуги он был награжден высокими наградами. Среди них ордена Ленина и Октябрьской революции, Дружбы народов, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени.

Александр Крейчман – руководитель строительства крупнейших производств, социальных и культурных объектов. В их числе титано-магниевый и свинцово-цинковый комбинаты в Усть-Каменогорске. В Джамбуле он руководил строительством таких гигантов химической промышленности, как «Химпром», Ново-Джамбулский фосфорный завод, фабрика окатышей в Каратау. Герой Социалистического Труда Александр Крейчман был награжден орденом Боевого Красного Знамени, медалями за взятие Варшавы, Берлина, удостоен высшей награды – ордена Ленина.

Аврам Бару – начальник Чуйского отделения железной дороги. Участник Великой Отечественной войны, дошел до Берлина. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны второй степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», знаком «Отличный разведчик». Свой трудовой путь начал с бригадира локомотивного депо города Чу, затем работал мастером, заместителем, начальником депо, начальником Чуйского отделения железной дороги. Аврам Бару разрабатывал и внедрял новые технологии, например технологию подъемочного ремонта тепловозов, не применяемую в то время в СССР. Опыт был распространен во всех депо железных дорог СССР. Депо представлено на ВДНХ в Москве, а Бару вручена золотая медаль ВДНХ. Позже – орден Трудового Красного Знамени.

Израиль Черкис – председатель правления Меркенского райпотребсоюза, заслуженный работник торговли КазССР. Его имя занесено в Золотую книгу почета Казахской ССР. От правления

Центрсоюза г. Москвы был премирован автомашиной «Волга», награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, 12 медалями. Построил в райцентре универмаг «Мерке», «Детский мир», ресторан «Казахстан», торговую базу, пивзавод, пищепромкомбинат, хлебозавод, автобазу, райзаготконтору, кооптрг, строительную и другие организации. Район был утвержден как экспортер по поставке за рубеж зерна, фруктов, муки, меда, шерсти, кожи и другой сельхозпродукции. В обмен на это в Мерке поступали товары из всех стран Содружества, а также из Бельгии, ФРГ, Финляндии, Японии, Турции, арабских государств. Его опыт распространяли по всему СССР.

Лев Абрамович – один из организаторов системы здравоохранения региона, окончил Киргизский государственный медицинский институт. В Джамбуле ему доверили организацию поликлиники в поселке сахзавода, где он стал главврачом. Лев Абрамович организовывал анестезиологическую службу в областной больнице, прошел путь до заведующего отделением анестезиолого-реанимаци-онного отделения. Делился своим богатым опытом с городскими и сельскими врачами. Он анестезиолог высшей категории. На его счету тысячи спасенных жизней, десятки обученных им грамотных специалистов.

Израиль Циммерман – педагог, педагог-методист. Работал учителем, завучем, позже директором школ им. Пушкина, им. Кирова, заведующим кабинетом в институте усовершенствования учителей, директором школы им. Свердлова. Воспитывал в учениках мужество и стойкость, любовь к труду, патриотизм. Среди его выпускников много педагогов детских дошкольных учреждений, школ, колледжей, есть директора школ.

Участник Великой Отечественной войны, защищал Ленинград, был ранен, пережил блокаду. Фронтовик был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За победу в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд», знаком «Отличник народного образования».

Григорий Киршнер – музыкант, музыкальный организатор и педагог. Он окончил Варшавский музыкальный институт. С семьей уехал из Польши в Украину, на Кавказ, был депортирован

в Джамбул. Работал музыкантом оркестра и заведующим музыкальной частью областного Казахского драматического театра. Был преподавателем, завучем в музыкальной школе им. Глинки, основателем и директором музыкальной школы им. Нурпеисовой. Активно пропагандировал классическую, светскую и духовную, народную и эстрадную, европейскую и казахскую музыку. Воспитал плеяду музыкантов-профессионалов, внес неоценимый вклад в развитие музыкальной культуры области.

Евсей Уршанский – военный летчик, преподаватель летного дела, спортивный организатор, тренер. Ветеран войны, он был награжден орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями, удостоен почетных званий «Отличник физической культуры и спорта СССР», «Отличник народного образования Казахской ССР». В 1940 году Евсей Уршанский поступил в Чугуевское военное училище. В июне 1941 г. попал на фронт, получил контузию, был эвакуирован в Джамбул в качестве летчика-инструктора, где на аэродроме возле села Айша биби готовил пилотов для фронта. Создал футбольные команды «Локомотив» и «Динамо», работал тренером, председателем спорткомитета города Джамбула. При его содействии открыт спортзал «Локомотив», построен стадион «Динамо» в Джамбуле.

Говоря о роли евреев в развитии экономики и социальной сферы, Евгений Белоголовых назвал десятки фамилий тех, кто внес значительный вклад и в развитие независимого Казахстана, региональной Ассамблеи народа Казахстана, пропаганду культуры и духовных ценностей еврейского народа. В их числе первый председатель еврейского культурного центра «Шиват Цион» Людмила Корнилина, ветеран общины Бронислава Шевченко, ныне ушедшие из жизни член совета старейшин АНК области Михаил Бунин, музыковед Людмила Киршнер, заведующая детскими садами Лилия Гольденфанг.

Корешкова Т.С.
музейный работник Павлодарской области

Учитель – Просветитель

Именно таким запомнился павлодарцам Шафер Наум Григорьевич.

Многие годы он преподавал в павлодарском педагогическом институте (университете). По ряду обстоятельств, вёл уроки и в школе рабочей молодёжи. А, когда на базе его уникальной коллекции грампластинок, открылся музей, то практически все мы слушатели его литературно-музыкальных вечеров получали уроки бережного служения литературе, музыке, и, самое главное, предметам его коллекции – патефонным пластинкам.

Магические моменты, когда Наум Григорьевич крутил ручку патефона, бережно ставил пластинку, иголочку и начинала звучать музыка, зал замирал и все наслаждались музыкой из прошлого. Эти моменты на долго остались в нашей памяти.

Доброй традицией стало в нашем музее после прослушивания редких записей уникальных пластинок аплодировать авторам произведений и самому коллекционеру, подарившему нам эти прекрасные мгновения.

Каждое прослушивание в концертном зале музея сопровождалось подробнейшими комментариями Наума Григорьевича.

Всем присутствующим в зале всё становилось понятно. И не смотря на возраст слушателей, они начинали приобщаться к классике!

Он научил нас правильно слушать музыку, грамотно анализировать материал по тому или иному произведению. Очень многие слушатели даже конспектировали лекции-выступления Наума Григорьевича.

Его уникальная коллекция – бесценный дар городу!

Чётко продуманная классификация пластинок, пятьсот тысяч каталожных карточек, составленных им по произведениям, композиторам, исполнителям – это ТРУД всей его жизни!

Каждая пластинка – это целая история с момента приобретения, воспоминания встреч с авторами и исполнителями. Это уникальные автографы на конвертах пластинок!

Отдельного внимания заслуживает и уникальная частная библиотека Шафера, сохранившая свою первозданность, несмотря на «ревизии» времени. Её он собирал всю жизнь!

Журналы, которые он собирал от самого первого номера до последнего. По ним можно проследить и изучить публикации начинающих и уже известных авторов.

В его библиотеке представлены и художественная, и техническая литература, энциклопедические издания, настольные тематические календари десятков лет.

Он даже сохранил в перестроечный период региональные газеты-журналы, которые быстро прекратили своё существование.

Как трепетно он хранил учебники, по которым обучался в 31 посёлке Акмолинской области в годы Великой Отечественной войны, куда их депортировали из Бессарабии в июне 1941 г.

На страницах учебников заметки сурового времени: когда учитель заходил в класс и говорил ученикам открыть учебник на такой-то странице, найти такую-то фамилию, это враг народа и нужно вычеркнуть эту фамилию, и мальчишки и девчонки «решительно» выполняли задание своего учителя, практически до дыр… И вот такие свидетельства истории он тоже сохранил.

Подшивка журналов «Крокодил» 1942-1945 годов тоже свидетели того сурового времени, по которым мы можем проиллюстрировать как школьные тетради, где школьник Нами делал свои домашние задания, писал между строк. И, действительно, нас всегда удивляло, как это ему удалось сохранить?

В архиве многих библиотек и музеев города можно встретить книги Наума Григорьевича Шафера с дарственными надписями.

В Павлодарской областной научной библиотеке имени Торайгырова в разделе редких книг представлены раритетные книги из личного фонда коллекционера, которые были дороги ему памятью о своём студенчестве, о встречах с теми людьми, которые сыграли определённую роль в его судьбе.

Автографы великих рассказывают нам больше, чем их портреты. В гостевой книге музея Павла Васильева и авторских книгах представлены автографы Почётного гражданина Павлодарской области, ведущего музыковеда, литературоведа, кандидата

филологических наук, профессора, создателя и хранителя уникальной коллекции грампластинок Шафера Наума Григорьевича.

В конце 1953 г. студент филфака Казахского государственного университета Наум Шафер, работая в читальном зале библиотеки Алма-Аты, перелистывая журналы «Новый мир» 30-х годов прошлого столетия, наткнулся на стихи неизвестного поэта Павла Васильева.

В то время был популярен поэт Сергей Васильев.

Наум отметил для себя изящество поэзии Павла Васильева и предложил своему студенческому другу Сергею Музалевскому обратить внимание на эти стихи.

Сергей, с присущим ему восторгом, воскликнул: «Ух, ты!!!».

Потом наступила «оттепель», реабилитация репрессированных поэтов, писателей. Стала открываться завеса и над именем Павла Васильева.

Сергей Музалевский, по окончании университета, работал корреспондентом в павлодарской областной газете «Звезда Прииртышья», а Наум Шафер со своей женой Наташей Капустиной поехали учительствовать в далёкое село Восточно-Казахстанской области.

Через годы судьбы Сергея Музалевского и Наума Шафера пересеклись в Павлодаре. Это был 1968 год. Наум Григорьевич был приглашён на работу в Павлодарский педагогический институт. Учил студентов по-новому смотреть на творчество классиков литературы, прививал чувство любви к прекрасному.

А Сергей Музалевский к этому времени уже организовал в Павлодаре литературное объединение имени Павла Васильева.

С 1969 г. Наум Григорьевич по приглашению Сергея Алексеевича Музалевского становится внештатным корреспондентом газеты «Звезда Прииртышья». Его статьи публикуются под различными псевдонимами.

Спустя время Наум Григорьевич в повести о Сергее Музалевском «История моих псевдонимов» раскрывает свои псевдонимы под статьями, опубликованными в газете в период 1969-1978 годы.

Это были рецензии на концерты скрипача Валерия Климова, пианиста Александра Бахчиева, на новые театральные спектакли,

на новые художественные фильмы «Крах» по книге В. Ардаматского «Возмездие» и по фильму «Сибирячка». Все они выходили под разными псевдонимами: Н. Гитин, В.Жуковская, С. Маринин, К. Батюшкова, Н. Петрова.

Следует заметить, что в это же время статьи Наума Шафера в московских изданиях публиковались под его именем.

И лишь 11 марта 1970 г. на страницах газеты «Звезда Прииртышья» была опубликована его статья под собственным именем.

Наум Григорьевич благодарен судьбе, подарившей ему знакомство с Сергеем Музалевским.

В 1971 году Наум Григорьевич был репрессирован за преждевременное проявление интереса к тем запрещённым литературным произведениям, которые ныне входят в школьные и университетские программы. В их квартире был произведён обыск. Искали «заведомо ложные произведения о советском строе». Таковыми были признаны песни Галича и Высоцкого, рассказ Солженицына.

В ноябре 1971 г. Наума Григорьевича осудили по статье 170-1 Уголовного кодекса Казахской ССР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих общественный строй СССР).

Многие в то время отвернулись от Наума Григорьевича. А Сергей Алексеевич Музалевский писал ему письма, поддерживал его морально.

Сегодня ряд этих писем хранятся в государственном архиве Павлодарской области в фонде С. Музалевского и в домашнем архиве Наума Григорьевича Шафера.

«А Сергей Алексеевич во всех письмах давал тщательную информацию о новостях литературы, искусства и бытовой жизни Павлодара…В конверт часто вкладывал газетные вырезки, в том числе со своими собственными статьями…Он спасал меня от изолированности и, самое главное, стремился сохранить поэтический настрой души, сознавая, что при потухшем сердце человек начинает деградировать. Даже в самом стиле подчас проявлялась его душевная нежность», – вспоминает Наум Григорьевич.

Вот некоторые строчки из письма Музалевского Шаферу: «Пиши, Наумушка, когда есть время. Будь здоров, не падай духом».

Так заканчивалось письмо, написанное в конце ноября 1972 г. А через три месяца Наума Григорьевича освободили, он вернулся в Павлодар. И первым его встретил Сергей Музалевский.

«Мы обнялись, он беспрерывно хлопал меня по плечу, тряс, осматривал со всех сторон…», - говорит Наум Григорьевич.

До последней минуты Наум Григорьевич поддерживал дух своего друга Сергея Музалевского.

Наум Григорьевич всегда интересовался не только классической литературой, но и современной, следил за публикациями павлодарских авторов-членов литературного объединения имени Павла Васильева. Многие их авторские поэтические сборники выходили со вступительным словом Наума Шафера.

Наум Григорьевич принимал участие во многих их поэтических вечерах. После творческого вечера поэта Татьяны Окольничьей в гостевой книге музея Наум Григорьевич оставил автограф: «Очень хотелось бы, чтобы домик Павла Васильева выпестовал поэтов, достойных его имени. Сегодняшний вечер Татьяны Окольничьей подаёт нам всем великую надежду» 3 февраля 1995 г.

В 2017 г. Наум Шафер подготовил книгу «Доверчивые тетради». Этюды о поэзии Ольги Григорьевой. Это – первое литературоведческое издание по творчеству павлодарского поэта. «Это цикл этюдов, представляющих собой раздумья о своеобразности художественного мастерства поэта, благодаря которому Григорьева заняла прочное место в русской поэзии, поэзии Казахстана, но и за его пределами».

На протяжении многих лет Наум Григорьевич сотрудничал с Домом-музеем Павла Васильева. В книжном фонде музея представлены его авторские книги с дарственными надписями: « «Дому-музею Павла Васильева с пожеланиями процветания и большого творчества» 16 января 2001 г.; «Дому-музею Павла Васильева с чувством восхищения подвижнической деятельностью его сотрудников» 12 декабря 2007 г.; «Дому-музею Павла Васильева с пожеланиями процветания и замечательных успехов в пропаганде русской изящной словесности» 19 марта 2004 г.

А в 2019 г. Наум Григорьевич Шафер передал в дар музею из своего личного архива акварельные работы художника Марка

Порунина. Он всегда щедро одаривает библиотеки, музеи города, страны своими уникальными изданиями. Он всегда работал на стыке литературоведения и музыковедения.

Мы дорожим книгами, переданными Наумом Григорьевичем в дар музею: «Оперные либретто» Михаила Булгаков; «Если вам нужны мои письма» Исаака Дунаевского; «Дунаевский сегодня» Н. Шафера; «Дворняги мои друзья» Н. Шафера; «Музыка. Песня. Грампластинка»; «День Брусиловского» Н. Шафера.

«Я пишу о русской поэзии, русской музыке… Меня как человека сформировала русская литература, русская музыка, русский фольклор… Я познал нужду, и деревенский быт, освоил крестьянский труд и отсюда у меня такое тяготение к русскому фольклору и русской поэзии…» (из интервью Наума Григорьевича различным печатным изданиям в разные годы).

Многим Н.Г. Шафер известен как ведущий исследователь творчества композитора Исаака Осиповича Дунаевского, как верный ученик своего учителя композитора Евгения Григорьевича Брусиловского.

«Брусиловский воспитывал меня не только музыкально, но и литературно. Он был «вторым филфаком».

В 2017 г. Наум Григорьевич выпустил мемуарный роман «День Брусиловского».

«Я выполнил свой долг. Все события описываются на фоне нашей личной жизни… «День Брусиловского» – это высшая форма моего бытия…».

А его книги по эпистолярному творчеству любимого композитора Исаака Дунаевского – это настоящие уроки по морально-этическому воспитанию молодёжи.

Автографы Наума Григорьевича Шафера и дарственные надписи на авторских книгах – это история не только человека, но и страны.

«Когда приходишь в домик Павла Васильева, возникает ощущение его незримого присутствия. Поэт живёт в памяти читателей не только потому, что он писал гениальные стихи, но и потому, что в самые смутные времена всегда есть люди, которые не отказываются от своих национальных корней и остаются верными тем

нравственным идеалам, которые провозглашала русская поэзия» Наум Шафер, 31 мая 2003 г.

Эпистолярное творчество – удивительная вещь: уметь кратко и ёмко выразить свои мысли, которые спустя время хочется читать и перечитывать.

Письмо, как походка – индивидуальный навык, способный придать телесную форму бесплотной мысли.

И пусть для нас для всех жизненным уроком будут слова Наума Григорьевича: «Убеждён, что человек всегда будет счастлив и успешен, если из любой неблагоприятной ситуации он сумеет извлечь нечто выгодное для себя».

Благодаря Науму Григорьевичу, в событийный ряд мероприятий Дома-музея Шафера вошли вечера 30 января памяти композитора Исаака Осиповича Дунаевского – день рождения его кумира и дата открытия концертного зала музея. А 25 января проходили вечера, посвящённые творчеству Владимира Высоцкого, которого он глубоко изучал и защищал его и как композитора, и как поэта.

Наум Григорьевич был главным консультантом и по творчеству Дунаевского, и по творчеству Высоцкого, был ведущим «дунаевсковедом» и «высоцковедом».

До последнего принимал участие в создании фильмов по творчеству Исаака Осиповича. В 2007 г. Дом-музей Шафера выпустил альбом «25 июля», посвящённый памяти Дунаевского и Высоцкого. Так сложились даты, в один день 25 июля с разницей в 25 лет перестали биться сердца Дунаевского и Высоцкого. И с этого года в музее стали проходить вечера их памяти. До 2022 г. Наум Григорьевич проводил вечера, комментировал их произведения, просвещал нас о неизвестных фактах их творчества. Это всегда были новые открытия, яркие эмоции. На эти вечера приходили не только павлодарцы, но и гости из других городов Казахстана и России, и из других стран.

Эстафету таких вечеров памяти подхватили и «дунаевсковеды» и «высоцковеды» Канады, США, России, Польши. Уникальная разнообразная коллекция грамзаписей Наума Григорьевича Шафера давала нам возможность вместе с музыковедом формировать полноценные, содержательные, тематические музыкальные

музейные проекты в цифровом формате. За 11 лет было подготовлено и презентовано более 50 сборников.

Один из проектов альбом «Мой старый патефон» был представлен в 2012 году на международном форуме встреч президентов Казахстана и России.

На протяжении многих лет в концертном зале Дома-музея Шафера каждую пятницу проходили литературно-музыкальные вечера из цикла «Звучащая летопись истории».

Это было, по истине, народная любовь к коллекции Наума Григорьевича.

Были свои традиции и здесь. При закрытии сезона встреч проводились концерты по заявкам, к которым Наум Григорьевич готовился очень серьёзно, стремился выполнить каждую просьбу наших слушателей.

Многие годы Наум Григорьевич работал над повестью «День Брусиловского», познакомил нас с историями его встреч с известным композитором Евгением Григорьевичем Брусиловским в студенческие годы.

Когда книга «День Брусиловского» была издана в нашем городе, это был настоящий триумф нашего музея, каждая глава книги раскрывала много интересного и из творческой биографии самого Наума Григорьевича. И как он сам говорил, что и был итог его творчества.

Книга заслуживает особого внимания, она раскрывает и историю Алма-Аты, годы студенчества Наума Григорьевича и рассказывает о тех уроках, которые он получал от великого композитора. Современный читатель может почерпнуть много интересного и для себя.

Как в музыке, так в людях Наум Григорьевич ценил искренность. Одинаково душевно выступал как перед взрослыми, так и перед детьми. Частыми гостями были у нас и воспитанники детских садов.

В сборнике «Отворите мне темницу» Наум Григорьевич показал антологию тюремной песни за сто лет, вызвал большой интерес как среди литературоведов, так и среди музыковедов. Когда мы представляли этот сборник в одном из спецучреждений нашего

города, Наум Григорьевич очень профессионально рассказывал истории создания произведений, после слушатели задавали много вопросов, делились своими произведениями, Он выслушивал каждого.

Наум Григорьевич дал нам урок, что каждое произведение обязательно должно быть представлено к прослушиванию, после представления автора музыки и слов, исполнителей.

И вот однажды, когда мы ехали из Астаны в Павлодар поездом, после представления музея в Национальном музее, купив небольшой песенник в газетном киоске, где все песни были названы без указания композитора и поэта, а лишь из чьего они репертуара, Наум Григорьевич был возмущён. И буквально за короткое время все песни были прописаны авторами слов и музыки, а некоторые даже и датой написания.

Как-то после юбилейных торжеств в честь 80-летия Наума Григорьевича в музей с визитом прибыл аким области Сагинтаев Б.А. Он с интересом ознакомился с коллекцией, с произведениями Нами Гитина (Наума Григорьевича Шафера) и спросил: «Будут ли у вас какие-нибудь поручения?»

На что Наум Григорьевич – страстный знаток творчества Исаака Дунаевского спросил: «Вы хотите послушать песню Дунаевского «Поручения»?». В зале небольшая пауза, смех. И Наум Григорьевич начал рассказ об истории песни, об исполнителях, быстро нашёл пластинку в коллекции. Пригласил к прослушиванию… А акиму хотелось узнать о нуждах музея. Так итогом встречи стало приобретение звукозаписывающей аппаратуры для оцифровки пластинок.

Да каждая встреча с Наумом Григорьевичем – это урок музыки, литературы, честного служения делу, бережного отношения к предметам своей коллекции.

Годы совместной работы с Наумом Григорьевичем – это мои дополнительные университеты.

Я благодарна судьбе, подарившей мне общение с этим уникальным человеком, легендой не только нашего города, но и мирового масштаба. Он продолжает жить в памяти народной, в тех замечательных книгах, которые он подготовил по эпистолярному

творчеству композитора Исаака Дунаевского, в фильмах «Монологи великого Дуни», в цикле передач «Мои встречи», подготовленной павлодарской студией «Ключ», в своих песнях, которые вошли в ряд музейных сборников, и в нотном сборнике его произведений, подаренном ему его друзьями на 90 лет.

И хочется надеяться, что когда-нибудь осуществиться его мечта, что в каждом городе Казахстана появятся улицы Брусиловского – композитора, автора первых казахских симфоний, опер, поднявшего казахскую народную музыку на профессиональный мировой уровень. Евгений Григорьевич помимо уроков музыки посоветовал Науму Григорьевичу собирать коллекцию грампластинок, чтобы в будущем создать хранилище «Звучащей летописи».

Как верный ученик, он исполнил завет и мечту своего Учителя!

Корешкова Т.С.

Из истории автографов

Дом-музей Павла Васильева продолжает рубрику «Из истории автографов». Автографы великих рассказывают нам больше, чем их портреты.

В гостевой книге музея и авторских книгах представлены автографы Почётного гражданина Павлодарской области, ведущего музыковеда, литературоведа, кандидата филологических наук, профессора, создателя и хранителя уникальной коллекции грампластинок Шафера Наума Григорьевича.

В конце 1953 г. студент филфака Казахского государственного университета Наум Шафер, работая в читальном зале библиотеки Алма-Аты, перелистывая журналы «Новый мир» 30-х годов прошлого столетия, наткнулся на стихи неизвестного поэта Павла Васильева.

В то время был популярен поэт Сергей Васильев.

Наум отметил для себя изящество поэзии Павла Васильева и предложил своему студенческому другу Сергею Музалевскому обратить внимание на эти стихи.

Сергей, с присущим ему восторгом, воскликнул: «Ух, ты!!!»

Потом наступила «оттепель», реабилитация репрессированных поэтов, писателей. Стала открываться завеса и над именем Павла Васильева.

Сергей Музалевский, по окончании университета, работал корреспондентом в павлодарской областной газете «Звезда Прииртышья», а Наум Шафер со своей женой Наташей Капустиной поехали учительствовать в далёкое село Восточно-Казахстанской области.

Через годы судьбы Сергея Музалевского и Наума Шафера пересеклись в Павлодаре. Это был 1968 г. Наум Григорьевич был приглашён на работу в Павлодарский педагогический институт. Учил студентов по-новому смотреть на творчество классиков литературы, прививал чувство любви к прекрасному.

А Сергей Музалевский к этому времени уже организовал в Павлодаре литературное объединение имени Павла Васильева.

С 1969 г. Наум Григорьевич по приглашению Сергея Алексеевича Музалевского становится внештатным корреспондентом газеты «Звезда Прииртышья». Его статьи публикуются под различными псевдонимами.

Спустя время Наум Григорьевич в повести о Сергее Музалевском «История моих псевдонимов» раскрывает свои псевдонимы под статьями, опубликованными в газете в период 1969-1978 годы.

Это были рецензии на концерты скрипача Валерия Климова, пианиста Александра Бахчиева, на новые театральные спектакли, на новые художественные фильмы «Крах» по книге В. Ардаматского «Возмездие» и по фильму «Сибирячка». Все они выходили под разными псевдонимами: Н. Гитин, В. Жуковская, С. Маринин, К. Батюшкова, Н. Петрова.

Следует заметить, что в это же время статьи Наума Шафера в московских изданиях публиковались под его именем.

И лишь 11 марта 1970 г. на страницах газеты «Звезда Прииртышья» была опубликована его статья под собственным именем.

Наум Григорьевич благодарен судьбе, подарившей ему знакомство с Сергеем Музалевским.

В 1971 г. Наум Григорьевич был репрессирован за преждевременное проявление интереса к тем запрещённым литературным произведениям, которые ныне входят в школьные и университетские программы. В их квартире был произведён обыск. Искали «заведомо ложные произведения о советском строе». Таковыми

были признаны песни Галича и Высоцкого, рассказ Солженицына.

В ноябре 1971 г. Наума Григорьевича осудили по статье 170-1 Уголовного кодекса Казахской ССР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих общественный строй СССР).

Многие в то время отвернулись от Наума Григорьевича. А Сергей Алексеевич Музалевский писал ему письма, поддерживал его морально. Сегодня ряд этих писем хранятся в государственном архиве Павлодарской области в фонде С. Музалевского и в домашнем архиве Наума Григорьевича Шафера.

«А Сергей Алексеевич во всех письмах давал тщательную информацию о новостях литературы, искусства и бытовой жизни Павлодара…В конверт часто вкладывал газетные вырезки, в том числе со своими собственными статьями…Он спасал меня от изолированности и, самое главное, стремился сохранить поэтический настрой души, сознавая, что при потухшем сердце человек начинает деградировать. Даже в самом стиле подчас проявлялась его душевная нежность», – вспоминает Наум Григорьевич.

Вот некоторые строчки из письма Музалевского Шаферу: «Пиши, Наумушка, когда есть время. Будь здоров, не падай духом».

Так заканчивалось письмо, написанное в конце ноября 1972 г. А через три месяца Наума Григорьевича освободили, он вернулся в Павлодар. И первым его встретил Сергей Музалевский.

«Мы обнялись, он беспрерывно хлопал меня по плечу, тряс, осматривал со всех сторон…», – говорит Наум Григорьевич.

До последней минуты Наум Григорьевич поддерживал дух своего друга Сергея Музалевского.

Наум Григорьевич всегда интересовался не только классической литературой, но и современной, следил за публикациями павлодарских авторов-членов литературного объединения имени Павла Васильева. Многие их авторские поэтические сборники выходили со вступительным словом Наума Шафера.

Наум Григорьевич принимал участие во многих их поэтических вечерах. После творческого вечера поэта Татьяны Окольничьей в гостевой книге музея Наум Григорьевич оставил автограф: «Очень хотелось бы, чтобы домик Павла Васильева выпестовал поэтов, достойных его имени. Сегодняшний вечер Татьяны Окольничьей подаёт нам всем великую надежду» 3 февраля 1995 г.

В 2017 году Наум Шафер подготовил книгу «Доверчивые тетради». Этюды о поэзии Ольги Григорьевой. Это – первое литературоведческое издание по творчеству павлодарского поэта. «Это цикл этюдов, представляющих собой раздумья о своеобразности художественного мастерства поэта, благодаря которому Григорьева заняла прочное место в русской поэзии, поэзии Казахстана, но и за его пределами».

На протяжении многих лет Наум Григорьевич сотрудничает с Домом-музеем Павла Васильева. В книжном фонде музея представлены его авторские книги с дарственными надписями: « «Дому-музею Павла Васильева с пожеланиями процветания и большого творчества» 16 января 2001 г.; «Дому-музею Павла Васильева с чувством восхищения подвижнической деятельностью его сотрудников» 12 декабря 2007 г.; «Дому-музею Павла Васильева с пожеланиями процветания и замечательных успехов в пропаганде русской изящной словесности» 19 марта 2004 г.

А в 2019 г. Наум Григорьевич Шафер передал в дар музею из своего личного архива акварельные работы художника Марка Порунина. Он всегда щедро одаривает библиотеки, музеи города, страны своими уникальными изданиями.

Он всегда работал на стыке литературоведения и музыковедения.

Мы дорожим книгами, переданными Наумом Григорьевичем в дар музею: «Оперные либретто» Михаила Булгаков; «Если вам нужны мои письма» Исаака Дунаевского; «Дунаевский сегодня» Н. Шафера; «Дворняги мои друзья» Н. Шафера; «Музыка. Песня. Грампластинка»; «День Брусиловского» Н. Шафера.

«Я пишу о русской поэзии, русской музыке… Меня как человека сформировала русская литература, русская музыка, русский фольклор… Я познал нужду, и деревенский быт, освоил крестьянский труд и отсюда у меня такое тяготение к русскому фольклору и русской поэзии…» (из интервью Наума Григорьевича различным печатным изданиям в разные годы).

Многим Н.Г. Шафер известен как ведущий исследователь творчества композитора Исаака Осиповича Дунаевского, как верный ученик своего учителя композитора Евгения Григорьевича Брусиловского.

«Брусиловский воспитывал меня не только музыкально, но и литературно. Он был «вторым филфаком».

В 2017 году Наум Григорьевич выпустил мемуарный роман «День Брусиловского».

«Я выполнил свой долг. Все события описываются на фоне нашей личной жизни… «День Брусиловского» – это высшая форма моего бытия…».

А его книги по эпистолярному творчеству любимого композитора Исаака Дунаевского – это настоящие уроки по морально-этическому воспитанию молодёжи.

Автографы Наума Григорьевича Шафера и дарственные надписи на авторских книгах – это история не только человека, но и страны.

«Когда приходишь в домик Павла Васильева, возникает ощущение его незримого присутствия. Поэт живёт в памяти читателей не только потому, что он писал гениальные стихи, но и потому, что в самые смутные времена всегда есть люди, которые не отказываются от своих национальных корней и остаются верными тем нравственным идеалам, которые провозглашала русская поэзия» Наум Шафер, 31 мая 2003 г.

Эпистолярное творчество – удивительная вещь: уметь кратко и ёмко выразить свои мысли, которые спустя время хочется читать и перечитывать.

Письмо, как походка – индивидуальный навык, способный придать телесную форму бесплотной мысли.

И пусть для нас для всех жизненным уроком будут слова Наума Григорьевича: «Убеждён, что человек всегда будет счастлив и успешен, если из любой неблагоприятной ситуации он сумеет извлечь нечто выгодное для себя».

Брусиловская Е.Ф.

Вспоминая Александра Розенцвайга. Человек, с которым ушла эпоха

7 октября 2024 г. исполнилось бы 70 лет со дня рождения известного казахстанского адвоката Александра Владимировича Розенцвайга, который ушел из жизни в период эпидемии ковида летом 2021 г. Все, кто его знал, считают, что с ним ушла часть сложной и по-своему великой и драматичной эпохи советской адвокатуры.

Александр Розенцвайг родился в 1954 г. После окончания в 1976 году юридического факультета КазГУ два года работал следователем Управления внутренних дел Алматы, в 1979 по 1987 гг. был научным сотрудником Института философии и права АН Каз.ССР.

В 1987 году защитил кандидатскую диссертацию в Томском юридическом институте, после чего ушел в адвокатуру. До конца жизни работал адвокатом. По мнению его коллег, Розенцвайг входил в тройку лучших адвокатов Казахстана. Был членом Президиума Алматинской городской коллегии адвокатов, членом Президиума Союза адвокатов Казахстана.

Каким он остался в памяти друзей

– Александр Владимирович был бесстрашным адвокатом, – вспоминает академик Национальной академии наук РК, доктор юридических наук, профессор Майдан Сулейменов, – там, где другие пасовали из страха за свою карьеру, да что там говорить – за жизнь!, он приходил и спасал несправедливо привлеченных к ответственности людей от тюрьмы. Он участвовал на стороне обвинения в суде по уголовному делу в связи с похищением и убийством Алтынбка Сарсенбаева и его помощников, защищал Булата Абилова в то время, когда тот был в оппозиции, и против него выдвинули заведомо ложное обвинение в хищениях.

Однажды он помог и мне. Это было в 2007 году, когда у меня пытались отобрать мой дом. Кому-то из власть имущих захотелось построить торговый центр в «Компоте» (так в народе называли один из городских районов Алматы), где находится мой дом. Всему району принесли повестки о предстоящем сносе домов «под государственные нужды». Алматинцы знают, какая вакханалия

творилась во времена правления Храпунова, который теперь миллионерствует в Швейцарии.

Я обратился к Шуре за помощью. Он сразу заявил, что будет моим адвокатом. Мы с ним провели блестящую информационную атаку: стали еженедельно публиковать в СМИ мои статьи о творящемся беззаконии и с требованием разогнать «Алматыжер», который занимался всеми этими сносами. Резонанс был оглушительный. И противник сдался. Больше заявлений о сносе не поступало, – рассказывает профессор Сулейменов.

В свою очередь адвокат Данияр Канафин считает, что Александр Владимирович был не только блестящим адвокатом, но и великолепным наставником.

«Он не навязывал своего мнения, но готов был обсудить любую проблему и спокойно, по-философски, найти ей самое разумное и простое решение. И это формировало опыт у тех, кто с ним работал. Не читая нотаций и лекций, он научил ремеслу целое поколение молодых адвокатов. После ухода Розенцвайга стало понятно, как важна преемственность в нашей профессии, и какими бесценными были его знания для тех, кто шел по его стопам».

– Мы познакомились с ним в 1998 году, оказавшись в коллективе юристов алматинского офиса международной юридической фирмы Coudert Brothers, – пишет доктор юридических наук, профессор Фархад Карагусов. – После первого же разговора прониклись друг к другу симпатией и доверием. Именно тогда, узнав, что его школьного друга и многолетнего нашего соседа по дому я с малолетства называл дядей Надимом, Розенцвайг сказал: «Меня тоже называй дядей».

Так и пошло, такое обращение к нему каким-то волшебным образом превратилось в то, что дядя Шура стал близким человеком, настоящим другом (во многих ситуациях – покровителем и добрым ангелом) для всей нашей семьи.

У дяди Шуры были четкие градации во взаимоотношениях с людьми: с одной стороны – просто знакомые, клиенты, партнёры, а с другой – друзья и «родня». И когда он говорил даже о незнакомом мне человеке, что «он – родня», я знал, что этот новый для меня знакомый заслуживает того, чтобы ему довериться и получить ту

поддержку или то отношение, о которых дядя Шура просил его для меня, – вспоминает Фархад Карагусов.

Некоторые говорили, что у Розенцвайга был тяжелый характер, скорее, он был сложной натурой. Именно такой человек – профессионал высочайшей пробы, добросовестный, ответственный - мог выигрывать самые сложные и запутанные дела. При этом он никогда, ни при каких обстоятельства не шел на сделку со своей совестью. Даже самые близкие друзья не могли уговорить его сделать или сказать что-то, по его мнению, бесчестное. Именно этот нравственный стержень, эталон порядочности много раз выводил адвокатское сообщество из сложнейших ситуаций.

В чем-то Александр Розенцвайг был даже жестким человеком, но при этом очень ранимым, тяжело переживал неверность людей, их непорядочность и душевную нечистоплотность; искренне и глубоко волновался за друзей, если было надо, всегда вставал на их защиту.

Сам же был образцом честности и профессиональной этики: даже в близком общении никогда не говорил о своих клиентах, доверителях, а тем более об обстоятельствах дел, в которых участвовал в качестве адвоката, защитника или поверенного.

– Я все время от него только и слышал: «работаю», «закончил дело, доволен», «как было непросто, но справились». И ни одного имени, ни одного факта, ни одной оценки о какой-то доверившейся ему персоне! – вспоминает Фархад Карагусов.

Александр Розенцвайг был другом и адвоката Вадима Клювганта.

– Принято считать, что знакомства, заведённые в зрелом возрасте, в дружбу не перерастают. И это верно, как общее правило. Но на то и правила, чтобы были из них исключения. В моей жизни таким редким исключением стал Шура, Шурочка - Александр Владимирович Розенцвайг.

Бурные события вокруг «дела ЮКОСа» и его последствий свели и познакомили нас примерно полтора десятка лет назад. Мы оба уже были состоявшимися людьми, каждый со своими укоренившимися привычками и сложившимся кругом общения. Обстановка и повод для знакомства тоже не способствовали особому

сближению, но как-то само собой случилось так, что именно с Шурой мы подружились по-настоящему. Правда, его кулинарные таланты для меня были недостижимы, но их прекрасные материальные плоды я вкушал многократно и с наслаждением. Более того, на этой почве знакомство и дружба стали семейными.

Возвращаясь же к главному, скажу, что мы, несмотря на расстояние и разницу часовых поясов между Алма-Атой и Москвой, мы просто пошли по жизни вместе, постоянно сверяя часы – профессиональные и человеческие. Мы знали дела друг друга, обсуждали их, устраивали мозговые штурмы, обменивались книгами, статьями, выступлениями.

Мне не раз приходилось видеть и слышать Шуру на профессиональных форумах и дружеских посиделках, будь то в Алма-Ате, Москве или Лондоне. Приходилось быть очевидцем и того, насколько весомо, содержательно и авторитетно было его слово, и того, насколько без оглядки и нелицеприятно он говорил правду первым лицам корпорации, и того, насколько уважительно, даже как-то покорно эта правда ими воспринималась, поэтому, независимо от занимаемых постов, всегда был моральным авторитетом и, если угодно, лидером мнений. Его искренне уважали коллеги, ученики и воспитанники, он отвечал им взаимностью, но скидок не делал, высоту планки не снижал. Одним словом – Мэтр.

Как рассказывали, дом Александра Розенцвайга был открыт для друзей. Он был хлебосольным хозяином и веселым собеседником. Некоторые его фразы были настолько образны, что не только запоминались, но и расходились на цитаты.

Однажды один из его знакомых, очень успешный и востребованный адвокат, посетовал, что ему приходится разрываться между двумя большими процессами в Атырау и Алматы, много летать, жертвовать сном, и что он очень устал. Александр Владимирович посмотрел на него и произнес: «Это как же надо деньги любить, чтобы так себя не жалеть!». Смеялись все, в том числе и тот, кому эта фраза была адресована.

След в отечественной адвокатуре

Многие вполне обоснованно считают Розенцвайга основоположником отечественной адвокатуры в Казахстане.

– С Розенцвайгом я познакомился и подружился, когда он работал в Институте философии и права казахстанской Академии наук в отделе М.Т. Баймаханова, а я тогда заведовал отделом правовых проблем народного хозяйства этого института, - вспоминает Майдан Сулейменов.- У Александра Владимировича была одна особенность характера: он ни в чем не признавал половинчатости, был категоричен в своих оценках. Для него было только белое и черное: если друг, то на всю жизнь, если недруг – тоже на всю жизнь. И переубедить его было невозможно.

Мне повезло: я попал в число друзей, и оставался им до самого его ухода из жизни. Но истинным другом у него был только Володя Басин. Это естественно: их отцы – Юрий Григорьевич и Владимир Евсеевич (оба – профессора КазГУ) – были близкими друзьями. И их сыновья выросли практически вместе. Как говорил сам Александр Владимирович, когда Юрия Григорьевича спрашивали, кто такой Александр Розенцвайг, он отвечал: это сын моего лучшего друга и лучший друг моего сына.

В начале 90-ых годов группа цивилистов под моим руководством занималась созданием самых необходимых законов для независимого Казахстана, начав с закона о праве собственности и Гражданского кодекса, – рассказывает он. – Потом нам крупно повезло: во-первых, Всемирный банк выделил техническую помощь на создание коммерческого законодательства; и во-вторых, министром юстиции в то время был Нагашибай Шайкенов. Министр провел тендер среди 8 западных юридических фирм, и этот тендер выиграла американская фирма «Пеппер, Хэмильтон и Шиц».

Руководитель проекта Елена Новикова первым делом, по требованию министра юстиции, пригласила всю нашу группу ученых, и мы начали выдавать на-гора один закон за другим. Тем более, что парламент за это время распускался дважды, поэтому подготовленные нами проекты с ходу уходили на подпись президенту РК. Написали мы тогда больше 50 принятых законов.

Тогда я более тесно познакомился и с Розенцвайгом, который в это время занимался проектом Закона об адвокатуре. Потом, как он говорил в одном из своих интервью, тогдашний министр юстиции Константин Колпаков написал резолюцию, что Розенцвайг откомандировывается в фирму «Пеппер, Хэмильтон и Шиц» для помощи в проведении реформы. Благодаря этому мы несколько лет плодотворно работали с Розенцвайгом, и ему потом удалось провести через Парламент свой проект Закона об адвокатуре.

В том, что прогрессивный на тот момент Закона об адвокатуре был принят, я считаю, целиком заслуга Александра Розенцвайга. И поэтому он вполне заслуженно может быть назван основоположником адвокатуры в независимом Казахстане.

Адвокат Розенцвайг останется светлой памятью для всех, кто его знал, ведь он был из той редкой когорты людей, которых называют совестью общества.

Мартынова В.
PhD, Научный сотрудник,
Ariel University, Израиль

Участие евреев в создании атомных предприятий Средней Азии

Личная история на фоне исторических потрясений

Участие евреев в создании и работе атомных предприятий в советской Средней Азии – тема еще недостаточно изученная. Документы, связанные с ней, долгое время хранились в архивах с грифом «строго секретно». Лишь недавно часть архивов открыли, но непосредственно воспоминаний конкретных людей о том, как они жили и работали в закрытых и полузакрытых городках, какими преимуществами пользовались и с какими проблемами сталкивались, пока что мало. Создание «атомного щита советской Родины» - на основе обнаруженных в начале сороковых годов прошлого века в предгорьях Тянь-Шаня запасов урана - потребовало разработки месторождений, создания в очень короткие сроки десятков заводов, строительства особых «соцгородков» в Таджикистане, Узбекистане, Казахстане. Скорость создания и испытания советской атомной бомбы потрясла американских специалистов,

она появилась гораздо раньше, чем предполагала американская технологическая разведка. Для создания стратегической отрасли потребовались особые условия, они и были гарантированы лично Сталиным. К этим условиям относились высокие зарплаты работников, в несколько раз превосходящие уровень зарплат в советском народном хозяйстве, а также высокий уровень обеспечения товарами, в том числе продуктами, и услугами – в первую очередь, медицинскими. Резонно предположить, что для евреев-специалистов новая отрасль обеспечивала еще и защиту от антисемитских кампаний.

История ашкеназийских евреев Средней Азии нашла свою воплощение и в истории моей семьи, прежде всего, в биографии моей мамы Долговой Софьи Иосифовны. Будучи спасенной в годы войны благодаря эвакуации в Душанбе, она после окончания химического факультета Харьковского университета вернулась в Таджикистан - строить советскую атомную промышленность. Евреев среди вновь присланных для создания ядерного щита советской родины было немало. Я рассказывала историю своей мамы только один раз – когда мы обратились в Claims Conference для получения компенсации из Германии за вынужденную эвакуацию. Благодаря этому я узнала об эпизодах, на которые обратить внимание в обычной суете просто не было времени.

Но началась эта история далеко от Средней Азии, в украинском городе Полтава, где евреи до начала Второй мировой войны составляли значительную часть населения.[1] Моя бабушка была из богатых, ее родне принадлежала табачная фабрика. В семье было шестеро детей. Бабушку назвали настоящим еврейским именем – Фрейда-Цива Ицко-Евновна Барсова, и молодое поколение, дети и племянники, над ней нередко потешались. В советской жизни ее звали Фаина Исааковна. Зато дедушка, Йосиф Долгов, был из бедной рабочей семьи, где росло девять детей. Бабушку за него отдавать не хотели, но он очень любил ее и пообещал, что сумеет содержать семью. Он стал отличным токарем, семейное предание гласит, что его звали на работу в Москву, но он отказался, сообщив, что останется в Полтаве, так как любит ходить пешком, а не ездить на трамвае.

Кстати, энциклопедия подтверждает, что в начале двадцатых годов прошлого века (когда родились моя мама Софья и ее старшая сестра Циля) еврейских рабочих в городе было более трех тысяч.[2] Любопытно, что свидетельство о браке моих бабушки и дедушки сохранилось, пережило войну и эвакуацию. Там каллиграфическим почерком написано, что бабушка и дедушка читают и пишут на русском и еврейском языках и оба они – евреи. (Это свидетельство пригодилось мне через много лет в Израиле, когда пришлось подтверждать еврейство моего сына перед свадьбой.)

Как водится, в семье шел большой спор о религии. Моя прабабушка запрещала прадедушке есть некошерную пищу, а ему уж очень хотелось, и поэтому он устроил маленький тайничок, пряча там продукты из свинины. Когда прабабушка уходила по делам из дома, прадедушка доставал заветный сверток. При этом он ставил на воротах своих внучек – мою маму Соню и ее сестру Цилю. Они должны были сообщать ему о приближении супруги. Моя мама и тетя были очень красивыми девочками – в местном фотоателье для привлечения посетителей висел даже их портрет.

Это была большая еврейская семья – на праздники родственников собиралось больше тридцати человек.

Как бы то ни было, в городке шла тихая провинциальная жизнь, которая была прервана войной. Фашисты стремительно приближались к городку. Евреи спорили, что делать. Большинство в семье помнило немцев по Гражданской войне как цивилизованных, интеллигентных людей, и они выступали за то, чтобы остаться. В конце концов мой дедушка решился бежать из Полтавы в Харьков, чтобы попытаться уехать на Восток. Бежали они где пешком, где на подводах, добрались до Харькова, и там бабушкин брат Ося, который был военным, с трудом засунул четверых человек – бабушку, дедушку и двух их дочерей, Соню и Цилю, в последний поезд, уходивший на Восток. Сидеть было негде, поезд был набит битком. Он шел через линию фронта, свет включать запрещалось и было очень страшно. Две девочки больше всего боялись потерять во тьме родителей.

Моя мама навсегда запомнила, как одно из самых ярких впечатлений в жизни момент, когда в поезде зажегся свет. Поезд в это

время пересек линию фронта. Это было настоящее счастье. С тех пор моя мама всю жизнь любила яркий свет и везде, где жила, зажигала яркие лампы.

Душанбе встретил их тепло. Это был островок уюта и покоя посреди войны. Родственники – дядя Йосиф и Симочка взяли их к себе. Местные люди помогали им освоиться и относились приветливо. Еды хватало, были фрукты и овощи. Мама и тетя пошли учиться в школу, и мама вскоре стала круглой отличницей.

Из Полтавы писем не было. Несмотря на спокойную жизнь в Душанбе, мои бабушка и дедушка мечтали, однако, вернуться в Полтаву, к родным. И как только закончилась война, они засобирались на родину. Полтава оказалась городом-призраков. Из большой семьи не осталось никого из тех, кто решил не уезжать. Расстреляли всех – и религиозную прабабушку, и атеиста прадедушку, и многочисленных двоюродных братьев, тетушек, дядюшек, племянников…

Квартира уцелела, но войдя в нее, они обомлели, увидев в квартире чужих людей. Теперь их мечтой стало уехать из Полтавы. Одна дочь, моя будущая тетя Циля, закончила лечебный факультет Харьковского мединститута, получила назначение в Кадиевку (Луганская область) и забрала родителей к себе. А вторая дочь, Софья, моя будущая мама, закончила с отличием химический факультет Харьковского университета и перед распределением узнала о необычной перспективе – молодым исследователям предлагали поехать создавать секретное предприятие в Средней Азии, в Таджикистане. Никто не знал точно, о каких именно исследованиях идет речь. Между тем, уже было принято официальное решение о создании особого комбината для разработки урановых месторождений Средней Азии. По предложению НКВД СССР, постановлением ГКО от 15 мая 1945 г. был создан горно-химический комбинат номер 6 по поиску и переработке урановых руд на базе месторождений Средней Азии. Это был первый отечественный комбинат по добыче атомного сырья.[3] Первые директора комбината 6 – Герой Социалистического труда Б.Н. Чирков и Герой Социалистического труда, возглавлявший горно-химический комбинат более 30 лет, легендарный В. Я. Опланчук[4] (его, кстати,

назначал министр Минсредмаша, еврей по происхождению, ставший в будущем трижды Героем Социалистического труда Ефим Павлович Славский – В. М.). Главным инженером комбината был назначен А. Б. Драновский, которого впоследствии сменили Ф. С. Власов, А. А. Попов и Шапиро (резонно предположить, что Драновский и Шапиро были евреями). Сразу же на комбинате создается Центральная лаборатория, начальником которой в августе 1945 г. был назначен Ф. А. Бурдаков.

Мама тогда обо всем этом не знала. Ей, как лучшей студентке, предложили поехать в создаваемый центр стратегических исследований. Ее фотография вместе с еще двумя девушками-еврейками – «Лучшие студентки химфака» – была опубликована в местной газете и поныне хранится в нашем семейном архиве.

В мамином решении принять предложение сыграли роль два обстоятельства. Во-первых, в Харьков приезжала выпускница института Таня, которая закончила химфак на год раньше и получила назначение в номерной Челябинск в ту же секретную новую область науки. Таня приехала в роскошном пальто и красивой шляпе. Студенты смотрели на нее с завистью. Все они были нищие, полуголодные, очень плохо одетые, и в послевоенном Харькове могли только мечтать об обеспеченной жизни. Работа в новой области обещала благополучие. Вторым обстоятельством, которое и сыграло решающую роль в выборе мамы, было месторасположение будущей научной лаборатории – Таджикистан, Ленинабад. Воспоминания о днях эвакуации в Душанбе проснулись в маминой душе, она всегда с благодарностью думала о приютившей их семью республике.

Маме не пришлось ехать в Челябинск – она подписала назначение в Таджикистан, и несколько лет спустя выяснилось, что возможно, Таджикистан второй раз спас ей жизнь. Атомный городок Челябинск с номером стал первым в советской атомной индустрии, пережившим серьезную катастрофу: взрыв на заводе повлек жертвы. Что стало с Таней, мама так и не узнала. О катастрофе говорили шепотом, она была строго засекречена.

Зато в Таджикистане маму и ее подружку, тоже еврейскую девушку Надю Ясельзон, ждали замечательные приключения.

Поселили их в глинобитном домике-кибитке на окраине города Ленинабада (ныне Ходжент). Мама рассказывала, что вокруг были дома с дувалами – внешними стенами без окон. У мусульман принято строить дома без окон, чтобы посторонние не смогли видеть женщин в доме. Вечерами возвращаться домой было страшновато. Однажды ночью они проснулись от странного шороха. Зажгли свет и увидели, что по кровати передвигается что-то мохнатое, коричневое. На шум примчалась хозяйка домика. «Ой, девчаты, скорпиён!» – всплеснула она руками. Схватила большое полотенце и давай колотить по кровати.

Этот эпизод мама часто вспоминала на семейных вечеринках. Хотя знали его все наизусть, всегда просили рассказать, и она, будучи замечательной рассказчицей, воспроизводила точные интонации.

О своей работе мама рассказывала очень мало. Привычка ничего не говорить о своей работе, которая была намертво усвоена изначально, сохранилась навсегда. Лишь однажды она упомянула, что когда делали пробы (с использованием радиоактивных материалов), то жидкости набирали пипетками, которые брали в рот. «О безопасности тогда никто не думал – просто в голову не приходило, – рассказывала мама. – Мы хотели помочь стране, были очень ей преданы».

После взрыва американской бомбы над Хиросимой в СССР стали лихорадочно налаживать собственную атомную промышленность. Источником урана стали рудники Юго-Западного Тянь-Шаня. Соответственно, требовалось построить предприятие по обработке и обогащению руды неподалеку от места добычи. Крупнейшим населенным пунктом в этом районе был Ленинабад, ныне Ходжент. Именно близ него решили построить крупнейший комбинат, который стал пионером атомной промышленности Советского Союза. Именно в этот узел должны были сходиться транспортные артерии с урановых месторождений Средней Азии. Строительство Ленинабадского горно-химического комбината стартовало в начале 1945 г. В 1953 г. Первое Главное управление при Совете министров СССР, руководившее атомным проектом, было преобразовано в Министерство среднего машиностроения.[5]

Американская исследовательница С. Д. Шмидт подчеркивает высокую сознательность работников атомной сферы, созданную в СССР культуру атомной области. Она подчеркивает высокий уровень подготовки работников Минсредмаша и их самосознание, и пишет, что «они осознавали свою задачу и гордились тем, что являются работниками атомной отрасли».[6]

В начале пятидесятых годов построили атомную лабораторию, ее расположили в нескольких сотнях метров от строящегося городка, изначально названного Соцгород-6, потом Ленинабад-30, а через несколько лет, в 1956 г., официально переименованного в Чкаловск. Много лет спустя я узнала, что именно в Чкаловске был построен первый в Союзе завод по переработке урана, здесь создавалась и первая советская атомная бомба.

Олег Бухарин в своей статье «Холодная война: атомные игры разведок»[7] пишет: «Пятидесятые и шестидесятые были годами, когда формировалась советская ядерная программа. К концу этого периода Москва имела совершенные ядерные военные технологии».[8] Бухарин также пишет о возникновении секретных городков. «Ядерные объекты были построены в десяти закрытых городах, которые не появились на карте.» Любопытно, что, перечисляя атомные городки, в том числе Томск-7 (про который мама говорила – «наша точка»), номерной Челябинск и другие «точки» на территории России, он в своей работе не упоминает Чкаловск. Однако признает, что Советы смогли испытать атомное оружие гораздо быстрее, чем американская разведка того ожидала.[9]

Я никогда не была в гостях на маминой работе. Посещение ЦНИИЛа (Центральной научно-исследовательской лаборатории Ленинабадского горно-химического комбината) посторонними было строго запрещено.

Постепенно из присланных со всех концов Союза специалистов сложился коллектив исследователей. Среди них было много евреев. В пятьдесят втором году, на фоне «дела врачей», из Москвы пришло распоряжение убрать с секретных исследований всех евреев. Маме тоже сообщили, что она будет уволена. Однако начальник ЦНИИЛ Федор Бурдаков не согласился с предписанием. «Не дам Вас уволить! – сказал он. – Вы хороший химик, и

нужны здесь. Я не могу разбрасываться способными химиками». Бурдаков отправил послание «наверх», и маму оставили на работе.

О том, что в отрасли был очень высокий уровень подготовки специалистов, пишут и исследователи атомной индустрии. Так, Шмид отмечает: «Сильной стороной советских атомщиков, занятых на предприятиях и в научных институтах Минсредмаша, были обширные научные знания в сочетании с большим практическим опытом работы на атомных объектах».[10]

Экстренная стратегическая задача догнать и перегнать Америку в производстве атомного оружия в рекордно короткие сроки спасла целые отрасли советской науки. Ученые Е. Н. Евсеева и Т. Ю. Красовицкая указывают на это важное обстоятельство. Они считают, что над учеными-физиками сразу после завершения Второй мировой войны нависла такая же опасность, как над учеными-биологами (разгром генетики по инициативе Сталина – В.М.), но именно создание атомной промышленности СССР отвело эту опасность[11]. Еще в августе 1945 г. был создан Специальный комитет под руководством Л. П. Берия. На комитет возлагалось «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». Научно-исследовательские отрасли, подведомственные Берии, были выведены из зоны критики и гонений на ученых. И это понятно: многие из них работали над созданием атомного оружия. Финансирование науки в бюджете страны 1946 г. увеличилось в 3 раза, научные работники всех сфер получили значительные прибавки к зарплате. Сталин во время избирательной кампании в Верховный Совет СССР в 1946 г. сказал: «Я уверен, если мы окажем должную помощь нашим ученым, то они сумеют в ближайшем будущем не только догнать, но и превзойти достижения науки за пределами нашей страны».

Сосланные и присланные

У советского атомного городка было еще одно важное свойство. Сюда съехались специалисты со всей страны, первые пробные установки, не теряя времени, монтировали прямо в саманных хибарах, атомная промышленность страны зарождалась буквально в деревянных котлах. Параллельно осуществлялось возведение

Соцгорода-6 - поселка при комбинате. Строили его преимущественно поволжские немцы из лагерей Коми. – Сообщает сайт об истории города.[12] С момента основания города в 1946 г. в него по распределению присылали специалистов из различных регионов СССР, тем самым делая город интернациональным».

На интернационализме настаивает и современный таджикский исследователь Ш. К. Рахимова. Свою статью о Чкаловске она озаглавила «Рожденный дружбой народов»[13]. Этот пафосный подход плохо соотносится с реальностью. Сама же Рахимова в продолжении своей статьи пишет: «Строительство комбината осуществлялось заключенными, немецкими военнопленными и советскими гражданами, которые были во время войны угнаны в Германию, а по возвращению направлены в лагеря как предатели, а также спецпереселенцами – представителями депортированных народов СССР (немцы, крымские татары, чеченцы, калмыки, корейцы и т.д.) Их численность достигала 12 тысяч человек».

Если принять во внимание, что население Чкаловска составляло около 30 тысяч человек, то можно судить об экономической модели «процветания» города. Почти половина населения работала практически даром, поскольку труд заключенных оплачивался символически, зато специалисты получали зарплаты более высокие, чем в советском народном хозяйстве.

Как говорила мама, население Чкаловска состояло из двух категорий: «сосланные» и «присланные». К присланным относились такие, как моя мама - специалисты, прибывшие из разных уголков Союза. А вот сосланные были немцы, крымские татары и греки, сосланные Сталиным на урановые рудники. Мужчины работали на самых тяжелых работах – в шахтах, на стройках, а женщины были уборщицами, нянечками в больницах и детских садах. Среди сосланных были инженеры, врачи, учителя, но это никого не интересовало, их брали только на рабочие должности, туда, где были самые тяжелые условия труда.

Мою маму потрясали судьбы этих людей. Она им сочувствовала как могла. История врача-татарина, разжалованного в кочегары, была одна из первых историй о социальной несправедливости, которую я услышала от мамы еще в раннем детстве. Между тем,

проблемы разных групп населения вторгались непосредственно в жизнь горожан. Мама, будучи ведущим специалистом отрасли, в решении собственной жилищной проблемы прошла несколько стадий. Начав со съема кровати в кибитке в Ленинабаде, она получила в конце пятидесятых комнату на двоих с подругой в только что построенной «хрущобе», а в шестидесятых ей досталось 2 комнаты в коммунальной квартире в новом доме на улице Московской, прямо в центре города у площади с памятником Ленину. Мама была замужем, там и родилась я. В эту коммунальную квартиру нас поселили вместе с немецкой семьей Глатт. В семью входили разнорабочий дядя Франц, больничная нянечка тетя Лена и девочка моего возраста Аня, с которой мы то дрались, то обнимались. Впрочем, жили мы дружно. Тетя Лена рассказывала маме, что им пришлось пережить, когда Сталин выселил их с Волги, где была большая немецкая община. Тетя Лена часто жаловалась на судьбу и плакала. Относились к ним плохо. И дети, и взрослые называли их фашистами и всячески унижали. Потом мама, которая уже была заместителем начальника аналитической лаборатории, получила отдельную квартиру, а Глатты остались в той же коммуналке. Однажды Лена прибежала к маме в слезах: подошла их очередь на квартиру, но на заводе, где работал Франц, ему напрямую сказали: «Фашистам квартира не положена». «Может, Вы за нас слово скажете, – просила Лена, – Вам поверят».

И мама пошла в партком. Там с присущей ей убежденностью она объяснила, что Глатты – немцы, но не фашисты. Говорила она рассудительно и спокойно. Возможно, на собравшихся партийных деятелей произвел впечатление и тот факт, что заступаться пришла еврейка, вся родня которой погибла в Украине. Может быть, сработало также и уважение к маме. (Исследователь Шмидт утверждает, что в Советском Союзе существовала особая культура преклонения перед атомной индустрией[14]). Но факт есть факт: Глатты получили квартиру, и мы дружили с ними до самого их отъезда в Германию в конце семидесятых годов.

Надо сказать, что со смертью Сталина ситуация в отношении репрессированных народов несколько смягчилась, что сказалось и на нашем городке. Постепенно немцы стали занимать более

лучшие должности. Молодые заканчивали различные факультеты Чкаловского политехникума и устраивались на должности техников и даже инженеров, а женщины становились портнихами, и их охотно принимали в Дом быта, поварами, многие шли в торговлю – ведь число магазинов увеличивалось. С развитием города потребовались садоводы, возле памятника Ленину и здания горкома партии разбили клумбы, и немцы охотно этим занялись. Городок утопал в зелени и цветах, был очень ухожен.

Что касается евреев, то проявлений антисемитизма, помимо того случая, с которым моя мама столкнулась в начале пятидесятых, ей больше испытать не пришлось. Впрочем, она рассказывала, что однажды ей из сочувствия предложили при очередной смене паспорта написать в графе национальности «русская». Мама отвергла это предложение, пояснив, что она еврейка, и ей и так хорошо.

Она не раз подавала рацпредложения, которые принимались, ездила в разные «точки» (в детстве мне очень нравилось название Майлуусу, которое казалось мне, маленькой, путешествием в какой-то райский сад – я, разумеется, не догадывалась, что речь идет об урановых рудниках), участвовала в различных совещаниях, в том числе на уровне московского главка.

В конце шестидесятых годов мама перевезла в Чкаловск свою старшую сестру, мою тетю врача-отоларинголога Долгову Цилю Иосифовну и свою маму, мою бабушку Фаину Исааковну Долгову. Моя тетя Циля, будучи специалистом высокой квалификации, долгое время работала врачом в больнице, проводила операции по восстановлению слуха, и стала одним из первых детских специалистов, как тогда говорили, ухо-горло-носа. Ее очень любили пациенты, и без конца пытались преподнести подарки. Однажды, прийдя из школы, я обнаружила на шкафу огромную странную игрушку.

Это был плюшевый верблюд, подаренный благодарными пациентами. Я боялась ходить с тетей Цилей на рынок. Таджики ее тут же узнавали, мгновенно снимали с прилавков тазы с фруктами и отдавали нам, предлагая донести до самого дома. Отказываться было невозможно – обижались.

Евреев в Чкаловске было немало, как на самом предприятии, так в медицинских учреждениях и торговле. Еще одна мамина

подруга по химфаку Харьковского университета – Эсфирь Яковлевна Левинтон переехала в шестидесятых годах из поселка Адрасман (одно из предприятий системы, куда входил Чкаловск) и работала сначала в ЦНИИЛе, а потом в городской санэпидемстанции. В режимном городке требовали жесткого соблюдения санитарных норм, и в городе все сверкало чистотой. Бескомпромиссный характер тети Фиры очень подходил для этой работы.

Среди еврейских фамилий Чкаловска упомяну несколько: Бляхман, Гергели, Клейманы, Кербель, Ланда, Лемешевские, Лоренц, Мелиховы, Рапопорт, Фраерманы, Фруманы, Чеберяшкины… Это только первый круг знакомых. Как подчеркивают Евсеева и Красовицкая, «многие евреи принадлежали к элите советской науки и культуры, занимали ответственные государственные посты». Атомный городок, где еврейские специалисты были востребованы, защищал, в свою очередь, от антисемитизма и создавал благоприятные условия для развития их способностей.[15]

О кислородном коктейле и советском изобилии

Исследователь Рахимова ссылается на воспоминания Б.Н. Чиркова, которого напутствовал на получение должности первого директора Ленинабадского горно-химического комбината сам И.В. Сталин. Глава Советского государства подчеркнул исключительную важность задачи по добыче природного урана для создания советской атомной бомбы. «Для ученых, инженеров и для Вас, товарищ Чирков, эта задача по напряжению и ответственности равна усилиям военного времени. Вам будет оказано любое содействие, будут предоставлены большие полномочия. Ваше предприятие ни в чем не будет ощущать недостатка».[16]

В атомном городке действительно создавались условия жизни, значительно лучшие, чем во всем Союзе. Прежде всего, город, который начался с бараков, постепенно дорос до жилья повышенной комфортности, и в Чкаловске строились дома по проектам, которых не было в других местах: квартиры с балконами и верандами, просторные комнаты и кухни...

В Чкаловске было налажено московское снабжение, что в сочетании со специально созданным совхозом «Паласс» позволял

даже в трудные времена повального дефицита обеспечивать горожан продуктами питания на более высоком уровне. Например, в чкаловские магазины поставлялись свежие утки – чрезвычайная роскошь по советским временам. (Впрочем, дефицит вовсе не миновал городок, и в конце семидесятых были введены талоны на мясо, и частенько мама, придя в магазин, с огорчением отмечала: «беспробудная свинина»).

К этому надо добавить кролиководческие хозяйства, которые создавали немцы, и они тоже вносили свою лепту в улучшение питания горожан. Оно выглядело гораздо лучше, чем в соседних городах. Один из анекдотов московского снабжения в конце семидесятых выглядел так. В Чкаловск по инициативе директора комбината и директора центрального гастронома Виктора Давыдовича Левинтона доставили два вагона московского мороженого. Дело было зимой. Но жители радостно раскупали эскимо и пломбир с кремовой розочкой в стаканчике. Некоторые перестарались. Среди них и наши знакомые. Встреченная нам знакомая посетовала: «Молодые купили килограмм мороженого, а я теперь несу домой килограмм лекарств».

К наиболее заметным отличиям привилегированного города относилась и система медицинского обслуживания. Работники Медсанчасти-4 и больницы получали зарплаты выше, чем в области. Среди медиков, особенно среди врачей и администрации, было много евреев.

Одним из заметных объектов городка стала физиотерапевтическая лечебница, построенная в семидесятые в стиле лучших советских санаториев. Коридоры комфортабельного двухэтажного здания были устланы коврами, рядом с процедурными кабинетами стояли аквариумы с диковинными рыбками и ухоженные цветы в горшках. Банальное УВЧ превращалось в процедуру повышенного комфорта. Список процедур тоже соответствовал лучшим курортам – всевозможные ванны, массажи... Однажды появилась экзотическая новинка – кислородный коктейль. Напиток был изобретен для советских космонавтов, его увидел кто-то из руководителей комбината и захотел себе «такой же!» Аппарат завезли в чкаловскую физлечебницу, и врачи стали охотно прописывать его

ослабленным детям. Но в Чкаловске были силы, ограничивающие полную власть руководства комбината. Это были пожарные. Вскоре изготовление кислородного коктейля было запрещено по соображениям безопасности.

Весной, особенно в мае, Чкаловск утопал в цветах, на всех улицах цвели вишни, яблони, персики, сливы.

Возле магазинов образовывались самодельные рынки. Таджики приходили с тазами фруктов, приносили пучки зелени в платках и начинали торговлю. В режимном городе торговля на улице не особенно поощрялась. В числе грандиозных проектов стал городской крытый рынок. Но… когда это гордое сооружение из стекла и бетона наконец появилось на выезде из города, сельские торговцы туда не пошли. Им претила строгая дисциплина, фартуки и нарукавники. Рынок пустовал, и в какой-то момент там даже проводили соревнования по бальным танцам. Атомный городок упорно тянулся к роскоши и процветанию.

***

Уничтожил все это только распад Союза. Чкаловск стал последним городом Таджикистана, отказавшимся от русского имени – теперь он называется Бустон. Что касается его жителей, то немцы еще до распада СССР уехали в Германию, евреи – в Израиль, где есть даже землячество бывших жителей Чкаловска. Моя мама навсегда покинула Чкаловск, город, которому отдала больше сорока лет своей жизни, в июне 1993 г., перед нашим отъездом в Израиль. Хотя к тому времени она уже была на пенсии, проводить ее пришла вся лаборатория. Хорошо, что я успела сварить огромный шестилитровый казан плова. Отъезд большого числа специалистов из республик Средней Азии с распадом СССР изменил экономическую и социально-демографическую ситуацию в них. Но это уже другая история.

1. Евреи Полтавы https://cyclowiki.org/wiki/%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B8_%D0%B2_%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B5
2. Там же.
3. Министерство Среднего машиностроения. 70 лет https://atomarhiv.ru/activity/exhibitions/ministerstvo-srednego-mashinostroeniya-sssr-70-let/
4. Опланчук Владимир Яковлевич. Сайт «Герои страны».

https://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=15506
5. Чкаловск, Таджикистан: бывшая атомная столица империи
https://fb.ru/article/325578/chkalovsk-tadjikistan-byivshaya-atomnaya-stolitsa-imperii
6. Schmid, S. D. (2015). *Producing power: The pre-Chernobyl history of the Soviet nuclear industry*. MIT Press. https://books.google.co.il/books?hl=iw&lr=&id=UoPVBgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR7&dq=schmid+producing+power
7. Bukharin, O. A. (2004). The Cold War Atomic Intelligence Game, 1945–70. *Studies in Intelligence*, *48*(2), 1-11.
https://www.cia.gov/resources/csi/static/Cold-War-Atomic-Intel.pdf
8.Там же
9.Там же
10. Schmid, там же
11. Евсеева, Е. Н., & Красовицкая, Т. Ю. (2002). СССР В 1945 1953 гг.: Духовная жизнь. *Новый исторический вестник*, (6), 214-229.
https://cyberleninka.ru/article/n/sssr-v-1945-1953-gg-duhovnaya-zhizn/viewer
11. Бустон (Город) https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%83%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BD_(%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4)
13. Рахимова Ш. К., горно-металлургический институт Таджикистана, «Рожденный дружбой народов». Вестник Таджикского национального университета, 2018. Номер 4, стр. 129-133.
http://g.vestnik-tnu.com/vestnik/2018/Vestnik-2018-4.pdf#page=129
14. Schmid. Там же
15. Евсеева, Красовицкая. Там же
16. Чирков, Б.Н. (1967). Воспоминания первого директора комбината № 6 (ГП «Востокредмет»). стр. 1-5.

Дубсон В.
Израиль

Еще один миллион имен эвакуированных для Центральной базы имен жертв Шоа Яд Вашем

Или сколько всего было эвакуировано советских евреев за годы войны

Я начну с небольшого историографического обзора по теме моего сообщения.

Как известно, ЕАК собирал в годы войны информацию об эвакуированном еврейском населении в восточных регионах СССР. В издававшейся ЕАК газете «Эйникайт» регулярно появлялись материалы на эту тему. С 1942 г. с Комитетом сотрудничал известный советский экономист и социолог Лев Зингер, который подготовил книгу «Евреи СССР в эвакуации». Книга так и не была опубликована, но один экземпляр был послан в 1945 г. в Лондон.

К сожалению, до сих пор эту книгу обнаружить не удалось.

После войны заместителем главного редактора газеты «Эйникайт» стал журналист Семен Рабинович. В 1965 г. в Москве в издательстве «Агентство печати новости» вышла за авторством Рабиновича пропагандистская брошюра «Евреи в СССР» на английском языке и на идиш, а в 1972 г. в этом же издательстве вышло похожее издание на русском языке под названием «Советские евреи: мифы и реальность», в котором отмечалось, что во время войны «вглубь советского тыла было отправлено около 2 миллионов граждан еврейской национальности». Скорее всего, оценка Рабиновича, базировалась на материалах ЕАК.

В 1981 г. израильский историк Бенцион Пинчук опубликовал в журнале «Швут» статью «Советская эвакуационная политика и спасение евреев Советского Союза», в который назвал эту цифру выдумкой («агада» на иврите). Попробуем разобраться, прав он был или нет.

В 1944 г. в одном из вариантов письма ЕАК Сталину о создании еврейской республики в Крыму говорилось о том, что «в Узбекистан, Казахстан и другие среднеазиатские республики эвакуировалось в начале войны примерно полтора миллиона евреев». Краткая еврейская энциклопедия сообщает, что во время поездки Михоэса и Фефера в Америку в 1943 г. Фефер также назвал эту цифру.

В июле 1943 г. на приеме в честь Михоэлса и Фефера один из руководителей «Джойнта» Джеймс Розенберг заявил, что 1 600 000 евреев были эвакуированы Советским правительством из Восточной Польши и оккупированных советских территорий. Он ссылался при этом на данные, собранные фондом Карнеги и опубликованные в апреле 1943 г. еще до приезда гостей из Москвы. Надо отметить, что в эту цифру не включены примерно 300 000 советских евреев, которые были эвакуированы из Москвы и Ленинграда по оценке российского историка Марка Куповецкого.

За годы холодной войны позиция по поводу советской эвакуации поменялась на Западе на 180 градусов. Например, в 1964 г. американский историк Сало Барон в своей истории русского и советского еврейства писал (цитирую):

«Никто не мог и мечтать о массовой эвакуации какой-либо части гражданского населения, даже если бы и имелось такое желание… В результате только небольшие группы евреев и неевреев, которые считались особенно ценными для военного производства или других правительственных служб, были отправлены впереди отступающих армий или вместе с ними».

Этот тезис оказался очень живучим и в 1988 г. его повторил в своей монографии американский историк Цви Гительман, который оценил число эвакуированных советских евреев примерно в 900000, а затем Ицхак Арад. В своей книге «Они сражались за Родину» об участии советских евреев в Великой Отечественной войне, вышедшей на русском языке в 2011 г. Арад писал, что всего было эвакуировано 780 000 евреев, причем «подавляющее большинство их работало в промышленности, в государственных, партийных, культурных и других учреждениях».

Вместе с тем, после доклада Дова Левина об отношении Советского Союза к спасению евреев на конференции в Яд Вашем в 1974 г. в обиход вошла предложенная им оценка – от 1 000 000 до 1 500 000 человек, а после открытия бывших советских архивов – 1 500 000 эвакуированных советских евреев. Эта цифра используется, например, в базе имен Яд Вашем. Отметим, что такой известный исследователь Холокоста как Рауль Хилберг считал, что только с оккупированной впоследствии территории СССР удалось бежать более 1 500 000 евреев.

Как мы видим, в исторической литературе при описании эвакуации советских евреев часто акцент делался на значении организованной эвакуации. На самом деле большую часть эвакуированных евреев составляли неорганизованные беженцы. При этом надо иметь в виду, что беженцы на том или ином этапе присоединялись к эвакуационным поездам и по прибытии получали статус эвакуированных.

Приведем только два примера. Из 716 000 эвакуированных, прибывших в 1941 г. в Узбекистан, только 80 000 или 11 % приехали организованным порядком вместе с предприятиями и учреждениями. Большую часть из этих 716 000 составляли беженцы-евреи.

Другой пример. Согласно справке об эвакуации промышленных предприятий и прочих материальных ценностей из Белорусской ССР за июль 1942 г. во время эвакуации вместе с заводами и фабриками выехало всего лишь 14 000 рабочих и служащих и членов их семей из общего количества примерно 360 000 – 400 000 эвакуированных из этой республики.

Евреев было очень много среди беженцев из Украины и Белоруссии. Приведу лишь несколько примеров. По свидетельствам очевидцев к концу июля вокзал в Одессе и все прилегающие к порту улицы, были забиты евреями, желавшими покинуть город, а в Гомеле в августе 1941 г. стоял эшелон с вагонами-телятниками, забитыми до отказа спасающимися евреями. Уже упомянутый мной историк Бенцион Пинчук приводит свидетельство еврея, беженца из Харькова, который рассказал о том, что дороги, по которым шли отступавшие советские войска, были заполнены беженцами, большинство из которых были евреями, что вызывало враждебную реакцию у советских солдат. В то же время, если посмотреть списки рабочих и служащих Харьковского тракторного завода, эвакуированных в Челябинск, бросается в глаза, что евреев там довольно мало.

Так как слухи распространялись очень быстро, уже через несколько недель после начала войны еврейское население при приближении немецких войск в массе своей спасалось всеми возможными способами. Например, один из свидетелей сообщает, что после захвата немцами Полтавы 18 сентября 1941 г. находившиеся в Харьковской области эвакуированные евреи, цитирую, «толпой бросились на станцию, штурмом брали проходящие пассажирские поезда, лезли на крыши, в тамбуры. Никто не хотел оставаться под немцами на верную гибель». Иногда советские власти вынуждены были принимать срочные меры по перевозке еврейских беженцев. Такая ситуация сложилась, например, в ноябре 1941 г., когда в связи с немецким наступлением на юге России в Махачкале на берегу Каспийского моря скопились тысячи еврейских беженцев. Это были в основном евреи с Украины, эвакуированные ранее на Северный Кавказ. В последние месяцы 1941 г. через Каспийское море было переправлено примерно 500 000 беженцев, большей

частью евреев, которые неожиданно для местных властей появились в Средней Азии.

Именно благодаря тому, что доля евреев среди беженцев из Украины, Белоруссии и Молдавии была очень велика, их представительство в целом среди эвакуированных намного превышало их процент в населении этих республик (среди эвакуированных из Украины и Белоруссии в 8 раз). Более того, имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные позволяют с высокой степенью вероятности говорить о том, что среди всех эвакуированных из Белоруссии и Молдавии евреев было больше половины, а среди эвакуированных из Украины – примерно половина.

В прошлом, из-за закрытости советских архивов, эти показатели зачастую сильно занижались. Так, в известной статье Мордехая Альтшулера об эвакуации еврейского населения из Восточной Белоруссии, вышедшей в 1986 г., автор пишет о том. что евреи составляли примерно 13% от всех эвакуированных, тогда как в действительности более половины.

Для того, чтобы узнать, сколько на самом деле было эвакуировано советских евреев, в нашем распоряжении имеется уникальный архивный источник. Это картотека эвакуированных, которая хранится в Москве в Центре розыска и информации Российского «Красного Креста». Рассмотрим, как она формировалась.

С июля 1941 г. в СССР велся учет эвакуированных. Этим занимались различные органы, а с марта 1942 г. и до 1948 г. Центральное справочное бюро Главного управления милиции НКВД СССР. При этом сам процесс эвакуации населения в основном завершился в 1942 г. После ликвидации ЦСБ собранная им картотека эвакуированных была передана в распоряжение «Красного Креста», где и хранится поныне в Центре розыска и информации. Картотека содержит около 4,5 млн. карточек на примерно 6,5 млн. эвакуированных с указанием национальности.

Руководство Центра розыска и информации Российского «Красного Креста» утверждает, что в его картотеке эвакуированных имеются карточки на более чем 2 000 000 имен эвакуированных советских евреев. По данным на 2020 г. была сканирована только 1/30 часть картотеки, поэтому практически проверить это в

настоящий момент невозможно. Известно только, что из 1700 карточек на букву «Ф» оказалось 600 карточек эвакуированных евреев, т.е. примерно одна треть. Картотека состоит из 1830 ящиков по 2500 карточек в каждом, высотой в 2 метра. Если посмотреть на фамилии на ящиках, невооруженным взглядом видно, что евреев там очень много.

Попытаемся примерно оценить общее число эвакуированных единожды советских евреев на базе имеющихся статистических данных из архивных документов.

Сначала сделаем это в целом по СССР

Из республик и областей, в которых размещались эвакуированные присылали два вида отчетных данных: телеграфные сообщения с полными данными о количестве принятого эвакуированного населения и сведения о количестве эвакуированных, включенных в именные списки.

По данным на 1 декабря 1941 г. всего по СССР было принято всего примерно 5 300 000 эвакуированных. Из них только 2 870 000 человек были учтены в именных списках. Среди них было 780 000 евреев или примерно 27%. Ицхак Арад считал, что это и есть общее число эвакуированных евреев, однако это неверно, так как он использовал неполные данные.

К 10 января 1942 г. в целом по СССР было принято по разным данным примерно 7 000 000-7 300 000 эвакуированных. Если предположить, что доля евреев среди эвакуированных осталась к 10 января 1942 г. приблизительно той же, что и на 1 декабря 1941 г., то методом экстраполяции общее число эвакуированных евреев в это время можно оценить в 1 900 000-2 000 000 человек**.** До конца года эта цифра могла еще немного вырасти, так как дополнительно эвакуировалось несколько десятков тысяч евреев, в основном из Ленинграда.

Попробуем также приблизительно оценить общее число эвакуированных евреев в СССР по республикам, в которые они прибыли до конца 1942 г.

В Яд Вашем из Государственного архива РФ поступили списки эвакуированных по итогам переписи, проведенной в марте-апреле

1942 г. в РСФСР на примерно 3 000 000 человек. По подсчетам сотрудников Яд Вашем среди них оказалось 600 000 евреев или 20% от общего числа эвакуированных. Нам известно также, что к весне 1942 г. на территории тыловых районов России было всего размещено более 5 500 000 эвакуированных. Тогда, используя метод экстраполяции, мы можем предположить, что в это время на территории РСФСР находилось примерно 1 100 000 эвакуированных евреев. К концу года эта цифра несколько уменьшилась, так как десятки тысяч эвакуированных евреев выехали в Среднюю Азию и Закавказье в период летнего немецкого наступления. По-видимому, в РСФСР осталось примерно 900 000 эвакуированных евреев.

Среди эвакуированных, прибывающих в республики Средней Азии, большую часть составляли беженцы, а значит был высок процент еврейского населения. Так, в Узбекистан до конца 1941 г. приехало 716 000 эвакуированных, среди них было 60% евреев. Такой же примерно процент евреев и в базе данных имен, эвакуированных в Узбекистан, доступной на сайте ММХ в Вашингтоне. Мы не знаем точно, какова доля евреев среди прибывших в республику в 1942 г. Всего Узбекистан принял более 1 000 000 эвакуированных. По сообщению газеты «Эйникайт», органа Еврейского антифашистского комитета, от 23 августа 1945 г. всего в Узбекистан эвакуировалось примерно 500 000 евреев.

В Казахстане в ноябре 1941 г. было зарегистрировано 159 000 эвакуированных, из которых евреев было 75 000 человек (47%). Среди эвакуированных прибывших в 1941-1942 гг. в Алма-Атинскую, Карагандинскую, Семипалатинскую и Кызылординскую области было в среднем 56% евреев. За все время эвакуации в Казахстан прибыло 533 000 человек.

На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что среди эвакуированных в эту республику евреи составляли примерно половину, т. е. не менее 250 000 человек. В октябре 1943 года Нарком госбезопасности Казахской ССР А. Бабкин сообщил в ЦК компартии республики, что «во время войны в Казахстан из западных республик и областей СССР, а также из прифронтовой полосы, в числе эвакуированного гражданского населения прибыло до 300 тыс. человек евреев». Исходя из этого, можно оценить

численность эвакуированного еврейского населения в Казахстане в 250-300 тыс. человек.

В Киргизии на 1 января 1942 г. среди 61 000 эвакуированных, внесенных в списки, евреев было 48%. По состоянию на 20 января 1942 г. в республике находилось 100 000 эвакуированных. Всего за время войны в Киргизию прибыло около 139 000 эвакуированных. Можно предположить, что среди них было 60 000-70 000 евреев.

В Туркмению за время эвакуации прибыло примерно 80 000 человек, а в Таджикистан – 60 000. Можно предположить, что среди них, как и в Киргизии, было примерно 50% евреев или 70 000 человек.

Таким образом, к концу 1942 г. в республиках Средней Азии (Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении), по нашей оценке, находилось 880 000-940 000 эвакуированных евреев.

В Азербайджан в 1941-1942 гг. прибыло примерно 80 тысяч человек, среди них, по данным государственного архива республики, было 55 000 евреев или 70%. В это же время в Грузию эвакуировалось примерно 100 000 человек, а в Армению – 30 000. Вероятно, среди них было не менее 50% евреев, то есть 65 000 человек. Таким образом, общее число эвакуированных евреев в Закавказье могло составить 120 000 человек.

Суммируя данные по РСФСР (900 000), Средней Азии (880 000-940 000) и Закавказью (120 000), получаем примерную оценку в целом по СССР – 1 900 000-1 960 000 эвакуированных евреев за 1941-1942 гг.

А теперь попытаемся примерно оценить общее число эвакуированных советских евреев по республикам, из которых они выехали. Для оценки по всем республикам я использую новые статистические материалы из российских архивов, и ряд работ известных историков.

1. Украина – примерно 900 000 эвакуированных евреев (оценка на базе работ Шмуэля Спектора и Александра Круглова) из общего числа эвакуированных из республики примерно 1 900 000, т.е. около 50%.

2. Белоруссия – до 220 000 эвакуированных евреев (оценка на базе работ Мордехая Альтшулера, Кристиана Герлаха, Эммануила

Иоффе) из общего числа эвакуированных из республики 370 000-400 000 человек, т.е. евреев примерно 55-60 %.

3. Молдавия – до 110 000 эвакуированных евреев (оценка на базе работ Дова Левина и Альберта Кагановича) из общего числа примерно 150 000 эвакуированных из республики, т.е. евреев более 70%.

4. Оккупированная территория России (без Московской и Ленинградской области) – до 160 000 эвакуированных евреев (оценка на базе работ Ильи Альтмана, Кирилла Фефермана, Александр Круглова, Михаила Тяглого).

5. Неоккупированная территория России кроме Москвы и Ленинграда (т.е. Тула, Рязань и пр.) – примерно 25 000 эвакуированных евреев.

6. Прибалтика – до 35 000 (оценка на базе работ Дова Левина).

7. Москва и Московская область, Ленинград и Ленинградская область – до 400 000 эвакуированных евреев (оценка на базе работ Марка Куповецкого).

Всего: 900 000 + 220 000 + 110 000 + 160 000 + 25 000 + 35 000 + 400 000 = 1 850 000 эвакуированных евреев.

Таким образом, наши приблизительные расчеты в целом по СССР дают цифру 1 900 000-2 000 000 эвакуированных евреев.

Расчеты по республикам, в которых размещались эвакуированные евреи – 1 900 000-1 960 000, а по республикам, из которых выехали эвакуированные евреи – 1 850 000 эвакуированных евреев.

На основании этих приблизительных расчетов можно предположить, что большинство существующих оценок занижают реальное число евреев, выехавших с оккупированной впоследствии советской территории на несколько сот тысяч человек. По-видимому, те оценки, которые делались в период войны, а затем Раулем Хилбергом, наиболее адекватно отражают реальную картину.

В своей последней монографии «Ташкентский фронт»: еврейские беженцы в советском тылу» известный канадский исследователь Альберт Каганович приходит к выводу, что к 1 января 1943 г. в статусе эвакуированных побывало 2 220 000 евреев.

Следовательно, в картотеке ЦРИ РКК вполне могут хранится карточки на 1 850 000-2 000 000 эвакуированных евреев. Неизвестно сколько из них умерло от голода, холода и болезней

в советском тылу, тысячи уже после эвакуации попали в руки немцев, некоторые были призваны в армию и погибли на фронте. Во всяком случае, в этой картотеке вероятно находится не менее миллиона имен эвакуированных советских евреев, которые не внесены в Центральную базу имен жертв Шоа Яд Вашем (в эту базу внесено сейчас примерно 900 000 имен).

Сканирование этой картотеки и внесение в Центральную базу имен жертв Шоа новых имен эвакуированных советских евреев позволит также более точно подсчитать число жертв Холокоста, как по отдельным населенным пунктам, так и в целом по республикам и областям СССР. Размеры еврейских потерь определяются как разница между числом еврейских жителей данного населенного пункта накануне войны и суммарным количеством эвакуированных и призванных в армию с началом войны. Кроме того, это очень важно для проведения других научных и генеалогических исследований.

Каштелюк Ю.И.

Жизнь и судьба: к 100-летию со дня рождения ветерана войны и труда, члена еврейской общины Маркса Каплана

Он был сыном своего времени, представителем сильного поколения, которому судьбой выпало участвовать в переломных исторических событиях. Маркс Каплан прошел Вторую мировую войну, восстанавливал и развивал страну в мирное время, учил молодежь. В последующем, на стыке XX и XI веков, он был свидетелем процессов казахстанской Независимости и, как преподаватель вуза, делал все от него зависящее, чтобы подготовить грамотных профессионалов для страны. С 1990-х годов он активно участвовал в процессах становления и развития еврейской общины Казахстана – этнокультурного объединения «Шалом», Ассоциации еврейских национальных организаций РК «Мицва». Он всегда подчеркивал, что какие бы времена ни наступали, всегда нужно нести людям доброту и созидание, все делать по совести, чести и справедливости.

Юность испытаний

Он родился в 1923 году. Это было время, когда большая страна начинала оживать после Первой мировой войны, революционных событий, гражданского противостояния. Еще было ощутимым лихолетье перемен, но уже проявлялись приметы мирной жизни – открывались школы, молодежь, вне зависимости от происхождения, призывали идти учиться, поступать на рабфаки, а для имеющих среднее образование – на профессиональные факультеты высших школ.

В этом плане, несмотря на тяготы и полуголодный быт, то время сулило перспективы. С радостью перемены восприняли в еврейских местечках – была отменена черта оседлости, а потому перед людьми, в особенности молодыми, открывалась большая страна, можно было селиться в любом месте, выбирать себе дело по душе. Поэтому многие люди поверили в идеалы социалистического строя.

В их числе были родители Маркса Каплана. Отец, Илья Исаакович Каплан (1898–1942), благодаря своим организаторским способностям смог дойти до высоких постов – занимал в Одессе ведущие должности в плодоовощной промышленности. При этом он не забыл ремесло, которому учился с юных лет, – был отменным портным, шил одежду на радость близким.

При том что он находился на серьезных должностях, его жена Елизавета Марковна (1902–1974 гг.) работала в Одессе обычной санитаркой в больнице. Если Илья Каплан был коренным одесситом, то корни Елизаветы Марковны происходили из Польши (ее девичья фамилия была Яблуновская). Все ее браться и сестры остались в Польше. И, так как связи с ними были потеряны, семья полагает, что все они погибли при оккупации во время Второй мировой войны.

Какие бы должности ни занимали родители, они учили сына жить справедливо, хорошо учиться, чтобы затем работать на благо встающей на ноги страны. Отец был честным коммунистом. Но в лихолетье 1930-х именно искренние партийцы в первую очередь оказались под прицелом репрессивной машины. В домах все замирали, когда во дворе скрипели тормоза, подъезжал черный воронок,

а затем слышался другой скрип – хромовых сапог: стоял 1937 год, каждый день и каждую ночь проходили аресты.

Семья была готова к тому, что Илью Исааковича могут арестовать, уже даже были собраны вещи, необходимые при аресте, но обошлось… К счастью, сталинские репрессии миновала его и семью.

Однако впереди ждали новые испытания – 22 июня 1941 г. началась война. Фашисты довольно быстро оказались возле Одессы, рвались в город, и на оборону были брошены все силы. Солнечный приморский город в одночасье окрасился в цвета серых бушлатов и белых халатов медиков прифронтовых госпиталей.

К тому времени Марксу Каплану исполнилось 17 лет, он только что окончил школу.

Будучи сыном своих родителей, поступая по совести, он не стал ждать 18 лет, пошел записываться добровольцем. Упорство не достигшего призывного возраста юноши победило, и он оказался на фронте.

– Такими, как папа, были многие молодые люди того времени, они рвались на фронт защищать родину, которая была в опасности. Стоит ли говорить, что именно эти юные необстрелянные ребята чаще всех гибли в бою, но это не останавливало их: родина была превыше всего. Так, из ушедших на фронт одноклассников Маркса Ильича в живых остались только двое, – поделилась дочь ветерана Эльвира Сапожникова.

Но Марксу Каплану повезло, повезло дважды. Во-первых, он выжил, а во-вторых, сохранил руку, которую едва не ампутировали после ранения, – помог счастливый случай.

– В 1943 г. папа был тяжело ранен. Хирург полевого госпиталя, оперировавший бойца, готов был ампутировать ему руку до локтя. Но, услышав фамилию солдата, остановился. Врач вспомнил, что в больнице, где он работал в мирное время, санитаркой была мама Маркса, Елизавета Марковна. Фронтовой хирург отменил ампутацию и решился на сложную и долгую операцию – предстояло собрать кость из осколков. Вероятность положительного исхода была невелика, но у хирурга получилось, он сохранил руку бойцу, – рассказала дочь фронтовика.

После такого ранения стало ясно, что на фронт Маркс Каплан вернуться не сможет. По инвалидности его комиссовали, война на передовой для бойца была закончена.

Встреча с близкими

Демобилизовавшись, Маркс Каплан долго не мог найти своих родных. Еще шла война, Одесса продолжала находиться под оккупацией, возвращаться было некуда, а поиски близких не приводили к положительному результату.

– Живший в Киргизии фронтовой друг Маркса Ильича пригласил его к себе в село. Он согласился и приехал в Среднюю Азию. Маркс Каплан стал потихоньку осваиваться, устроился на работу проводником в пассажирских поездах и колесил по городам и весям, – поделилась Эльвира Сапожникова.

Но, возвращаясь из рейсов домой, он продолжал искать близких – делал запросы в адресные столы. За это упорство, веру в то, что родные отыщутся, он был вознагражден: в один из дней по запросу пришел ответ с адресами близких. В официальном документе сообщалось, что родные Маркса Каплана – мама и брат Владимир – проживают в Алма-Ате. С ними в тогдашнюю столицу Казахстана эвакуировался и отец, но его не стало в 1942 году.

– Невероятным в этой новости было то, что родные папы жили совсем близко от него, в соседнем городе. Видимо, сама судьба распорядилась так, что он приехал в Киргизию, где от встречи с его семьей был один шаг, – продолжила дочь фронтовика.

Вскоре состоялось воссоединение семьи. За разговором выяснилось, что, после того как Маркса и его брата призвали на фронт, родители покинули Одессу. Они успели на последний пароход. В результате долгих переездов оказались в тогдашней столице Казахстана. Алма-Ата встретила их солнцем, и это очень напоминало Одессу. Так семья осела в городе у отрогов Заилийского Алатау. В 1942 г. от диабета умер отец, а потом, после тяжелого ранения, был комиссован брат.

– Воссоединение семьи казалось папе, брату и его маме чудом. Но, как рассказывал папа, это чудо было вполне объяснимым: несмотря на войну, паспортные столы функционировали прекрасно. Эта слаженная работа помогла многим людям найти друг друга, – поделилась Эльвира Сапожникова.

Человек созидания

В Алма-Ате для демобилизованного бойца, совсем еще молодого человека, по-настоящему началась мирная жизнь. Планов было много – Маркс Каплан мечтал учиться. Однако все еще шла война, и нужно было работать.

Поэтому молодой ветеран пошел на машиностроительный завод имени Кирова, где выпускались снаряды для фронта. Ныла раненая рука, но, превозмогая боль, он продолжал вносить свой личный вклад в приближение мирной жизни.

После окончания войны Маркс Каплан стал воплощать свои жизненные планы: сначала окончил профессиональные курсы и работал бухгалтером, а потом получил высшее образование – смог отучиться во Всесоюзном заочном инженерно-строительном институте (ВЗИСИ).

Пока дети трудились на производствах, мама, как обычно, создавала в доме уют.

– Елизавета Марковна была прекрасной хозяйкой, вкусно готовила, – поделилась семейным фактом Эльвира Сапожникова. – И даже в очень пожилом возрасте искусно, очень тоненько выкатывала домашнюю лапшу. Она варила вкусные супы, делала фаршированную рыбу, запеченную утку и другие блюда. Дома у нее всегда была чистота.

Шли годы. Несмотря на тяжелое ранение, всю жизнь испытывая боли в руке, Маркс Каплан достиг больших профессиональных успехов. Он работал в государственных ведомствах, таких как Министерство здравоохранения, Министерство финансов, Казахский институт минерального сырья (КазИМС), где защитил диссертацию на звание кандидата экономических наук по теме «Запасы минерального сырья в Казахстане».

– Степень кандидата наук далась ему нелегко, в течение 10 лет он пытался защититься, но его тему то объявляли закрытой, то снова открывали. Однако Маркс Ильич проявил выдержку. Так как дома у него не было своего отдельного кабинета, он вставал очень рано, в пять утра и сидел на кухне, пока все спали, работая над материалами своей диссертации, и победил: успешная защита состоялась в 1974 году, – рассказала дочь ветерана.

К тому времени Маркс Каплан имел семью и, по воспоминаниям дочери, все домочадцы ждали, когда же произойдет защита и состоится давно обещанное путешествие в родную для Маркса Ильича Одессу.

Маркс Каплан сдержал слово: после того как он стал кандидатом наук, семья отправилась к Черному морю.

– Мы смогли с ним попутешествовать, ездили и в Одессу, и в другие места, встретились с его родственниками, – поделилась воспоминаниями Эльвира Сапожникова. – К слову, он тратил много сил на поиски и нашел своих дядей, теть, двоюродных и троюродных братьев и сестер. Часть родных жила в Одессе (вернулись после войны), часть – на Дальнем Востоке, один брат – в Душанбе, один – в Подмосковье. Он нашел всех, переписывался, перезванивался. Папа смог повидаться со всеми.

Поколение стойких

После службы в государственных ведомствах Маркс Ильич перешел на преподавательскую работу, состоял в звании доцента. До ухода на пенсию Каплан преподавал в Институте народного хозяйства, читал курсы «Финансы СССР», «Финансы Казахстана».

– Он был очень хорошим и знающим преподавателем, прекрасным лектором, педагогом. Несмотря на то что отличался строгостью и принципиальностью (один раз поставил двойки всему потоку, за что получил выговор от руководства факультета), студенты его очень уважали, ценили его опыт и знания, – подчеркнула Эльвира Сапожникова.

Дочь отметила, что вокруг Маркса Каплана всегда были люди, он притягивал их чувством юмора, добротой. Он ценил хорошую компанию, а благодаря своей эрудиции находил с каждым общие темы для бесед.

– У него были различные увлечения: он любил пошутить, собирал анекдоты (была целая коллекция), делал домашние наливки, с удовольствием угощал ими гостей и делился рецептами, – рассказала Эльвира Сапожникова.

Кроме того, по ее словам, отец был галантен, внимателен. Запомнились случаи, когда на улице он, со своей больной рукой,

защищал людей от хулиганов – никого не давал в обиду. Благодаря прекрасным профессиональным и человеческим качествам его не забыли коллеги и ученики и даже спустя много лет после выхода на пенсию узнавали на улице.

Не стало Маркса Ильича Каплана в 2002 году.

Он принадлежал к поколению волевых людей. Пройдя сквозь жестокие испытания, эти люди знали цену жизни и были подлинными созидателями.

Арцишевский А.А.

Плеяда Коганов из Алматы

Григорий Уманов, академик.

Первый раз я увидел старейшину семьи Коганов в книжном магазине на улице Комсомольской угол Панфилова. Это был конец сороковых, где-то 48-49-й год. Я заходил посмотреть книги, купить я их не мог, денег не было. Ну хотя бы посмотреть…

Меня тогда удивил пожилой человек, очень пожилой. Он стоял у прилавка, где продавались ноты и пластинки, и увлечённо рассказывал что-то о музыке, а рядом стояло несколько человек, восторженно слушающих его. Я заинтересовался и тоже подошел. Вслушался. И тоже долго не мог отойти, так было интересно слушать то, о чём он говорил. Он был истинный популяризатор музыки. Он рассказывал о нотах, он рассказывал о пластинках, иногда что-то напевал своим скрипучим голосом, что приводило в восторг слушателей. Народ стоял и не хотел уходить.

То был Бенцион Коган, есть в Алматы такая удивительная музыкальная семья Коганов. Особого интереса к музыке у меня не было, скорее наоборот, но даже я готов был стоять до бесконечности и слушать, слушать, слушать. До войны в детстве, как всякий нормальный еврейский ребёнок, я окончил два класса музыкальной школы. Естественно, по классу скрипки. На пианино у нас денег не хватило. Но с музыкой тогда у меня взаимопонимания не возникло.

А жили мы тогда в Полтаве. И когда началась война, надо было бежать из Полтавы, потому что немцы идут. Эвакуация была долгой и трудно, но в результате мы очутились в Алма-Ате. Алма-Ата стала моей судьбой. Здесь, в Алма-Ате началось моё взросление,

здесь началась пора влюблённости. Я приходил на свидание к моей девушке, к моей будущей жене, единственной женщине, которую я любил всю жизнь – Майе Григорьевой. Она жила на улице Тулебаева, тогда улица называлась Абая, это позже её переназвали. А дом Майи, если мне память не изменяет, был между Виноградова и Кирова. И каждый раз, когда я приходил туда, я видел в окне по соседству седую женщину. Майя сказала, что это мама братьев Коганов и их сестры Евы, лучшей подруги Майи. Так что с Евой я должен был познакомиться всенепременно.

Первая наша встреча с Евой, как ни странно, произошла на речке Малая Алма-Атинка, мы там делали запруды, чтобы купаться было удобнее. Ева пришла в потрясающем купальном костюме красного цвета, у нее была прекрасная фигура, и это произвело на всех нас, купающихся, неизгладимое впечатление. Мы разговорились, и я узнал, что она музыкант, и что есть еще два брата – Семен и Иосиф. Мы с Евой были очень дружны. Я познакомился с парнем, который ухаживал за ней. Я приходил и стучал в окно Майе, чтоб она вышла. А Толя Бычков, студент консерватории, стучал в другое окошко, Еве. Я узнал, что Толя учится у Брусиловского. Однажды он меня озадачил, сказав, что решил остаться на второй год.

– Так ты двоечник что ли?

– Нет! – ответил он. – Хочу продлить себе счастье учиться у Брусиловского.

Ева тоже много и с восторгом рассказывала о Брусиловском, об этом замечательном человеке. И мы с Майей, конечно же, пошли в театр, чтобы прослушать первую казахскую оперу, написанную Брусиловским, – «КызЖибек».

Потом я познакомился с Семеном. Они с Иосифом были полной противоположностью. Семен был общителен, разговорчив. Иосиф был молчалив, погружен в себя. Он много работал, много репетировал, давал концерты, учил студентов.

А Семён… Семен рассказывал, как он выезжал за границу – он уже был народным артистом Казахстана, выступал с Розой Багдановой, Бибигуль Тулегеновой, Ермеком Серкебаевым. Все они обожали Семена. Он был не просто идеальный аккомпаниатор,

он был профи самой высокой пробы. О музыке он знал, казалось, абсолютно всё, и охотно делился этими знаниями... Был даже такой курьёзный случай. В одной из скандинавских стран висела афиша, в которой значилось выступление народного казахского артиста Симхи Бенциона Когана. Скандинавы были потрясены. Как? Казах, с фамилией Коган? «А что, вам представить вещественные доказательства моего еврейского происхождения?» – отшучивался Семён. И скандинавы еврейского происхождения не раз приходили и кормили всю команду наших артистов, что было весьма кстати, поскольку платили музыкантам, скажем прямо, маловато. Так что такая поддержка была очень даже уместной. И всё это во многом благодаря Семёну, «народному казахскому артисту по фамилии Коган». Из поездки Семён вернулся страшно гордый!

Мы с Семёном познакомились ближе, когда пришла пора учить музыке моего сына. Нужно было купить фортепиано. Мы пришли в ЦУМ покупать пианино вместе с Семёном. В магазине он опробовал один инструмент, потом другой. Наконец, он облюбовал пианино под названием, если мне память не изменяет, PETROF. Он сел за инструмент и стал играть. Он так играл, что слушать его сбежался чуть ли не весь магазин! Я говорю:

– Сеня, мы пришли покупать пианино, а не играть на нём!

А он как бы и не слышит. Он дал небольшой, а может быть, и большой концерт. Народу понравилось, из народа стали даже кричать: «Давай “Мурку”!» И что-то ещё, и ещё. И Семён играл это все, причём играл прекрасно! Я с трудом оттащил его от пианино.

Мы купили это фортепьяно, и мой сын Боря стал учиться. До этого у нас был полуразвалившийся «Красный Октябрь». Никакого сравнения! Сын закончил несколько классов, и сегодня вполне прилично может играть на пианино простые мелодии.

С тех пор мы часто встречались с Семёном. Он был любимец кампании...

А Иосиф… Я уже говорил, Иосиф был весь погружён в музыку. Казалось, кроме музыки для ничего не существовало на свете.

Но однажды…

Однажды Иосиф заработал какие-то деньги и купил себе машину. Это была «Победа». По тем временам не машина – мечта!

Но ведь он не ездил на ней. Она стояла в гараже. Он выгонял её на свежий воздух, мыл. Я ему говорю:

– Что вы делаете?

– Мою машину.

– Так поедем куда-нибудь?

А я в то время был заядлым автомобилистом, перебрал все машины, которые только были в Алма-Ате, от развалюхи «Москвича» до «Мерседеса». Он мыл машину и загонял её обратно в гараж, чему я изрядно удивлялся. Он жил на улице Калинина, чуть дальше Ленина. У него дома я не был. Но один раз я услышал его игру. Концерт давали в драмтеатре, тогда он размещался в бывшем клубе КГБ рядом с Сосновым парком, сейчас там уйгурский театр музкомедии. А тогда под одной крышей были две труппы, казахская и русская. Там были выдающиеся артисты. Один из них, мой знакомый, Шакен Айманов, играл и в русском театре, и в казахском. Это был потрясающе талантливый актёр, и человек на редкость интересный!..

Так вот, в один из вечеров там был концерт. Играли Семен и Иосиф Коган. Зал был забит до отказа. Это было что-то невероятное! Они оба были виртуозами. Оба! Иосиф играл на скрипке. И вдруг – о, ужас! – у него лопается струна. И он, не прерывая игры, доигрывает на струнах, которые есть. Другие, быть может, и стушевались бы, а эти, Семён и Иосиф, не растерялись, играли как ни чём не бывало, играли замечательно!

Мы часто встречались, иногда гуляли, от Калинина до парка 28-ми гвардейцев-панфиловцев и обратно. Но Иосиф всегда был занят. Он много работал. Работал в консерватории, давал концерты.

А ближе всех из этой семьи мне, конечно, была Ева, потому что она дружила с моей Майей. Нам с Майей довелось побывать в оперном театре на концерте, который выше всех похвал: Ева исполняла с оркестром первый концерт Чайковского. Это запомнилось на всю жизнь. Ах, как играла Ева! Эта маленькая, худенькая женщина, её хрупкие руки, но в них такая мощь! Мы с Майей были потрясены! Откуда у нее в пальцах такая сила?! Это было приблизительно в 53-54-м году.

Мне было интересно общаться с семьей Коганов. Да, они были люди музыки. Я с годами стал жалеть, что не умею играть, хотя

мог бы, мог бы, был шанс осчастливить себя ещё в самом детстве, ещё до войны, когда мы жили в Полтаве. Но- война. Мы вынуждены были всё бросить и бежать, когда немцы уже взяли Кременчуг. Папа ушел в первые дни войны, ушёл неизвестно куда. То есть едва объявили, что война, папа ринулся в горком партии. А дальше – где он, что с ним? Мы не знали и знать не могли. Надо было бежать, а мы не находили себе места, переживали. Как папа? Где он нас найдет? Оказывается, его направили взрывать заводы, которые нельзя было эвакуировать, и найти его было невозможно. Потом он сам нас нашел. Мы уехали вначале в Харьков, нас бомбили, я собирал осколки от бомб. Это было единственное моё увлечение. Какая там музыка! Я и в школу-то не ходил, было не до учёбы... Потом, с годами я стал очень жалеть, что я не обрёл навыков играть на скрипке или хотя бы на пианино. Но я умею слушать, а это тоже, знаете ли, счастье.

Потом, когда я стал профессором, академиком, я часто выезжал в Москву. Я заведовал кафедрой педагогики в КазПИ 25 лет, меня пригласили работать в Московский пединститут им. Ленина. И там, в Москве, самым моим большим увлечением было посещение Большого концертного зала консерватории. И было дело меня приглашали в Москву, но так получилось, что мы не переехали.

В Алма-Ате я с 1944 г. Нас эвакуировали не в Алма-Ату. Мы из Полтавы в Харьков ушли пешком. Мама расстелила на полу белую скатерть, собрала документы, какие-то вещи, завязала всё это в узе и – пешком пошли на Харьков. В пути повезло, нас по дороге подобрали машины и довезли до Харькова. А немцы подходят к Харькову, уже скоро они войдут в Харьков. А мы, семья коммунистов, вдобавок еще и евреи… Ну что тут скажешь? Как говорят, подай Бог ноги. Нас спешно посадили в теплушки, в которых скот возят, и повезли на Уфу. Но по дороге налетели фашистские самолеты и нас стали бомбить.

Убитых было очень много. Все побежали спасаться в степь, а мы с мамой и бабушкой (бабушка пережила гражданскую войну, и была грамотным в этом отношении человеком) легли под вагон. Это нас спасло. Мы только слышали, как по крыше вагона цокали пули. А все, кто выбежал из вагона, были расстреляны.

Два самолета летали и прицельно расстреливали буквально каждого. В том числе был убит машинист паровоза. После обстрела мы собирали трупы, складывали в овраг. У кого-то нашлась лопата, засыпали землей, чтобы вороны не заклевали, сделали и поставили деревянный крест.

Поезд пошел вместо Уфы в Ташкент. Из Ташкента мы попали в Коканд, из Коканда – в Алма-Ату. В 1944 г. я стал казахстанцем. Тут школу окончил, ВУЗ. Тут вся моя жизнь. Тут женился, мы с Маей с 10 класса были вместе.

Но возвращаюсь в сороковые годы.

Я был в доме, в комнате, полуподвальной, где жили Коганы на улице Тулебаева, тогда это была улица Абая. Я видел маму Коганов, она иногда готовила у себя, иногда на веранде у бабушки Майи. Они были в дружеских отношениях, хотя мама Евы плохо говорила по-русски. Люди были немного другие, национальность особой роли не играла.

Потом Ева с Толей переехали на Коммунистический проспект, мы были у них на новоселье, весело, очень душевно провели вечер. Толя сыграл свою песню, он хорошо играл на гармони. Потом они переехали на Тулебаева, почти напротив того подвала, где жили раньше.

Мы много общались и с Семеном, и с Иосифом. Их концерт с порванной струной было нечто потрясающее. О Иосифе я много слышал, как об учителе. Это был потрясающий педагог, очень грамотный, очень требовательный. Он халтуру не прощал. Говорили: «У Иосифа Бенедиктовича учиться хорошо, но надо много работать, много трудиться». Он был очень серьезен и в работе, и в своём отношении к музыке….

За рулём машины его я так и не увидел. Он ее отчаянно боялся! Он говорил:

– Гарик! Ты понимаешь, я же ее разобью! Она же бешеных денег стоит!

Он был страшно доволен, что у него есть машина, и ставил её обратно в гараж.

Эти три человека – Семен, Иосиф и Ева, как и Брусиловский, первый профессиональный композитор Казахстана, – сыграли

выдающуюся роль в развитии казахского музыкального искусства. Подвижники, первопроходцы. То, что называется, «соль земли».

Мне повезло. Я всегда встречал замечательных людей, замечательных учителей. Я учился у профессора Раисы Григорьевны Лемберт. У неё писал кандидатскую, докторскую, стал профессором. И принял кафедру, которую создала она, Раиса Григорьевна Лемберт.

И ещё вспомнил одну из встреч с Иосифом и Семёном. Мы оказались в одном троллейбусе. Они говорили, что скоро концерт. Я между прочим сказал:

– Хорошо зарабатываете, ребята!

– А ты знаешь, сколько платят за концерт?

Семён назвал сумму, что-то около 12 рублей.

– Что? Вам платят такие деньги за концерт?

Они рассмеялись в ответ. Им стало смешно, что кто-то может подумать, будто они очень богатые. Они работали не за деньги. Это люди, которые истово любили музыку и всей душой были преданы искусству. Это были другие люди. След в казахстанском искусстве эти люди оставили громадный.

Бароховская Л.С.

Мысли по поводу и без…

М. Лермонтов утверждал, что «история души человеческой… едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа». Перефразируя эту мысль, я хочу попытаться сопоставить историю одного человека с историей народа, к которому он принадлежал. Этот человек – наш земляк, современник и сослуживец Ф. М. Достоевского. Его имя, то, которое он получил при рождении – Натан. Фамилия – Кац. А народ, гонимый и унижаемый, «вечные странники» – иудеи.

Я давно уже взяла за правило писать о ком-то или о чем-то только в том случае, если могу добавить к уже известной информации хотя бы немного нового. Какой смысл сызнова пересказывать то, что много раз уже излагали наши предшественники?! Не могу похвастать, что в данном случае я «откопала» что-нибудь «эдакое». В основном я, как и все литературоведы, журналисты и

прочая досужая братия, пишущая о жизни Ф.М. Достоевского и его окружения в период ссылки, базируюсь на работах краеведа, священника Бориса Георгиевича Герасимова, который собрал и систематизировал воспоминания очевидцев о пребывании писателя в Семипалатинске. Использую, разумеется, и рассказы потомков Н. Каца, которых разыскала сотрудник литературно-мемориального семипалатинского музея Ф. М. Достоевского Наталья Евгеньевна Барбарат. Однако я сделала и собственные небольшие открытия, а главное – решила проанализировать уже давно и хорошо известные факты под новым углом, отказавшись от их традиционной трактовки.

Понятно, что Натан Кац интересует нас прежде всего потому, что его имя оказалось переплетено с именем Федора Михайловича Достоевского. Однако он интересен и сам по себе. Как личность, попавшая в жернова николаевской эпохи, но сумевшая выжить, выстоять, что удалось далеко не всем его современникам. Кстати, насчет имён. «Натан» в переводе с иврита означает «данный, подаренный Богом». «Федор» переводится с греческого точно так же: «дарованный Богом, божий дар». Случайность? Пожалуй. Но, как известно, все случайности – неслучайны.

Итак, что нам известно о Каце? Он родился в Перми, в 1837 году. Помимо того, что это год, когда погасло «солнце русской поэзии», А. С. Пушкин, это год «черного юбилея» в судьбе евреев Российской империи. Исполнилось ровно 10 лет, как был принят «Устав рекрутской повинности и военной службы евреев» (август 1827 г.). Николай Первый с откровенным цинизмом писал в неофициальной записке: «Главная польза, которую следует извлечь из воинской повинности евреев, заключается в том, чтобы заставить их переменить вероисповедание». Надо признать, что его пособники зачастую этой цели – принудительного обращения иудеев в христианство – успешно добивались, «не мытьем, так катаньем»… Не случайно по еврейским мальчикам, забранным в армию, их семьи сразу начинали читать «кадиш» – поминальную молитву. Даже если бы произошло чудо и им удалось выжить и вернуться на родину, это произошло бы не раньше, чем примерно через 30 лет (25 лет военной службы плюс годы пребывания в школе

кантонистов). Опять же если бы случилось еще одно чудо и их родные оказались еще живы – они встретились бы спустя столько времени, как совершенно чужие люди…

Призывной возраст для евреев был определен в 12 лет. Таким образом, мальчики лишались возможности пройти в 13 лет бармицву – обряд, когда они считаются совершеннолетними и должны исполнять все заповеди Торы (Ветхого завета). Лишение их бар-мицвы – первый и очень значимый шаг на пути их отлучения от религии предков. В реальности детей отбирали у родителей, похищали из «хедера» (еврейской школы) еще раньше – в 7-8 лет.

Николай Лесков в рассказе «Владычий суд» пишет: «…существовало убеждение, что маленькие дети скорее обвыкались и легче крестились. Маленьких жидочков вырывали из материнских объятий почти без разбора и прямо с теплых постелей тащили к сдаче». Еврейским кантонистам запрещалось переписываться с родными, говорить на родном языке (а другого языка они зачастую и не знали!). Им запрещали молиться – отбирали и сжигали молитвенные принадлежности, священные для евреев атрибуты (талит, тфилин, молитвенники). Отказывавшихся от крещения лишали еды, сна, пороли, окунали в воду до обмороков, выставляли раздетыми на мороз и т. д.

Негласный девиз воспитания евреев-кантонистов гласил: «Из десятка девять убей, а десятого – представь». «Представить» означало вынудить ребенка к крещению. Добиться этого с малышами было легко. Иногда, после того как их весь день кормили соленой рыбой, измученные дети соглашались креститься всего лишь за стакан воды, чтобы утолить невыносимую жажду. Мальчики постарше оказывались и более стойкими. Известны случаи, когда они решались на самоубийство – массово топились в реке при крещении, перерезали себе горло…

Зачастую еврейских кантонистов отправляли в глухие деревни, где они были бесплатными работниками у крестьян. Отказывавшихся от насильственного крещения считали «погаными» и не пускали в избы. Как вспоминал один из кантонистов, они жили «в сенях и предбанниках, ели из собачьих и кошачьих плошек остатки скудной хозяйской пищи, пили из корыт и помойных ведер».

Сохранилось потрясающее описание Александра Герцена во время его переезда из Перми (напоминаю – родина Каца!) в Вятку, где он встретился с группой еврейских кантонистов. Цитирую в сокращении его разговор с этапным офицером: «Кого и куда вы ведете? – И не спрашивайте, индо сердце надрывается…Набрали ораву проклятых жиденят с восьми-девятилетнего возраста… Сначала было велели гнать их в Пермь, да вышла перемена, гоним в Казань. Я их принял верст за сто; офицер, что сдавал, говорил: «Беда, да и только, треть осталась на дороге» (и офицер показал пальцем в землю). Половина не дойдет до назначения…мрут, как мухи; жиденок эдакой чахлый, тщедушный…не привык часов десять месить грязь да есть сухари…чужие люди, ни отца, ни матери…покашляет, покашляет, да и в Могилев…»

Привели малюток…это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видал…Мальчики 12-13-ти лет еще кой-как держались, но малютки 8-ми, 9-ти лет… Ни одна черная кисть не вызовет такого ужаса на холст. Бледные, изнуренные, с испуганным видом …белые губы, синие круги под глазами показывали лихорадку или озноб. И эти больные дети без уходу, без ласки, обдуваемые ветром…с Ледовитого моря, шли в могилу…».

Кантонистские заведения обеспечивали комплектование николаевской армии строевыми унтер-офицерами, музыкантами, топографами, кондукторами, чертежниками, аудиторами, писарями и всякими мастеровыми. Известно, что Н. Кац к моменту встречи его с Достоевским в Сибирском линейном батальоне №7, в 1854 году, был 17-летним барабанщиком. Думаю, что в это время он выглядел примерно так, как его юный сын, с которым он с гордостью сфотографировался много лет спустя. Конечно, Натан был тогда менее выхоленным и элегантным – у него ведь не было рядом такого обеспеченного и заботливого отца, но молодость и пышные волосы делали свое дело!

В библиотеке Пермского краеведческого музея хранится рукописное «Военно-статистическое обозрение Пермской губернии, составленное…штабс-капитаном Макшеевым в 1850 и 1851 гг.». 1850 г. – это год призыва Натана Каца, когда ему исполнилось 13 лет (род. в 1837 г.). Обозрение содержит подробное перечисление

штата «сотрудников» батальонов военных кантонистов, их состава, количества, условий проживания кантонистов и т. д.

«Во флигелях в первом – классные комнаты и помещения сапожников, во втором – столовая, классные комнаты и помещения портных и сапожников». Указано, каким предметам их обучали. Так, «…в классе взаимного обучения 740 (кантонистов) – Закону Божию, чтению, письму, арифметике, сапожному и портновскому ремеслу». Я не случайно процитировала упоминания о портных и сапожниках. Теперь становятся более понятными довольно туманные фразы из работ краеведов: «Будучи портным, Кац заработал немного денег…» и «Будучи кантонистом, Кац обучился портняжному делу…». Оказывается, он был не просто портняжкой-самоучкой, способным в случае необходимости поставить заплатку или пришить пуговицу. Он получил в школе кантонистов профессиональную подготовку, на которую, очевидно, наложились врожденные способности. Именно благодаря этому он стал впоследствии, уже выйдя в отставку, одним из самых известных и успешных в Семипалатинске портных.

Но до этого еще ох как далеко! А пока 17-летний барабанщик с грустными глазами делит нары и кусок кошмы с бывшим каторжником и будущим всемирно знаменитым писателем, автором «Великого пятикнижия». Хотя Достоевский практически в два раза старше Каца (33 года), отношения вполне товарищеские. Они вместе пьют чай из самовара, купленного Натаном на заработанные шитьем деньги. «Очевидцы его жизни в казарме говорят, что Достоевский сидел за самоваром подолгу и чаю пил много». Добавлением к крепкому чаю служило молоко, которое приобретали у жены дьякона Хлынова и свежевыпеченные калачи – ими торговала на базаре молодая, красивая калашница Лиза Неворотова.

А, кстати, почему – «17-летний барабанщик»? Ведь возраст, в котором происходил перевод кантонистов на действительную службу в армию составлял 18 лет. Иногда упоминается даже и 20-летний порог возраста. Краевед А. В. Скандин пишет: «Чтобы избавиться от тяжелой жизни в полубатальоне кантонистов, Кац скопленные им три рубля подарил одному из писарей, который устроил каким-то образом, что его, далеко еще не достигшего

установленного возраста, назначили на действительную службу». Отсюда Скандин и все последующие исследователи делают вывод, что цель досрочного перевода Каца из полубатальона кантонистов в линейный батальон – улучшение условий жизни. Так ли это? Верю, что кантонистам жилось нелегко, но в том, что при переводе в регулярную армию они попадали на курорт - очень сомневаюсь. Да и сам Скандин в своем очерке «Ф. М. Достоевский в Семипалатинске», опубликованном в январском выпуске «Исторического вестника» за 1903 г. отмечает: «Кацу, как самому молодому и несравненно выше других солдат по развитию, доставалось огорчения немало».

Вспомним Б. Г. Герасимова: «Ругань и взаимные оскорбления постоянно висели в казарме…Солдаты, прикрепленные к казарме, как арестанты к каторге, не имевшие между собой никакой связи, с проклятьем тянули солдатскую лямку. Батальон кипел, как в котле, доставляя начальству много хлопот и беспокойства. Дисциплина поддерживалась в казарме суровыми мерами. Зуботычины, толчки, кулачная расправа были обычными явлениями в казарме, создавая арестантскую обстановку». Похоже это на улучшение условий жизни? Конечно, нет. Да Натан на него, убеждена, и не надеялся. Так зачем же он затеял этот преждевременный и дорогостоящий перевод?

Задавшись целью доискаться до истинной причины этого маневра, я выяснила следующее. Оказывается, годы пребывания в кантонистских батальонах не засчитывались в обязательный 25-летний срок военной службы. Таким образом, ускорив начало действительной службы, Кац тем самым досрочно начал отсчет своего воинского стажа и приблизил дату выхода в отставку. Пусть ненамного – на год, а может на полтора года. Но в масштабах человеческой жизни – это немало. Совсем мальчишка, он зарабатывал портняжным ремеслом, копил деньги для взятки – будем уж называть вещи своими именами. Три рубля – сумма для рядового немалая. Мог бы купить себе каких-то лакомств, сладостей. Нет, не купил. Потратил на дело. Поступок, достойный «не мальчика, но мужа». Натан решил не плыть по течению в утлом челноке, рискуя перевернуться и пойти на дно, а управлять им хотя бы с помощью тех скромных подручных средств, которые были ему доступны.

Н. Е. Барбарат пишет (очевидно, со слов потомков Натана Каца): «Прослужив в армии 25 лет рядовым солдатом, он (Кац) ушел в отставку и поселился в Семипалатинске». Я, как верная последовательница Рене Декарта, привыкла все подвергать сомнению. То, что Кац вышел в отставку и поселился в Семипалатинске – это аксиома и не требует доказательств. А вот то, что он прослужил в армии 25 лет – это еще «надо посмотреть». На что – посмотреть? Да вот хотя бы на ту же уже известную нам его фотографию с сыном.

Сыну здесь примерно лет 17-18. А сколько лет его отцу? Давайте займемся арифметикой. Кантонисты обычно выходили в отставку в 43 года (18 лет + 25 лет). «18 лет» в этом уравнении составлял возраст призыва, а «25 лет» – срок службы в армии в николаевскую эпоху. Натану благодаря его хитроумной комбинации (взятка писарю) удалось начать службу на год раньше положенного, следовательно, и закончить ее он тоже мог раньше на год, то есть в 42 года (17 лет + 25 лет). Допустим, он в этом же году женился и в положенный срок у него родился сын. На фотографии сыну, на мой взгляд, 17 или 18 лет. Следовательно, Натану должно быть 60 лет (42 года + 18 лет). Но я бы не дала этому подтянутому моложавому мужчине без единого седого волоса даже 50-ти. Тем паче, что мы имеем возможность сравнить, как он выглядел в более пожилом возрасте (примерно 60+) благодаря этому кабинетному портрету.

Я начала размышлять над очередной нестыковкой в биографии нашего героя и попутно рыться в интернете. Постепенно у меня стали вызревать две гипотезы. Первая заключалась в том, что Н. Кац обзавелся женой и детьми до выхода в отставку, то есть не в 42 года, а гораздо раньше. Подтверждение нашлось в статье о кантонистах в «Электронной еврейской энциклопедии»: «Стремясь увеличить число кантонистов-евреев, власти разрешали солдатам-евреям жениться…».

Еще одна цитата в доказательство этой версии: «Солдат, если служил нормально, через 10 лет получал право жениться». Если исходить из этой информации, Кац мог жениться уже в 27 лет – ведь он начал службу в 17-летнем возрасте и, я уверена, «служил нормально». В таком случае на фотографии с сыном ему примерно 44-45 лет, что и требовалось доказать.

Вторая моя гипотеза основывалась на истории Российской империи и напрочь перечеркивала воспоминания потомков Н. Каца о его 25-летнем сроке службы в армии. Как известно, Николай Первый умер в 1855 г., на смену ему пришел Александр Второй. Как это отразилось на судьбах миллионов россиян, в том числе военнослужащих, а главное – двух наших рядовых Сибирского 7-го линейного батальона? Достоевский был произведен в прапорщики и получил «дозволение» печатать свои «литературные труды». Начались и реформы в военной области. Уже коронационным манифестом нового императора в 1856 году институт кантонистов был упразднен, и все солдаты-евреи и кантонисты в возрасте до 20 лет могли вернуться к семьям. Натану было в это время 19 лет (род. в 1837 году), то есть он мог воспользоваться предоставленной возможностью возврата на родину. Нет, не вернулся. Почему? Точный ответ на этот вопрос мы сейчас вряд ли найдем. Как и на вопрос, сколько же на самом деле отслужил Н. Кац в армии. Но то, что не 25 лет, а гораздо меньше – несомненно.

…Когда я сообщила краеведу М. И. Ситуде (светлая ему память) о том, что решила написать материал о Натане Каце, он заинтересовался подробностями его биографии. Я рассказала все, что знала, в том числе упомянула, что бывший сослуживец Ф. М. Достоевского после выхода в отставку жил по Больше-Владимирской улице (позже Советской, ныне Абая), в том ее отрезке, где сейчас располагается Дворец бракосочетания. Михаил Ибрагимович обещал поискать фотографию этого дома, снесенного в начале 70-х гг. 20 века. Спустя несколько дней я обнаружила у себя на почте снимок старинного дома и начала жадно его рассматривать.

Утолив первый интерес, я решила сравнить снимок дома Каца (как мы предполагали) со снимком дома купца Купера. Они жили по соседству. Давид Купер занимал дом №63, а Натан Кац – №67. Каково же было мое разочарование, когда я обнаружила, что это снимок одного и того же дома – дома семьи Купера. Почему я не сразу узнала его? Во-первых, я давно его не видела – примерно года полтора, с того момента, как разместила фотографию куперовского особняка, хранящуюся в семейном архиве Марка Николаевича Купера, внука семипалатинского купца, в своем материале

«Под тенью развесистой клюквы крестьяне пьют напиток, называемый самовар» (Semeyainasy.media, 25.03.2022 г.).

Во-вторых, он снят несколько в ином ракурсе, что меняет его облик. Ну и в-третьих, эти снимки разделяет временная дистанция примерно в 20-25 лет. Яков Купер, старший сын Давида Абрамовича, сфотографировал свой родной дом во время приезда в Семипалатинск в 1948 году. А снимок того же дома, сделанный неизвестным фотографом, мы с Михаилом Ибрагимовичем единогласно датировали примерно концом 60-х – началом 70-х гг. За это время, естественно, произошли некоторые перемены. Слева появился многоэтажный дом, справа снесли какую-то хозяйственную постройку, заменив ее забором.

Убедившись в нашей ошибке, я рассказала о ней М. И. Ситуде. Он продолжил поиски в своей обширной коллекции и они, к счастью, увенчались успехом. Удалось найти фотографию сразу трех домов – №63 (Купера), №65 (неизвестного владельца) и №67 (Каца). Этот снимок стал последним прощальным подарком мне от Михаила Ибрагимовича, который, к сожалению, не дожил до этой публикации…

Чтобы не быть голословной, хочу объяснить, откуда мне стали известны эти адреса. Адрес дома Давида Купера фигурирует, во-первых, в купчей: «Полукаменный 2-х этажный дом, флигель с каменным низом и надворными постройками общей площадью в 390 кв. сажень располагался на углу Больше-Владимирской и Локтевской улиц, приобретен главой семьи за 15 000 руб. в 1904 г. у братьев Ивана и Павла Герасимовых».

Более точный адрес, уже с указанием номера, значится в «Списках муниципализированных домовладений» за 1923 год: «Купер, ул. Советская, 63. 1. Дом полукаменный, двухэтажный, крыт железом. 2. Флигель. 3. (неразборчиво). 4. Баня. 5. Конюшня, крытая тесом. 6. Помещение каменное для кухни».

Адрес дома, построенного Натаном Кацем, указан в следующем документе Семипалатинского госархива: «10 июля 1922 г. гражданка Кац Е. Н. продала дом по ул. Советской (бывш. Б. Владимирская) 67, Юкину Ивану Тимофеевичу». Скорее всего, оба эти дома, и Купера, и Каца построены до 1893 г. Ведь в январе

этого года, для улучшения архитектурного вида центральной части Семипалатинска, было принято решение: «…проектировать застройку только каменными зданиями улицы: Больше-Владимирскую, Колыванскую и лицевую сторону окаймляющую дальнюю базарную площадь…». А дома №63 и №67 имеют только низ каменный, а второй этаж – бревенчатый. Следовательно, они выстроены еще до принятия этого решения.

Следующую проблему, связанную с биографией сослуживца Достоевского можно сформулировать так – перешел ли Кац из иудаизма в христианство, точнее в православие, а еще точнее – «перевели» ли его, используя все перечисленные мною ранее садистские приемы (избиения, лишение еды и сна, стояние на морозе без теплой одежды и т.д.)? Рассмотрим со всех сторон этот немаловажный вопрос, оказавший влияние на всю его последующую жизнь, проанализируем все, так сказать, «pro et contra».

Что мы имеем «за» то, что Кац остался верен религии своих предков? Во-первых, жестокое отношение к нему со стороны сослуживцев, как к любому чужаку, инакомыслящему, «инаковерующему». Б. Г. Герасимов пишет: «В своей злобе солдаты не щадили никого, оскорбляя и мальчиков в солдатских мундирах, которые часто сдавались в службу из кантонистов. На каждом шагу в казарме звериный лик давал себя чувствовать. Федор Михайлович жалел мальчиков-солдат и нередко помогал им чем только можно, стараясь уберечь их от оскорблений казармы.» Впрочем, доставалось там, как видим, всем, независимо от возраста, религии и национальности. Но евреи всегда были, так сказать, на особом счету… У А.В. Скандина читаем: «Особенно вспоминает он (Кац) с тяжелым вздохом, как ему приходилось осенью на Иртыше в нестерпимо холодной воде стоять по пояс и выполнять непосильный для него труд по выгрузке леса и дров, и плотов на берег. Не всякий охотно заходил в воду, а его посылали силой, угрозами».

Во-вторых, в пользу «за» говорит тот факт, что за весь немалый период службы в армии Кац нисколько не продвинулся по карьерной лестнице. Как начал служить рядовым, так и в отставку вышел рядовым. А ведь известны примеры, когда бывшие кантонисты делали неплохую карьеру. Далеко ходить за этими примерами

не требуется. Тот же командир 7 Сибирского батальона, в котором служили Достоевский с Кацем, подполковник Велихов (или Белехов) вышел из кантонистов.

Да и сам Федор Михайлович, недавний каторжник, менее, чем через два года после зачисления на службу рядовым был произведен сначала в унтер-офицеры, а еще примерно через год получил чин прапорщика. Конечно, за Достоевского хлопотали такие влиятельные люди, как генерал Э. И. Тотлебен, принц Ольденбургский, барон А. Е. Врангель.

А за бедного еврея-барабанщика некому было слова замолвить. Да даже если бы нашелся добрый человек, захотел помочь – что толку? Известно, что некрещенные евреи могли быть в царской армии только рядовыми. В Российской империи было запрещено производство евреев в офицеры, их лишали заслуженных наград, запрещали продвижение по службе…

Третье немаловажное обстоятельство – Кац сумел сохранить свою фамилию. Обычно при крещении кантонисты получали новую фамилию, образованную от имени своего крестного отца. Сохранился список бывших кантонистов Пермского батальона. В списке указана дата крещения и кто были их восприемниками. Так, у Николая Капитонова восприемником был пермский мещанин Капитон Калашников, у Ивана Карпова – Карп Федоров, у Якова Тимофеева – пермский купец Тимофей Диряков и т.д. Таким образом, еврейские фамилии детей исчезали, что еще больше способствовало их отрыву от семьи и близких. Ведь переписка волей-неволей прекращалась за отсутствием адресата в связи с переменой фамилии.

Натан остался на своей прежней фамилии. Что это – везение? Или все-таки доказательство сохранения веры отцов? Кстати, Кац – это аббревиатура, так же, как и многие еврейские фамилии (Маршак, Брик, Рошаль, Шагал). Состоит она из двух букв, «каф» и «цади» (гласные в иврите не пишутся) и означает «коэн цэдэк» – «праведный священник».

Фамилии Коэн, Коган, Каган, Каганович, Кац и т. п. получали представители колена левитов – еврейских священнослужителей. Поэтому отец Натана, скорее всего, был раввином. Однако по

закону сыновья раввинов не подлежали военному призыву. Как же в таком случае Натан оказался в школе кантонистов? Возможно, его отец к этому моменту умер. А в первую очередь забирали в кантонисты сирот и детей вдов, даже если это были единственные сыновья в семье. Какой уж тут закон!

Но есть аргументы, говорящие о том, что Кац все-таки перешел в православие, не сумев устоять перед «кулачной проповедью христианства», как метко выразился еврейский историк Юлий Гессен в своей книге «История еврейского народа в России». Хотя я продолжаю именовать его Натаном, по документам он был Николаем Федоровичем. Безусловно, совместить еврейские религиозные традиции (соблюдение шабата, кошерного питания и др.) с условиями повседневной армейской жизни было совершенно невозможно. О каком кашруте может идти речь при питании из общего солдатского котла!

Также известно, что в Пермском батальоне, в который в 1850 г. был определен Кац, были окрещены все до одного кантонисты, что свидетельствует об «усердии» тамошних унтер-офицеров, в чьи обязанности входило создание такого жесткого физического и морального давления, когда евреи сами соглашались креститься.

Ну и самым неопровержимым доводом является тот факт, что я не нашла никого из представителей семьи Каца, в том числе и его самого, в списке захороненных на старом еврейском кладбище Семипалатинска, где самое давнее надгробие (мацева) датируется 1879 г. Больше того, в метрической книге Знаменского собора Семипалатинска имеется запись по поводу смерти его второй жены: «1894 год. 28 февраля. Умерла отставного рядового Николая Федоровича Каца жена – Александра Гавриловна – 31 год от родов». То, что вторая жена Каца, так же, как и третья, Анна Константиновна, и думаю, как и первая, были христианками, свидетельствует и о его принадлежности к этой конфессии.

Случаются все-таки иногда чудеса в нашем прагматическом мире. В тот момент, когда я печатала эти строки, внезапно раздался звук пришедшего на смартфон нового сообщения. Это оказались две фотографии, отправленные Мариной Парфенович, специалистом областной библиотеки имени Абая. Первая из них была

снимком надгробия той самой Александры Гавриловны, жены Каца, о преждевременной кончине которой я писала.

На втором снимке была сопроводительная информация об истории этого надгробия, являющегося сейчас экспонатом церковно-исторического музея Воскресенского Кафедрального Собора Семипалатинска. В ней сообщалось следующее:

«Данное надгробие находилось на территории православного кладбища Храма во имя Всех Святых города Семипалатинска (ныне территория стадиона Спартак). В 40-х годах прошлого столетия Храм вместе с христианскими захоронениями был разрушен и осквернен богоборческой властью коммунистов, сам Храм и надгробия как строительный материал переданы конторе городского управления жилищного хозяйства для вторичного использования в постройке городских зданий. Данное надгробие Александры Гавриловны Кац было использовано как фундамент здания. Найдено краеведами нашего города 17-го августа 2023 г. и передано в церковный музей в качестве экспоната времени гонения христианства, где и находится в данный момент».

«Чудесность» данной ситуации заключается в том, что:

а) снимки пришли, как по заказу, в минуту написания о «хозяйке» надгробия, не раньше и не позже;

б) надгробие было найдено именно в августе нынешнего года, то есть тогда, когда я начала обдумывать тему этого материала;

в) ну и, наконец, надгробие принадлежало – из тысяч памятников и надгробий, существовавших на варварски уничтоженном кладбище – именно жене Натана Каца, в перипетиях сложной судьбы которого я пытаюсь разобраться…

Как же сложилась жизнь Натана - Николая Федоровича Каца после его выхода в отставку? В материальном отношении все обстояло вполне благополучно. Хорошие портные ценились во все времена и во всех царствах-государствах. Круг заказчиков его постепенно расширялся, он получил известность благодаря своей добросовестности и аккуратности. Ну а вслед за известностью пришел достаток. Он открыл швейную мастерскую, набрал штат помощников. Причем, заказы принимал только на пошив военного платья. Кац построил двухэтажный дом в центре Семипалатинска,

на Больше-Владимирской улице (позже Советской, ныне Абая), где сейчас находится дворец бракосочетания. Каждый этаж дома состоял из 7 просторных комнат. На первом этаже размещались его семья и мастерская. Второй этаж сдавался в аренду жильцам. (Забегая вперед сообщаю, что после революции в этом доме находилось смешанное реальное училище).

Казалось бы, живи да радуйся, шей - не ленись. Но не тут-то было. Без горя и потерь никому в мире не удается прожить свой век… Я уже рассказала о печальной судьбе его второй жены, Александры Гавриловны, которая умерла в 31 год при родах. Больше, к сожалению, пока о ней ничего не удалось выяснить. Однако, ежели была вторая жена, то само собой подразумевается, что существовала и первая. Но о ней и вовсе ничего неизвестно, кроме того, что она также прожила очень короткую жизнь. Итак, Кац дважды овдовел, похоронил двух взрослых дочерей и сына.

Н. Е. Барбарат, которой в первом десятилетии нашего века удалось разыскать семипалатинских потомков сослуживца Ф. М. Достоевского, сообщает имя третьей жены Каца (Анна Константиновна), дату их женитьбы (1901 г.), а также год рождения дочери Елены (1902 г.). От этой, прямо скажем, довольно скудной информации я и отталкивалась в своих дальнейших расследованиях, которые неожиданно для меня самой принесли достаточно весомые плоды.

О последнем периоде семейной жизни Натана Каца мне многое рассказала Наталья Евгеньевна Глазкова, урожденная Ивашина, ныне проживающая в Санкт-Петербурге и являющаяся родственницей его третьей жены. А вышла я на нее с помощью Елены Борисовны, вдовы правнука Каца, Олега Юрьевича Третьякова, с которой, в свою очередь, познакомилась благодаря хорошо известной в Семипалатинске журналистке, Надежде Алексеевне Семеновой, долгие годы работавшей на телевизионной студии нашего города.

Итак, Анна Константиновна, третья жена Каца, в девичестве Гутова, происходила из бедной семьи. Её отец, Константин Гутов, первоначально фамилия которого, по предположению Н. Е. Глазковой, звучала «Гутман», был выкрест, как и Кац. Так называли евреев, по тем или иным причинам принявшим христианство. У К. Гутова было четверо детей, две дочери и два сына, Константин и Василий. Он был лавочником, но не очень удачливым. Жила эта

семья, опять же, по словам Натальи Евгеньевны, неподалеку от дома Каца. И когда Николай Федорович вторично овдовел, и ему понадобилась экономка для ведения хозяйства, для этой деятельности удачно подошла одна из дочерей Константина Гутова, Анна. Она была уже достаточно взрослой и, очевидно, получившей благодаря матери необходимые навыки домоводства. Однако особых иллюзий, что ей удастся создать собственную семью, Анна не питала. Во-первых, она была бесприданницей, а во-вторых, имела физический недостаток – хромота. Но она сумела наладить быт Николая Федоровича, окружила его заботой и вниманием. И вскоре он почувствовал, что уже не может обойтись без этой серьезной, энергичной молодой женщины. Думаю, что не последнюю роль здесь сыграла и принадлежность А. К. Гутовой к еврейству. Несомненно, несмотря на смену конфессии, Каца тянуло к общению с прежними единоверцами. Они поженились и через год, в 1902 г. родилась дочь Елена, Лёля, как ее называли близкие.

Хлопот, конечно, прибавилось, и Анна Константиновна предложила взять в помощницы свою племянницу Клаву, дочь брата Константина. Николай Федорович согласился. Клаве в то время было 9 лет. Но это не история про Золушку, которую безжалостно эксплуатируют жестокая мачеха и ленивые сводные сестры. С этого момента Клава, можно сказать, становится членом этой семьи, о которой на всю жизнь сохранила самые теплые воспоминания. Это свидетельствует о том, что Кац, несмотря на свои тяжелые детство и юность, проведенные в кантонистской школе и военной казарме, не озлобился, не ожесточился, а был очень добр и внимателен к людям. Николай Федорович полностью взял на себя содержание Клавы, оплачивает ее обучение в гимназии, а позднее она заканчивает медучилище в Тобольске.

Кац охотно и щедро помогает также и другим родственникам, которые появились у него после женитьбы на Анне Константиновне. Не забывает он и своих внуков от предыдущих браков несмотря на то, что они не очень доброжелательно отнеслись к созданию им новой семьи и почти перестали его навещать. Тем не менее, регулярная материальная поддержка дедушки дает им возможность окончить гимназию и продолжить получение образования.

Ярким факелом освещает закат жизни Каца любовь к его последней дочери Елене, маленькой Лёле, которой он завещает всё своё немалое состояние.

В 1909 г. Николай Федорович умирает. Произошло это неожиданно, так как он, несмотря на свои 73 года почти никогда не болел. Внезапно у него началась сильная рвота. Приглашенный врач, решив, что пациент находится без сознания, сказал Анне Константиновне: «Надежды никакой. У вашего мужа рак». От услышанного приговора Николая Федоровича парализовало, и он умер в тот же день, 27 июня. Похоронили его на старом семипалатинском кладбище, рядом с могилами его двух жен и троих детей. В советское время кладбище было разрушено и на его территории построен центральный стадион «Спартак».

Утешение в своей горькой утрате Анна Константиновна и Лёля находят в общении с родными. Они часто совершают прогулки на природу, благо городской сад находится буквально в двух шагах от их дома. Напоминаю, что дом семьи Кац располагался на углу улиц Больше-Владимирской (Абая) и Колыванской (К. Мухамедханова), а горсад начинался на углу следующей улицы, Александровской (Мангелик ел) и Больше-Владимирской, напротив дома губернатора, нынешнего историко-краеведческого музея, и продолжался до угла с улицей Мещанской (Уранхаева), до здания мужской гимназии. Прошел один квартал – и ты уже окружен зеленью деревьев и кустарников, дышишь прохладой, наслаждаешься тенью в жаркий день, пением птиц…

Анна Константиновна, по воспоминаниям потомков, обладала практическим складом ума и характера, что помогло ей наладить их с дочерью дальнейшую жизнь. Лёля окончила Семипалатинскую женскую гимназию, а в советский период – финансовый техникум.

В 1922 г. они продают дом – ровно за год до начала так называемой муниципализации, а проще говоря, грабежа, когда отбирали жилье у состоятельных горожан. Именно так лишилась своего двухэтажного особняка семья их соседей – Куперы. Их выселили на улицу без всякой компенсации. Впрочем, дети покойного Д.А. Купера, купца 1-й гильдии к этому времени уже перебрались в Москву. Пришлось и вдове Давида Абрамовича, Сарре Гиршевне

покидать Семипалатинск на старости лет. А вот вдова Каца, Анна Константиновна, оказалась более предусмотрительной. Возможно, до нее дошли какие-то слухи о дальнейших грабительских шагах новой власти, из четырех арифметических действий предпочитающей «вычитание» и «деление». И А. К. Кац решила сыграть на опережение. Дом был заблаговременно продан, следовательно, конфисковывать у них было нечего.

Предположительно в 1925 г. Елена выходит замуж за Дмитрия Третьякова. Через год у них рождается сын Юрий. Она до самой пенсии работала в городском финансовом отделе. Клава после окончания медучилища получила направление на работу фельдшером в Семиярку, Семипалатинской области, где вышла замуж за Петра Поспелова, у них растет дочь Зинаида. Затем она работала в железнодорожном медпункте, а позже – в Семипалатинском физиоинституте, с его легендарным основателем и руководителем, Василием Сергеевичем Бобовым.

Судьбы следующих поколений этой семьи являются типичными для советской интеллигенции. Юрий Дмитриевич Третьяков, внук Н. Ф. Каца, участвовал в Великой Отечественной войне, был стрелком-радистом в самолете. Закончил после войны исторический факультет Семипалатинского пединститута имени Н. К. Крупской, много лет занимался партийной работой. Его жена, Маргарита Сергеевна преподавала историю в школе №1 имени Н. Г. Чернышевского. Их сын, Олег Юрьевич и его супруга – медики, окончили Семипалатинский медицинский институт. Олега Юрьевича уже, к сожалению, нет в живых, а Елена Борисовна работает заведующей поликлиникой. Их сын, Владимир Олегович Третьяков с семьей живет в Новосибирске. У него растут два сына, Егор и Михаил.

Дочь Клавдии Константиновны Гутовой-Поспеловой, Зинаида Петровна Ивашина преподавала в железнодорожной школе №228. Эту же школу с медалью закончила ее дочь, Наталья Евгеньевна Глазкова, которая и поведала мне всю эту семейную сагу. Она долгие годы жила в Алма-Ате, где в свое время получила образование. Сейчас, вслед за детьми, переехала с мужем в Санкт-Петербург. Наталья Евгеньевна рассказывала мне, что когда в 50-ые годы Елена Николаевна и Зинаида Петровна ездили в тогдашний Ленинград,

то они встречались там с внуком Николая Федоровича Каца, который был тогда в возрасте своего дедушки и очень походил на него внешне. Что ж, гены не обманешь.

И вот уже второй век растут крепкие зеленые веточки от древа бывшего кантониста, Натана - Николая Федоровича Каца.

Бричкин А.

Бричкин Лев Александрович, 1925-1986 гг.

Бричкин Лев Александрович – доцент, заслуженный изобретатель Казахской ССР, родился 22 мая 1925 г. в городе Москве.

Мама – Штофер Итта Израильевна (1900-1946 гг.) – в 1917 г. вступила в ВКП(б), активный участник становления Советской власти в Красноярском крае – участница гражданской войны (комиссар), делегат 13 съезда РСДРП, блокадница. Лев Александрович часто рассказывал один эпизод из ее гражданской войны, когда при занятии города белогвардейцами она была вывезена из города в телеге под стогом сена. С 1932 по 1937 гг. на партийной и профсоюзной работе в г. Ленинграде. В конце 30-х годов (в годы сталинских репрессий) была арестована. Находилась в заключении около года, но проявив врожденный характер и стойкость была выпущена. Последнее место работы – заведующая аптекой в г. Ленинграде.

Отец – Бричкин Александр Васильевич (1900-1971 гг.) – в августе 1917 г. вступил в красную гвардию, в январе 1918 г. вступил в ряды РСДРП, участник боев на Красной Пресне в г. Москве; участник гражданской войны (комиссар) – становления Советской власти в Средней Азии; в 1924 г. окончил Томский технологический институт; стажировка в 1930-1932 гг. в США, Франции, Германии по теме – разработка горных месторождений; занимал различные государственные должности, профессор, Член корреспондент Академии Наук КазССР, доктор технических наук, автор свыше 400 статей и более 100 изобретений, организатор в 1931 г. института «Гипроруда» в г. Ленинграде, организатор в 1943-1944 гг. института Горного дела в г. Алма-Ате, зав. лабораторией «Новых физических методов разрушений» и многое другое.

В 1931 г. Лев Александрович переезжает с родителями в г. Ленинград. В 1933 г. пошел в школу и в 1941 г. окончил 8 класс.

К началу войны он проживал в самом центре города Ленинград на улице Мойка. Учился в школе на Невском проспекте, на стене которой и сегодня висит табличка с надписью: «Эта сторона опасна при артобстреле». Как и все его сверстники дежурил при налетах немецкой авиации на чердаках – тушил «зажигалки» (зажигательные бомбы), делал обходы квартир в поисках умирающих людей для оказания им помощи. После ранения при артобстреле в декабре 1942 г. он вместе со своей мамой Штофер И.И. был эвакуирован из Ленинграда с диагнозом дистрофия по Дороге жизни по льду озера Ладога в г. Семипалатинск Казахской ССР. Здесь он работает рабочим в слесарно-механических мастерских и экстерном заканчивает среднюю школу. В 1944 г. переезжает в г. Алма-Ату, где поступает в Казахский горно-металлургический институт. В 1945г., после снятия блокады, Лев Александрович оргнабором был направлен на восстановление г. Ленинграда. Он работает на судостроительном заводе, УКБ Минсудпрома, предприятиях радиотехнической промышленности. В 1959г. без отрыва от производства оканчивает радиотехнический факультет Политехнического института. С 1952-1962 гг. Л.А. Бричкин работает в Производственном объединения имени Козицкого – проходит путь от контрольного мастера до главного конструктора разработок. Технические изделия, выполненные под руководством Л.А. Бричкина – удостоены высших наград на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г. (Гран При) и международных выставках в Париже, Токио, Лондоне, Нью-Йорке.

Как высококвалифицированный инженерно-технический специалист в области радиотехнической промышленности, Бричкин Л.А. был приглашен на работу в Казахский политехнический институт им. В.И. Ленина в Казахскую ССР и в 1962 г. вместе с семьей переехал в г. Алма-Ату. В политехническом институте избран по конкурсу на должность доцента.

Здесь проявились его большие организаторские способности- впервые в республике Лев Александрович организовал и возглавил кафедру «Вычислительной техники». На базе созданной кафедры создал лабораторию Вычислительной техники. С небольшим коллективом кафедры смонтировал и запустил в работу вычислительную машину Минс-1.

В должности заведующего кафедры с 1962 по 1968 гг. Л.А.Бричкин проявил большие способности в деле создания и организации работы кафедры и лаборатории вычислительной техники, организации учебного процесса кафедры и лаборатории, организации научно-исследовательских работ, закрепления баз производственной практики студентов, выпуска первой группы специалистов по вычислительной технике.

В Политехническом институте он ведет большую учебно-методическую работу: читает лекции по курсам «Математические машины», «Основы вычислительной техники и программирование», «Надежность работы радиоэлектронной аппаратуры», «Патентоведение» и др. Принимает живейшее участие в организации учебного процесса и развития факультета «Автоматика и Вычислительная техника», ведет методическую разработку лабораторных работ, программ производственной практики, переходных учебных планов.

В течении всей работы в институте Лев Александрович член Совета факультета Автоматика и Вычислительная техника, Председатель Методического бюро, член технической секции научно-методического совета МВ и ССО Казахской ССР, член Методического Совета института, руководитель Секции программированного обучения и применения технических средств, зам.председателя Секции программированного обучения МВ и ССО КазССР.

Но самое главное призвание Льва Александровича – это совмещать научно-исследовательскую деятельность и профессиональную подготовку студентов. Для выполнения этой задачи он в 1969 г. организует при Политехническом институте Студенческое Конструкторское Бюро «Прибор» (СКБ «Прибор»), которое становится неотъемлемой частью профессиональной подготовки студентов в Казахском политехническом институте. Основную задачу, которую решает Л.А.Бричкин в СКБ «Прибор» – организация научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы студентов, обеспечивающей органическое единство учебной, научной и воспитательной работы, реализуемых в учебном процессе и во вне учебное время. Лев Александрович реализует эти задачи через активное вовлечение и участие студентов в разработке, изготовлении

и внедрении в практику сложных электронных приборов и устройств автоматики, телемеханики и средств информационно-измерительной техники.

Бричкин Л.А. активно привлекает к изобретательской и рационализаторской деятельности студентов и сотрудников института, ведет большую работу по развитию технического творчества студентов, совершенствованию учебно-воспитательного процесса и повышению эффективности научно-исследовательских работ.

Сразу надо сказать – организованное Бричкиным Л.А. СКБ «Прибор» являлось самостоятельным хозрасчетным подразделением, т.е. за аренду помещения, за приборы, элементную базу, офисную мебель, заработную плату сотрудникам и студентам и т.д. СКБ «Прибор» оплачивало со своих заключенных договоров. И кроме того, с каждого заключенного договора, СКБ «Прибор» перечисляло в бюджет политехнического института 15% от суммы договора.

В СКБ «Прибор» Лев Александрович создает техническую базу и использует современные технологии для разработки и изготовления электронной аппаратуры: современные цифровые приборы, современная элементная база, участок изготовления печатных плат, слесарная мастерская, фотолаборатория, участок изготовления электронных узлов, сборочно-отладочный участок.

Лев Александрович – не только организатор научных и технических работ СКБ «Прибор», он же и ее идейный вдохновитель. В СКБ «Прибор» Бричкин Л.А. организует научно-техническую библиотеку советских и зарубежных книг, справочников, журналов. Привлекает для изучения и применения современных методов технической реализации разработки и изготовления аппаратуры, квалифицированных специалистов сторонних организаций, которые на практике передают свой производственный опыт студентам в стенах СКБ «Прибор».

В СКБ «Прибор» Лев Александрович организовал прохождение студентами последовательно всех этапов конструирования электронной аппаратуры от идеи до ее технической реализации: изучение технической литературы, оформление идей в виде чертежей, изготовление печатных плат, сборка макета, изготовление корпуса, монтаж изделия, испытание. Для более глубокого

развития творчества студентов, он внедряет в практику СКБ «Прибор», изучение студентами методику решения изобретательских задач АРИЗ (алгоритм решения изобретательских задач), разработанную инженером Альтшуллером Г.С. и изложенной им в книге «Алгоритм изобретения». Многие студенты и сотрудники СКБ «Прибор» по инициативе Льва Александровича прошли обучение в «Алматинском общественном институте патентоведения».

После окончания этого института, будущие инженеры получают знания в области патентного законодательства, способны самостоятельно проводить анализ предлагаемых технических решений, проводить патентный поиск и оформлять заявки на авторские свидетельства. Из числа сотрудников и студентов СКБ «Прибор» - восемь защитили кандидатскую диссертацию. Дипломные работы студентов, выполненные в СКБ «Прибор», отмечались наградами на Городском и Республиканском конкурсах Казахской ССР.

Лев Александрович на протяжении всей своей жизни и сам постоянно повышает уровень своих знаний. Вместе со студентами заканчивает «Алматинский общественный институт патентоведения». Его настольной книгой являются журналы «Открытия, изобретения, промышленные образцы, товарные знаки», «Инженерно-физический журнал», «Электроника», «Заводская лаборатория» и многие другие. Постоянно пополняет и изучает научно-техническую библиотеку СКБ «Прибор». Он переписывается со многими авторами книг: с Альтшуллером Г.С. (автор теории решения изобретательских задач»), Сигаловым Р.Г. (ученный изучает динамическое действие магнитных полей) и др. Эти знания позволяют решать технические задачи, возникающие и реализуемые в договорах между СКБ «Прибор» и многочисленными союзными организациями.

В СКБ «Прибор» были разработаны и изготовлены приборы и аппаратура по заказам ведущих научно-исследовательских и промышленных предприятий – всего более чем 60 предприятий СССР. Среди заказчиков такие организации как – НПО «Источник» г. Ленинград, «Институт стали и сплавов» (г. Москва), КазНИИэнергетики, «Институт проблем литья АН УССР» (г. Киев) и многие другие. Работы, проводимые в СКБ «Прибор», были актуальны и имели практическую направленность.

В СКБ «Прибор» с 1969 по 1986 гг. всего было выполнено научно-исследовательских работ с участием более 800 студентов на сумму более 2.500.000 рублей с внедрением разработок на предприятиях СССР. Сложно посчитать общий экономический эффект от внедрения всех разработанных в СКБ «Прибор» приборов и устройств, если только от одной разработки прибора «Универсальная амперометрическая установка» –УПАТ, внедренной более чем на 50 предприятиях и в научно-исследовательских организациях, экономический эффект составил 400.000 рублей (золотая медаль ВДНХ СССР в 1972 г.).

В СКБ «Прибор» было разработано и изготовлено большое количество приборов и устройств, но в этом ряду особенно выделяется уникальная разработка – оборудование для комплектации аккумуляторных бортовых батарей, изготовляемых заводом «Ленинская искра» г. Ленинград, для космических станций Салют-5, Салют-7 и станции Мир.

По итогам Всесоюзного смотра-конкурса СКБ Вузов, СКБ «Прибор» руководимое доцентом Бричкиным Л.А. в 1979 г. отмечено поощрительной премией, а по итогам 1982г. награждено Почетным дипломом, Второй премией и знаком Лауреата Всесоюзного смотра.

В связи с большими успехами СКБ «Прибор» в деле подготовке квалифицированных специалистов и с целью популяризации опыта работы со студентами, по решению правительства Казахской ССР в 1979 г. киностудия Казахфильм выпустила документальный фильм о работе СКБ «Прибор» – «Где ваш фонарь?».

Лев Александрович – автор более 100 научных работ. Среди его печатных работ следует особо отметить книгу «Нагрев полого цилиндра подвижным источником» 1971 г. выпуска. Он автор 47 изобретений и крупных рационализаторских предложений. Последнее авторское свидетельство получено его сыном уже после смерти Льва Александровича. Поражает диапазон его изобретений: «Плазматрон», «Электрод», «Способ сборки резьбового соединения», «Устройство для кулонометрического титрования», «Способ моделирования потенциальных полей», «Способ лечения сердечной недостаточности» (совместно с сотрудниками Института экспериментальной хирургии им. Сызганова А.Н.).

Лев Александрович вел большую общественную деятельность по линии общества «Знание», являлся зам.редактора сборника «Технические науки» МВ и ССО КазССР, членом редколлегии сборника «Техническая кибернетика», участвовал с докладами на Всесоюзных научных конференциях. Он являлся зам.председателя первичной организации ВОИР и зам.председателя секции патентно-лицензионной работы МВ и ССО КазССР.

Учитывая огромный опыт изобретательской деятельности Бричкина Л.А. и его большую общественную работу в этой области, а также его эрудицию, технический кругозор, руководство Центрального казахского телевидения предложило Льву Александровичу организовать и стать ведущим телепрограммы «Банк эффективных идей». Лев Александрович блестяще справился с этой задачей – в период 1985-1986 гг. им было выпущено 4 передачи «Банк эффективных идей». В каждой передаче рассказывалось о практической реализации новаторских идей инженеров из разных городов Казахстана. Последняя передача вышла уже после его смерти.

В характеристиках и представлениях на награждение на Бричкина Л.А., руководство Казахского политехнического института в лице ректората, партийных и профсоюзных органов, неоднократно отмечало, что «за время работы в институте Бричкин Л.А. проявил большую творческую активность, показал себя грамотным преподавателем и воспитателем студентов, читал лекции, осуществлял руководство практиками, дипломным и курсовым проектированием на высоком профессиональном уровне; проявил большие организаторские способности в деле организации впервые в Республике в 1962 г. кафедры и лаборатории Вычислительной техники, организации подготовке инженеров по специальности 0608, заведуя кафедрой с 1962 по 1968 г.; постоянно ведет общественную работу, выполняя ответственные поручения ректората, деканата факультета «А и СУ», является членом группы содействия Партийно-государственного контроля, активно пропагандирует научно-технические достижения, проводит большую воспитательную работу среди студентов».

Умер Бричкин Лев Александрович 19 июля 1986 г. в 61 год – последствия болезни дистрофии, полученной в блокадном Ленинграде.

Награды Льва Александровича: медаль «За оборону Ленинграда», медаль «В память 250-летия Ленинграда», медаль «За доблестный труд», медаль «Ветеран труда», почетное звание «Заслуженный изобретатель Казахской ССР», диплом 2 степени ВДНХ КазССР 1970 г., серебряная медаль ВДНХ СССР 1971 г., золотая медаль ВДНХ СССР 1972 г., диплом 1 степени ВДНХ КазССР (1973, 1974, 1975, 1976, 1979 гг.), нагрудный знак «Изобретатель СССР». Он был неоднократно награжден нагрудным знаком «Победитель социалистического соревнования», нагрудным знаком «Отличник изобретательства и рационализации», нагрудным знаком «За отличные успехи в работе»; ему были неоднократно объявлены благодарности – Почетная грамота Казахского республиканского комитета профсоюза работников просвещения, Почетная грамота Президиума Казахского Республиканского Совета профсоюзов, Почетная грамота «Коллегии Минвуза КазССР и Казахского республиканского комитета профсоюза работников просвещения», Почетная грамота Президиума Центрального Совета ВОИР, Почетная грамота Алма-Атинского обкома ЦК ЛКСМ Казахстана, Почетная грамота Алма-Атинского обкома профсоюза работников высшей школы и научных учреждений, Почетная грамота Президиума Алма-Атинского областного Совета ВОИР.

Владимирски И.

Страницы истории еврейской общины Харбина

История еврейских общин Маньчжурии до настоящего времени не получила должного места и внимания со стороны исследователей. Отдельные периоды истории еврейской общины административного центра Маньчжурии города Харбина получили освещение в работах В.В. Романовой, Ф. Грюнера, Д. Бен-Кнаана, Т. Кауфмана, А. Кауфмана, М.В. Кротовой и автора данной статьи, проекте университета Гейдельберга по реконструкции еврейского кладбища Харбина 2006 г.[1] Одной из сложностей исследовательской работы по данной тематике является работа с источниками, находящимися в библиотеках, архивах, музеях, частных коллекциях России, Израиля, США, Канады, Австралии, Чехии, Германии, Японии. Географическая распыленность источников может быть отчасти компенсирована совместной работой исследователей разных стран.

Данная статья основана на анализе эго-документов, таких как воспоминания членов еврейской общины Харбина, начиная с момента основания общины и общинных институтов вплоть до изменения юридического статуса общины китайскими властями и утверждения нового Устава Харбинского Еврейского Духовного Общества (ХЕДО) в конце 1927 г.[2]

По воспоминаниям евреев-старожилов, начиная с момента строительства КВЖД в 1898 году и в первые годы после ее завершения организованной еврейской общины как таковой не существовало, а проживавшие в Харбине евреи собирались на молитву в заранее выбранном для этой цели частном доме. Такой первый домашний *миньян* начал собираться в 1900 г. на Магазинной улице в доме И. Л. Баха[3] [с. 8]. Религиозной организацией *миньяна* руководил Исаак Перский. В 1901 и 1902 гг. подобные *миньяны* собирались в доме Б. Л. Берковича, организованные евреем-хасидом Гендлером. В конце 1902–1903 гг. было решено организовать духовное управление харбинских евреев. В него вошли Р. М. Меерович (*габэ*), Е. И. Добисов (казначей), К.Л. Гурвич (ученый еврей), М.Л. Самсонович (член правления). Был также приглашен в Харбин *шойхет* В. Л. Наер. В эти годы в Харбине проживало временно и постоянно 45 евреев[4] [с.8; с.21].

Еврейская община Харбина была официально зарегистрирована 16 февраля 1903 г., причем Духовное правление общины получило разрешение на свое существование у полицейского ведомства. Первый Устав еврейской общины Харбина под заглавием «Правила внутреннего распорядка Еврейской Духовной Общины в г. Харбине» был утвержден Управляющим КВЖД генералом Д.Л. Хорватом 24 декабря 1909 г. Однако, как самостоятельное юридическое лицо еврейская община была признана только в 1919 г.[5] [Л. 185]. Новый Устав Еврейской общины, управляемой Временным Комитетом, был зарегистрирован в Пограничном Окружном суде 15 апреля 1920 г.[6] [6, с.18]. Формально еврейская община Харбина подчинялась Забайкальскому областному правлению.

В 1903 г. было решено приобрести участок по ул. Артиллерийской, 6 с временным домиком для постройки постоянной синагоги. Впоследствии на купленном участке позже стала размещаться

бесплатная общественная столовая и Мошав Зкейним (дом престарелых). Началу строительства синагоги помешала русско-японская война, однако во время войны резко увеличилось количество евреев в Харбине. Поскольку Харбин был центром русских военных учреждений, то в городе были тысячи еврейских солдат, как отправлявшихся на фронт, так и находившихся в госпиталях. Растущее количество умерших поставило еврейскую общину Харбина перед необходимостью ходатайствовать перед Земельным отделом о выделении специального участка под еврейское кладбище.

Для помощи еврейским солдатам и обеспечения их всем необходимым по инициативе раввина Ш.М. Левина (он прибыл в Харбин из Читы в августе 1904 г.) был организован Дамский комитет, которым руководила жена раввина. Представительницы Комитета навещали раненых солдат в госпиталях, шили для них белье, писали письма и старались снабжать всем необходимым. Во время празднования еврейской Пасхи община кормила около тысячи еврейских солдат. Поскольку финансовые возможности общины не могли самостоятельно покрыть столь большие расходы, раввин Левин через прессу обратился за помощью к еврейским общинам России, которые делегировали в Харбин специальных посыльных (*шлихим*), привезших в Харбин мацу и другие продукты для питания солдат в Пасхальную неделю. Помимо полученной помощи, в Харбине также пекли мацу и готовили другие продукты для солдат. Для солдат специально были выстроены сараи-столовые, где они так же молились[7] [с.9].

После окончания русско-японской войны раввином Левиным была возобновлена деятельность по постройке синагоги. С этой целью был создан специальный комитет по сбору средств на ее постройку. В состав комитета вошли братья Самсонович, И. С. Фриде, братья Лондон, В. Л. Беркович, А. М. Мордухович, французский еврей Райхель и члены духовного правления. Поскольку еврейская община количественно выросла и ее демографический состав требовал еще и открытия еврейской школы, было решено вновь обратиться в Земельное управление КВЖД с просьбой отведения под строительство синагоги и школы большего участка, поскольку первоначально отведенный участок перестал удовлетворять

изменившимся потребностям общины. Просьба была удовлетворена и под синагогу и школу был отведен новый участок по Артиллерийской улице. Комитетом также был объявлен сбор пожертвований на строительство синагоги, к концу 1905 г. сумма сбора достигла 15 000 руб. Самыми крупными жертвователями были братья Самсонович и Фисель Риф. В 1906 г., когда сумма пожертвований достигла 24 000 руб., было решено приступить к строительству синагоги. Руководил постройкой специально избранный комитет по постройке синагоги, которая, как и многие здания в Харбине, была построена по проекту гражданского инженера КВЖД Н. А. Казы-Гирея[8]. В августе 1907 г. синагога была освящена, а 15 января 1908 г. была принята специальной Приемочной комиссией[9] [с. 15-16]. Здание было каменным, двухэтажным, с центральным отоплением и вмещало до 450 чел. Затраты на строительство составили около 100 тыс. руб.[10] [с.288].

Количество евреев Харбина в это время было около 500 чел., но цифра эта весьма приблизительная, основанная на подсчете мужчин, женщин и детей, посещавших обе синагоги в главные еврейские праздники[11] [с. 202]. В 1907 г. в Харбине было открыто Еврейское образцовое училище для детей обоего пола, в котором в 1908 г. обучалось 40 учеников. Правление Харбинского еврейского молитвенного дома в письме 27 мая 1908 г. в Петербург в «Общество распространения просвещения между евреями» сообщало: «Дети научились писать и говорить на древнем еврейском языке, также прошли катехизис торы и первых пророков до царей первых; русский язык, арифметику и немецкий в объеме приготовительного класса здешних коммерческих училищ. Недавние экзамены поразили присутствующих успехом учащихся. В настоящее время по случаю выселения евреев из Владивостока и Приамурья число учеников выросло до 80»[12] [Л.7].

К 1910 г. синагога начала приносить доход, который использовался для поддержания училища. К 1914 г. в еврейской общине Харбина имелись похоронное бюро, хедер, кладбище, миква, богадельня, Талмуд Тора, Дамское благотворительное общество и библиотека[13] [с. 249]. В феврале 1913 г. была проведена однодневная перепись всех жителей Харбина, которая зарегистрировала 68 549

подданных Российской и Китайской империй 33 различных национальностей[14] [с.1]. Среди национальных групп, насчитывающих свыше 100 человек были русские (34 313 чел.), китайцы (23 537 чел.), евреи (5 032 чел.), поляки (2 566 чел.), японцы (696 чел.), немцы (564 чел.), татары (234 чел.), латвийцы (218 чел.), грузины (183 чел.), эстонцы (172 чел.), литовцы (142 чел.) и армяне (124 чел.). Это многонациональное сообщество говорило на 45 языках, доминирующими были русский и китайский, за которыми следовали польский и идиш[15] [с.52]. Как отметил Давид Вульф, большинство харбинских евреев говорило на русском языке, около 90% всех евреев города (4 559 чел.) жили на Пристани, торговом районе на берегу Сунгари[16] [с.257]. Именно здесь находились синагога и начальная школа, здесь был, по сути, религиозный и культурный центр еврейского Харбина.

Количество жителей в Харбине, в том числе и евреев, начало увеличиваться с началом первой мировой войны, которая привела к хаотическому движению больших масс населения. Беженские волны двигались с запада на восток страны, в основном, по Сибирской железной дороге и КВЖД. Харбин стал переполняться еще с 1915 г., когда вследствие оккупации немцами Польши евреи стали перемещаться на восток, в центральную Россию, Сибирь и дальше, в Маньчжурию, которая казалась островком стабильности и предоставляла возможность временной передышки.

Религиозная толерантность и поощрение развития экономической активности со стороны китайских властей объясняют тот факт, что евреи-беженцы предпочитали селиться здесь, здесь же скрывались от преследований евреи – представители радикальных политических партий. Во время первой мировой войны сюда начали стекаться всевозможные поставщики и посредники, среди которых было немало сибирских евреев, хорошо знавших местный рынок, – здесь закупали товары для армии, продовольствие для центральной России, причем торговля носила зачастую спекулятивный характер. Уже после революции Харбин стал убежищем для людей самых разных политических взглядов, которые спасались здесь как от «красных», так и от «белых».

В начале 1913 г. состоялись выборы главного раввина еврейской общины Харбина в связи с тем, что ее бывший раввин

Ш. Левин временно оставил свою должность в связи с новым назначением, и должность харбинского раввина оставалась вакантной. Следует заметить, что изначально харбинская еврейская община была создана сибирскими и дальневосточными евреями. С прибытием евреев из других мест Российской империи произошло разделение общины на сибирских и прочих евреев, что особенно проявлялось при выборах в органы управления общиной. Естественно, что такой важный вопрос, как выборы нового раввина, немедленно привел к острой дискуссии о том, какой именно раввин нужен общине, изменившейся не только в количественном, но и в качественном отношении.

На предложение специально избранной для этой цели комиссии подали заявки 12 претендентов из различных городов России. По результатам финального отбора остались две кандидатуры – вернувшийся в Харбин ее прежний раввин Ш. Левин и раввин А. М. Киселев, получивший образование в известной далеко за пределами Российской империи Воложинской ешиве, учившийся вместе с национальным поэтом Израиля Х. Н. Бяликом. Группа сибирских евреев поддержала кандидатуру Ш. Левина, многие из которых были знакомы с ним еще по Омску и Чите, где он также занимал раввинскую должность. Другие же выступили в поддержку кандидатуры А.М. Киселева, шансы которого на избрание были несколько выше. Чтобы избежать раскола еврейской общины в этом спорном вопросе, А. И. Кауфман – врач и известный общественный деятель, знакомый лично с обоими кандидатами, вызвался быть третейским судьей и переговорить отдельно с каждым из них. В результате переговоров раввин Ш. Левин снял свою кандидатуру, и раввин А.М. Киселев был избран на должность раввина открытым голосованием. Должность главного раввина общины он исполнял вплоть до своей кончины в 1949 году[17] [с.12-14].

Следует заметить, что точных данных о количестве населения Харбина в период с 1913 по 1923 гг. не существует, но, по отдельным предположениям как бывших российских жителей Харбина, реэмигрировавших впоследствии из Китая в США, Европу и Австралию, так и ряда отечественных и зарубежных исследователей, в Харбине нашли приют 100 000 – 200 000 русских эмигрантов из

руководителей, солдат и офицеров Белого движения, членов «белых» правительств Сибири и Дальнего Востока, представителей интеллигенции и рядовых граждан, напуганных политической неопределенностью и опасениями новой большевистской власти[18] [с.56; с. 297-298]. Однако постоянные миграции населения и отсутствие конкретных статистических сведений не позволяют привести точных данных о количестве жителей Харбина. Газета «Новости жизни» в начале 1924 г. сообщала о численности населения Харбина и пригородов: население всего Харбина определялось в 126 436 чел., из которых китайцев – 65 821, европейцев – 57 953 и японцев – 3 653[19] [с.4].

Для многих Маньчжурия и Харбин были транзитным пунктом, из которого перебирались затем в другие города Китая (Шанхай, Тяньцзинь, Ханькоу, Циндао), Европу или Америку. Через Харбин проходил маршрут выезда из Сибири в Палестину. Однако большинство евреев оседало в Харбине и на линии КВЖД (особенно в районе Хайлара), выжидая изменения политической ситуации. М. А. Кроль оставил впечатления о Харбине конца 1918 г.: «Харбин кишел беженцами, среди которых было немало очень богатых людей, успевших вывезти из России значительную часть своих капиталов, ценностей и даже ценных товаров …Главным образом, это были коммерсанты, которые и в Харбине тоже делали «дела» и много содействовали небывалому развитию харбинской торговли. В то время вся Сибирь переживала сильный товарный голод, и Маньчжурия, а главным образом, Харбин, являлась крупным поставщиком товаров для сибирского населения»[20] [с.527]. И. И. Серебренникову, прибывшему в 1920 г. в Харбин из Иркутска, показалось, что евреев здесь было «едва ли более, чем собственно русских»: «Дешевая жизнь и легкие заработки благодаря богатым коммерческим возможностям привлекали в Харбин в прошлые годы многих представителей этой нации. Евреи населяли преимущественно пристанскую часть города, где часто можно было видеть их собиравшимися кучками или целыми группами на тротуарах Китайской улицы, оживленно толкующими о делах. Мне казалось, что харбинские евреи очень любят свой Харбин, примерно наподобие того, как прежде одесские евреи любили свою Одессу.

Недаром же сложилась здесь еврейская поговорка: «Одесса – мама, Харбин – папа!»[21] [с.26].

Фактически Харбин стал центром еврейской эмиграции из Сибири. Не случайно именно здесь в апреле 1918 г. Американско-Еврейским центральным комитетом защиты эмигрантов (Гайас) было создано Дальневосточное отделение Еврейского информационного бюро – Дальевциб для розыска без вести пропавших лиц, через которое родственники и знакомые из разных стран находили друг друга. Бюро имело отделения во Владивостоке, Чите, Иркутске, Томске, Благовещенске, Шанхае, Тяньцзине, Иокогаме. В Дальевциб обращались не только евреи – так, например, мать известного поэта Сергея Алымова узнала о его местонахождении в Харбине после запроса в Бюро[22] [Л.1]. Дальевциб также выдавал справки евреям, выезжавшим в другие города Китая и страны Европы, и Америки.

В связи с революционными событиями и наплывом еврейских беженцев из Сибири, Приамурья и Приморья в апреле 1919 г. в Харбине было принято решение создать вместо старого Духовного правления новый демократический Совет еврейской общины, избранный на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования всего еврейского населения Харбина без различия пола и экономического статуса. Правом голоса были наделены все, кому исполнился 21 год, в некоторых случаях за отсутствуем документов, подтверждающих возраст, избирательная комиссия удовлетворялась показаниями двух свидетелей, лично знавших избирателя. Выборы в совет общины были организованы по партийным спискам, и состав избранного Временного Совета в полной мере отражал политические пристрастия и реалии того времени. В состав Совета на пропорциональной основе было избрано 40 человек, распределившихся по своей политической принадлежности следующим образом: шестнадцать сионистов, восемь представителей Бунда, семеро представителей Поалей Цион, четыре представителя Цеирей Цион, трое из Агудас Исроэль и два представителя Фолкс Партей в блоке с объединенными социалистами[23] [с.3].

Как отмечалось в «Вестнике Совета харбинской еврейской общины», благодаря особым местным политическим условиям она

получила возможность провести в более или менее цельном виде эксперимент создания местного органа национального самоопределения на основании особого Устава еврейской общины. По Уставу, одобренному Советом после выборов, община имела право самостоятельно заниматься учетом еврейского населения города (браки, рождения и смерть), создавать учреждения, призванные удовлетворять религиозные потребности, ведать здравоохранением еврейского населения, создавать учреждения, регулирующие еврейскую миграцию в различные страны, в том числе и в подмандатную Палестину, устраивать всякого рода съезды, конференции и совещания по вопросам еврейской жизни[24] [с.1-2].

В ведении совета находились Дальневосточный еврейский общественный комитет помощи сиротам – жертвам погромов, Общество призрения старцев (Мойшав Зкейним), Общество призрения больных бедных евреев (Мишмерес Хойлим), барак–общежитие для бездомных евреев, дешевая столовая, спортивное общество Маккаби и другие организации.

С увеличением еврейского населения Харбина возникла необходимость приобретения земельного участка для строительства дополнительной синагоги. Постройка синагоги была начата в 1918 г. на пожертвованные суммы и обошлась в 115 тыс. руб.[25] [Л.72]. Работу по строительству возглавлял председатель строительной комиссии Совета еврейской общины Ю. А. Боровой[26] [с.288]. В сентябре 1919 г. была открыта Новая синагога «Бейс-Гамедрош» (Молитвенный дом) на Диагональной ул. (синагога на Артиллерийской улице стала называться главной или старой).

С 1917 г. в районе Харбина Модягоу существовал небольшой еврейский молитвенный дом на ул. Сербской. В 1919 г. была организована еврейская начальная школа «Талмуд Тора» им. Л. Ш. Скидельского, при которой имелся детский сад «Гадасса» и класс для девочек им. С. С. Купицкой, куда принимались 5–6 летние дети. В школе и детском саду дети обучались древнееврейскому, русскому и английскому языкам[27] [с.275].

С 1920 г. в Харбине издавался еженедельный журнал «Сибирь – Палестина», впоследствии переименованный в «Еврейскую

Жизнь», действовали местные отделения сионистских организаций.

Среди эмигрировавших в Маньчжурию сибирских евреев были кадеты, представители левых партий – эсеров, социал-демократов (здесь находилась харбинская евсекция Дальбюро), евреи входили также и в Трудовую партию, и в группу сибиряков-областников[28] [Л.21-24]. Среди них были представители еврейской интеллигенции – той ее части, которая, по словам М. А. Кроля, приобщилась к русской культуре, «глубоко чувствовала трагедию, которую евреи переживали в России, еврейское бесправие, гонения, которым их соплеменники подвергались». Однако они понимали, что «остальные народы России также страдают от самодержавного режима, считали, что для русских евреев их родина – Россия, и что благополучие этой страны им также дорого, как и русским». Поэтому они присоединялись к революционному российскому движению для борьбы с деспотическим режимом.

Часть евреев приняла в 1920 г. гражданство Дальневосточной республики (ДВР), которое впоследствии автоматически стало гражданством СССР. С 1924 г. число евреев с советским гражданством только увеличивалось, правда к концу 1920-х гг. крупные еврейские коммерсанты предпочли «уйти под флаг», приняв польское, литовское, английское, португальское гражданство. Между Сибирью и Маньчжурией долгое время существовали связи и возможности контактов – переезды, передачи продовольствия и необходимых предметов, торговля. Согласно личным делам, мемуарам и харбинской прессе, движение евреев из России и Европы в Маньчжурию и Китай продолжалась вплоть до конца 1930-х годов.

Еврейская община не замыкалась в себе, активно участвуя в жизни русской колонии в Маньчжурии. В письме харбинской еврейской общины в правление Общества КВЖД 29 мая 1923 г. говорилось: «Работая в чужом малонаселенном крае в интересах усиления русского влияния, в интересах захвата Россией маньчжурского рынка, местное еврейство […] не оставляло без внимания культурных нужд населения. […] Необходимо упомянуть что, хотя все указанные еврейские учреждения [Речь идет о Дамском еврейском благотворительном обществе с трудовой школой, обществе «Мойшав Зкейним», «Мишмерес Хойлим», еврейской

дешевой столовой и др.], созданы на исключительно еврейские средства и главным образом для евреев, они никогда не были узко национальны и всегда оказывали широкую помощь всему населению без различия национальности в случае обращения к ним. Еврейское общество в Харбине было всегда очень отзывчиво к общественным нуждам и всегда с особой готовностью шло на всякие жертвы, даже в то время, когда вопрос касался предметов, ничего общего с еврейством не имеющим, лишь бы в данном случае преследовались культурные цели и удовлетворялись общественные нужды. Думается, что не будет преувеличением, если указать, что и теперь не менее половины всякого рода сборов на благотворительные и культурные нужды Харбина дает местное еврейство»[29] [Л.183-184].

В 1931 г. Япония оккупировала Северную Маньчжурию, и уже 1 марта 1932 г. на оккупированной территории было провозглашено создание государства Маньчжоу-Го. Все общественные эмигрантские организации были поставлены под японский контроль, и жителям Северной Маньчжурии приходилось демонстрировать лояльность новым властям. С приходом японцев положение евреев в Харбине и Маньчжурии резко изменилось. Дли них японцы были мощным и неравным конкурентом, которому приходилось уступать все хозяйственно-экономические позиции в крае. С началом японской оккупации еврейская община Харбина открыла новую, но не последнюю страницу своей истории.

1. Ben-Canaan D., Grüner F., Prodöhl I. The Transcultural Past of Northeast China. / Transcultural Research – Heidelberg Studies on Asia and Europe in a Global Context. Cham, Heidelberg, New York: Springer, 2014; Ben-Cnaan D. Tombstone Histories: Tales of Jewish Life in Harbin. New York: Earnshaw Books Ltd., 2023; Романова В.В. Еврейская община Харбина в 1920-е гг.: десятилетие расцвета // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Сб. мат-лов VIII регион. науч.-практич. конференции. Красноярск, 19–20 ноября 2007 г. / под ред. Я. М. Кофмана. Красноярск: Красноярский писатель. 2007, С. 132–142; Владимирски И., Кротова М. В. Как мало прожито, как много пережито: харбинский период жизни семьи Фризер // Профессионалы и маргиналы в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.; Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика. 2022, с. 146–178; Кауфман А.И. Лагерный врач:16 лет в Советском Союзе – воспоминания сиониста. Тель Авив: Ам Овед, 1973; Kaufman T. The Jews of Harbin live on in my heart. Tel Aviv: Association of Former Jewish Residence of China in Israel. 2006.

2. Устав Харбинского Еврейского Духовного Общества. Харбин: Типография Я.М. Эленберга. 1927.

3. Бах А. Зачатки и развитие еврейской общины в Харбине (записки старожила) // Еврейская Жизнь. № 40. 1935, с. 8–10.
4. Бах А. Зачатки и развитие еврейской общины в Харбине (записки старожила) // Еврейская Жизнь. № 40. 1935, с. 8–10; Чжан Цайся. Харбинские евреи - историческая хронология // Бюллетень Ассоциации выходцев из Китая в Израиле. № 399. Август–сентябрь. 2009, с. 21–23.
5. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 323. Оп 4. Д. 126. Протоколы заседаний юбилейной комиссии и переписка со службами и отделами дороги о праздновании 25-летнего юбилея Китайско-Восточной железной дороги. 1921–1923 гг.
6. Сибирь-Палестина. Шанхай.1922. № 4.
7. Бах А. Зачатки и развитие еврейской общины в Харбине (записки старожила) // Еврейская Жизнь. № 40. 1935, с. 8–10.
8. Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида: [страницы истории Харбина - бывшего русского города в Китае]. Хабаровск: Хабаровская краевая тип. 2010.
9. Еврейская Жизнь. 1935. № 40, 15–16.
10. Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида: [страницы истории Харбина - бывшего русского города в Китае]. Хабаровск: Хабаровская краевая тип. 2010.
11. Bresler B. Harbin's Jewish Community, 1898–1958: Politics, Prosperity, and Adversity // J. Goldstein (ed.). The Jews of China. Vol. 1: Historical and Comparative Perspectives. New York: M.E. Sharpe. 1999, pp. 200–216.
12. РГИА. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 983. Общество по распространению Просвещения между евреями в России.
13. Вульф Д. Евреи Маньчжурии: Харбин, 1903–1914 гг. // Ab Imperio. 2003, № 4. с. 239–270.
14. Известия Харбинского Общественного Управления (ХОУ). 1913. № 9.
15. Bakich O. Émigré Identity: the Case of Harbin // The South Atlantic Quarterly. Winter. 2000, Vol. 99. No 1, pp. 51–73.
16. Вульф Д. Евреи Маньчжурии: Харбин, 1903–1914 гг. // Ab Imperio. 2003, № 4. с. 239–270.
17. Кауфман А. Из истории Еврейской общины. // Бюллетень Игуд Йоцей Син. 1962, №72, с. 12–14.
18. Bakich O. Émigré Identity: the Case of Harbin // The South Atlantic Quarterly. Winter. 2000, Vol. 99. No 1, pp. 51–73; Wolff D., Breuillard S. Harbin ou le dernier avater de la politique imperia russe // Revue des Etudes Slaves. T. 73, 2001, Fascicule 2–3. pp. 297-298.
19. Новости жизни. 1924. 15 января, с.4.
20. Кроль М.А. Страницы моей жизни / подгот. к изд., предисл. и примеч. Н. Л. Жуковской. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Gesharim, 2008.
21. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. В эмиграции (1920–1924). Тяньцзин: Наше знание, 1940.
22. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1885. Оп. 4. Д. 2. Дальевциб. Письмо Алымовой. 1924 г.
23. Вестник Совета харбинской еврейской общины. 1920. № 1, с.1-3.
24. Вестник Совета харбинской еврейской общины. 1920. № 1, с.1-3.
25. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 29. Общество единения народов в Маньчжурской империи «Кио-Ва-Кай». Город Харбин. План по истории города, обзорные материалы и сведения по истории города Харбина. 1944 г.
26. Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида: [страницы истории Харбина — бывшего русского города в Китае]. Хабаровск: Хабаровская краевая тип. 2010.
27. Чернолуцкая Е. Роль ХЕДО в сохранении этнической идентичности евреев в Харбине // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Сб. мат-лов VII реги-

он. науч.- практич. конференции. Кемерово, 21–22 августа 2006 г. / под ред. Я. М. Кофмана. Красноярск; Кемерово: Красноярский писатель, 2006, с. 272-281.
28. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 10384. Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. г. Харбин. Голанский Давид Владимирович. 1938–1945 гг.
29. РГИА. Ф. 323. Оп 4. Д. 126. Протоколы заседаний юбилейной комиссии и переписка со службами и отделами дороги о праздновании 25-летнего юбилея Китайско-Восточной железной дороги. 1921–1923 гг.

Vladimirsky I.

And finally I was stopped by the Chinese Wall: diaries of Siberian Jewish gold entrepreneur Yakov Frizer (1869-1932)

Prologue

On December 29, 1932, a Russian-speaking community of Harbin was shocked by the news of the suicide of Yakov Frizer, a well-known businessman, social activist, and a board member of the local Jewish community. The name of Yakov Frizer now does not tell much to the researchers of Russian Jewry and the researchers of Siberia and the Russian Far East. The collective memory of the Communist State, which is used for large-scale descriptions, seldom or never pays attention to those individuals who disappear without leaving a trace in the course of history.

Yakov Frizer left behind personal diaries (1921-1931), a rare and unique collection that could not fit the exact frame of synchronous egodocuments but represented a closed-in-time replica of the original diaries left in Bolshevik Russia in 1918 when he escaped to Harbin. The restored diaries may contain some unintentional distortion of events or inaccuracy in dates, and some details of the notes may require clarification. However, they are still valuable and rare sources of information on the life of a Jew in Siberia. The diaries had been kept in Yakov Frizer's family since 1939 and got to the hands of researchers by pure chance several years ago. Even glancing through the diaries shows their importance and novelty and the necessity to bring back to life an outstanding personality, creatively thinking entrepreneur, social activist, loving son, and father.

Yakov Frizer's diaries were not mere historical records, but personal reflections written in three thick notebooks, mainly in ink, with some notes in pencil; the text was written in Russian with some words

in Hebrew and English. They did not reconstruct the events day by day or month by month but year by year, emphasizing meaningful events of every year beginning with 1879 and ending with the beginning of WWI. His diaries are not only an attempt to express oneself but a reflection, self-analyses of past choices and opportunities, fulfilments, losses and disappointments[1] [p.102]. The diary after a proper process of facts verification undoubtedly could be used as a valuable source of the history of a certain epoch in which a researcher is confronted with an «I,» or occasionally «he,» «she» or «them», continually acting in the text as the writing and describing subject[2] [p.277]. Eventually, our history is populated by individuals inhabiting different parts of the globe, but only after WWII and even later did the personification of a human object get importance in individual self-perception and not as a part of a social group; an individual felt a necessity to express himself orally or in writing.

While reading Yakov Frizer's diaries, one could be impressed by the range of his interests and personal contacts: his notes contain numerous references to people who directly influenced the formation of his world outlook, personal details of everyday life of the Jewish merchants in Eastern Siberia, everyday life of Siberian cities and gold mines. A peculiar and deeply personal view of the Siberian gold-mine entrepreneur, the abundance of details and accurate specifications cannot but attract careful attention to such sources that have great research potential, namely the expansion of explanations and interpretations of the given text [3] [p.77]. In order to understand the notes and personality of Yakov Frizer, the analysis of historical context, regional characteristics, conditions of Jewish residence in Siberia, and history of gold mining industry development in the Russian Empire is necessary and important. Frizer’s diaries contain no mention of the way and circumstances under which he made his move, i.e., carefully arranged his escape from Irkutsk in Eastern Siberia to Harbin in Northern Manchuria in 1918. Legal documents of his personal archive and family legends give rise to several different versions of such an escape and refer to the division of family gold mines and the concealment of part of the extracted gold from the Bolshevik authorities in Barguzin taiga.

Frizer’s diaries reveal that he developed the habit of keeping a diary since he was very young for introspection and analysis rather than

simply recording events and meetings with people who later became a part of Russian history. He took on the position of bystander and protagonist, opposing and challenging those who held onto standard and conventional thinking. This tendency to set himself apart from most other people in his environment is expressed in Frizer's diaries and his practical activity. His first diary entry, dated August 1925, opens with the following sentence: «The idea of recording of my personal memoirs has been developing in my mind for a long time now, since before I became aware of how minimal the instruction and qualifications required for writing a diary were… Furthermore, since childhood, I don't even know under whose influence it was, I have read a lot without any supervision and parsing. This may be why I have been believed since early childhood to be more outstanding among my peers»[4] [p.1].

Places

Many pages of the diaries are devoted to the author's native city, Barguzin, a small town in Eastern Siberia in the middle of nowhere. He opens his diary with a statement:

«(I was) born in 1869 in the small town of Barguzin, 48 miles from Lake Baikal (Sea), to a well-off for that distant time family…» [5] [p.1].

Once on the site of Barguzin was located a military fort for the collection of *yasak*, in 1788 Barguzin became the *uyezd* city of Irkutsk province; it nearly was wiped because of population paucity, restored its status in 1851, and became a district town in 1856. However, the Barguzin population grew very slowly, averaging 1.600 inhabitants during the 1880s[6] [p.54]. Barguzin *uyezd* was one of the richest places in Siberia. Gold, silver, iron and copper mines, salt lakes, and mineral springs constitute only a partial list of local wealth. In addition, the fishery and fur trade brought good earnings. Most of the city's population was comprised of exiles and their descendants, and the Frizer family was not an exception: Yakov Frizer's grandfather was exiled here for a vast amount of smuggling on the Western border of the Russian empire; Barguzin became a place of forced residence[7] [p.142]. Moshe Novomeysky, a cousin of Yakov Frizer, provided a colorful description of the city: «…the city population was mostly urban and commercial; among the inhabitants, one could meet Jews and Chinese. There were

several artisans, primarily descendants of exiles. House arrangement along the city streets reminded me mostly of a village, where residents lived in hovels surrounded by orchards and farm buildings and earned mainly from transportation and fishing; the other, those who hunted fur-bearing animals, lived to the north of the city. Merchants dealt not so much with the city's population itself, but with surrounding Buryat settlements and workers' residences around mines and pits. They supplied the tackle and food to hunters in exchange for fur. Chinese merchants, owners of small shops and barns, did well with the local population and earned their trust. In addition to the fiscal chamber in Barguzin, there were neither administrative institutions nor bank businesspersons if necessary; they borrowed money from each other»[8] [pp. 13,14].

Barguzin was the only city of Transbaikalia where the main occupation of the Jewish population was working around gold mines and pits and their support with necessary provisions and equipment. Around 14,2 percent of the active Barguzin population worked in the gold-mining industry, and an additional 22 percent of its inhabitants lived in gold mining [9] [p.120]. Those who voluntarily chose Siberia as a place of residence were very scanty, and those who got there because of political or criminal offenses comprised the unique human material that was distinguished by daring and high-handed habits in business; on the one hand, it was often close to reckless, and on the other hand, demonstrated the desire to learn and succeed.

The year 1888 became a significant event in the cultural history of Barguzin: 19-year-old promising Jewish gold entrepreneur Yakov Frizer decided to organize a free public library in the city. He recruited to the work of the library local intelligentsia, worked out a library Board Charter, collected books, made plans for the further development of the library collections, looked for an appropriately educated person to work as a librarian, rented a special building for library premises. In his notes Frizer pointed out that «all this work I did intuitively, without proper understanding that I was doing a serious cultural deed. I had been driven, as later on in establishing other cultural and educational organizations neither by ambition nor vanity»[10] [p.8].

Soon, about 900 volumes with sections on political sciences and statistics, criticism and journalism, history, philosophy and biography, natu-

ral sciences, fiction, technology, references, and textbooks were collected and arranged. At the opening ceremony, a Board of Trustees was established, and local merchants donated 640 rubles, which was a considerable sum of money at that time. It was decided to donate to acquiring novels and poetry by Russian and foreign writers and new journals and newspapers in several languages. Young people stood in queue long before the opening hours wanting to read new books and press[11] [p.8].

Even after changing his residence from Barguzin to Irkutsk, he did not forget his Barguzin undertaking. He continued to provide the library with financial support and donated the building he had previously bought to it.

In 1882, Yakov Frizer and his father visited Irkutsk, the capital and administrative center of Transbaikalia, for the first time. The purpose of the visit was to officially evaluate his level of training in general subjects and to define the opportunity to be enrolled in a local high school. Irkutsk rightfully was one of the most beautiful cities in Siberia, especially after it had been rebuilt after a devastating fire in 1879. Since the end of the 17th century, Irkutsk has become a significant trade and craft center in Siberia. The heart of its commercial life was *Gostinny Dvor* with eleven stores. Merchants were attracted by the city's profitable geographical location at the crossroads of North and East Siberian trade routes and its tendency to develop foreign trade with border countries. Already in the first decades of the 18th century, merchants comprised the largest city group, so in 1724, the group of merchants reached almost 2.500, more than eighty percent of all city residents[12] [p.3]. It should be mentioned that until the 1830s, registering someone as a member of the Merchants' Guild was rather formal, and practically everyone could be enrolled since the property qualification for this category was very low.

The city's population was diverse and colorful in ethnic, social, and economic perspectives. Irkutsk population consisted of the Russians, who were clearly prevailing; Poles, Jews, Tatars, Buryats, and Tunguses; and even foreign subjects, such as the Americans and French, lived there. The population of the city in 1890 comprised 50.280 dwellers including the population of its three sub-districts, which included personal and hereditary nobility, Orthodox, Catholic and Lutheran clergy,

honorary citizens and all Guild of Merchants members, townspeople, artisans, active and retired soldiers, peasants, disfranchised persons and political convicts[13] [pp.326, 327].

Once again, in the winter of 1884, Yakov arrived in Irkutsk, where his father performed the purchase of goods, arranged loans, and held business negotiations. In addition to participation in all negotiations and operations concerning the family business, Yakov devoted his time to books, reading and buying them. In Irkutsk, he found a small and, apparently, the only bookstore, where he bought almost all newly received books. The bookstore bills were sent directly to his father, who eventually limited the purchase of new books to a specified amount[14] [pp. 26 rev., 27]. Since then, Yakov Frizer, with his father, has visited Irkutsk on business every winter, but from year to year, Yakov has become more and more independent and active. His passion for reading, picking up his personal library, and constant craving for self-education did not leave him. He visited the Irkutsk Museum, whose collections produced an indelible impression. His special interest attracted the collection of Geography and Petrography divisions. He asked the museum divisions keeper (I.V. Then it was a famous Russian/Soviet geologist V. Obruchev) a lot of questions and, in his memoirs, mentioned that he instinctively felt the connection between the rock structure and distribution of gold[15] [p.1]. In 1900, Irkutsk became, for Yakov Frizer, a constant place of residence where he was registered as a First Guild merchant and honorary citizen.

Since 1889, Frizer has been the only manager of family gold mines, replacing his sick father, who died shortly after. As a necessary part of gold business management, he traveled across Eastern Siberia. It should be noted that in their movement, local residents used familiar and available local routes, mostly by water and land. Up to the 1890s, the central place in terrestrial communications belonged to the Moscow route, which took the first place in the trade interchange between Siberia and European Russia in transporting passengers and prisoners. A lot of evidence of the difficulties of the journeys in the Siberian *taiga* could be found in Frizer's diaries and publications. He repeatedly wrote about the urgent need to connect *taiga* to the rest of the 'cultural world' by properly organized mailing and telegraph services, as well as tele-

graph communication between the main cities and centers of the economic life of Transbaikalia, such as Barguzin, Verkhneudinsk, Muya and Bodaibo[16] [pp. 131-133]. The Baikal Sea and numerous rivers were among the main water traffic arteries connecting Western and Eastern Siberia with the *Big Land* – central Russian provinces.

At the beginning of 1890, Yakov Frizer spent several months in Tomsk, mostly known as Siberia's cultural and intellectual center, with a dynamic and rapidly growing population. In 1888, the first University in Siberia was opened there by a special Emperor of Russia permission, and the children of many Frizer's family acquaintances in Irkutsk studied there. Through their mediation, Yakov Frizer was wee-received by the circle of locals, mostly Jewish bourgeoisie. By the number of educational institutions, Tomsk ranked first in Siberia. At the time of Yakov Frizer's arrival, Tomsk Medical and Law faculties of the University were attended by more than 500 students, women as well as men; there also was a gymnasium with 1086 students, Institute of midwives, midwives' school, veterinary-paramedic school, male and female urban parochial schools, male and female Jewish high schools, male and female Muslim schools, vocational schools, etc.

The city had 59 different educational institutions, where 7.400 students studied. In addition to educational institutions, the city had three public libraries and University museums. Among scientific and other societies, particularly active was the Tomsk branch of the Imperial Moscow Agricultural Society, which did a lot in the field of education and local history studies. Tomsk branch of the Russian Musical Society contributed to the opening of a music school, gave concerts, and organized evenings of symphony music. Tomsk also opened the Chamber Theatre with a classical literary repertoire; with the help of monetary incentives, they tried to lure actors from the leading capital theatres such as Moscow and Saint Petersburg[17] [pp.490, 491].

Yakov Frizer vividly described a lifestyle and a way of spending time among the wealthy city stratum: «At that grace time wealthy people led a very free and easy life. In the winter season, every night, someone arranged an at-home party. For each family, a certain evening was reserved, and acquaintances came without invitation. The gathering began early, about eight o'clock in the evening. At first, the guests were

served tea with a variety of pastries, jams, and sweets. After the tea, the elderly sat playing cards while the young students, predominating among them, got arranged into groups. About twelve o'clock everyone was invited to Lucullan feast with wine and snacks… Thanks to Tomsk University, university professors often participated in the evenings together with the city bourgeoisie; they brought in a different atmosphere»[18] [pp. 20-22].

People

A significant place in the diaries of Frizer took a description of meetings with different people who somehow influenced his life path. The role of political exiles – Decembrists, participants of Polish uprisings, members of *Narodnaya Volya*, revolutionaries - in the life of the Siberian population could not be underestimated. According to Frizer's notes, the inhabitants of Barguzin still kept a lively memory of exiled Decembrists as meaningful people. In Frizer's family, a family legend is passed from generation to generation. It told about Heikel Novomeisky, a grandfather of Yakov Frizer on his mother's side who managed to escape death from starvation with the help of Mikhail Kuihelbecker (1798-1859), a Decembrist who had been exiled for settlement in Barguzin. Kuihelbeker hired him to dig up the cellar in his house and then helped him organize his own carriers' trade by bringing him together with the «right» people. Michail Kuihelbecker mentioned this fact in a letter to his brother Wilhelm Kuihelbecker (1797-1846), who lived in a settlement thirty versts far from Barguzin[19] [p.11rev.].

One of the first vivid memories of Yakov Frizer's childhood was connected with the arrival of a group of political exiles in Barguzin in the summer of 1879; the local Jewish school teacher compared them to locusts which are mentioned in the Book of Exodus: «locusts that destroy all the crops, i.e. everything good that was planted and gave (state) power to the people»[20] [pp. 2-3]. Comparison with locusts puzzled ten-year-old Yakov a little, but the 'political' really seemed like unusual people. A prominent figure of a woman, dreading the combination of female-male features shocked him in particular. As it turned out, it was a famous revolutionary '*Grandma*' E.K. Breshko-Breshkovskaya (1844-1934), who gently talked to children. Fifty years later, in June

1929, Frizer wrote to Paris a very warm and enthusiastic letter, enclosing an article written especially about her for the newspaper '*Poslednie novosti*': «By my memories, I only wanted to show the infinite love and grace that experienced all who had a special happiness to know you»[21] [p.2]. Later, Frizer called one of his gold mines, Breshkovsky, in her honor.

Further personal communication with political exiles only reinforced that positive impression: «My first teachers on general subjects were the same exiles, and maybe, due to some unknown reasons, these intelligent people did not give me enough knowledge, but general development, a passion for books, and the spirit of protest against violence I got from them»[22] [p.7rev.].

Despite the local population's good-natured and sympathetic attitude toward the newly arrived exiles, no one was interested in taking in the unusual tenants, and they settled aside the city center so that the local police chief could easily supervise them.

Another diary memoir mentioned the assassination of Alexander II on March 1, 1881. As the Telegraph in Barguzin had not yet existed (it would appear only in the 1890s), the local authorities learned about the attempt and the assassination only the following day. Political exiles on this 'solemn' occasion organized a binge with songs and dances, and a red flag hung over the house where they lived. Local authorities were frightened because of their small number and inability to control the situation, so they seriously considered resigning and handing over power in the city to 'criminals' [23] [pp.5rev.-7rev.].

In Irkutsk, while visiting the museum, he was very much impressed by the collections of maps, minerals, and species donated by a famous revolutionary, anarchist, and researcher, Pyotr Kropotkin (1842-1921). In addition to the exhibits, the museum included a rich archive lost in a fire in 1879. Specifically, and repeatedly in the notes of Frizer, some special materials are mentioned, the materials concerning the 1866 expedition of the Russian Imperial Geographical Society headed by P. Kropotkin and I. Polyakov on finding the land paths between Transbaikalia area and Olekminsk-Vitim taiga [24] [pp. 123, 136]. Subsequently, with the help of the Irkutsk newspaper «Vostochnoye Obozrenie», Frizer tried to restore the materials of the expedition and

collect memories of its participants, but for reasons of political censorship, every document with the name of Kropotkin was restricted. The acquaintance with the museum collections, preserved materials, and the analysis of Kropotkin expedition materials, together with gold-mines registration books and documentation, turned Yakov Frizer to the thought on the location of gold sands; subsequently, he equipped the search party and a rich gold deposit known later as Korolon was discovered there. Almost in all his published works, he noted that the most successful gold mines he discovered were guided by the materials found in the records of the above-mentioned expedition. In 1912 he even made a sort of pilgrimage to London, where he visited Kropotkin in his London apartment: «The conversation focused on various issues, including the economic future of Siberia. Kropotkin's memory was impressive, and he remembered the area's geography perfectly well and briefly sketched his theory on the Siberian river basin»[25] [p.3].

During the periods of navigation, residents of Siberia made their way through Baikal to central Russian regions and vice versa for various purposes. In summer, passengers of steamers plying on Baikal mainly were students, businesspeople, and members of their families. So, when moving from Tomsk to Irkutsk in the summer of 1894, Yakov Frizer got acquainted with a well-known Siberian patriot, traveler, and researcher N.M. Yadrintsev (1842-1894) [26] [p.13]. Yadrintsev was a sort of *persona non grata* in Russian academic and political circles. Nikolai Yadrintsev, together with Grigorii Potanin (1835-1920), was a supporter of the theory of Siberian regionalism and Siberian geographical and historical realities, the realities that resulted in a unique regional type of people - *sybiryak* in local Siberian journalism. Thanks to them, Siberian and Russian literature began to characterize Siberia as a separate and distinct part of the Russian Empire, its golden bottom, a princess still waiting for a beautiful prince to wake her[27] [pp. 223-224]. Yadrintsev was returning from his trip to Mongolia, where he had conducted excavations of Karakorum, one of Chinggis Khan's capital. He arranged a free lecture on the steamboat deck for university and high-school students, which Yakov Frizer willingly joined. Several pages of his diary he devoted to this absolutely accidental but important consequences meeting: «In Irkutsk, we exchanged our business cards and

then often met in the Museum, where he helped me to navigate through ethnographic and archaeological collections… When, after his death, in the newspaper a subscription was proclaimed to donate money for Yadrintsev's gravestone in Omsk, I contributed my mite and in this way expressed a tribute to a noble official and the Siberian, who was the first to make me be interested in a pure science» [28] [p.23].

As a young gold entrepreneur, Frizer used to ask for advice on the practical organization of gold-mining and digging, labor process, salaries, food supplies, and technological innovations recognized by experts in this field. With a special warmth Yakov Frizer recollected Leopold Grauman (1857-1922), a managing director of the Lena Goldfields Society, whom he had corresponded with since the opening and registration of his Mnogoobeshchauishchii gold mine in 1897: «I asked him to send me in the blank of a working contract, but he sent me a bunch of blanks related to production accounting. This was useful later with the development of work on Korolon. I can only say that everything was used. Grauman accepted me not as an indifferent official, but rather as an intelligent, a man of principle and educated person (a mining engineer) …. In addition to the highest professionalism, administrative abilities, and creative approach, everyone who knew Grauman was hit by the fact that leading the largest in Russia gold mining enterprise, where he ruled more than ten (thousand) employees and workers, with thousands of suppliers and mediators he hired none of his relatives»[29] [p.41-44].

Work Experience

Since childhood, Frizer's entire life had revolved around gold and gold mines in the Barguzin taiga, where his father and uncle, Abram Novomeisky (his mother's brother) first had become contractors and intermediaries, and later - owners and co-owners of gold mines. It was clear to everyone that Frizer, as the only son and heir, would inherit a growing number of family gold mines. He mentions that he broke off from formal education at fourteen and focused his interest on practical activity [30] [p.21]. This is how he describes a trip to the mines with the whole family in March of 1883: «We took a winter carriage and drove to the family mines. Considering the code of conduct and the ideas of social subordination of that distant time, which had survived in the

mines, we warranted a solemn reception in all the winter huts [temporary stations] ... Everywhere we went we were awaited; dinner was made for us everywhere, even though we carried with us enough food.

Many winter huts were used as police stations, and police officers came to meet us and report to my father. This attitude was understandable. Almost three-quarters of the gold mines in the district belonged to our family, and in those years, we employed more than one thousand people. They called me 'barchuk' [a gentleman's child] and almost always took off their hats when they met me. There were still a lot of former serfs among the workers who maintained the old code of conduct towards their masters» [31] [pp.20-22].

Since the age of fifteen, Frizer not only constantly spent time in the gold mines but also accompanied his father on all his business trips, took part in the construction and negotiation of gold mine deals, and bargained for the delivery of food supplies and the acquisition of necessary equipment. By the age of sixteen, he spoke of himself as one who had begun his independent phase of life [32] [p.1].

A large part of the diaries is devoted to the major event of Frizer's life - the discovery of the Korolon gold mines, the area which according to him, provided work for thousands of people for more than twenty years and where up to 500 puds of gold could be extracted [33] [p.27]. While going over the documentation of a family gold mine on the Burund River in 1887, Frizer discovered additional records of an expedition headed by Pyotr Kropotkin, sent in 1866 by the Siberian Department of the Russian Imperial Geographical Society to discover land passage for cattle between Nerchinsk and Olekminsk regions. Land passage at the Vitim-Vitimkan river basin could open the area up for gold mining development, including searching for new mines and establishing an appropriate infrastructure. That area became a matter of particular interest and the object of Frizer's constant curiosity and attention, and he collected a lot of information to supplement Kropotkin's report. All the evidence pointed to gold deposits in the area between the Barguzin gold mines that belonged to the Frizer family and the Olekminsk-Vitim district. It was only a question of time when the way would be found to reach that gold. In 1887 moving through these areas and establishing new gold mines was very difficult: in the summertime,

one could only move through the region riding a runty Buryat horse, walking along the banks of rivers and streams, or rafting on the water with dangerous rapids and unexpected shallow areas (*shivera*). In wintertime, getting around was even more challenging due to the abundance of rivers, snow, and water breaking through and occasionally cracking the icy surface. Undertaking such a trip was no mean an act of bravery, not to mention the task of exploring new goldfields.

In addition to analyzing reports he found on the family mines, Frizer continued his intensive self-education in the field by talking to mine managers and workers and questioning them in-depth. He also read extensively, from *Das Kapital* by Karl Marx and *The Wealth of Nations* by Adam Smith, to practical courses on political economy by Professor Aleksandr Chuprov (1842-1908), an outstanding Russian economist, and Professor Aleksandr Inostrantsev (1843-1919), a prominent Russian geologist. He developed a habit of constantly carrying law books with him and books with detailed descriptions of the geography of Eastern Siberia, including regional maps. This habit happened to be useful for settling disputes concerning ownership of newly established mines or territory for subsequent gold mining following the submission of ownership applications[34] [pp.7-8].

In 1889 Frizer completely took over the management of the family gold mines, replacing his father. In his diary, Frizer emphasizes the most significant elements that established his reputation as the largest gold manufacturer in Eastern Siberia. In 1893, at an auction conducted by the Irkutsk Mining Authority, he acquired the Mariinsky gold mine located along the Yaksha River for the sum of seventeen hundred rubles [35] [p.48; p.28]. The gold mine was considered depleted and remote and held no significant economic value for Frizer. Its main benefit was its proximity to sites he had been collecting comprehensive information about for several years. In March 1894, Frizer left for his newly purchased mine to explore new areas previously unaltered by human intervention.

A trip to the gold mine always entailed many dangers. In addition to having to overcome natural dikes and ditches in the terrain, one ran the risk of being attacked by gangs of freemen gold miners, many of whom were former criminals who committed robberies and murders. Frizer referred to them as desperate heads, capable of doing anything,

freemen wandering around the taiga hoping to find new gold placers [36] [p.28]. He provided a few dozen 'desperate heads' and some mine administrators with food and tools and sent them in search of new gold-bearing areas along the Vitim River. Shortly after that, the search was crowned with success, and rich gold-laden placers were found along the current of the Vitim River, 40 versts from the Mariinsky mines. By the summer of 1895, two new gold mines, the Mnogoobeshchaiushchii and Nadezhdinsky, were registered in his name [37] [pp.29-30].

Many amateurs were interested in gold prospecting but lacked essential knowledge. Gold was not to be found underfoot or didn't just scatter along riverbeds, but under a thick cover of vegetation, and the average content of gold in a mine could be determined through the method known as punch mining. The specific location of a mine was impossible to find without definite landmarks. Usually, a gold mine would be located on the ridge of the river on a plot of land between 215 to 530 meters wide and about six kilometers long [38] [pp. 129, 130]. As the organization of a search party and the search itself cost a fortune, Frizer sought to employ a scientific approach to reduce risk, which is usually inevitable when undertaking such an enterprise.

The discovery of the Mnogoobeshchaiushchii and Nadezhdinsky gold mines necessitated the construction of infrastructure, including winter roads, irrigation, residential and commercial buildings, haying for horses, and the purchase of provisions and their delivery to the mining sites. Frizer and his administration treated their workers and managers carefully, as transportation was extremely challenging. By January of 1896, six months after the registration of the mining grounds, a settlement had already been established at the site, and in February of that year, proper mining work began[39] [pp. 26, 27]. The mines held extreme promise, and many pinned high hopes on them. Over twenty years, since 1895, the Mnogoobeshchaiushchii mine produced thirty-one puds, thirty-four pounds, thirty valves and four shares of gold [40] [p.144]. Frizer spent all his free time in the mines, organizing the work and checking the quality of the extracted gold. There, he encountered many of the dangers associated with the gold industry.

Due to the existing rules, all mined gold was recorded in mining registry books and sent to a state laboratory in a test tube to be melted

and cleansed from impurities. In June of 1897, about three puds of gold were sent to Barguzin from the Mnogoobeshchaiushchii mine accompanied by three armed attendants. Frizer accompanied the caravan to the Ust-Kingikanskii mine thirty versts away from Mnogoobeshchaiushchii. The gold never reached Barguzin as the caravan had been attacked by robbers and its escorts had been killed. Frizer wrote about this particular event and other similar occurrences in a manner that implied they were ordinary rather than outstanding events, as a part of daily life at the gold mines. He himself volunteered to lead a squad to find the murderers and stolen gold, which was bound to appear at gold reception stations. Such a large amount of gold could not remain hidden in the taiga for long, and the burglar or burglars certainly had to get rid of it as soon as possible. After receiving information from other miners, a detachment set out on the trail of the robbers, two of whom were killed during the chase, while Frizer personally arrested the third one, and almost all the stolen gold was found. The gold mine owner had to be good with a weapon and courageous as well, and throughout the entire region word spread that Frizer was favored by fortune, that he could "smell gold and not get hit by a bullet" [41] [pp.31-32].

After discovering the Korolon gold mines, Frizer and his family moved to Irkutsk, his second homeland[42] [p.1]. He spent the winter of 1898 to 1899 in Irkutsk immersed in the strenuous activity of organizing transportation to the Korolon mines and providing the miners with food and all the other necessities. In March of 1899, he arrived at the mines in person to directly oversee the implementation process. Buildings for workers, warehouses, and a road were constructed. Hundreds of people flocked to the mines and approached Frizer directly with employment applications. He aimed to talk to each candidate in person to determine whether their professional qualifications suited the task of gold mining development. Not all the applicants could be accepted, but they all had to be temporarily housed and fed during their time on the site. Some even received medical and financial assistance to return to Bodaibo, a city located within a five or six-day walk (210 miles) through the taiga [43] [pp.1-3]. Toward 1900 the number of workers at the Korolon mines reached one thousand, and the number of skilled 'experts' reached one hundred. Unlike the earlier model of seasonal em-

ployment, at Frizer's gold mines, as at other big gold mines, work was organized by the laws of capitalist production. The mine workers lived on-site on a permanent rather than a temporary basis, and Frizer built exemplary housing with corridors and separate rooms for the workers' families. He commissioned a doctor, a paramedic, and a midwife. He generously equipped the mine hospital with medical instruments and medications, and the hospital could provide medical treatment that "was quite satisfactory"[44] [p.9]. A school named after S.Iu.Witte was opened at the mines, but it did not attract enough pupils since the children and their parents preferred the search for gold. Occasionally, amateur performances were staged in a theater that had been built specifically on the premises, and a Christmas tree was regularly decorated for the children, but «dreams of exposing the workers to cultural influence through theatre and books remained hanging in the air» [45] [p.10].

Having opened the Korolon mines, Frizer developed great plans for conducting gold searches and exploring new areas. He believed that "if such rich and easily accessible gold mines as the Korolon mines could remain hidden for years, why shouldn't there be more?" [46] [p.7]. From 1900 to 1910, he submitted several applications and spent several hundred thousand rubles on gold searches and exploration, but nothing similar to the Korolon mines was discovered. «My only comfort was that in those areas where my parties had searched and explored, no one else acted as if I did find anything» [47] [p.7].

In addition to his primary work in gold mining, Frizer was interested in trade, milling, and leather industries and finance and owned several steamers. He was also an active participant in Irkutsk's social life. In 1910 Frizer organized the East Siberian Department of the Russian Society for Aid in Trade and Industry. One of the Society's aims was to develop and fund projects to promote Siberia's economic development, including the exploration of subsoil, the development of river and land transportation, and the construction of river ports and railways [48] [p.1]. He was a member of the Permanent Advisory Bureau of Gold and Platinum Entrepreneurs in St. Petersburg, representing the interests of the Siberian gold mining industry. He repeatedly prepared petitions and memoranda and spearheaded projects in the fields and was well-versed in questions of legislation on the mountain industries.

The diary records in the third notebook are abruptly interrupted in 1917. Frizer mentions his last visit to the Korolon mines in 1916: «I went around all the buildings, most of which were constructed according to my design and even down to my actual sketches. Most of all, I was satisfied with the beautiful hospital building, the library, which was preserved quite decently, and the small "Pushkinskii" bridge, named after A. S. Pushkin. Eighteen years had passed since that day but the pole with the board nailed to it still was there. With great difficulty I could read the verse: "and common folk shall keep the path well-trodden." [49] [p.5-6].

Epilogue

Yakov Frizer's later life was ill-fated. He settled in Harbin, Manchuria, extensively wrote, and actively participated in many enterprises and philanthropic endeavors. In autobiographical remarks published in Harbin in 1928, he wrote, with great pessimism: «My life course with its ideological and practical searches moved through trials and errors, and finally, I was stopped by the Chinese Wall (Harbin)» [50][p.11].

1. Lejeune Philippe. How do diaries end? // Biography: An Interdisciplinary Quarterly – 2001 – No. 24:1- p.102.
2. von Greverz Kaspar. Ego-Documents: The Last Word? // German History – 2010 – No. 28:3 – p.277.
3. Confino, Alon. Memory and the History of Mentalities. / Ed. Erll Astrid, Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook - Berlin: Walter de Gruyter, 2010, - p.77.
4. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 1. p.1.
5. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 1. P.1.
6. Andreevsky I.E. (ed.). Entsiklopedicheskii Slovar'. Tom III. – S.-Peterburg: F.A. Brockhaus, I.A. Efron, 1891, - p.53.
7. Kal'mina L.V. Sibirskii zolotopromyshlennik i mezenat Yakov Frizer // Voprosy istorii – 2003 – No. 3 – p.142.
8. Novomeisky Moshe. Ot Baikala do Mertvogo morya. - Jerusalem: biblioteka Aliya, 1979, - pp.13, 14.
9. Pervaya Vseobshchaya Perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii 1897 g. Izdanie tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del pod red. M.A. Troinitskogo. LXXXIV.-Sankt Peterburg: tip. Obshchestvennaya pol'za, 1904, - p.120.
10. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. P.8.
11. Sibirskaya Khronika //Vostochnoe Obozrenie -1892 – 27 sentyabrya – p.8.
12. Shakherov V. Dlia pol'z soobshchestva dostatok istochaya // Zemlya Irkutskaya. Nauchno-populiarnyi illuistrirovannyi zhurnal – 1996 – No.5 – p.3.

13. Arsen'ev K.K., Petrushevsky F.F. (eds.). Entsiklopedicheskii Slovar'. Tom XIIIa. S.-Peterburg: F.A. Brockhaus, I.A. Efron, 1894, -pp. 326, 327.
14. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 1. Pp. 26rev.-27.
15. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. P.1.
16. Frizer Ya.D. Zolotopromyshlennost' v Barguzinskom okruge i ee nuzhdy. Moskva: tipo-lit t-va I.N. Kushnerev i K°, 1901, - pp. 131-133.
17. Arsen'ev K.K., Petrushevsky F.F. (eds.), Entsiklopedicheskii Slovar'. Vol. XXXIIIa. S.-Petersburg: F.A. Brockhaus, I.A. Efron, 1901, pp. 490-491.
18. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. Pp. 20-22.
19. IRLI RAN. Manuscript Department. F.6. Man.1. Inventory 12. File 265. P.11 rev.
20. Yakov Frizer Personal Archive, Notebook 1. Pp. 2-3.
21. GARF. F.R-5975. Inventory1. File 706. p 2.
22. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 1. P. 7rev.
23. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 1. Pp. 5rev.- 7rev.
24. Kropotkin P.A. Otchet ob Olekminsko-Vitimskoi ekspeditsii dlya otyskaniya skotoprogonnogo puti iz Nerchinskogo okruga v Olekminskii, snariazhennoi v 1866 godu olekminskimi zolotopromyshlennikami, pri sodeistvii Sibirskogo otdela Geograficheskogo obshchestva. Sankt Peterburg: tipografiya V. Bezobrazova I K°, 1873, pp. 123, 136.
25. Frizer Ya.D. P.A.Kropotkin v Sibiri // Novosti Zhizni (Harbin) – 1921 – 4 marta – p.3.
26. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. P.13.
27. Semenov-Tyan'-Shansky V.P. (ed.), *Rossiya.* Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkih luidei. Tom. 16. Sankt-Peterburg: izdanie A.F. Devriena, 1907, pp. 223-224.
28. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. P.23.
29. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. Pp. 41-44.
30. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 3. P.21.
31. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 1. Pp. 20-22.
32. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. P.1.
33. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. P.27.
34. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. Pp. 7-8.
35. Frizer Ya.D. Zolotopromyshlennost' v Barguzinskom okruge i ee nuzhdy. Moskva: tipo-lit t-va I.N. Kushnerev i K°, 1901, - p. 48; Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. P. 28.
36. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. P. 28.
37. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. Pp. 29-30.
38. Obruchev V.A, V staroi Sibiri. Sbornik statei, vospominanii i pisem 1888 – 1953. Irkutsk: kn. iz-vo 1958, pp.129-130.
39. Verkhoturova, G. A., Zherlov, V. F. Zolotoi krai Buriatii. Ulan-Ude: resp. tip. 2001, pp. 26, 27.
40. RGIA. Fund 49. Inventory 1. File 173. P. 144.
41. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 2. Pp. 31-32.
42. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 3. P. 1.
43. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 3. Pp. 1-3.
44. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 3. P. 9.
45. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 3. P. 10.
46. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 3. P. 7.
47. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 3. P. 7rev.

48. Golos Sibiri – 1910 – 28 dekabrya - p. 1.
49. Yakov Frizer Personal Archive. Notebook 3. Pp. 5-6.
50. Frizer Ya. Zigzagi (Avtobiograficheskie zametki) // Evreiskaya Zhizn' – 1929 – No.1 – p.11.

Жакупов Б.

Его называли Маэстро!
К 50-летию со дня смерти А.Е. Мовша

Когда-то отец сказал трехлетнему Абраму: «Я верю, ты будешь великим!». Может великим он не стал, но стал тем, кого с полным правом называют Учитель, Музыкант, Гражданин. Таким был и остается в памяти людей этот выдающийся казахстанский балетный дирижер, талантливый педагог – Абрам Ефимович Мовш.

Среди музыкальной элиты Казахстана не было, наверное, человека столь необычной судьбы. Абрам Мовш родился на Украине, а судьба забросила его на Камчатку. Военный дирижер по образованию, он ставил балеты Чайковского. Был прекрасным кларнетистом-виртуозом и не менее блестящим педагогом, замечательным казахстанским дирижером.

А.Е. Мовш родился в 1917 году в городе Прилуки Черниговской области, на Украине, в семье рабочих махорочной фабрики. С детства мальчик демонстрировал незаурядные музыкальные способности, но родители не могли дать ему надлежащего образования.

В 1930 году, когда умер отец, старший брат устроил Абрама воспитанником музыкального взвода расквартированного в городе Прилуки 224-го стрелкового полка. За пять лет воспитон (как называли юных музыкантов-учеников) освоил базовые основы премудростей военно-музыкальной службы и захотел продолжить своё музыкальное образование. Среди студентов дирижерско-хорового отделения Харьковского музыкального училища, в котором с 1935 по 1939 год учился А. Мовш, не было другого столь страстного любителя духового оркестра, как он.

С 1936 по 1941 гг. он работал в оркестре Харьковского театра оперы и балета, играл на кларнете. Когда началась война, Харьковское пограничное училище, а вместе с ним и оркестр, в котором

работал Абрам Ефимович – сержант, а затем старшина – эвакуировали в Алма-Ату. До 1950 г. офицер А.Е. Мовш работает дирижером оркестра пограничных войск Среднеазиатского военного округа и Алма-Атинского пограничного училища. Параллельно с военной службой Мовш играет первый кларнет в Театре оперы и балета имени Абая. В 1944 году в Алма-Ате открылась консерватория, преподавателей не хватало, а класса кларнета до 1949 г. просто не существовало. Известный общественный деятель Казахстана, один из основателей профессионального музыкального образования в республике, опытный и энергичный руководитель-организатор А.К. Жубанов пригласил Абрама Ефимовича преподавать в консерватории.

Но...

Буквально через год ему пришлось оставить и театр, и класс в консерватории. Абрам Ефимович получил направление в один из пограничных отрядов на Дальнем Востоке в город Петропавловск-Камчатский. Через четыре года Мовш вновь возвращается в Казахстан, где с 1954 по 1956 гг. преподает в военно-дирижерской школе сержантского состава пограничных войск Среднеазиатского военного округа в г. Панфилове.

В 1956 году Абрам Ефимович возвращается в Алма-Ату, где его ждали в консерватории и в театре. В 1960 году Абрам Ефимович оставляет должность солиста оркестра и становится дирижером. Он успешно дирижирует балетными спектаклями «Щелкунчик», «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Дон Кихот» в очередь с ведущими дирижерами ГАТОБ имени Абая того времени – И. Заком, Ф. Мансуровым, Г. Дугашевым.

В консерватории Абрам Ефимович не просто преподавал кларнет. Он действительно жил работой, делясь с молодежью опытом, посвящая ее в тонкости музыкального исполнения, искусства фразы, нюанса, техники владения кларнетом. В успешной педагогической деятельности А.Е. Мовшу помогал огромный опыт работы в оркестрах на должности кларнетиста-солиста, знание большого количества оперных и балетных спектаклей, симфонической литературы. «Основная задача класса и кафедры в целом – это подготовка оркестровых музыкантов, – говорил А.Е. Мовш, – поэтому нашу работу мы должны подчинить этой задаче».

Свои соображения по любому вопросу улучшения подготовки кадров он не только высказывал, но и осуществлял. Его класс в свое время был одним из лучших не только на кафедре, но и, пожалуй, на всем оркестровом факультете. Не было случая, чтобы студенты его класса не были готовы выступить на академическом вечере, на экзаменах или зачетах. Как вспоминает Заслуженный артист КазССР, профессор КНК имени Курмангазы Т.К. Нуралы: «Его студенты свободно владели инструментом, порою казалось, что Абрам Ефимович обладает какими-то секретами и тщательно скрывает их от всех. Выступления его студентов всегда радовали нас хорошим знанием текстового материала, тщательностью отделки, хорошим владением всеми техническими приемами, штрихами».[1]

Профессор академии музыки и танца Рубина в Иерусалиме Григорий (Герш) Михайлович Геллер в своих воспоминаниях пишет: «Он для меня в жизни очень много значил и значит, этот человек. Я с ним советуюсь, я хорошо помню его наставления и руководствуюсь ими в своей преподавательской деятельности и во многих жизненных ситуациях тоже. Он был и учителем, и моим опекуном. Мовш часто брал меня на практику в оркестр оперного театра, где был дирижером.

В консерватории Абрам Мовш не просто преподавал. Он действительно жил работой, делясь с молодежью опытом, посвящая студентов в тонкости музыкального исполнения, искусства фразы, нюанса, техники владения инструментом. Если он приглашал в театр, то это всегда становилось музыкальным праздником, а не просто знакомством с балетом или оперой. Как и его постоянные выступления в консерватории с сольной и ансамблевой программой. Его называли Маэстро, и это было не модным словом, это было действительно высоким званием!

Для меня Мовш — не только замечательный педагог, который открыл мне все великолепие мира музыки, а еще и добрый и мудрый наставник. Ведь, кроме гамм и этюдов, в жизни есть много всего, что необходимо знать молодому человеку, чтобы правильно ориенти-роваться в современном мире»[2].

А.Е. Мовш постоянно и успешно вел методическую работу.

Его труд «Организация и работа духового оркестра» стал настольной книгой многих руководителей самодеятельных духовых оркестров республики. Им были написаны и прочитаны методические доклады о кларнете, о специфике обучения игре на нем. Концерты, организованные кафедрой, не могли проходить без участия А.Е. Мовша. Специалист высокой квалификации, он был украшением любого концерта. Солист и отличный ансамблист, он вписывался в любой состав.

Концерты ансамбля духовых инструментов, руководимого Абрамом Ефимовичем, неизменно собирали аншлаги, и зал консерватории едва вмещал всех желающих.

За время работы в консерватории А.Е. Мовш подготовил и выпустил много великолепных музыкантов-кларнетистов. Любой студент видел в нем Учителя, музыканта-мастера и просто яркую, неординарную личность. Многие годы работали в Государственном симфоническом оркестре его ученики Надежда Кановник, Геннадий Лебедев, Заслуженный артист Республики Казахстан Анатолий Степанович Каньшин, многие годы заведовавший отделением духовых и ударных инструментов Алматинского музыкального колледжа им. П.И. Чайковского. Заслуженным артистом Киргизской ССР стал Алексей Георгиев. Долгие годы место концертмейстера группы кларнетов Государственного академического театра оперы и балета имени Абая занимал Заслуженный артист Казахской ССР Владимир Васильевич Квардицкий, продолжив дело своего педагога.

Заслуженный деятель искусств Республики Казахстан, многолетний первый кларнет Государственного академического симфонического оркестра Казахской ССР Рустам Насырович Сабиров пошел по стопам своего знаменитого преподавателя, придя в 1964 году в Алма-Атинскую государственную консерваторию имени Курмангазы. Он активно перенимал опыт Абрама Ефимовича, творчески перерабатывая его, и продолжил дело Учителя, достигнув звания профессора. Кроме педагогической деятельности, Р.Н. Сабиров занимался учебно-методической работой. Его обработки, сочинения и переложения – а их значительное количество – успешно используется в консерватории, а также в школах и колледжах

нашего Казахстана. Рустам Насырович, как и Абрам Ефимович, являлся Учителем от Бога, на сегодняшний день его ученики продолжают дело своих наставников по всему миру.

Вел Мовш и класс саксофона. Его выпускником является Яков Матвеевич Ткаченко, который подготовил большое количество лауреатов республиканских конкурсов, в том числе и Батырхана Шукенова. Один из учеников Абрама Ефимовича – знаменитый саксофонист, организатор алма-атинского «Сакс-Хоруса», а ныне профессор Израильской консерватории Григорий Геллер, на всю жизнь сохранивший память о своем Учителе.

При всей своей открытости Абрам Ефимович в жизни был очень скромным человеком. Редко рассказывал, что он, как боевой офицер, имел правительственные награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», орден Красной Звезды. И то, что он происходил из религиозной семьи, где чтили традиции, тоже не рассказывал.

То внешнее и внутреннее благородство, выдержка, что его отличали, не позволяли ему жаловаться, хотя больное сердце нередко напоминало о себе. Именно таким — среднего роста, коренастым, энергичным, неунывающим человеком – запомнился современникам Абрам Мовш.

Он рано ушел от нас – в 57 лет. В сентябре 1974 г.

Остановилось сердце великого труженика. Он жил, наполняя жизнь светом своего таланта, обаянием и верой в великую силу музыки. Верил, как мог верить только человек, сделавший музыку своей судьбой.

1. Т.К. Нуралы. «Штрихи к портретам», Алматы, 2008 г.
2. Герш Геллер о времени и о себе. https://www.partita.ru/articles/geller.shtml

Дьякова Е.В.

Деятельность 1-го Харьковского медицинского института в эвакуации

Одной из слабо исследованных проблем в украинской историографии является эвакуация в 1941-1942 гг. различных учреждений в глубокий тыл Советского Союза, включая и медицинские заведения.

Целью данной работы является освещение жизни сотрудников и студентов 1-го Харьковского медицинского института в г. Чкалове (ныне – Оренбург).

В некоторой степени эта тема освещена в публикациях, посвященных истории медицинского образования в Харькове. Автором многих статей, исторических очерков по истории медицинского института/университета является директор музея истории вуза Жанетта Николаевна Перцева. [3, 6, 9]. Также жизнь и деятельность харьковчан освещена в публикациях оренбургских историков. [12, 10].

Важное значение имеют воспоминания участников тех событий, опубликованных в 2015 году [4, 6], а также хранящихся в архиве музея медицинского университета. [2].

В 1941 году в Харькове было два медицинских института (далее – ХМИ). 1-й ХМИ возглавлял профессор Ашот Михайлович Гаспарян.

Уже в первые месяцы войны было мобилизовано 232 преподавателя и студента 1-го ХМИ. Среди них профессора-хирурги И.И. Грищенко, В.И. Иост, Б.М. Хмельницкий. [9]. Кроме того, на фронт были призваны студенты выпускных курсов и 150 слушателей IV курса военно-медицинского факультета в звании зауряд-врачей (без диплома) и военврачей 3-го ранга. [4, с. 118].

В это же время было развернуто несколько госпиталей, не только в корпусах лечебных учреждений Харькова, но и в помещениях учебных заведений, общежитиях, гостиницах. В сентябре 1941 г. в области работало 56 госпиталей. [5, с. 59], среди которых были и специализированные (офтальмологический, фтизиатрический, психиатрический и др.). Естественно, что в них консультировали,

оперировали и лечили профессора, доценты, работавшие в медицинских институтах. Рядом с ними в госпиталях работали студенты. Вдобавок молодежь помогала выгружать и распределять по госпиталям раненых, трудилась на строительстве оборонительных сооружений, уборке урожая, выполняла разные указания, поручаемые администрацией института, руководством партийной, комсомольской, профсоюзной организаций.

В 1941 г. немецкие войска быстро продвигались по территории Советского Союза, захватывая всё новые города и сёла. В конце лета гитлеровцы подошли к границам Харьковщины. Понимая, что область придется сдать врагу, местная администрация стала готовить некоторые предприятия и организации к отправке на восток, в глубокий тыл. Для этого 4 августа при исполкоме областного Совета народных депутатов начал работу отдел по эвакуации населения, а 16 сентября Государственный Комитет Обороны СССР принял решение о передислокации харьковских предприятий в глубь Советского Союза. [5, с. 50-60]. Комиссия по эвакуации была сформирована и в 1-м ХМИ. [4, с. 69]. Его состав сегодня неизвестен, но в него обязательно входили директор Ашот Михайлович Гаспарян, секретарь бюро КП(б)У Нестор Иванович Трутень, секретарь комсомольской организации Брагинский и председатель профсоюзного бюро Гинзбург. [2, фото, инв. № 3905].

Уже в августе коллектив 1-го ХМИ начали собираться для переезда на новое место. Для этого были составлены списки эвакуируемых сотрудников и реестры необходимого для вывоза оборудования, книг и наглядных пособий. С институтом выезжали все заведующие кафедрами, половина их заместителей, несколько представителей учебно-вспомогательного и технического персонала. [3, с. 269]. По данным оренбургских ученых к ним приехало «40 профессоров (из них 37 с ученой степенью доктора медицинских или биологических наук), 27 доцентов, 90 ассистентов, 15 старших преподавателей» 1-го ХМИ. [12, с. 66]. В числе профессоров были педиатр Николай Михайлович Фришман, дерматолог Леонид Андрианович Соболев, венеролог Александр Николаевич Федоровский, социал-гигиенист Зиновий Анатольевич Гуревич,

инфекционист Илья Рафаилович Брауде, химик Юрий Арестович Габель, патологоанатом Анатолий Иванович Струков, анатом Рафаил Давидович Синельников и другие. Сверх списка могли выехать и желающие, но за свой счет и своим ходом. Таким людям администрация института выдавала необходимые справки и помогала получить необходимые документы. [3, с. 269].

Готовясь к эвакуации, на кафедрах упаковывали отобранные оборудование, книги, наглядные пособия. Для этого городской администрацией были выделены специальные ящики. Но их катастрофически не хватало. И тогда директор распорядился использовать ящики, применяемые в институте для противопожарных целей. Ашоту Михайловичу грозило наказание за такое самоуправство вплоть до суда, но, к счастью, всё обошлось. [3, с.269].

О неурядицах, происходивших при подготовке к переселению в послевоенных публикациях, участники событий не рассказывают, хотя они были неизбежны. По крайней мере в характеристике тогдашнего секретаря парторганизации сказано, что «во время эвакуации института товарищ Трутень показал себя хорошим, спокойным организатором» [3, с.394] и вместе с директором А.М. Гаспаряном организованно провел эвакуацию. Однако, сравнивая с тем, в каких условиях проводилась эвакуация в других учреждениях, то это утверждение сомнительно. Противоречат этому и воспоминания патологоанатома Марии Афанасьевны Тищенко. Ей с двумя маленькими детьми на руках пришлось обращаться за талоном на эвакуацию к наркому здравоохранения УССР Ивану Ивановичу Овсиенко. Он прикрепил женщину с детьми к уезжавшему на восток госпиталю. [6, с.172]. Вместе с М.А. Тищенко в Чкалов в этом эшелоне ехали профессора Дмитрий Сергеевич Ловля и Михаил Михайлович Зотин с семьями. [6, с.172]. Вряд ли общение с институтским руководством у этих людей было спокойным. Но и вузовское начальство нужно понять – они имели разнарядку и, к сожалению, всех стремящихся избежать оккупации, забрать не могли. Сомнительно, что списки уезжающих составлялись спокойно, когда решалась судьба того или иного человека.

Подобная же ситуация была и с материальными ценностями. Известно, например, что основные фонды научной библиотеки

остались в Харькове и в ходе боевых действий 1943 г. многие книги сгорели. Вместе с книгами погибли каталоги и библиотечное оборудование. Лишь небольшую часть книжного фонда удалось спасти «благодаря самоотверженности сотрудников», оставшихся в оккупированном городе. [11].

За три дня до захвата Харькова немцами – 22 сентября – сотрудники и груз 1-го ХМИ были отправлены на восток, в Чкалов.

В имеющихся публикациях и архивных документах существуют расхождения относительно количества и категории железнодорожных вагонов. Так, Ж.Н. Перцева пишет о 9 товарных вагонах. [3, с.270; 6, с. 1; 9], тогда как А.И. Струков в своих мемуарах уверяет, что было «6 вместительных товарных вагонов для ящиков и 7 вагонов дачного типа для сотрудников с семьями.» [6, с. 189]. Как отмечалось выше, мест для желающих уехать не хватало и поэтому многие добирались самостоятельно на свой страх и риск. О том, что сотрудники и студенты приезжали в течение октября-ноября 1941 г., упоминают многие мемуаристы.

А.И. Струков пишет, что поезд был организованно загружен. «Места для сотрудников были заранее размечены, не было никакой давки, вся загрузка проходила в полном порядке. Чувствовались только некоторое напряжение людей и большая озабоченность, тревожила неизвестность маршрута. <…> Эшелон тронулся поздно вечером и в один из первых дней октября благополучно добрался до Курска. Перед Курском днем мы увидели из окон вагонов воронки от бомб после вчерашней бомбежки одного из эшелонов, выехавшего на несколько часов раньше нас и, как мы узнали позднее, сильно пострадавшего от воздушного налета. <…> Во время нашего многосуточного продвижения к Оренбургу на всех крупных станциях работали пункты питания, обеспечивавшие горячей пищей многочисленные эшелоны эвакуированных, в том числе и наш эшелон.» [6, с.189]. 7 октября поезд прибыл в Соль-Илецк, где простоял более суток и где пассажирам «объявили, что мы получили направление на г. Чкалов (Оренбург), который и оказался нашим конченым пунктом.» [6, с.189]. Но не всем везло добраться до места назначения без злоключений. М.А. Тищенко вспоминала, что «дорога была тяжелая, ехали мы в эшелоне, но

без довольствия, нас несколько раз высаживали, но в конце концов мы доехали до г. Куйбышева (ныне – Самара). А уже до Чкалова, куда был эвакуирован 1-й ХМИ, добирались подручными средствами.» [6, с.172]. Последними к месту назначения прибыли директор А.М. Гаспарян и секретарь партбюро Н.И. Трутень.

Для координации работы с прибывающими в Чкалове был создан эвакуационный пункт. Следует отметить, что в этот город было эвакуировано множество предприятий и организаций из западных регионов Советского Союза. На конец сентября в город приехало 20 тысяч человек, а к маю 1942 г. их число увеличилось до 75 тысяч. [10, с. 13]. Для небольшого города это было, по сути, бедствием. Не хватало жилья, продовольствия, негде было размещать предприятия и учреждения. В 1941 году на строительство жилых бараков, полуземлянок и бань было отпущено 600 тыс. рублей. [10, с.13]. Но всё равно прибывавшим приходилось по несколько недель жить на вокзале.

Несколько дней на вокзале пришлось побыть и харьковчанам. Вскоре людям предоставили жилье. Особо именитых профессоров разместили по «углам». Несколько семей преподавателей обустроились в старинном особняке, где также проводились занятия. Педагоги жили в спортивном зале, разделив его тканевыми перегородками на небольшие комнаты. Библиотекари обосновались в библиотеке, расположенном в другом здании по ул. Чичерина. [2, дело Н.И. Трутеня]. «Импровизированной мебелью служили ящики, в которых привезли институтское оборудование», – вспоминала анатом Бронислава Марковна Смолкина. [4, с. 62]. Квартирный вопрос даже летом 1942 г. стоял очень остро. А.М. Гаспарян часто напоминал представителям Чкаловского облисполкома, что его подчиненным нужно создать нормальные условия жизни.

Не лучше обстояло дело и с институтскими кафедрами, которые были «разбросаны по всему городу – им предоставлялось место в порядке уплотнения» [4, с. 61], в т.ч. и в госпиталях.

А.И. Струков вспоминал такой забавный случай. Чтобы решить различные бытовые и производственные проблемы было решено отправить в обком ВКП(б) представительную делегацию, как в профессиональном отношении, так и по внешнему виду.

Для этого решили отобрать профессоров, носивших соответствующую окладистую бороду. Но под такую характеристику подходил только И.Р. Брауде. Небольшая борода была у Николая Николаевича Бокариуса. Поэтому разношерстную группу профессоров возглавили «бородатые». [4, с. 71]. Несмотря на курьезность, встреча с первым секретарем обкома партии Г. Денисовым принесла положительные результаты: руководство облздравотдела, управления госпиталей, больниц стало идти на уступки харьковчанам, помогала в учебном процессе, лечебно-диагностической работе, научных исследованиях.

По мнению Б.М. Смолкиной институтская жизнь текла в таких руслах: занятия (8-10 часов в день), обустройство кафедр, изготовление необходимых учебных пособий, организация быта преподавателей и студентов. [4, с.61]. Но еще были: научно-исследовательская деятельность, участие в научных форумах, написание научных трактатов, брошюр по популяризации профилактики и лечения тех или иных болезней, прием, лечение и консультация раненых и больных. Преподаватели вместе со студентами работали на лесозаготовках, в подсобном хозяйстве, сдавали кровь, дежурили в госпиталях, помогали разгружать санитарные поезда, расчищали от снега железнодорожные пути и еще выполняли много других работ.

Традиционно для советского времени в институте существовали партийная и комсомольская организации, возглавляемые соответственно Н.М. Трутенем и Б.М. Смолкиной. [3, с. 271; 4, с. 61; 2, дело Н.И. Трутеня, инв. № 1243]. Конечно же жизнь партийной организации была напряженной и в основном сводилась к решению насущных производственных, бытовых и научных задач, т.е. тех, которые должна была решать администрация института. [2, дело Н.И. Трутеня]. По сути, Н.И. Трутень был первым помощником директора, привлекая к решению актуальных вопросов прежде всего коммунистов и комсомольцев. [3, с.394].

Секретарь комсомольского бюро Б.М. Смолкина позже вспоминала, что «вся комсомольская работа была подчинена одному: оказанию помощи фронту». [4, с.62]. Но и она сводилась к решению общеинститутских, городских проблем, которые по сути своей

были государственными. После занятий студенты и не только комсомольцы «ходили на расчистку железнодорожных путей от снега, помогали выносить раненых из санитарных поездов, работали в госпиталях», также они «выступали с концертами перед ранеными бойцами, писали под диктовку письма их родным, помогали медперсоналу». [4, с.62; 6, с.117; 7, с.108]. Также молодые люди находили время для отдыха и веселья: ходили в театры, на концерты, устраивали литературные диспуты и викторины, выступали на спортивных соревнованиях, сдавали нормы ПВХО (противовоздушной и химической обороны), ГТО и ГСО (готов к труду и обороне, готов к санитарной обороне). Группа комсомольцев организовала лыжный переход на 340 км по маршруту Чкалов–Шарлык–Чкалов, во время которого проводилась санитарно-просвети-тельская работа. [6, с.209]. И конечно же устраивали вечерние посиделки. Для этого собирали талоны для питания за день и заказывали ужин. «И не беда, что не поедим днем, зато вечером собираемся в столовой, и на столах нас ждет скромная еда военного времени, казавшаяся тогда необыкновенно вкусной.» [4, с.62].

С особой теплотой после войны мемуаристы отзывались о директоре института А.М. Гаспаряне. Разумеется, что он не мог решить всех житейских проблем, но он очень старался. Выпускница 1-го ХМУ 1946 г. Клавдия Дмитриевна Колпакова отмечала, что Ашот Михайлович «был настоящим отцом для всех студентов, боролся за каждого, чтобы не уходили из института.» [4, с. 35]. Одной из причин желания покинуть учебу был дефицит пищи. Тогда продукты питания выдавались по карточкам – 600 г хлеба в день. Чтобы получить дополнительный паек, люди сдавали кровь. Пытаясь помочь подопечным, А.М. Гаспарян прикреплял их к госпиталям, где за дежурства они дополнительно получали еще один кусок хлеба и тарелку супа. При институте создали отдел рабочего снабжения, который обеспечивал не только продуктами, но и одеждой, средствами гигиены. Была организована столовая, в которой кормили один раз в день. [4, с.35-36]. Рядом со студентами в очереди стояли профессора и доценты. И даже когда студенты уступали им место в очереди, преподаватели отказывались, ведь «в то страшное время мы имели равные права на жизнь», – считала патофизиолог Реля Ушеровна Липшиц и ее коллеги. [4, с.35-36].

Весной 1942 г. институту выделили 5 га земли, на которой посадили картофель. В этот год осенью вузовская столовая получила 35 т этого важного овоща, что улучшило питание студентов и сотрудников. [7, с.108].

Не смотря на тяжелые бытовые и производственные условия, 1-й ХМИ через две недели после прибытия начал учебный процесс: 1 ноября сели за студенческую скамью четверокурсники, а 10-го – все остальные. [3, с.270; 4, с.128; 9; 10, с. 51; 2, дело А.М. Гаспаряна]. В 1941-1942 учебном году в 1-м ХМИ училось по одним данным 1139 чел. [3, с.270; 9], по другим – 650 (350 харьковчан и 300 поступивших уже в Чкалове). [10, с. 51]. Вначале был открыт только лечебный факультет, а на следующий год возобновил работу санитарно-гигиенический. [4, с. 128; 9]. Срок обучения был сокращен до 3,5 лет. Кроме того, юношей-студентов IV, V курсов переводили на учебу в Военно-медицинскую академию, которая была эвакуирована в Куйбышев.

В Чкалове 1-й ХМИ провел 4 выпуска: в феврале, августе 1942, июле 1943 и в мае 1944 г. [10, с.51]. Всего в 1942-1945 гг. в Чкалове вуз закончило 1441 чел. [4, с.128]. Почти все они ушли на фронт. Среди выпускников были сыновья профессоров Н.С. Бокариуса и И.Р. Брауде. Сын последнего, Рафаил – погиб в 1944 году. [4, с.128].

Условия учебы были тяжелыми, особенно в первый год обучения. Не хватало мебели, преимущественно стульев. Но особенно запомнился участникам тех событий холод. В 1942 году институту для отопления выделили 50 т угля и 30 куб. м дров, еще 340 куб. м леса заработал коллектив института на лесозаготовках. А для нормальной работы необходимо было 1811 куб. м леса! [7, с.130].

В 1941-1942 учебном году лекции проводились с 7.00 до 13.00, а в 1942-1943 – с 18.00 до 23.15. Практические же занятия велись в то время, когда это было удобно учреждениям, где размещались кафедры. [7, с.105].

Сложности были с литературой и наглядными пособиями. Хотя некоторые пособия были привезены из Харькова, их всё равно не хватало. Поэтому много демонстрационного материала персонал кафедр делал собственными руками. Не хватало и учебников. Чтобы восполнить этот пробел сотрудниками кафедр гистологии,

кожно-венерологических болезней, биологии, физики, иностранных языков в помощь студентам были изданы пособия, краткие конспекты лекций, компендиумы по наиболее важным учебным темам. Была установлена договоренность с госпиталями и местными больницами о проведении практических занятий в то время, когда там работают институтские профессора и доценты. Так, на базе госпиталя № 4408 изучали терапию, в госпитале № 359 – офтальмологию и т.д. [4, с.128].

Невзирая на трудности, студенты на экзаменах показали высокие результаты: на «отлично» и «хорошо» сдало 63,7%, на удовлетворительно – 34,7% и неудовлетворительные оценки получили только 1,6% испытуемых. [9; 7, с.105].

Параллельно профессора и доценты 1-го ХМИ оказывали помощь в повышении квалификации местных медработников. На базе кафедр работали всевозможные курсы, минимум раз в месяц профессора института организовывали научно-практические конференции, посвященные новым методам лечения больных и раненых (переливание крови и отморожения конечностей, военно-полевая хирургия, витаминотерапия и т. п.). [3, с.271; 1, с.43; 10, с.44]. На кафедрах работали специальные курсы усовершенствования хирургов, фармацевтов, врачей-биохимиков, а также функционировали военно-медицинское училище и курсы медсестер. [4, с.129]. Помимо этого, были сформированы так называемые «бригады усиления», выезжавшие в медучреждения разных населенных пунктов области, где рассказывали о новейших медицинских методиках и проводили показательные операции. [10, с.45].

В Чкалове профессорами 1-го ХМИ было открыто 15 клиник: терапии, хирургии, пропедевтики внутренних болезней, нервных болезней, психиатрии, инфекционных болезней, туберкулёза, кожно-венерических болезней, гинекологии и урологии. [6, с.43]. Также ряд госпиталей имел специализированный характер: нейрохирургический, ранений глаза, уха, туберкулезный, терапевтический и др. [2, с.72].

Многие профессора работали в госпиталях, проводили организаторскую и лечебно-консультационную работу. В частности, А.М. Гаспарян руководил специализированным урологическим

госпиталем, И.Р. Брауде занимал пост начальника медсанчасти эвакогоспиталя, консультантом-патологоанатомом эвакогоспиталей работал Анатолий Иванович Струков, а консультантом-невропатологом военных эвакуационных госпиталей был Зиновий Анатольевич Гуревич, маленьких пациентов принимал педиатр Николай Михайлович Фришман. К некоторым госпиталям прикрепили восемь профессоров и доцентов, которые работали два полных дня в неделю [10, с.45], среди них: Самуила Леонтьевича Трегубова, Нестора Ивановича Трутеня, Александра Захаровича Цейтлина и многих других.

Но не только в медучреждениях работали харьковчане. В Чкаловском филиале Всесоюзного заочного юридического института судебную медицину преподавал Н.Н. Бокариус, санитарно-эпидемический отдел облздравотдела возглавил Д.С. Ловля, задания облздравотдела по изучению и анализу основных показателей здравоохранения области, состояния работы больниц и поликлиник города и области выполнял Зиновий Анатольевич Гуревич, обследование санитарного состояния горподского водоснабжения и канализации проводил профессор Зиновий Давидович Горкин. [4, с.231, 244, 339; 12, с.72].

Продолжалась и научно-исследовательская работа. Правда, ее тематика была пересмотрена с учетом требований военного времени. Только за два первых месяца пребывания в Чкалове институт выполнил 75 научно-исследовательских тем, причем 40 из них с измененной тематикой. Состоялась защита шести диссертаций: одной на степень доктора и пяти на степень кандидата медицинских наук. В 1942-1943 годах научная работа велась по разным направлениям, но основными считались вопросы военной травматологии и проблема алиментарной дистрофии. [4, с.271].

Вместе с тем на кафедре патологической анатомии изучали особенности течения раневого процесса в условиях глубокого тыла, уточняли роль и характер различных инфекциий, разбирали причины смерти раненых, находившихся в глубоком тылу, детально изучали по историям болезни поэтапное лечение раненых, анализировали допущенные врачебные ошибки [4, с.73]. Кандидат медицинских наук этой кафедры Н.А. Максимович исследовала

особенности проявлений туберкулеза у раненых бойцов, ассистент Александра Савельевна Налбат вместе с хирургом Брайцевым анализировали изменения костной культи и определяли методы совершенствования протеза резецированного бедра. [4, с.74].

Не только медики занимались научными изысканиям. Заведующий кафедрой физики доцент А.Я. Усиков разработал прибор, позволявший выявлять появление вражеского самолета вместе с определением направления его полета и местоположения в воздухе. Профессор неорганической химии Товий Викторович Асс проделал практическую работу для военной промышленности «Хромирование металлов». [7, с.170].

Особое место в исследовательской работе харьковчан в 1942–1943 гг. заняло изучение септической ангины – болезни «голодных людей». Этот недуг получил широкое распространение в областях, где производилось много зерновых культур, в т.ч. и в Оренбуржье. Отличительными чертами этой болезни было резкое снижение белых кровяных телец в крови, высокая температура, некроз в зеве, полости рта, кровоизлияния на коже. Смертность в некоторых районах колебалась от 7 до 50%. [12, с.66-67]. Распространению этой болезни способствовал дефицит продовольствия, употребление в пищу некачественных продуктов и прежде перезимовавших под снегом в поле или на току зерновых, в которых за это время накопились ядовитые вещества, приводило в большинстве случаев к летальным исходам.

Активно участвовали в исследованиях кафедры патологической анатомии (заведующий – А.И. Струков), гистологии (заведующий – Б.В. Алёшин), факультетской терапии (заведующий – Е.А. Черников), гигиены (заведующий – З.А. Гуревич). [6, с. 116].

Для выяснения этиологии, патогенеза, патологической анатомии болезни, разработки профилактических мероприятий ученые выезжали в села, где особенно много было смертельных случаев. [3, с.370-371]. Они установили, что определенное значение в тяжести заболевания имели особенности приготовления пищи. В наибольшей степени опасными оказались такие мучные изделия как хлеб, лепешки, блины, «затируха», готовившиеся из непромытого зерна. Меньше отравляющих веществ содержали каши, т.к. перед приго-

товлением крупы промывались и, в связи с этим, «легкие» зерна, являющиеся наиболее ядовитыми, уносились водой. Сам процесс варки или выпечки не действовал на яд. [12, с.69]. После проведения исследований было предложено называть болезнь не септической ангиной, а миелотоксикозом грибковой этиологии. [3, с.371].

За успешно проведенные исследования всем участникам борьбы с миелотоксикозом (септической ангиной) руководство Чкаловском области вручило благодарственные грамоты. [4, с.72].

И это далеко не полный список научно-исследовательских тем, разработанных в то время.

По результатам научно-исследовательской работы проводились конференции. За время пребывания в Чкалове харьковские медики провели свыше 25 научных конференций и сессий по вопросам восстановления здоровья раненых. [10, с.44]. Научные форумы были посвящены переливанию крови, ожогам и отморожениям, ранениям периферической нервной системы, военно-полевой терапии, витаминотерапии, дизентерии, сыпному тифу, боевым ядовитым веществам, результатам борьбы с септической ангиной. [6, с.116]. Дирекция вуза в марте 1943 г. провела конференцию, посвященную борьбе с бруцеллезом и малярией. На ней были заслушаны доклады профессоров С. Н. Синельникова, З. А. Гуревича, С. Я. Штейнберга. В конце этого же года одна из научных сессий была посвящена освобождению Харькова от немецких оккупантов. [10, с.51].

В начале 1944 г. по инициативе командования Южно-Уральского военного округа состоялась общеврачебная научно-практическая конференция. Председательствовал на заседаниях командующий войсками округа генерал-полковник Макс Андреевич Рейтер. От 1-го ХМИ с докладами выступали профессора: хирурги Л.З. Цейтлин. А.М. Гаспарян, невропатолог Г.Л. Каневский, инфекционист И.Р. Брауде, эпидемиолог М.Н. Соловьев, патологоанатом А.И. Струков. [4, с.73].

По итогам конференции 14 апреля 1944 г. было принято постановление Военного совета Южно-Уральского округа за №14, в котором отмечались заслуги сотрудников 1-го ХМИ в эвакогоспиталях Чкалова. Профессорам и доцентам была вынесена благодарность, а профессора А.М. Гаспарян, А.И. Струков и А. З. Цейтлин

были награждены грамотами Военного совета округа. [4, с.136-137].

Значительной была и издательская деятельность. За 1942–1943 годы было напечатано 51 статья и 2 монографии. [7, с.106] Публикации харьковских ученых можно поделить на научные и научно-популярные. А.М. Гаспарян опубликовал работу «Новый принцип применения постоянного катетера при восстановлении поврежденной уретры». В 1942 г. увидело свет пособие для врачей эвакогоспиталей «Борьба за восстановление трудоспособности», написанное С.Л. Трегубовым.

В 1943 г. была опубликована монография Н.И. Трутеня «Первая помощь при ожогах и обморожениях». Профессора Михаил Николаевич Соловьев и Илья Рафаилович Брауде написали брошюры «Как предохранить себя от заболевания сыпным и возвратным тифом» и «Как уберечь себя от инфекционных заболеваний». Также были опубликованы работы С.Л. Минкина «Хронические гнойные плевриты после огнестрельных ранений и их лечение», М.М. Левина «Клиника, профилактика и терапия раневого сепсиса», В.М. Коган-Ясного «Особенности язвенной болезни военного времени», А.З. Цейтлина «Хирургическая тактика лечения боевых повреждений периферических нервных стволов» и другие. [3, с.381, 395; 6, с.113; 7, с.106].

Не смотря на финансовые трудности, коллектив института собрал в фонд обороны 105 тыс. рублей наличными и выкупил облигаций на сумму 469 тысяч рублей. Из собранных медиками средств 100 тысяч рублей были отправлены на создание танковой колонны «Советская Украина». Большие суммы вносились на строительство самолетов и танков, за что институт получил благодарность от Верховного главнокомандующего. [7, с.106].

Работа харьковских медиков была отмечена правительственными наградами. В конце 1943 г. профессора А.М. Гаспарян и Е.А. Черников были награждены орденами «Знак Почета». А в 1945 году профессора Б.В. Алешин, В.А. Белоусов, Н.Н. Бокариус и Е.А. Попова, награждены орденами Трудового Красного Знамени «за образцовое выполнение задач правительства по лечению бойцов и офицеров Красной Армии, раненых в боях с фашистами, успешное проведение противоэпидемических мероприятий, медицинское обслуживание населения и подготовку кадров.» [7, с.109].

23 августа 1943 г. Харьков был освобожден от немецких захватчиков. Харьковчане стали собираться домой. Но без приказа наркомата охраны здоровья СССР это сделать было невозможно. В октябре 1943 г. пришло распоряжение, согласно которому домой могли вернуться 152 представителя профессорско-преподавательского состава, 75 человек учебно-вспомогательного состава, 14 аспирантов и ординаторов, 1107 студентов. Остальные оставались в Чкалове для дальнейшей работы. Возвращая в Харьков вуз, было решено на его базе создать Чкаловский мединститут (ныне – Оренбургский государственный медицинский университет).

В декабре 1943 г. стало известно об объединении первого и второго Харьковских медицинских институтов в один – Харьковский медицинский институт. Для решения организационных вопросов директор 1-го ХМИ А.М. Гаспарян и секретарь партбюро Н.И. Трутень выехали сначала в Москву, а затем – в Харьков. Прибыв в родной город, Ашот Михайлович и Нестор Иванович воочию увидели во что превратился Харьков за время хозяйничанья оккупантов и боевых действий. Нужно было восстанавливать большинство учебных корпусов, собирать необходимое оборудование по всему городу. Нужно отдать дань и оставшимся в оккупации сотрудникам вуза, сумевшим сохранить часть оборудования и библиотеки.

Во второй половине января 1944 г. первые 16 профессоров вернулись в родные месте. Студенты смогли приехать домой только после сдачи экзаменационной сессии.

К сожалению, не обошлось без утрат. В эвакуации умерли профессор педиатрии Н.М. Фришман и заведующий кафедрой кожных и венерических болезней Л.А. Соболев (причем последний прямо на рабочем месте).

Таким образом, 1-го Харьковский медицинский институт находился в эвакуации в г. Чкалов (ныне – Оренбург) с середины октября 1941 г. до 1944 г. За это время коллектив института сумел наладить учебную, научно-исследовательскую и врачебно-консультационную работу. Их труды были отмечены благодарностями местной администрации, командования Южно-Уральского военного округа, советским правительством. На созданной харьковчанами базе был организован Чкаловский медицинский

институт, преобразованный ныне в Оренбургский государственный медицинский университет.

1. Амелин В. В., Денисов Д. Н. Армяне в Оренбургском крае. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. 126 с.
2. Архив музея истории Харьковского национального медицинского университета.
3. Вірні клятві Гіппократа : розповіді про тих, хто є взірцем для прийдешніх поколінь лікарів / за ред. В.М. Лісового, В.А. Капустника, Ж.М. Перцевої ; укладачі : Ж.М. Перцева, І.В. Киричок, О.В. Семененко. Харків : ХНМУ, 2020. 624 с. [Верные клятве Гиппократа: рассказы о тех, кто является образцом для грядущих поколений врачей / под ред. В.Н. Лисового, В.А. Капустника, Ж.Н. Перцевой; составители: Ж.Н. Перцева, И.В. Киричок, О.В. Семененко. Харьков: ХНМУ, 2020. 624 с.]
4. Вустами спогадів і пам'яті. Вища медична школа Харківщини в роки Другої світової війни : [мемуари та публіцистика]. 2-ге вид. випр. й доп. / за заг. ред. В.М. Лісового та Ж.М. Перцевої. Харків. : ХНМУ, 2015. 184 с. (Устами воспоминаний и памяти. Высшая медицинская школа Харьковщины в годы Второй мировой войны: [мемуары и публицистика]. 2-е изд. выпр. и доп. / под общ. ред. В.Н. Лесовой и Ж.Н. Перцевой. Харьков.: ХНМУ, 2015. 184 с.).
5. Дьякова О.В., Середа О.П. Історія Харківського обласного військового комісаріату: Історичний нарис. Харків: ТОВ «Оберіг», 2009. 108 с. [Дьякова Е.В., Середа А.П. История Харьковского областного военного комиссариата: Исторический очерк. Харьков: ООО «Оберег», 2009. 108 с.]
6. Історія в історіях : харків. вища мед. шк. у спогадах, документах і фотографіях / редкол. : В.М. Лісовий (гол. ред.), В.А. Капустник (заст. гол. ред.), І.В. Летік (відп. секр.) [та ін.]; за заг. ред. В.М. Лісового та Ж.М. Перцевої. Харків : ХНМУ, 2015. 552 с. [История в историях: Харьков. высшее мед. шк. в воспоминаниях, документах и фотографиях / редкол.: В.М. Лесовой (гл. ред.), В.А. Капустник (зам. гл. ред.), И.В. Летик (отв. секр.) [и др.]; под общ. ред. В.М. Лесового и Ж.М. Перцевой. Харьков: ХНМУ, 2015. 552 с.]
7. Історія Харківського державного медичного університету : [1805-2005 / За ред.: А. Я. Циганенко]. Харків : ХДМУ, 2005. 742 с. [История Харьковского государственного медицинского университета: [1805-2005 / За ред. А.Я. Цыганенко]. Харьков: ХГМУ, 2005. 742 с.]
8. Лесовой В. Н., Перцева Ж. Н., Ольховский В. А., Кравченко Ю. Н. Династия судебных медиков Бокариусов. *Теорія та практика судової експертизи і криміналістики*. 2014. Вип. 14. С. 441-448
9. Перцева Ж.Н. Первый Харьковский медицинский институт в годы Великой Отечественной войны. – URL: https://repo.knmu.edu.ua/bitstreams/ 81d2d141-2371-4e27-a67c-9f4fa3d799e9/download (дата обращения 11.08.2024)
10. Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной Войны. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1995. – Режим доступа: http://наследие-оренбурга.su/wp-content/uploads/2015/02/book0304.pdf, свободный. – Заголовок с экрана.

11. Харьковский национальный университет. Научная библиотека. – офиц.сайт [Электронный ресурс] – Электронные данные. – Режим доступа: https://libr.knmu.edu.ua/index.php/istoriya, свободный. – Заголовок с экрана.
12. Хисамутдинова Р. Р., Кужагулова Ж. К. Научно-исследовательская деятельность I Харьковского медицинского института во время эвакуации в Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*: Электронный научный журнал (Online). 2014. № 3 (11). С. 66-76. ISSN 2303-9922. http://www.
file:///C:/Users/Home/Downloads/11_11_2014.pdf (дата обращения 11.08.2024)

Гаврилова Н.И.

Предпринимательская и благотворительная деятельность Якова Савельевича Домбровского: вклад еврейского купечества в хозяйственное освоение Сибири

Байкальский государственный университет

Статья посвящена анализу предпринимательской и благотворительной деятельности Я.С. Домбровского, одного из крупнейших в Сибири еврейских купцов второй половины XIX в. Хозяйственные инициативы Домбровского рассматриваются в контексте его жизненного сценария и смены социальных ролей – от прибытия в Сибирь в рамках штрафной колонизации и до вхождения в первогильдейское купечество региона. Проанализированы источники первоначального накопления капитала, основные сферы предпринимательской активности Я.С. Домбровского, обозначены области благотворительной деятельности купца. Подчеркнут вклад Домбровского в хозяйственное и культурное освоение края.

Биографические исследования сибирского купечества XVIII – начала XX в. составляют заметный сегмент разработки проблем истории регионального предпринимательства и благотворительности, городской семьи, анализа общественной жизни региона. В рамках сложившихся, главным образом, институциональных подходов к изучению купечества акцент чаще ставится на объективизированных, обобщенных показателях, раскрывающих тенденции развития предпринимательской и филантропической деятельности представителей третьего сословия.

Вместе с тем значительный интерес представляет анализ субъективно окрашенных смыслов и мотивов хозяйственных и благотворительных инициатив, выстроенных на личностном уровне

предпочтений сфер вложений капиталов, обстоятельств реализации благотворительных акций. Жанр биографического исследования позволяет обратиться к указанным вопросам.

Данная статья представляет попытку реконструкции биографии Я.С. Домбровского, одного из крупнейших сибирских купцов 1 гильдии второй половины XIX в., представителей еврейской диаспоры. Характеристики его жизни и деятельности представляют существенный интерес для анализа этнокофессиональной структуры и регионального развития частного предпринимательства в Сибири позднеимперского периода.

В конце жизни Я.С. Домбровский так писал о себе: «Жмудия его родила. Англия его просветила. Сибирь его возвеличила»[1]. К сожалению, сведения, касающиеся первых двух этапов его жизни, не столь обширны. Янкель Шевелич Домбровский (имя Яков Савельевич он себе выберет, оказавшись в Сибири) родился в 1797 г. в городе Юрбурге Ковенской губернии в семье бедных родителей. Женившись в 1820 г., он перебрался с женой в г. Кроже, близ границы. В семье родился сын Лейба (р. 1821 г.) и дочь Геня (р. 1824 г.). Прожив в семье около четырех лет, Домбровский тайно перебрался за границу и стал путешествовать по Европе с целью обучения. Ему удалось побывать в Варшаве, Берлине, Амстердаме, Роттердаме и других городах. Годы, проведенные в Европе, по собственному признанию Янкеля Шевелича, стали временем его обучения и «просветления». Им были приобретены обширные знания Талмуда и Библии, обрядов еврейской религии, выучены иностранные языки и приобретен «внешний европейский лоск», что, несомненно, пригодилось ему впоследствии, как в коммерческой, так и в общественной деятельности, выдвинув на первые роли в Иркутской еврейской общине.

Однако после возвращения в Юрбург Я.Ш. Домбровский был арестован за самовольную отлучку за границу и тайный возврат. В 1833 г. согласно решению Виленской палаты уголовного суда он был приговорен к ссылке в Сибирь на поселение.

Поселили его в Усть-Илге на р. Лена. Энергичная натура Домбровского не давала ему возможности сидеть сложа руки. Необходимо было найти занятие и начать «жить сначала» в сорок лет.

Домбровским была выбрана предпринимательская деятельность, со временем сделавшая его первостатейным купцом, одним из богатейших людей Иркутска. Первым его товаром, по воспоминаниям современников, была вакса собственного приготовления[2], с которой он ездил по городам и селениям Верхоленского уезда.

Во время наездов в Иркутск он познакомился с зажиточным евреем, впоследствии верхоленским мещанином О.С. Мелеховичем (ум. 1879 г.), ведшим достаточно обширную торговлю. Природный ум и сноровка Домбровского, по-видимому, понравились Мелеховичу, и он принял его участником в своем деле. Коммерческий союз был закреплен браком Якова Савельевича с одной из дочерей Мелеховича, Песей Осиповной (1827 г.). От второго брака Домбровский имел четырех детей: Михаила (1841-1843 гг.), Гдалия (1847-1849 гг.), Илью (1855 г.) и Рахиль (1867 г., замужем за верхоленским купцом И.Я. Файвусовым).

На реке Илге Верхоленского уезда Я.С.Домбровский прожил 20 лет, занимаясь поставками хлеба и спирта. Благодаря удачному ведению торговых дел он сумел не только разбогатеть (в 1859 г. его капитал оценивался в 50000 руб.)[3], но и приобрести связи и административном мире. В 1857 г. Председательствующий в Совете Главного Управления в Восточной Сибири, принимая во внимание хорошее поведение Домбровского на месте ссылки в течение 20 лет, обратился в Министерство юстиции с ходатайством о дозволении ему переселиться в г. Кишинев. Ходатайство было уважено[4], однако в связи с уничтожением вскоре института кантонистов необходимость возвращения в черту оседлости отпала, и Домбровский решил остаться в Сибири. В 1859 г. его семья перебралась в Иркутск на постоянное жительство.

В середине XIX в. Иркутск являлся административным и торговым центром Восточной Сибири с числом жителей, не превышающим 20 тыс. (1861 г. – 19869 чел.). По отзывам гостей города, он не имел «ничего особенного ни в своих постройках, ни в расположении. Как и везде, есть в нем так называемая Большая улица, с тротуарами шоссированной мостовой, на ней красуется до 5 каменных домов, несколько магазинов при домах, 3 фотографии... множество вывесок мелочных лавочек, колбасных, питейных

заведений и др. Все улицы за исключением Большой далеко не могут похвастаться чистотой». Однако несмотря на такой «нестоличный» внешний вид, Иркутск все же называли «щеголем»: «Ни в одном из Сибирских городов вы не найдёте таких магазинов с предметами роскоши и изящного вкуса, таких изящных экипажей, такого блестящего общества, нигде нет такого движения, таких проявлений более развитого вкуса к литературе, науке, изящным искусствам. Иркутск – первый город в Сибири, в нем вкус и интеллигенция»[5]. Действительно, культурный уровень города был достаточно высок: в начале 1860-х гг. здесь уже действовали постоянный театр и публичная библиотека, являвшаяся своеобразным общественным клубом, выходили «Иркутские губернские ведомости», во главе которых первое время стояли М.П. Петрашевский, Ф.Л. Львов, М.В. Загоскин, частная газета «Амур», достаточно активно работал Восточно-Сибирский отдел Географического общества, увеличивалось количество учебных заведений.

Попав в Иркутск, Я.С. Домбровский окунулся в предпринимательскую, купеческую среду города. Точных же сведений о сословной принадлежности его самого в 60-х гг. XIX в. найти не удалось. Известно лишь, что в 1862 г. он значится торгующим крестьянином Верхоленского округа[6], в 1866 г. – временным иркутским купцом[7], в 1867 г. – иркутским купцом 2-й гильдии[8]. В этом же году Домбровский возбудил ходатайство о разрешении ему приписаться иркутским первогильдейским купцом, на что и получил соответствующее дозволение.

В середине XIX в. еврейское население Иркутска едва составляло 1% от общего числа жителей города (в 1863 г. из 27989 жителей – 283 еврея), их социальный статус был достаточно низок. Появление же в их среде человека зажиточного, несравнимо лучше образованного и влиятельного, не могло не выдвинуть Якова Савельевича на первый план, поставить во главе складывающейся в этот период иркутской еврейской общины.

Вскоре по приезде в Иркутск Домбровский арендовал дом специально под молельню (синагога впервые была построена в 1879 г., вторично ее открытие произошло в 1886 г.), но часто богослужения проходили в его собственном доме, что вызывало нарекания

со стороны властей, и вскоре были запрещены распоряжением генерал-губернатора[9]. Он не только нашел молельный дом, но и обеспечил помещение под богадельню для немощных стариков и больных, купил дом для еврейского училища «Талмуд-Тора». В течение почти 20 лет Домбровский возглавлял иркутскую еврейскую общину, вел по собственной инициативе метрические книги евреев Иркутска. Однако его взаимоотношения с общиной складывались далеко не однозначно. «Не успевшая еще окончательно организоваться, община раскололась на два враждующих лагеря. На одной стороне стали все «вольные», т.е. не побывавшие в казармах, с Я.С. Домбровским во главе, а на другой – еврейские «служащие люди», т.е. бывшие кантонисты и николаевские солдаты. Вражда была долгая, упорная и даже с кровопролитием.

Один был в Иркутске человек, который мог бы своим авторитетом предупредить эту рознь, это Я.С. Домбровский. Но на деле он оказался источником распри. ...В нём самом прочно укоренились замашки начальствующих главарей. Он не только требовал беспрекословного подчинения себе, но настаивал, чтобы все в общине делалось по его личной воле. Он совершенно не способен был подняться до понимания психологии своих общинников-солдат и кантонистов. Он предстал перед ними не только как просвещенный и авторитетный единоверец, но и как кагальный староста со всеми его неприятными замашками властвующего, третирующего их как невежд... Я.С. Домбровский был сложной натурой... Он глубоко интересный еврейский национальный тип 60-х гг. XIX в., удивительно сохранившихся во всем своем многообразии и в Далекой Сибири»[10].

Его коммерческие интересы были сосредоточены в сфере винной, хлебной и отчасти мануфактурной торговли, золотопромышленности. Первое место принадлежало винокурению, торговле вином. Следует отметить, что виноторговле, приносившей огромные прибыли (до 9,7%)[11], иркутским купечеством традиционно отводилось значительное место. В городе в наиболее крупных масштабах ей занимались Д.Д. Демидов, В.В. Зазубрин, М.Д. Бутин, И.И. Базанов, И.Ф. Голдобин, бр. Трапезниковы. Их коммерческим партнером по производству и сбыту вина выступал Я.С. Домбровский.

Он являлся пайщиком одного из 5 винных заводов губернии, Вознесенского винокуренного, принадлежащего «Осокину и К°», в 1869 г. им был построен и пущен в ход Яковлевский завод (с Яковлевским крупчатомельничным заводом при нем), совладельцами которого стали И.Б. Вульфин, А.П. Герман, О.С. Мелехович. В 1866 г. учредили соответствующее товарищество. Мощность завода была невелика: в год на нем вырабатывалось до 22609 ведер, что приносило в среднем доход в 67812 руб.[12]. Место продажи выкуренного, а часто закупленного вина, охватывало довольно обширную территорию: Иркутский округ, Якутскую и Забайкальскую области. Оптовые винные склады Домбровского находились в Иркутске, Вилюйске, Верхоленске, Якутске, Качуге, Киренске и ближайших селениях.

Особенности развития капитализма в Сибири – неразвитый внутренний и внешний рынки, низкий уровень развития промышленности, преобладание торгового капитала над промышленным и их неразделенность, широкое распространение патриархального и мелкотоварного укладов – все создавало возможности для широкого применения первоначальных методов накопления капиталов и в среде иркутского купечества. Торговые операции были связаны с неэквивалентным обменом, прямым грабежом населения, а порой переплетались с прямыми уголовными нарушениями.

Подобная практика ведения коммерческих дел была характерна и для Я.С. Домбровского. Среди наиболее крупных судебных разбирательств, возбужденных по поводу торговой деятельности Якова Савельевича, значились дела о неправильном отпуске спирта с Яковлевского винокуренного завода[13], о продаже вина со складов ниже установленной крепости (35° вместо 40°) и нарушении питейного устава[14]; о торговле вином, производимым по чужим патентам[15] и т.д.

Не гнушался Домбровский и различными уловками для борьбы с конкурентами. Так, можно было дать ложные сведения в печати о несостоятельности своего противника[16], а для овладения важными бумагами споить служащего и у пьяного выкрасть нужные документы[17]. Однако благодаря связям, приобретенным Домбровским в административном мире, большинство судебных тяжб

оставались без последствий. Это заставляло писать его противников: «Всей Восточной Сибири известно, что Домбровские сила, и сила до того могучая, что даже людям богатым трудно тягаться с ними, если власти и закон не поддержат того, кого они давят ... Над Домбровским следствие может производить или такой человек, который неподкупен и не боится их связей, или целая компания...»[18].

В 60-70-х гг. XIX в., в период интенсивной разработки золотых приисков в Восточной Сибири, наблюдалась активизация торговли с золотопромышленными районами. Доставкой муки и хлеба туда занимался и Я.С. Домбровский.

В 1870 г. по новому уставу о частной золотопромышленности евреи получили свободный доступ в сибирскую золотодобычу. К середине 70-х гг. XIX в. среди золотопромышленного товарищества в Забайкальской области (владел Софийским, Никольским, Надеждинским, Ольгинским и Максимилиановским приисками) и Энгажеминского товарищества в компании с Торговым домом Кузнецовых и А.И. Громовой (имел Сергеевский и Рождественский прииски, оцененные в 24752 руб.), в Нерчинском же округе ему принадлежали Ивановский и Петропавловский прииски.

Определенная доля капитала вкладывалась Я.С. Домбровским и в мануфактурную торговлю. Известно, что мануфактурные лавки были открыты им в Киренске и Качуге.

Сферой вложения капиталов Якова Савельевича выступала и городская недвижимость. За период с 1869 по 1882 года им были приобретены постройки в Иркутске в Знаменском и Глазковском предместьях, по улицам Дегтевской, Большой, Котельниковской, Солдатской, Летне-Байкальской, Харлампиевской.

Своеобразной областью помещения капитала являлась благотворительность. Широкое распространение филантропической деятельности в среде иркутского купечества было одной из его характерных черт. Трудно назвать фамилию купца, хотя бы раз не пожертвовавшего на какое-либо благотворительное дело. Мотивы же этой деятельности были весьма разнообразны и включали в себя не только понимание необходимости освоения и развития Сибири, увеличения ее экономического и культурного потенциала,

но и повышенную религиозность купечества, возможность повысить свой социальный статус, завоевать имя и авторитет. Кроме того, пожертвования иногда вызывались и практическими нуждами предпринимателей.

Не была чужда благотворительная деятельность и Я.С. Домбровскому. Он жертвовал деньги в лечебницу для приходящих, прогимназию, ВСОРГО, на учреждение различных благотворительных базаров; являлся постоянным членом Благотворительного Комитета. Из наиболее крупных пожертвований следует отметить выделение им 50 тыс. руб. на строительство и содержание первого женского училища в г. Верхоленске в 1873 г.[19]. Возможно, в этом нашло свое отражение и понимание им необходимости развития образования в крае. Сам Домбровский, по воспоминаниям современников, слыл человеком достаточно образованным, стремился дать хорошее воспитание и своим детям, выписав в качестве учителя для них известного в то время еврейского писателя Бавли[20].

Своеобразным итогом коммерческой деятельности Я.С. Домбровского стало создание в 1879 г. Торгового дома под названием «Я.С. Домбровский с С-ми» (товарищеский договор составлен 25 августа 1879 г.). Компаньонами стали сыновья Михаил (главный управляющий) и Илья[21]. К этому времени Я.С. Домбровский, будучи почти 90-летним стариком, отошел от дел, оставаясь лишь номинальным главой семейного предприятия. Его сыновья заявляли о «совершенной дряхлости и бессознательности» их отца[22].

«Торговый дом» стал прямым наследником коммерческих дел Якова Савельевича. По словам самих участников фирмы, дела их в начале 80-х гг. XIX в. шли достаточно успешно, а капитал предприятия в 1881 г. составлял 439 562 руб.[23] Однако успех в ведении торговых дел недолго сопутствовал М.Я. и И.Я. Домбровским. В 1889 г. было объявлено о несостоятельности фирмы «Я.С. Домбровский с С-ми». За почти десятилетний срок ведения процесса сменилось две администрации, было устроено несколько конкурсов. К моменту окончания дела (2-я половина 1890-х гг.) Домбровские были разорены и сошли со сцены предпринимательства Иркутска. К началу XX в. от состояния Я.С. Домбровского не осталось и следа.

Умер Яков Савельевич Домбровский 30 марта 1884 г. в возрасте 90 лет. По свидетельству современников, «он сам при жизни составил себе эпитафию. «Удержите ваши слезы», – было сказано на одной стороне памятника. – «Не плачьте о несчастии, что Яков ушел в свой путь и нашел здесь могилу – Яков не умер! Он жив! Он оставил свое хорошее имя, которое дороже елея». На другой стороне значилось: «Спрашивают в долине плача: Кто нашел себе отдых под этим бугорком земли? 90-летний старик, который удостоился двух столов, рабби Яков, сын Саула, Домбровский. Кто тебя не знает?» На третьей стороне было высечено: «Жмудия его родила. Англия его просветила. Сибирь его возвеличила. Земля Иркутска его покрывает.».[24]

1. Войтинский В.С., Горенштейн А.Я. Евреи в Иркутске. – Иркутск, 1915. – С.204.
2. Там же. – С.203.
3. Для сравнения: в середине XIX в. имущественный ценз для вступления в гильдейство составлял для 3-й гильдии – 2,4-6 тыс. руб., 2-й – 6-15 тыс. руб., для вступления в 1 гильдию требовалось объявить капитал более 15 тыс. руб. Платы установленных сборов соответственно были для 3-й гильдии – 66 руб., 2-й – 264 руб., 1-й – 660 руб.
4. Войтинский В.С., Горенштейн А.Я. Евреи в Иркутске. – С.205.
5. Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск. Ирк. кн. изд-во, 1958. – С. 133–134.
6. ГАИО, ф.24, оп.5, д.34, карт.1845.
7. ГАИО, ф.24, оп.5, д.682, карт. 1851.
8. ГАИО, ф.282, оп.1, д.12, л.1.
9. ГАИО, ф.91, оп.1, д.811, л.14.
10. Войтинский В.С., Горенштейн А.Я. Евреи в Иркутске. – С.207-208.
11. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири. – Томск, 1975. – С.72.
12. Для сравнения: на Вознесенском заводе выработка составляла 124293 вед., 120098 руб. (Ларионов Д.Д. Очерки экономической статистики Иркутской губернии. – Иркутск, 1870. – С. 279).
13. ГАИО, ф.24, оп.4, д.3298, карт.2222.
14. ГАИО, ф.24, оп.5, д. 1142, карт.2077.
15. ГАИО, ф.24, оп.4, д.3298, карт.2222.
16. ГАИО, ф.24, оп.4, д. 1050, карт. 1992.
17. ГАИО, ф.24, оп.5, д. 1382, карт.2091.
18. ГАИО, ф.24, оп.5, д. 1382, карт.2091, л.52, 54.
19. Я.С.Домбровский // Сибирский архив. – 1911. – № 2 – С.206.
20. Войтинский В.С., Горенштейн А.Я. Евреи в Иркутске. – С.206.
21. Гдалий Яковлевич Домбровский вел самостоятельные торговые дела, переехав в 80-х гг. XIX в. в Верхоленск. В 1887 г. значился верхоленским купцом 2-й гильдии.
22. ГАИО, ф.24, оп.4, д.3298, карт.2222, л.11.
23. ГАИО, ф.229, оп.1, д.20, л.254.
24. Войтинский В.С., Горенштейн А.Я. Евреи в Иркутске. – С.208.
25. Ларионов Д.Д. Очерки экономической статистики Иркутской губернии. – Иркутск, 1870.
26. Я.С.Домбровский / / Сибирский архив. – 1911. – № 2. – С.206.

Медведева-Нату О.
Независимый исследователь г. Ванкувер, Канада

Прерванная жизнь варшавянина Яна Чернякова

Из цикла «Обрывки судеб: польские евреи в Средней Азии в годы Второй мировой войны»

Предыстория

Эта моя статья, которую я предпочла бы назвать эссе, относится к разряду устных историй. В отличие от архивных документов, которые исследователь обычно разыскивает с определенным научным умыслом, устные свидетельства часто находятся ненароком, как бы невзначай. Если с архивных папок, как правило, приходится стряхивать пыль времени, то вербальные показания, кажется, не обрастают пылью, ибо они очеловечены, пронизаны чувствами, заставляют радоваться или скорбеть. Устные рассказы, передаваемые от человека к человеку (не случайно их не раз называют преданиями), довольно часто складываются в Большую Историю. Важно подчеркнуть, что и тогда, когда носителей этой информации уже нет в живых, их сообщения, если помещены в контекст и записаны, остаются. Это и есть «История. Память. Люди» – только в обратном порядке: «Люди. Память. История».

Ниже предлагаю вниманию читателя одну из таких историй. Начать придется издалека.

Известный польский врач, писатель, педагог и общественный деятель Януш Корчак погиб вместе со своими воспитанниками из варшавского еврейского Дома сирот в нацистском лагере уничтожения в Треблинке в 1942 году[1]. Но это именно он, ставший символом противления злу, через многие десятилетия после Второй мировой войны из раза в раз знакомил меня со своими воспитанниками, учениками, друзьями. Так, уже в новом тысячелетии, в 2006 г., в канадском городе Ванкувер Корчак «свел» меня с Людвиком Мирабелем, господином весьма преклонных лет. В 1930-е же годы он был юношей, которого Корчак – основатель

[1] Януш Корчак (1878–1942) – литературный псевдоним Генрика Гольдшмита.

уникальной газеты «Малое (детское) обозрение» – учил думать и выражать свои мысли, словом, жить осознанно.[2] Исходной темой наших с Мирабелем разговоров был Корчак – это и понятно, ведь до того времени дожили лишь единицы тех, кто лично знал автора знаменитой книги «Как любить ребенка», – но постепенно границы наших диалогов раздвигались. Поводов нашлось несметное число, и это несмотря на нашу разницу в возрасте, образовании, культуре и жизненном опыте. Мне, родившейся сразу после войны, он годился в отцы; он был врачом-кардиологом, а я филологом-славистом; он вырос в Польше, учился во Франции и Англии, а я, выпускница Московского университета, прожила значительную часть своей жизни в Советском Союзе, и много позже его поселилась на канадском западном побережье.

Адам Черняков. Отец

В одном из разговоров мы задели незаживающую рану – Холокост и, в связи с этим, имя Адама Чернякова.

Адам Черняков (родился в 1880 г.), инженер, получивший европейское образование вначале в Политехническом институте в Варшаве, а затем в Германии, в Дрездене, автор научных и публицистических статей, заметное лицо в общественной и политической жизни Польши – в частности в 1930-е годы он был членом городского совета столицы, участвовал в выборах в польский парламент. В сентябре 1939 г. Черняков был назначен председателем Варшавской еврейской общины, а после капитуляции оккупационные власти возложили на него обязанности председателя Еврейского совета, который должен был выполнять распоряжения оккупантов, касавшиеся евреев. С 6 сентября 1939-о до 23 июля 1942 г. он практически ежедневно вел записи, в которых нашли отражение

[2] Людвик Мирабель (1917–2012) был корреспондентом газеты «Малое обозрение», которую под руководством Корчака создавали дети и подростки для своих ровесников. Шестнадцатилетний Мирабель вошел в историю этой газеты особенной публикацией – интервью под названием «Три четверти часа с Корчаком» (1933 г.).

жизнь обитателей гетто, встречи с разными людьми, в том числе с Корчаком, а также предписания нацистов[3].

Черняков отказался ставить свою подпись на объявлении о принудительном выселении евреев, что означало их депортацию в лагеря уничтожения. 23 июля 1942 г. он записал: «Три часа дня. К депортации готовы четыре тысячи человек. К четырем часам приказано подготовить девять тысяч».[4]

Примерно через час после этой записи Черняков покончил жизнь самоубийством. На своем рабочем месте, в своем кабинете, в помещении Еврейской общины он принял цианистый калий. На письменном столе было найдено послание Правлению общины: «Они [немцы] требуют, чтобы к завтрашнему дню был готов транспорт с детьми. (…) Я не могу посылать на смерть беззащитных детей…». И еще записка, адресованная жене: «Они требуют, чтобы я своими руками уничтожал детей моего народа. Мне не остается ничего другого, как умереть».

Ян Черняков. Сын

С большой долей вероятности можно сказать, что последняя мысль отца была о его единственном сыне Яне. О нем, недавнем студенте Варшавского университета, молодом специалисте в области права и экономики, я впервые услышала от Людвика Мирабеля. Это была начальная зацепка, ниточка, за которую, как мне показалось, стоило потянуть. Поняв, что я заинтересовалась судьбой Яна, мой собеседник рассказал мне о нем то немногое, что сам знал. В 1930-е годы они встречались в группе молодых борцов за

---

[3] Эти записи объемом более трехсот страниц большого формата под названием «Дневник Варшавского гетто Адама Чернякова» («Adama Czerniakowa dziennik getta warszawskiego») были изданы в Польше в 1983 г. Любопытно, что история записей Чернякова имеет еще один канадский след. Вкратце она такова: после войны 8 или 9 исписанных блокнотов оказались в распоряжении его вдовы доктора философии Фелиции Черняков. В 1947 г. она, будучи в крайней нужде, предложила Еврейскому Институту в Варшаве приобрести их, но ей ответили отказом. Тогда вдова переправила их во Францию, а оттуда они каким-то мудреным путем попали в Канаду. В чьих руках они оказались, мне выяснить не удалось. Видимо, я появилась в Ванкувере и начала поиски слишком поздно – все-таки прошли десятилетия. В конце концов записи Чернякова нашли свое место там, где и должно было – в Национальном мемориальном комплексе истории Холокоста Яд Вашем в Иерусалиме.

[4] Adama Czerniakowa dziennik getta warszawskiego. Warszawa 1983. S. 306. Далее все цитаты приводятся по этому изданию. Страницы указываются в тексте в квадратных скобках.

социальную и национальную справедливость и в том числе за равенство для евреев, которого, скажем откровенно, в стране не было. Насколько Мирабель помнил, Ян был членом прокоммунистического союза студентов «Жизнь» («Życie») и какое-то время даже секретарем этой организации.[5] Но он был совершенно уверен, что Ян не на шутку увлекался марксистскими идеями. В том не было ничего удивительного: молодой человек всецело принадлежал своему поколению, той его части, которая предпочла сионизму и отъезду в Палестину, противостояние антисемитизму там, где был его дом, – в Польше. Ни в коем случае не открещиваясь от еврейства, он в полной мере чувствовал себя поляком и польским патриотом, при этом полагая, что подлинным островом свободы и справедливости является Советская Россия. Одно другого никак не исключало. Впрочем, возможно, что причина выбора в пользу родной Польши вместо далекой Палестины была вполне прагматичной: он хотел окончить Университет – или чисто эмоциональной: единственному сыну было бы трудно оставить горячо любящих его родителей.

Мирабель припомнил, что, кроме общественной страсти, Ян имел и другую – литературную, и, кажется, даже участвовал в «Литературной мастерской» («Warsztat Literacki») и «Свободной трибуне молодежи» («WoTuM Wolna Trybuna Młodych»). Скорее всего, там он и познакомился с девушкой, увлеченной творчеством (это она нашла некоего филантропа, жертвовавшего на издание молодежной литературной прессы), которую полюбил, и которая позже стала его женой. Ее звали Ирена Гинсбург. В юности она и Людвик Мирабель дружили, и теплые отношения они сохранили до глубокой старости.[6] А о характере этой дамы дает представление такая сцена: когда впервые после войны Мирабель из Америки прилетел в Варшаву, Ирена встречала его в аэропорту и сразу же спросила, что нового он написал. Ответ друга: «Ничего особенного.

[5] Эта информация подтверждена в книге М. Уриновича «Адам Черняков. Президент Варшавского гетто», которая вышла в Варшаве в 2009 г. – Marcin Urynowicz. Adam Czerniakow. Prezes getta Warszawskiego. S. 319.

[6] Ирена Хаусман-Петрусевич (в девичестве Гинсбург) (1917–2015). Врач-невролог с мировым именем, профессор, доктор наук, член Польской Академии Наук и многих международных медицинских ассоциаций. В других источниках фигурирует под именем Паулина. Возможно, она имела два имени, которые использовала попеременно.

Что-то черкаю изредка», – ее разочаровал, и она отразила его болезненным ударом: «Неужто ты хочешь сказать, что стал обычным врачом, каких много?». «Эти слова меня задели, – по прошествии десятилетий признался мне Мирабель, – и я чувствую этот укол до сегодняшнего дня».

О том, как сложилась жизнь Яна Чернякова после начала войны, Мирабель узнал именно от Ирены Гинсбург.

В сентябре-октябре 1939 г. Ян находился в Варшаве, о чем в своих записках упоминает его отец: 11 сентября 1939 г. – «Ясь после дежурства в Гражданской противовоздушной обороне под пулями провожает слепого домой»[7] [s. 46]. 21 сентября – «Утром бомба попала в Комиссариат XI, в котором находились мы с Ясем» [s. 48]. А на следующий день – 22 сентября: «Сегодня Судный день и в самом деле Судный – всю ночь канонада. Ясь с четырех до восьми утра на службе в Гражданской противовоздушной обороне» [s. 48]. 24 сентября – «В наш дом попали четыре зажигательные бомбы и шрапнель. Ясь гасил их песком…» [s. 50].

После оккупации Польши многие евреи, которым угрожала смертельная опасность, и каждый день их жизни мог оказаться последним, бежали из страны в рассыпную, кто куда: в Румынию, Италию, через Японию в США, в Стамбул, а оттуда в Палестину, но массовый исход был через восточную границу – в Россию.

В ноябре 1939 г., не исключено, что по настоянию родителей, – как бы тяжело ни было расставаться с сыном – Ян вместе с Ireной покидает Варшаву и отправляется во Львов (ее семья была оттуда родом, да и у его отца там были знакомые, которые могли о них позаботиться и на первое время помочь с жильем). Здесь Ян и Ирена сочетались браком. Наверное, рассчитывали, что во Львове, который был одним из важнейших центров польской культуры, без труда найдут работу и проживут столько, сколько понадобится, пока не смогут вернуться в Варшаву. Поначалу молодым казалось, здесь будет поспокойнее, ведь город был «под охраной» советских войск.[8]

---

[7] Ясь – домашнее имя Яна.

[8] В соответствии с Секретным протоколом к пакту Молотова — Риббентропа 22 сентября 1939 г. было подписано соглашение «о передаче города Львова войскам Советского Союза».

В львовский период связь Яна с родителями, хотя и не была регулярной, не прерывалась. Но семья рассыпалась, и все трое ее членов страдали. Об этом свидетельствуют записи Адама Черняков: «Дома одиноко и мрачно», – пишет он вскоре после отъезда сына (12 ноября 1939 г.) [s. 61]. Письмо, полученное от сына, он называет «единственным лучом света» (24 декабря 1939 г.) [s. 73]. Не меньше тоскует Ян, он пишет родителям нежные и грустные письма, скучает по ним, так сильно что «целует их фотографии» (16 февраля 1940 г.) [s. 86]. Еще тяжелее отсутствие сына переживает мать: «Жена вся в слезах», – пишет Черняков 23 марта 1940 г. [s. 97]. Для родителей двадцатипятилетний Ян все еще «дитя»: «Получили известие от Яся – наш ребенок в пути» – читаем в записях отца (17 мая 1940 г.) [s. 113]. А 26 мая 1940 г. одной строкой Адам передает всю свою печаль: «День рождения Яся без Яся» [s. 116] и тревогу: «Что Ясь сегодня думает о нас?» (1 июня 1940 г.) [s.118]. На следующий день 2 июня 1940 г.: «Я думаю о Ясе» [s. 118]. Спустя месяц с лишним, 9 июля 1940 г., понимает, что родители и сын разделены бездонной пропастью войны: «Ясю сейчас не могу ни о чем писать» [s. 129]. Из этих коротких фраз следует, что Ян для отца – во всем точка отсчета. И любовь, и мука, и боль.

Последняя надежда рухнула с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. А когда 30 июня 1941 г. Львов заняли гитлеровцы, страх за сына рос изо дня в день. Запись от 1 июля 1941 г.: «Нюня (домашнее имя Фелиции, жены Адама) в глубокой депрессии» [s. 197]. 6 июля 1941 г. «Сегодня 28-я годовщина нашего бракосочетания. Без Яся», – пишет Адам [s. 198]. 23 июля 1941 г. и хуже того: «Нюня целый день плачет. Не известно, что с Ясем» [s. 202]. Отец включает все возможные связи, чтобы узнать местонахождение сына – 21 августа 1941 г.: «Уже несколько дней ищут Яся» [s. 207]. 26 сентября 1941 г. родители получают сообщение, что Яся во Львове нет [s.218]. По всей видимости, дальнейшие поиски не дают никакого результата. С того момента контакт с сыном был утрачен полностью. Проходит месяц за месяцем. Запись 11 января 1942 г.: «Зима, холодно, все простужены… Нюня носит пальто Яся» [s. 240] – отец вспоминает, что, когда Ясь в начале ноября 1939 г. уходил из Варшавы, было еще тепло, согревали последние

знаки золотой польской осени… родители не видели сына больше двух лет. «А где сейчас Ясь, дитя мое единственное?», – трагическая нота звучит в вопросе отца 13 февраля 1942 г. [s. 253].

Это последнее упоминание о Яне в «Дневнике» Адама Чернякова. Жила только вера, что сын успел уйти из Львова на восток.

Ирена Хаусман-Петрусевич (в девичестве Гинсбург)

О дальнейшей судьбе Яна Чернякова данных из первых рук не имеется. Мирабель поделился со мной тем, что знал от Ирены Гинсбург: они успели уйти из Львова, узнав о приближении немцев. Дальше в его повествовании – провал. Затем только то, что Ян умер то ли от голода, то ли от тифа где-то в Средней Азии. Меня это заинтересовало тем более, что к тому времени я уже несколько лет работала над темой «Обрывки судеб: поляки и польские евреи в годы Второй мировой войны в Средней Азии», в связи с чем исколесила все центрально-азиатские, бывшие советские республики, и в поисках знакомых и незнакомых фамилий посетила все открытые для меня тамошние архивы. Увидев мою заинтересованность темой, Людвик снабдил меня варшавским адресом и номером телефона Ирены Хаусман-Петрусевич. «А для установления первого контакта лучше всего пошли ей телеграмму – мы же люди в годах и, хоть и пользуемся Интернетом, все еще считаем, что телеграф – самое надежное средство сообщения», – сказал он.

Первым делом я позвонила пани Хаусман-Петрусевич. Дома ее не застала. Ее помощница, приняв как должное звонок из Канады (по всей вероятности, знаменитой ученой-неврологу звонили отовсюду), сообщила мне, что пани доктор ушла на похороны коллеги. Подумалось: «Необычная женщина, если в 90 лет, у нее хватает сил участвовать в траурной церемонии. Может, это потому, что она врач, врач, что не боится смерти?». Не сразу, но, проявив некоторое упорство, я все-таки дозвонилась до нее.

Передаю фрагменты нашего разговора близко к тексту.

После нападения гитлеровцев на Советскую Россию Ян Черняков попытался вступить в Красную Армию, однако принят не был. Ломал голову, отчего, почему. Говорили, что «чужаков»,

«западников», «неблагонадежных» отсеивали по политическим и моральным соображениям. Зато в Трудовую армию Яна взяли охотно. Пани Ирена употребляла термин «строительный батальон или стройбат». В детали о пребывании Яна в стройбате в беседе со мной она не вдавалась. Сказала лишь, что Ян попал в трудовой лагерь где-то под Горьким. Только и всего. Возможно, и сама не знала этих частностей. Но материалов о том, как приходилось трудармейцам достаточно в многочисленных воспоминаниях тех из них, которые после войны целыми вернулись в Польшу.

Многих поляков, как депортированных с присоединенных к России польских земель, так и беженцев, в основном, польских евреев, в Трудармию не только призывали, но и принуждали в нее вступать. Более того, тем, кто избегал призыва правдами и неправдами, грозило заключение, и не один отсидел за отказ от мобилизации. По сути, Трудовая армия была военизированной организацией, выполнявшей задания Государственного комитета обороны. Попросту говоря, это была армия принудительного труда, использовавшая бесплатную рабочую силу. Труд был крайне тяжелым, и по рассказам тех, кто прошел через стройбатальоны (которые иногда называли рабочими колоннами), они не раз намеренно не выполняли норму только, чтобы ее не повысили. Какого рода работа выпала на долю Яна Чернякова, не известно, но, несомненно, легкой она не была. Жилье для трудармейцев вначале не предусматривалось. Спали под открытым небом в огороженных зонах, обнесенных колючей проволокой. При этом начальники постоянно внушали рабочим, что это не лагерь, а армия. В лучшем случае их селили в бараках, что ставили на краю леса или на пустырях.

В бараках – трёхъярусные нары. Народу полно – не продохнуть. Осенью сырость. Отопления никакого. Воды нет – вшам раздолье. Когда подошла зима, а с нею холода и морозы, выяснилось, что у рабочих нет ни валенок, ни телогреек. Жаловаться нельзя – арестуют. Не хватало еды: хорошо если был хлеб и баланда с капустным листом. Отсюда и болезни. Куриная слепота, цинга, тиф выкашивали если не всех подряд, то многих. Историки подсчитали, что в среднем в трудовых лагерях выживал каждый третий. Умерших хоронили в общих могилах, фамилии чаще всего не

регистрировали. Один из эпизодов, описанный в воспоминаниях: «Когда начальников спрашивали: «Зачем нас сюда привезли?», те, не задумываясь, отвечали: «Чтобы вы здесь подохли». И подыхали. Выживали исполины. Был ли исполином варшавский интеллигент Ян Черняков? Сомнительно.

В лагере было радио. Это был единственный источник информации о положении на фронтах. Но о положении евреев в оккупированной Польше по радио не говорили. Значит Ян не слышал ни слова о том, что с его страной, с его городом и тем более – что с его родителями. Каково ему было вынести это неведение!

Итак, без подробностей, пани Ирена сказала лишь о том, что там Ян тяжело заболел. А возвращаясь к началу их тяжелого пилигримства, подчеркнула, что, когда Ян попал в стройбат, супруги расстались. Она, как тогда говорили, «бежала-бежала и добежала» до Киргизии. Работала врачом под Фрунзе. Согласно ее рассказу, больного Яна она нашла в стройбате под Горьким и увезла его в Киргизию. После войны некоторые из выживших в СССР оспаривали правдивость версии Ирены: якобы то, что она смогла выцарапать Яна из рук трудармейского начальства было преувеличением, и тут не обошлось без приукрашивания. Они выдвигали альтернативный вариант: будто ходили слухи, что Ян в тяжелейшем состоянии сам добрался до жены. И первый, и второй по разным причинам поражают своей невероятностью. Однако я не подвергала бы сомнению ни одну из этих возможностей. Почему? Да потому, что мне доподлинно известно, что в Советском Союзе все возможное было невозможно точно так, как все невозможное – возможно.

Попробую порассуждать: молодые супруги могли установить связь друг с другом, ибо переписка внутри СССР допускалась, хотя и происходила с большой задержкой. Однако, чтобы встретиться, надо было одолеть огромные препятствия: от Горького до Фрунзе, даже проведя диагональ на карте, не менее трех с половиной тысяч километров. Учитывая же военное время, перегруженность железной дороги, нерегулярность движения поездов и тот факт, что такие расстояния преодолевались на перекладных (на вопрос: «Как добирались?» – люди обычно отвечали: «Как придется»), трудно представить себе этот путь.

Действительно ли Ирена вызволила Яна из трудового лагеря (умилила начальников?) и привезла его в Киргизию или он сам добрался до нее едва живой (бежал?), установить не представляется возможным, так как все участники событий уже находятся в лучшем из миров. Да и так ли это важно? И если все-таки важно, где искать ответа?

Архивы

В погоне за правдой, за исторической правдой, я бросилась в среднеазиатские архивы, теперь уже по второму, а то и третьему разу. Ни в Самарканде, ни в Ташкенте, ни в Бишкеке, где архивы хранят немало документов о беженцах из Польши, свидетельств о Яне Чернякове и Ирене Гинсбург не нашлось. Я не теряла надежды, так как мои прежние поиски бывали успешны.[9] Но на сей раз мои герои в архивах упрямо не находились – сгинули без следа. И База данных Варшавского гетто ссылается не на документы, а на устные свидетельства: Ян Черняков умер 18 июля 1942 г. в Киргизии или по другим источникам «по всей вероятности от голода где-то под Самаркандом» или «где-то в Средней Азии».[10] Однако если известна точная дата смерти Яна Чернякова (а единственным источником в этом отношении могла быть только Ирена Гинсбург), то должно быть и столь же точное, без какой-либо опции, указание на место его смерти.

Что же касается отсутствия имен Яна и Ирены в архивах, то здесь удивляться нечему. Просто-напросто они не были учтены в государственных документах. Таких неучтенных беженцев и депортированных из польских земель было множество. Их было так много, что мнения ученых до сих пор расходятся: одни говорят, что их было больше миллиона, а другие, оспаривая эту цифру, называю/называют другую, чуть ли не втрое меньше. Вместе с тем позволю себе утверждать с определенностью: если бы в одном из изученных мною архивов хранился документ с именем Яна Чернякова,

[9] Некоторые результаты этих поисков отражены в моих статьях, опубликованных в сборниках по материалам конференций «История. Память. Люди» Алматы 2008, 2010, 2012, 2014, 2016, 2018, 2020, 2022 гг.

[10] Baza danych dotycząca tematów związanych z gettem warszawskim i aryjską stroną miasta– www. Centrum Badań nad Zagładą Żydów Instytutu Filozofii i Socjologii PAN 2020.

я бы не могла (как до, так и после знакомства с его историей, которую мне «подарил» Людвик Мирабель) не обратить на него внимания, хотя бы потому что, конечно, была знакома с историей Адама Чернякова. Впрочем, и фамилия Черняков довольно редкая и выделяется в общих списках – в отличие от распространенной фамилии Гинсбург, которую мой взгляд мог легко «проскочить».

Итак, заключу: история не исчерпывается архивными документами. Устные рассказы, когда они, как звенья, складываются в цепочку, дополняют ее и придают ей живой отблеск.

Поездка в Кыргызстан[11]

Неудовлетворенная результатами архивных поисков, на которые ушел не один год, я отправилась в Кыргызстан.

В телефонном разговоре со мной пани Хаусман-Петрусевич упомянула, что в войну жила в пригороде Фрунзе, в поселке под названием Кирпичный завод. Туда-то я и направила свои стопы, уповая на то, что сумею найти здесь следы пребывания Яна Чернякова 65 лет назад. Поистине, это было путешествие в прошлое, в другое временное измерение, в чужой мир…

Пришельцы из Польши не знали (не могли знать, не были к этому готовы), что некогда здесь пролегал Шелковый путь, и, как рассказывают историки, это был цветущий край. Но спустя столетия, в первой четверти XIX в., он стал каменистой пустыней. Междуречье (реки Ала-Арча и Аламедин) захватило сильное Кокандское ханство. В 1862 г. кыргызы, восставшие против кокандцев, обратились с просьбой о помощи к России и в результате подписанного договора добровольно вошли в состав империи. Тогда-то и начинает строиться город Пишпек (этот топоним – неправильно услышанное русскими офицерами-топографами кыргызское название местности Бишкек; возвращение к подлинному названию отражено в нынешнем имени столицы Кыргызстана), поначалу глинобитный – кирпич здесь не использовали.

[11] Название Киргизии с 1991 г.

Но поляки, заброшенные в Киргизию войной, прибыли не в Пишпек, а в город Фрунзе.[12]

В Бишкеке с помощью знакомых разузнала, где, в каком предместье в годы войны находился поселок при кирпичном заводе. Добрые люди подсказали, что бывший кирпичный завод находился в 12 км от железнодорожного вокзала. Это совпадало с тем, что говорила мне пани Ирена: когда надо было ехать по делам в город (за медикаментами), на заводе ей давали телегу. Кирпичный завод – так же до войны и в годы войны назывался поселок, который вырос вокруг предприятия. Поселок был небольшой: всего две улицы. На мой вопрос, как они назывались, пани Ирена отвечала: «Кажется, названий не было. Собственно говоря, какая в них нужда, если улиц всего-то две. И адрес был без улицы, писали: Фрунзе, Кирпичный завод, Барак N1». (Теперь адрес записывают иначе: поселок Нижняя Ала-Арча, Район Кирпичного завода, улица Рабочая, дом 1). В этом бараке N1 находился медицинский пункт, где Ирена принимала больных, а также аптека, здесь же она жила. Именно здесь появился Ян Черняков.

Кирпичный завод до войны и во время войны был весьма важным предприятием, покрывавшим потребности региона в стройматериалах. Кроме него, в городе были лишь производившие кирпич небольшие кустарные мастерские. В годы войны в регионе примерялись к строительству, а затем, в 1943 г., и строили Западный Большой Чуйский канал. Факты указывают, что в строительстве принимало участие около сорока тысяч рабочих и служащих из города, а также колхозники. Копали руками, лопатами и кирками. Никакого другого оборудования не было. Ирена застала начало этой народной стройки.

Сегодня кирпичный завод не существует. Осталась вывеска его головного предприятия и – развалины. К ним зачем-то приставлен сторож. Наверное, чтобы в поселке не было безработицы. Я с ним поговорила, но он не в том возрасте, чтобы помнить военные годы. Посоветовал обратиться к жительнице поселка тете Любе, служившей на кирпичном заводе, пока он работал, заведу-

[12] В 1926 г. Пишпеку присвоено имя Фрунзе, а в 1936 г. город Фрунзе становится столицей Киргизской ССР. Фрунзе переименован в Бишкек в 1991 г.

ющей отделом кадров. Я вняла его совету. Когда завод закрыли, Люба перешла в находящийся поблизости химический завод, где производят туалетную бумагу. Полезное дело. Но, к сожалению, и она о военном времени рассказать ничего не сумела. Возле химзавода я встретила девушку, на вид русскую, но с подвеской Маген Давид на шее. Не удержалась, полюбопытствовала, откуда у нее звезда Давида, и почему она ее носит. Ответ был незатейливым: «Просто она мне нравится». Я продолжала расспрашивать: «А если не всем приглянется?» На что девушка возразила: «А мне какая разница?! Мне нравится – я ношу, а кому не нравится – пусть не носят». Ее слова выдали свободолюбивую натуру. Свободой здесь дышится – а как иначе, когда живешь с видом на горы… Я понимала, что мой разговор с этой дерзкой девицей погоды не сделает и к интересующей меня военной теме ничего не добавит, хотя бы по причине ее молодости, и так и случилось – как говорится, не удалось набрать и капли смолы.

Я прошлась по поселку. Быстро поняла, что приехала не в лучшую пору: в самом начале декабря. Межсезонье. Непогода. Слякоть. Грязь по колено, шаг сделать трудно. Обувь увязает в это тяжелом месиве, ноги не оторвать от земли, вот-вот останешься босиком. А если повезет вернуться в город в ботинках, удастся ли отмыть их от комьев земли?

И общий вид поселка, и дороги, и постройки в 2007-м, жаль признать, – бедность и неухоженность. Ощущение, будто только вчера отсюда после тяжелых боев отступил оккупант. А ведь это и в годы войны был глубокий тыл, куда не докатывался грохот орудий глобальных баталий. Как же поселок выглядел тогда, в 1941-1942-м? Каким это место казалось чужакам? Понимали ли, что это тоже была территория войны? Сравнивали ли то, что видели под ногами, с вековой природой? Стоило только оторвать глаза от земли и поднять их к небу, взгляд натыкался на такую красоту, что дух захватывало. И солнце третьего декабря светило так ярко, что пригодились бы темные очки – как на горнолыжном курорте. Думала, оно никогда не заходит, но пока восхищалась живописностью фона, с гор спустились облака. Делать снимки затруднительно – картинка как в тумане. Подумала: не огорчайся, приедешь

еще не раз в этот интереснейший край. И тогда, спустя годы, увидишь, что человек замечательно обиходил этот поселок, и его вид будет поддерживать сияние неба и горной панорамы. Все изменится, как изменились названия: Фрунзе – уже не Фрунзе, а Бишкек (впрочем, и Горький, недалеко от которого Ян Черняков служил в стройбате, уже не Горький, а Нижний Новгород) и поселок Кирпичный завод уже не Кирпичный завод, а Ала-Арча. Ведь правда, что последнее (в переводе с тюркского – пестрый можжевельник), звучит значительно романтичнее, чем тяжеловесное – Кирпичный завод.

В надежде, что сохранился барак №1, решила его найти. Искала пожилых людей тех, что помнили войну – для меня чем старше, тем лучше. Нашла самых старых, которые во время войны были подростками лет десяти-двенадцати. Пригласили меня в свое жилище – небольшой глинобитный дом, называли его по-среднеазиатски кибиткой. В центре – очаг, над ним в куполе – дымовое отверстие. Окон нет, воздух спертый. Поскольку день был еще не морозный, но стылый, обитатели грелись, вытянув ноги к очагу. В доме всем заправляла «старейшина», «баб Маша», авторитет которой был непоколебим. Она проявила верх гостеприимства: на низком столике, где я сразу заметила приметы современности – мобильный телефон и калькулятор (видимо, делают какой-то бизнес). По велению «баб Маши» тут же появились лепешки, чай и, конечно, горячительный напиток. Разговор, и с самого начала дружелюбный, вскоре стал немного хмельным и куда более откровенным. Баба Маша рассказала, что семья у них казахская, но живут в Киргизии с незапамятных времен. Она здесь и родилась, сразу после войны. Пригласила соседа по имени «дядь Вась» (пояснила, что он 1934 г. рождения, один из самых старых или даже самый старый в округе и человек знающий). Тот охотно согласился провести экскурсию по поселку и был явно благодарен за то, что кто-то приехавший издалека заинтересовался их жизнью и их историей. Василий с сожалением говорил о том, как от кирпичного завода, остались «рожки да ножки». Потом повел меня к оврагу, на ходу объясняя: «Здесь находился пресс, а на холме – «вот там, где у корыта лежит собака», – там была печь для обжига. Кирпич из пресса на телегах перевозили в цех обжига.

Василий сетовал, что я запоздала с приездом, приехала быть чуть раньше застала бы киномеханика Николая, тот был кладезь знаний и ими бы непременно поделился. Был еще один старик по имени Михаил Книжников, что умер в 83 года. Фамилия у него ученая, но, как на смех, он был совершенно безграмотный. Может, Книжников и вообще была не фамилия, а прозвище, – предположил Василий. Старика Книжникова в поселке называли старьевщиком, потому что он до самой смерти держал лавочку, которую торжественно называл магазином, а торговал в ней стоптанными башмаками и ржавыми гвоздями, «останками» от тех, кто покинул поселок после закрытия кирпичного завода. Кстати, Книжников появился в поселке едва ли не позже других – в 1950-е годы, приехал сюда по приглашению друга-киргиза, с которым прошел войну.

Наконец, мне удалось повернуть Василия к военному времени, убедить его восстановить слова старожилов и напрячь собственную память, вытащить из глубин наблюдения мальчишки, почти ребенка.

Вот они: «Бараки стояли на Набережной (я подозреваю, что она так называлась, потому что рядом протекала река Ала-Арча)[13]. Еще была улица Верблюжатник (мне подумалось, странное название для улицы, скорее это был такой участок; значит наименования улиц были, а Ирена Гинсбург просто не удержала их в памяти). В бараках жили рабочие завода (всего там работало человек 150, подавляющее большинство – русские). А барак, где находился медпункт, был первый от дороги». И представьте себе, он сохранился. А когда я подсказала Василию фамилию доктора – Гинсбург, он, ликуя, ее подтвердил. Пояснил, что помнит ее, потому что у всех ребят, в том числе и у него, были вши, они приходили к доктору, и она их от этого бедствия лечила. Еще мой гид добавил, что там же жила одна узбекская, одна казахская и одна немецкая семья (российские (поволжские) немцы-выселенцы? – это уже мое предположение). «И врач, наверное, тоже была немка, – добавил Василий. Точно могу сказать, что она была другая, а откуда, из Польши или из какой другой страны, мы знать не знали.

[13] Река Ала-Арча – приток реки Чуй. Протекает в Чуйской области через пригород Бишкека село Маёвка и около села Орто-Сай.

Мы, мальчишки, называли и немецкую семью, и доктора «фашистами», но только про себя и без злости, а по свычке – все-таки шла война». На мой вопрос, работали ли на кирпичном заводе поляки, Василий отвечал, что нет, о поляках ничего не слышал. О том, что там их не было, говорила мне и пани Ирена. Только после войны он от кого-то узнал, что поляков в Киргизии во время войны было довольно много, некоторые из них трудились на спичечной фабрике во Фрунзе, а других (большинство) распределяли по колхозам.[14] Кстати, и пани Ирена на мой вопрос о поляках в ее окружении во время войны ответила, что уже по возвращении в Польшу узнала, что в Киргизии были депортированные поляки («оказались») и польские евреи-беженцы («добежали»), что во Фрунзе была и замечательная польская актриса Ида Каминьская.[15] Живя на Кирпичном заводе, она понятия не имела и о Союзе Польских Патриотов, организации, которая занималась оказанием помощи полякам.[16] «Да и не могла знать, – казалось, теряя терпение, объясняла она, – я общалась только с жителями поселка – больных было столько, что ни с кем, кроме них, не было возможности даже толком поговорить». А Василий вспомнил, что в бараках место было не у всех и не для всех – многие жили «в землянушках». Он показал мне и раритет, своего рода музейный экспонат, показал не специально, а как объект той поселковой повседневности 2007 г. Это был грузовик – такие я видела лишь в советских фильмах 1950-х годов. На моих глазах шофер завел его «железкой» (так они называли ручку для запуска мотора) – и машина, тарахтя и подпрыгивая на ухабах, поехала! Ни дать ни взять трясучая кибитка, лишь не хватало волов, которые ее бы тянули.

Увы, Яна Чернякова в поселке не помнили. Он попал сюда, когда уже был тяжело болен, в тифозном бреду. Скорее всего,

---

[14] Об этой категории беженцев см. мою статью «Польские евреи в Средней Азии в годы второй мировой войны», в которой рассказывается о тех, кто оказался в киргизском высокогорье в совхозе Катта-Талдык. – «Эвакуация: воскрешая прошлое». Алматы, 2009. С. 204–220.

[15] Ида Каминьская (1899–1980) – знаменитая польская актриса. В 1941 г. попала в Киргизию, во Фрунзе, организовала там труппу, с которой гастролировала по Средней Азии. В 1947 г. вернулась в Польшу.

[16] Союз Польских Патриотов – польская организация, действовавшая в СССР с марта 1943 г.

не успел увидеть ни кирпичный завод, ни другие элементы поселковой жизни. Впрочем, на советское общество он довольно нагляделся в трудовом лагере, где миф о справедливом социалистическом рае сталкивался с жестокой реальностью. И что еще обиднее – Ян не увидел ни гор Тянь-Шаня, которые наверняка поразили бы его своим великолепием, ни пестрого можжевельника, ни экзотического среднеазиатского пейзажа, так не похожего на его родной, польский…

Ян прожил в поселке Кирпичного завода, в бараке N1, коротко. Задержался совсем ненадолго. На вопрос, сколько времени ему здесь было отведено, пани Ирена мне не ответила. Возможно, сознательно не хотела вспоминать тяжелые дни, или эти воспоминания и в самом деле откатились для нее в былое, но уж очень далекое. Она только упорно повторяла, что спасти Яна было невозможно. Он умер у нее на руках.

Уходя в 28 лет, примирился ли со смертью? Поразился ли тому, что в последние дни очутился так далеко от родителей, дома, Варшавы, родины? А может, в его угасающем сознании промелькнули строки из итальянского стиха польского поэта-пророка Адама Мицкевича, стиха, который мог отчеканить каждый польский школьник, – только Ян подставил в него свои собственные и отнюдь не неаполитанские, но тоже чужбинные ассоциации:

«Ты знаешь край, где мирт и лавр растёт,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветёт лимон, и апельсин златой
Как жар горит под зеленью густой?...
Ты был ли там?»[17]

Ян умер 18 июля 1942 г. в Киргизии, в поселке Кирпичного завода. Его отец Адам Черняков – совершил самоубийство в

[17] Фрагмент стихотворения Адама Мицкевича (1798–1855) «Обращение к Неаполю. Подражание Гете»: «Znaszli ten kraj, / Gdzie cytryna dojrzewa, / Pomarańcz blask / Majowe złoci drzewa? / Gdzie wieńcem bluszcz / Ruiny dawne stroi, / Gdzie buja laur / I cyprys cicho stoi; / Znaszli ten kraj?». В тексте приведен фрагмент в переводе Ф. И. Тютчева. Поэт умер на чужбине, в Константинополе.

Польше, в Варшаве, в кабинете председателя Еврейского совета 23 июля 1942 г. Отец и сын были неразделимы духом при жизни. Может, и близость дат их ухода не случайна?

После возвращения в Польшу Ирена Гинсбург встретилась с матерью Яна (та спаслась на арийской стороне), но не решилась сказать ей правду о кончине сына. Посчитала, что это окончательно подорвет ее и без того слабое здоровье. Мать долгое время заблуждалась, что сына Б-г уберег и что в один прекрасный день он вернется. Наверное, как многие другие спасшиеся во время оккупации, ходила на вокзал, встречала эшелоны с репатриантами из России, высматривала Яна. Напрасно. Возвращались «выжившие на востоке», погибшие на востоке, как и ее сын, остались лежать в чужой земле. Еще 26 апреля 1942 г. Адам Черняков сделал следующую запись: «Нюня говорит, что надо с достоинством приготовиться к смерти» [s. 269]. И тогда, и позже она была готова к своей смерти, но к смерти сына мать не может быть готова никогда… Жертвами Холокоста были и те, кто погиб, и те, кто пережил погибших родных и близких.

Эпитафия

Ирена похоронила Яна в Киргизии. Где, на каком кладбище? Была ли где-то сделана запись о его смерти?

Старожилы поселка поведали, что во время войны хоронили на кладбище в поселке Маевка или возле Туберкулезной больницы. Но предупредили, что ни одно из этих мест захоронения не сохранилось. Запись о смерти Яна Чернякова не была выявлена ни в Центральном государственном архиве Кыргызстана, ни в архивном фонде Управления по благоустройству города Бишкека.

Если бы могила нашлась, на ней могло бы быть написано:

Ян Черняков. Родился в Варшаве 26 мая 1914 г. Умер в Киргизии в поселке Кирпичного завода 18 июля 1942 г. Беженец из Польши, стройбатовец. В СССР находился с ноября 1939 г., всего два с половиной года.

Надпись могла бы быть и еще более краткой:

Ян Черняков (Варшава 1914 – Киргизия 1942 гг.).

Прерванная жизнь.

Но нет ни могилы, ни надписи. Осталась память. Она и есть памятник Яну Чернякову и всем другим невинно убиенным в декорациях величественного киргизского Тянь-Шаня.

***

Адама Чернякова похоронили на Еврейском кладбище на улице Окоповой в Варшаве. Здесь же погребена его жена, почившая 24 февраля 1950 г. Рядом символическая плита умершего в далекой Киргизии их сына Яна Чернякова, которому История отказала в реальной могиле.

На плите надпись:

Ян Черняков. Юрист, экономист.

Умер в Киргизии 18 июля 1942 г. в возрасте 28 лет.

В 1939 году, когда гитлеровцы оккупировали Польшу, Яну было 25. Способного, энергичного, вдохновенного, его наверняка ждало блестящее будущее. Но тому не суждено было осуществиться. Война прервала эту жизнь. Одно слово – война. Больше добавить нечего.

Дипломатический агент Ефим Неймарк и Алма-Ата

Без малого сто лет тому назад, в январе 1926 г., в провинциальной Алма-Ате очутился посланец Москвы – Ефим Моисеевич Неймарк (1895-1938 гг.).

Он совершил многодневное путешествие через Пишпек (ныне Бишкек), которое по его описанию супруге представляло собой «4000 верст поездом и 300 лошадьми или автомобилем по ухабам и рытвинам». Его должность звучала громко и непонятно для окружающих – дипломатический агент Наркомата иностранных дел СССР (сокращенная аббревиатура НКИД) в Алма-Ате. Лишь единицы современников могут вспомнить, что с повести «Дипломатический агент», посвященной востоковеду Яну Виткевичу, дебютировал в большую литературу впоследствии прославленный мэтр детективного жанра Юлиан Семенов.

В специальной литературе обычно говорится об институте Уполномоченного НКИД при правительствах союзных республик

(ведь они все были сопредельными с иностранными государствами), просуществовавшем с 1923 по 1944 год. На данную позицию Советом Народных Комиссаров СССР назначались, как правило, видные дипломаты[1], основные права и обязанности которых включали:

• поддержание связи между союзным НКИД и правительством данной союзной республики;

• контроль за исполнением местными органами договоров и соглашений, заключенных СССР с иностранными государствами, и советского законодательства, касающегося иностранных граждан на территории страны;

• руководство органами НКИД и поддержание связей с иностранными представителями на территории союзной республики.[2]

Категория дипломатического агента была пониже. Он возглавлял дипагентство, которое открывалось в ключевых приграничных городах для выполнения отдельной специальной миссии. В Казахской автономной республике это было территориальное представительство НКИД (отчасти подчинявшееся Уполномоченному НКИД при Совнаркоме Узбекской ССР, открытому в 1925 г.), расположенное в непосредственной близости от великого восточного соседа – Китайской Республики. В офисе дипагентства по адресу улица Гурдэ дом 43 (прошу запомнить данное обстоятельство, о котором мы поговорим далее) одновременно жили его сотрудники. Штат агентства был минимален и нанимался дипломатическим агентом на месте: секретарь агентства, машинистка, сторож-курьер. Предыдущий дипагент Ступников Д.К. получил назначение секретарем консульства СССР в Кульдже.[3]

Наш герой происходил из небогатой еврейской семьи, проживавшей на территории Беларуси. Природные дарования и усердие, присущие представителям неунывающего этноса, помогли получил приличное по тем временам образование, как говорится «без отрыва от производства», то есть все время сочетая учебу с работой. Он окончил частное коммерческое училище в Гомеле и три курса 1-го МГУ, в течение года получал партийно-политическую подготовку в коммунистическом университете имени Свердлова. Владел немецким, французским и английскими языками. Что касается партийных

воззрений, то, как большинство его единоверцев первоначально сочувствовал Всеобщему еврейскому рабочему союзу в Литве, Польше и России (партия Бунд), а с 1919 г. стал членом правящей коммунистической партии.

Трудовая биография началась в подростковом возрасте и шла по возрастающей: мальчик, подмастерье, счетовод, репетитор, домашний учитель. В 1919 г. несколько месяцев работает в районной милиции Киева, затем трудится в губернской газете на еврейском языке «Полесская правда» и в политотделе войск Красной Армии. После демобилизации до 1924 г. является научным сотрудником по истории революционного движения в Западной Европе в коммуниверситете имени Свердлова, готовившем кадры для советских и партийных органов. Но кабинетная работа наскучила амбициозному Неймарку, и он переходит на практическую работу секретаря объединенного местного комитета (месткома) грузчиков. В июле 1925 г. ЦК ВКП(б) дает ему путевку-направление на работу в НКИД СССР[4], который и станет постоянным местом его работы до трагической смерти.

После завершения обязательной стажировки в центральном аппарате Наркомата в декабре 1925 г. Неймарк получает направление в Алма-Ату на должность дипломатического агента, где пробудет по сентябрь 1927 г. Дальнейшая карьера советского дипломата пройдет на равнозначных постах в городах Кушка (октябрь 1927 – март 1929 гг.) и Термезе (декабрь 1929 – февраль 1932 гг.), в промежутке между которыми будет информационно-аналитическая работа в Москве. Затем последуют длительные служебные командировки в ранге агента-уполномоченного НКИД в Ереване/Армения (март 1932 – декабрь 1935 гг.) и на Дальнем Востоке, завершив карьеру консулом в г. Сахалян (ныне Хэйхэ) / Китай (апрель 1936 – октябрь 1937 гг.).

28 октября 1937 г. Неймарк будет арестован УНКВД по Амурской области как активный участник «правотроцкистской шпионской организации». 31 марта 1938 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР осудила Е.М. Неймарка по статьям 58-1а, 58-2, 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР (измена Родине в форме шпионажа, с целью захвата власти на местах, с целью отторгнуть часть территории

СССР, совершение терактов, диверсия, организационная деятельность, направленная на подготовку контрреволюционных преступлений, шпионаж в пользу Японии и Германии) к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение 1 апреля. Полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления в 1958 г.

Такая же судьба ждала его жену – Неймарк Сарру Михайловну (1899-1940 гг.), медика по специальности. Она прошла через лагеря, в том числе АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников родины), умерла в Магадане, позже оправдана правосудием. Упомянем и о сыне – Владимире (1926-1993 гг.), родившемся в Алма-Ате.

Так чем же примечательна судьба четы Неймарк для нас?

Судя по документации агентства, Ефим Моисеевич выполнял поручения Центра, взаимодействовал с консульствами СССР в Китае, составлял помесячные экономические сводки по Синьцзяну, отстаивал перед местными организациями права иностранных граждан (в частности, силовые органы не имели права производить аресты иностранных подданных без согласования с уполномоченными и агентами НКИД), занимался вопросами казахских беженцев в Китае. Похоже, что по своему функционалу он одновременно представлял интересы и наркомата внешней торговли, ибо они были тесно переплетены. Будучи на партийном учете по месту жительства, Ефим Моисеевич не смог избежать дополнительной общественной нагрузки и являлся секретарем партийной ячейки кожевенного завода.

Как явствует из материалов, Неймарк был человеком энергичного склада. Приведем такой пример. 24 ноября 1926 г. в Лондоне в возрасте 56 лет скончался полномочный представитель Советского Союза в Великобритании Леонид Борисович Красин. Повсеместно по стране, в том числе в Алма-Ате, созывается траурный митинг, в котором участвует около трех тысяч человек. По предложению товарища Ефима митинг принимает резолюцию о переименовании улицы Гурдэ, где расположены агентство НКИД и Наркомвнешторга, в которых работал покойный дипломат в улицу Красина (ныне улице Чокана Валиханова). 2 декабря 1926 г. президиум городского совета заслушивает ходатайство представителя НКИД и соглашается с инициативой.[5] Мало того, Неймарк публикует в двух номерах губернской газеты статью о жизни Л. Красина.[6]

Пребывание Ефима Моисеевича в качестве дипломатического агента завершится в конце июля, ему на смену с 1 августа приедет сменщик, но он сам задержится в городе на несколько недель ввиду разбирательств его персонального дела в краевой контрольной комиссии.[7] Потом Неймарк поедет на аналогичную работу в самую южную точку Союза (как говорили «дальше Кушки не пошлют»), а его супруга с сыном, вероятно ввиду аномальных климатических и бытовых условий там, останутся на некоторое время в Алма-Ате. Данное предположение подкрепляется тем, что Сарра Михайловна с 5 января по 31 декабря 1928 г. размещала нижеследующее объявление в местной печати 92 раза: «ДОКТОР Неймарк. Нервные и внутренние болезни (болезни сердца и легких, сифилис нервной системы, электризация). Прием с 3:30 до 5 ч., кроме дней отдыха. Лепсинская, 81 (Ход с Советской – выше пожарной команды)».[8]

Дипломатическое агентство возглавит Георгий Исаевич Рачковский, прошедший жизненные университеты в Санкт-Петербурге, на фронтах Гражданской войны и в Средней Азии. Образование он получил в основном в результате самообразования, к тому же интелелктуальному росту помогла работа на телеграфе. В личном деле зафиксировано, что «пишет по-английски в слабой степени». За его плечами девять лет службы в армии на штабных должностях по линии разведки. С 1922 г. он служил в Туркестане. В документах отмечается «по служебным делам был в Западном Китае», а в автобиографии скупо упоминается «за время службы в разведке имел три заграничные командировки, подробности каковых к делу не относятся».[9]

Ход повествования не сулит сюрпризов, казалось бы обычная судьба советского номенклатурного работника «перекати-поле». Но как будет показано ниже, она уточняет наши знания о другом выдающемся деятеле, прибывшем в город спустя 5 месяцев – Льве Давидовиче Троцком (Бронштейне).

Прибытие в конечный пункт ссылки и первые три недели жизни семейства Троцкого в городе подробно описаны его биографами и самими политическими ссыльными – соответствующие записи принадлежат перу Льву Давидовича, его супруги и сына.[10] Если вкратце изложить фактологию событий, дополнив

местным контентом, то вырисовывается следующая картина.

Скоропалительная высылка Троцкого из Москвы не получила должного отклика на периферии и на то были весомые причины. Во-первых, местные власти, особенно городские, переживали в буквальном смысле горячую пору, поскольку шли приготовления к масштабному для республики событию: 3 апреля 1927 г. 6-й Всеказахстанский съезд советов утвердил постановление ЦИК и Совнаркома Казахской АССР о переносе столицы из Кзыл-Орды в Алма-Ату. Понятно, что в городе велись подготовительные работы, был острый дефицит жилья и служебных зданий, вовсю шла «дележка» и так скудного жилого фонда между ведомствами и организациями в преддверии будущего «великого переселения». Во-вторых, силовые органы и в центре и на месте (здесь было два уровня – республиканский в Кзыл-Орде и губернский в Алма-Ате) не имели на руках конкретных указаний свыше и, оглядываясь наверх, не решались взять на себя ответственность за размещение нежданного «гостя», так как излишнее рвение было чревато непредсказуемыми последствиями.

При таком цейтноте и неразберихе не оставалось иного выхода как временно разместить приезжих в гостинице «Джетысу», двухэтажное здание которой (правда после нескольких ремонтов и реновации) сохранилось до наших дней и его можно лицезреть на пересечении улиц Гоголя и Достык (в простонародье малой Ленина) чуть ниже парка имени 28 гвардейцев-панфиловцев. Разумеется, для ее новых жильцов, видевших ранее европейские и московские отели, живших в хоромах московского Кремля два маленьких номера (плюс все допотопные удобства во дворе) не вызвали чувства оптимизма. По словам Троцкого, «живем ... в ужасающем хаосе, который хотя и не является результатом землетрясения, но очень напоминает последнее». А вот красноречивые отрывки из других писем единомышленникам: «Поместили нас в гостинице. Должен по чистой совести признать, что клопов не оказалось. В общем жить в гостинице было очень гнусно (говорю об этом, потому что «самокритика» теперь официально признана необходимой)»; «живем в гостинице гоголевских времен».[11]

Лев Давидович, привыкший действовать решительно и радикально, обращается через голову инертной казахстанской администрации и шлет телеграммы на имя начальника ГПУ Вячеслава Менжинского, председателя ЦИК СССР Михаила Калинина, главе высшего контрольного органа ВКП(б) Григория Орджоникидзе. Так, текст телеграммы первому из перечисленных лиц гласил: «Высылка меня семьей предполагала наличие жилья. Между тем все квартиры Алма-Ате забронированы. Местное ГПУ никакого содействия не оказывает. Мы поселены ГПУ [в] гостинице [в] условиях близких тюремным. Питаемся ресторанной пищей, гибельной для здоровья. Не имеем возможности извлечь белье [и] книги из багажа [за] отсутствием помещения. Оплата гостиницы [и] ресторана нам совершенно не по средствам. Необходима достаточная квартира [с] кухней».[12]

Следует сказать, что при обилии биографической литературы в нашем случае больше доверия по сюжетам краеведческого характера вызывает книга Танибергена и Салтанат Жалмагамбетовых, поскольку это плод работы тандема отца и дочери, где первый отставной генерал-майор КГБ и бывший начальник Управления КГБ по Алма-Ате и Алма-Атинской области, имевший допуск к архивным недрам спецслужбы и конкретно к делу поднадзорного Троцкого, а дочь – профессиональный историк, кандидат наук (хотя в работе имеются и некоторые пробелы, неточности, обусловленные кризисным состоянием исторической науки на этапе распада советской империи).

Так вот, судя по их публикации, при первой встрече с начальником губернского отдела ГПУ Ивановым Троцкому сообщается о подготовленном под квартиру помещении агентства Наркомата иностранных дел, что рядом с их «конторой».[13] В свою очередь Лев Давидович просит подыскать ему квартиру повыше к горам, в районе Головного арыка (ныне проспект Абая), что считалось тогда краем Алма-Аты. В ответ чекист ссылается на отсутствие свободных квартир, поскольку имеющиеся в наличии зарезервированы для переезжающей партийно-советской номенклатуры.

Непреклонный ссыльный возвращается в гостиницу, а озадаченный силовик пребывает в смятении, как выйти из сложившейся

ситуации. «Однако посоветовавшись с руководством города, Иванов через несколько дней показал Троцкому 6 квартир из числа забронированных. После некоторого раздумья Лев Давидович и Наталья Ивановна дали согласие на занятие бывшего помещения агентства НКИД».[14] При этом им пришлось довольствоваться тем, что было, хотя в очередной телеграмме Троцкого московскому ареопагу читаем: «По-прежнему живу [с] семьей [в] гостинице. Квартира отведена без отхожего места [с] разрушенной кухней, зато возле ГПУ исключительно для удобства последнего.

Условия тюремного заключения можно создать в Москве незачем ссылать [за] 4 тысячи верст».[15]

Определенное время занял ремонт помещения, по свидетельству новоселов «пришлось покупать мебель, восстанавливать разоренную плиту и вообще заниматься строительством, правда, во внеплановом порядке. Строительство не закончено и по сей день, ибо честная советская плита не хочет нагреваться».[16]

Исходя из письма Троцкого, переезд состоялся через три недели проживания в гостинице, по данным ГПУ точная дата – 14 февраля и квартира представляла собой две комнаты и кухню.[17] Данный факт неоспоримой силы не оставляет камня от камня от тиражируемых утверждений местного литератора Владислава Владимирова (который ссылается на покойного писателя Дмитрия Снегина), что якобы Лев Давидович жил «в прочном особняке в полтора этажа. Обслуживающий персонал. Повара. Охрана. В особняке семнадцать комнат, не меньше».[18] Аналогичными, правда меньшими, преувеличениями грешат и труды ученых. В частности, доктор исторических наук, профессор Н.А. Васецкий пишет: «В центре города, по улице Красина в доме № 75 Троцкому предоставили четырехкомнатную квартиру. Что и говорить, не каждому даже служилому партработнику, а не то, чтобы ссыльнопоселенцу предоставляли тогда такие апартаменты».[19]

Данное жилье стало пристанищем семьи только в зимне-весенний период. Обычно с мая по глубокую осень горожане, кому позволяли материальные возможности, снимали домики в предгорьях, наслаждаясь неповторимым ароматом яблоневых садов в период цветения и вдыхая чистый воздух гор. Поступили

таким же образом и Троцкие, правда, после поступления необходимых финансовых средств извне, поскольку в Алма-Ате им полагалась только выплата от государства в размере 50 рублей ежемесячно. И в данном случае выбор летнего домика произошел не случайно, а при содействии нового начальника губернского, затем окружного ГПУ Шевченко. Он отговорил Троцкого от аренды приглянувшегося было тому домика в Каменском ущелье, поскольку он был далеко от города и по согласованию с начальством выделил и более того отремонтировал государственную дачу на территории совхоза спецслужбы. Эта дача располагалась в яблоневом саду, в районе современного санатория «Казахстан», принадлежащего МВД по проспекту Достык, и состояла из двух комнат, кухни и веранды. После «смотрин», удовлетворивших семью ссыльного, последняя перебралась на дачу 5 июня.[20] Их же квартира с вещами на улице Красина осталась под охраной тайной полиции.

Теперь, после того как мы разобрались с общей диспозицией размещения нашего героя в Джетысуйской губернии, разберемся с городской квартирой. Дело в том, что первоначально мы упоминали адрес дипломатического агентства при представителях Неймарке и Рачковском улица Красина дом 43, а в итоге Троцкого разместили в доме №75 по той же улице. Получается, что речь идет о двух разных адресах или здесь какое-то недоразумение / ошибка?

Пытаясь докопаться до истины и учитывая специфику ориентации в городе, застроенном в основном к рассматриваемому нами периоду в дореволюционную пору, условимся дополнительно идентифицировать строения по имени владельца, как это практиковалось и нашло отражение в архивных материалах и устной традиции, тем более эти здания сейчас практически не сохранились.

Начнем с истории дома номер 43.

В 1886 г. на плане города Верного были обозначены земельные участки, выделенные для частной застройки. На искомой улице, называемой тогда Училищная, приусадебный участок на этом месте под номером 443 получил мещанин Ульян Назаренков. Через два года, возведя добротный дом, он сдает его в аренду знаковой личности – городскому архитектору французского происхождения Павлу Васильевичу Гурдэ (1846-1914 гг.), благодаря

которому город обрел неповторимый облик, в том числе и зданиями, возведенными по его проектам. Как выяснила в результате архивных разысканий неутомимая исследовательница прошлого Верного Неля Аубакировна Букетова, великий зодчий прожил в этом доме до 1910 г., после чего переехал в Санкт-Петербург. В 1906 г. по инициативе общественности, в знак признания неоспоримых заслуг архитектора городская дума постановила переименовать улицу Училищную в улицу Гурдэ.[21] В доме появился новый арендатор – нотариус Хренов. Чуть позже наследник Назаренкова продает эту недвижимость владельцу табачной фабрики «Муравьи» Ивану Федоровичу Ледяшеву, осуществившему расширение домовладения и пристройку двух складов на прилегающей территории.[22] Грянула революция и новая власть в 1920 г. провела муниципализацию строений с находящейся под ней землей в распоряжение уездно-городского революционного комитета и в графе «фамилия бывшего владельца дома» указан И.Ф. Ледяшев, впоследствии лишенный прав избирать и быть избранным за то, что «эксплуатировал 24 человек».[23] По версии упомянутого выше краеведа Н. Букетовой, именно в доме Гурдэ, в одном дворе с которым, по словам Льва Давидовича, находился губернский архив, размещалось агентство НКИД СССР и затем туда поселили Троцкого.[24] По современным ориентирам это ниже гостиницы «Отрар» по улице Ч. Валиханова, не доходя до Жибек жолы, а если еще точнее – за один дом до улицы, а после перекрестка сразу же стоит известный многим магазин тканей «Кызыл Тан».

Есть ли прямые документальные подтверждения того, что в доме Ледяшева нашло кров дипломатическое агентство? Представьте себе, нашлись. Так, в документах за 1926 г. есть упоминание, что бывший дом Ледяшева по адресу Гурдэ, 43, занятый агентством НКИД, не застрахован от огня.[25] Полагаем, что свидетельствам страховщиков и пожарных, пунктуальных по роду профессии до мелочей, можно верить.

Поищем для «подстраховки» косвенные свидетельства. Газета «Джетысуйская искра» в сентябре 1927 г. разместила такое объявление: «Доводится до сведения всех…, что канцелярия Джетысуйского губернского архивного бюро переброшена в здание (быв. Ледяшева) по улице им. Красина дом № 75 (во дворе)».[26] Далее.

Помните, что Троцкий писал о расположенном неподалеку здании ГПУ? По архивным источникам в 1926 г. губернский отдел ОГПУ размещался по адресу улицу Пушкинская 45, бывший дом Белорусова. Это были так называемые номера «НЭП» для приезжих (фактически бывшая гостиница) на углу улиц Гоголевской и Пушкинской, которые состояли «из одного здания в 12 комнат, с полезной жилой площадью в 287 квадратных метров, которые находятся под непосредственной эксплуатацией горхоза».[27] Да, действительно, это в полутора кварталах от дома Ледяшева, а если напрямик (вероятно, сплошной застройки в конце 20-х годов там не было), то и того меньше.

Таким образом, мы удостоверились, что в бывшем доме Ледяшева (Красина, 43) размещалось агентство НКИД и с большой долей вероятности там временно жил Троцкий.

Чтобы развеять все сомнения нам нужно прояснить метаморфозу с адресом улица Красина дом 75.

Во-первых, архивные документы НКИД Казахской ССР подтверждают, что в 1928 г. по договору между Алма-Атинским городским коммунальным отделом и агентством НКИД СССР последнему был передан на арендных началах дом № 55 (впоследствии 59) по улице Гоголя.[28] То есть смена местопребывания агентства имела место.

Во-вторых, сошлемся на «обязательное постановление №7 президиума Алма-Атинского городского совета» от 2 июня 1927 г. Оно гласит, что «на основании циркуляра НКВД от 30.IX–26 года о проведении инвентаризации городских домовладений и полной непригодности существующей устарелой системы нумерации Алма-Атинский городской совет ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Произвести перенумерацию всех владений, находящихся в городской черте города Алма-Ата.

2. Нумерацию произвести в следующем порядке:

а) улицы, расположенные с севера на юг, от пересечения их Советской улицей на левой стороне (став лицом на юг), имеют номер 80, а по правую сторону имеют № 81, причем на юг нумерация увеличивается, а на север уменьшается;

б) улицы, имеющие направление с востока на запад началом

нумерации, имеют свои восточные концы, причем левая их сторона (по направлению на запад) имеет четные нумера, а правая нечетные…

3. В месячный срок со дня получения табличек с новыми номерами домовладельцы и домопользователи должны заявить в городской адресный стол о перемене своего номера…».[29]

Исходя из этого документа становится понятно почему и как изменилась нумерация домов в городе. Городские службы оригинально придумали алгоритм перенумерации в городе, где улицы были прямые и строго параллельные в направлениях юг-север и запад-восток. После установления своеобразной разделительной линии по улице Советской (ныне Казыбек би) горожане и гости столицы могли легче ориентироваться, где искать необходимое строение, в какой стороне вести поиски. И если применить эту инструкцию и встать лицом на юг, то за нашей спиной ниже городского парка с улицы Гоголя нумерация начинала убывать с 81 и значит через три дома в направлении к Жибек жолы и находился дом 75, т.е. там же, где ранее был дом 43. Следовательно, дом под номерами 43 и 75 по улице Красина один и тот же, здесь и проживал Лев Давидович Троцкий.

И тут настал черед рассказать о связи Неймарка с Троцким. Дело в том, что благодаря ему мы имеем план дома и его фотографии. С уникальными снимками с нами любезно поделилась его внучка Наталья Неймарк (р. 1955), проживающая ныне в Израиле. На фотографиях изображен Ефим Моисеевич Неймарк, затем видим внешний вид дома с воротами, на которых при увеличении видна бирка с номером «43», далее групповой снимок в самом доме, хотя идентифицировать сидящих мы пока не смогли.

Любительский чертеж дома, сделанный лично Неймарком, обнаружен нами в партийно-следственном деле Ефима Моисеевича.[30] Летом 1927 г. он попал под разбирательство партийного «суда чести» по формулировке «использование служебного положения и возведение необъективных обвинений против гражданки Ивановой».

Суть дела не заслуживает нашего внимания, это мелкий жизненный конфликт, но в период обостренного восприятия межлич-

ностных взаимоотношений и партийной этики стоивший Неймарку «строгого выговора».

Имеется собственноручно нарисованный чертеж дома, где цифрами обозначены служебные и жилые помещения, дополненные припиской: «План дома, занимаемого агентством НКИД и квартирами сотрудников агентства. Такую распланировку я застал при вступлении в должность в январе 1926 г. и никаких изменений с тех пор не было. В частности, дверь № 7, которую я застал закрытой (около нее стоит шкаф весом ок[оло] 30 пд [пудов – И.К.] с секретными документами), осталась закрытой и при мне».[31]

Как можно «расшифровать» чертеж? На наш взгляд, новый жилец Л.Д. Троцкий вероятнее всего занял квартиру Неймарка, как самую лучшую, относительно теплую и изолированную с отдельным входом с улицы Красина, комнаты которой обозначены на чертеже цифрами 2. Самая маленькая скорее превратилась в кухню.

Вот так в конце 20-х годов XX века судьба свела имена трех людей, непосредственно причастных к становлению советской дипломатии – первого наркома по иностранным делам Троцкого, дипагента Неймарка и неосязаемый дух покойного посла Красина в южном городе или по выражению Льва Давидовича из его автобиографической книги «Моя жизнь» «в городе землетрясений и наводнений, у подножья Тянь-шанских отрогов, на границе Китая, в 250 километрах от железной дороги, в четырех тысячах от Москвы, в обществе писем, книг и природы».[32]

И последняя, вполне символическая ремарка, касающаяся судьбы дома: в годы голодомора здесь размещалась закрытая столовая Казахского краевого комитета партии.[33] Вряд ли это помещение имело исключительные параметры, было в уединенном месте или отличалось лоском. Нам представляется, что все дело заключалось в тщеславии партийных чиновников – сидеть в таком примечательном месте, где жил кремлевский небожитель, тем самым как бы возвышая себя, теша свое самолюбие.

На этом, пожалуй, можно закончить сюжет о Троцком, Неймарке и Алма-Ате.

1. Например, таковыми в Украине являлись Ян Берзин (бывший полномочный представитель СССР в Финляндии и Австрии) и Александр Шлихтер (член Колле-

гии НКИД СССР). Уполномоченным НКИД при Совнаркоме Узбекской ССР в 1926–1928 гг. был Андрей Александрович Знаменский (1887–1943). Член партии с 1905 г., выпускник юридического факультета Московского университета. До революции дважды судим. Активно участвовал в установлении и упрочении советской власти в Москве, Белоруссии и на Дону. В 1920 г. министр внутренних дел Дальневосточной народной республики. В 1923–1926 гг. уполномоченный ЦК ВКП(б) в Бухарской народной советской республике – полномочный представитель СССР в Бухарской республике и Средней Азии. В 1930–1932 гг. – генеральный консул СССР в Китае.

2. Дипломатический словарь в трех томах. Четвертое, переработанное и дополненное издание. Т. III. С – Я. М., 1986. С. 501.

3. Архив Президента РК (далее – АПРК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 384. Л. 10.

Ступников Дмитрий Каллистратович (1892–1936). Русский. Образование 4 класса городского училища (экстерном). Член компартии с 1918 г. Участник первой мировой и Гражданской войн. Работал в органах ЧК и юстиции в Туркестане. В 1922–1924 гг. – на дипломатической работе в Бухарской народной советской республике. С марта 1924 г. – агент НКИД и Наркомата внешней торговли СССР в Алма-Ате. В 30-е гг. на хозяйственной работе в Узбекистане и начальник производственно-технического отдела управления Среднеазиатского лагеря НКВД.

4. АПРК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 839. Л. 84.

5. См.: Белоносов О.Р. Реестр документов фонда № 174 «Алма-Атинский городской совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Опись 15 за 1926 год. Алматы, 2020. С. 222–223, 630.

Следует отметить, что это было время повального увлечения вопросами ономастики с креном на советизацию названий. Так, 16 декабря 1926 г. президиум горсовета согласился с ходатайством бюро губернского комитета комсомола переименовать улицу «Гимназическую» в «Комсомольскую» (ныне Толе би) в ознаменование шестилетия Джетысуйской губернской организации ВЛКСМ (!!!).

6. Неймарк. Страницы из жизни тов. Красина // Джетысуйская искра. 1926. 1 и 9 декабря.

7. АПРК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 678. Л. 123–124.

8. Джетысуйская искра. 1928. 5, 10, 12, 15, 17, 19, 22, 26, 29, 31 января; 3, 5, 8, 12, 17, 24, 26, 31 июля; 4, 20, 24, 27, 31 декабря.

9. АПРК. Ф. 141. Оп. 16. Д. 1958. Л. 1–4.

10. См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 1–2. М., 1991. 624 с.; Троцкий Л.Д. Дневники и письма / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. М., 1994. 256 с.; Лев Троцкий. «Письма из ссылки. 1928» / Ред.-сост. Фельштинский Ю.Г. М., 1995. 261 с.; Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929 гг. М., 2006. 495 с.; Чернявский Г.И. Лев Троцкий. М., 2010. 665 с.; Васецкий Н.А. Троцкий: Опыт политической биографии. М., 1992. 351 с.; Жалмагамбетов Т., Жалмагамбетова С. Л.Д. Троцкий в алма-атинской ссылке: Документальная повесть: (По материалам архива КГБ). Алма-Ата, 1992. 144 с.; Гринберг И.Э. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. Алматы, 2005. 378 с. и др.

11. Троцкий Л.Д. Дневники и письма. С. 19–20, 22–23, 25–27.

12. Там же. С. 19.

13. Жалмагамбетов Т., Жалмагамбетова С. Л.Д. Троцкий в алма-атинской ссылке: Документальная повесть: (По материалам архива КГБ). С.15.

Иванов Иван Михайлович (1899–?) – русский, член партии с 1917 г. Образование начальное. До революции работал на кондитерской фабрике в Москве.
В органах с 1918 г. – начальник особого отдела дивизии и армии, с осени 1921 г. в территориальных органах ЧК–ГПУ. Начальник Актюбинского (август 1926 – июль 1927 гг.) и Джетысуйского (сентябрь 1927 – февраль 1928 гг.) губотделов ГПУ. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ОГПУ (V)» за № 285.
14. Там же.
15. Телеграмма послана сразу в три адреса – Орджоникидзе, Калинину и Менжинскому. Полный ее текст см.: Троцкий Л.Д. Дневники и письма. С. 19.
16. Там же. С. 25.
17. Там же. С. 25; Жалмагамбетов Т., Жалмагамбетова С. Л.Д. Троцкий в алма-атинской ссылке: Документальная повесть: (По материалам архива КГБ). С. 15.
18. См.: Владимиров В. Дмитрий Снегин. Его любовь, Память и Слово. Алматы, 2003. С. 29; Его же. «Демон революции» в Семиречье // Нива. 2007. № 1. С. 104; Его же. «Sic transit gloria mundi», или Что говорил Джамбул Троцкому // Казахстанская правда. 2007. 7 сентября; Его же.Что делал демон революции (Лев Троцкий) в Алма-Ате? // Вечерний Алматы. 2013. 24 января.
Дмитрий Федорович Снегин (1911–2001) в своих воспоминаниях однозначно ошибся, так как в этом доме не мог размещаться Союз писателей Казахстана. По данным справочника 1937 г. издания, обителью Союза писателей был дом с адресом улица Красина, 41 – см.: Алма-Ата. Карманный справочник на 1937 год. Алма-Ата, 1937. С. 112.
19. Васецкий Н.А. Троцкий: Опыт политической биографии. С. 250.
О четырехкомнатной квартире «в центре города, в доме 75 по улице Красина, названной в честь его покойного друга» пишет и Исаак Дойчер – см.: Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929 гг. С. 421.
20. Жалмагамбетов Т., Жалмагамбетова С. Л.Д. Троцкий в алма-атинской ссылке: Документальная повесть: (По материалам архива КГБ). С. 40.
Шевченко Иван Кириллович (1896–?). Русский. Уроженец Оренбуржья. Член компартии с 1918 г. Окончил 4-классное городское училище.
Начал трудиться с 11 лет. Участник революции и Гражданской войны. В 1919–1921 гг. – начальник городской милиции в Оренбурге. С октября 1921 г. – в органах ГПУ, возглавлял Акмолинский, Уральский и Джетысуйский губернские отделы. Фактически весь период ссылки Троцкого работал в Алма-Ате. С осени 1929 г. – на руководящей чекистской работе в Иркутске, Перми, Самарканде. В 1933–1936 гг. трудился в органах милиции и Сталинградском краевом исполнительном комитете. Поощрен за проведение массовых репрессивных акций начального периода коллективизации в Иркутском округе (1930), в 1933 г. Коллегией ОГПУ СССР награжден золотыми часами «за блестящее выполнение задания правительства».
21. Букетова Н.А. Жили – были в городе Верном. Алматы, 2016. С. 296.
22. Там же. С. 299.
23. Белоносов О.Р. Реестр документов фонда № 174 «Алма-Атинский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет». Опись № 16 за 1918–1931 годы. Алматы, 2022. С. 99, 110, 145, 191.
24. Букетова Н.А. Жили – были в городе Верном. С. 297–300; Ее же. Верненские истории. Алматы, 2011. С. 45, 235; Ее же. Алма-Ата и алматинцы. Алматы, 2007. С. 40–41.

25. Белоносов О.Р. Реестр документов фонда № 174 «Алма-Атинский городской совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Опись 15 за 1926 год. С. 644.
26. Джетысуйская искра. 1927. 27 сентября.
27. Белоносов О.Р. Реестр документов фонда № 174 «Алма-Атинский городской совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Опись 15 за 1926 год. С. 74–75, 348, 689.
28. Центральный государственный архив РК. Ф. Р-1955. Оп. 1. Д. 18. Л. 40. Известно, что это было здание губернского совета народного хозяйства, который переехал в помещение гублесзага – см.: Джетысуйская искра. 1927. 9 августа.
29. Джетысуйская искра. 1927. 9 июня.
О дополнительном статусе Троцкого как жителя в Алма-Ате говорит такой документ: «Квартиронанимателю Л.Д. Троцкому. Вторично горкоммунотдел ставит Вас в известность, что Вам надлежит внести в доход местного городского бюджета по разделу VI, §1, ст. 3 за арендуемое Вами помещение по ул. Красина квартплату из расчета получаемого Вами пособия 50 р., согласно справке ГПУ от 11 июля 1928 г. за № 01646, т.е. в месяц 9р. 90 к., считая с февраля до настоящего времени. Указанная плата должна быть внесена в десятидневный срок, иначе дело о взыскании будет передано в нарсуд.
Зав. горкоммунотдела Соболев
Ст. бухгалтер Серебряков» – цитирую по: Жалмагамбетов Т., Жалмагамбетова С. Л.Д. Троцкий в алма-атинской ссылке: Документальная повесть: (По материалам архива КГБ). С. 79.
30. См.: АПРК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 678; Д. 680; Д. 839.
31. Там же. Д. 839. Л. 94.
32. Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 1–2. М., 1991. С. 521.
33. Белоносов О.Р. Реестр документов фонда № 174 «Алма-Атинский городской совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Опись № 11 за 1931–1933 годы (с отдельными документами 1927/1928 годов). Алматы, 2017. С. 395.

Крутова Н.

Ефим Годовский − театральный художник и педагог Восточного Казахстана

Чтобы быть хорошим преподавателем,
нужно любить то, что преподаешь,
и любить тех, кому преподаешь.
Василий Ключевский

Ефим (Хаим) Наумович Годовский (1907-1975) родился в древнем городе Житомир, что на северо-западе Украины. В начале XX века город территориально входил в состав Российской империи. Во второй половине XVIII века здесь складывается крупная еврейская община. Согласно данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в городе проживало 65 895 человек, из которых 30 572 евреев, т.е. почти половина. Благодаря такой высокой концентрации еврейского населения, Житомир на рубеже XIX-XX вв. считался центром еврейской жизни на территории Украины. В городе было двадцать семь синагог.

Сохранилась Метрическая книга одной из синагог с записями всех родившихся в Житомире за 1907 год. Книга велась на двух языках: русском и иврите / идиш. Под номером «26» выполнена запись, касающаяся рождения нашего героя − Годовского Ефима. Как это часто бывает, фамилия и имя в ранних архивных и советских документах могут разниться. В Метрической книге синагоги фамилия − Гудовский, имя − Хаим. В документах за 1927 и 1934 гг. имя еще записано, как Хаим, а фамилия − Гадовский. В документах советского времени Хаим стал Ефимом, а фамилия изменилась на Годовского.

«Книга для записи родившихся евреев Житомирского общества Житомирского уезда на 1907 год.

Число и месяц рождения - 16 [января] (по ст.стилю)
Состояние отца, имена отца и матери
Отец - Рожевский мещанин Нухим Дувидов Гудовский
Мать - Лея Срулева
Кто родился и какое ему или ей дали имя - сын Хаим».[1]

Как сложилась жизнь Ефима до подросткового возраста нам неизвестно. Благодаря автобиографии, написанной Годовским, мы знаем, что с 1922 г. (15 лет) он воспитывался в Доме подростков в Киеве. Здесь же посещал изостудию, делал определенные успехи и мечтал стать профессиональным художником. В 1925 г. приехал в Москву, где поступил и закончил ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские), получив специальность художника.

Предположительно первым местом работы по специальности стал Центральный Еврейский Рабочий клуб «КОММУНИСТ». В домашнем архиве внучки Е.Н. Годовского − О.Ю. Антаковой сохранилась справка за 1927 г., в которой приводятся сведения, что *«….тов. Годовский Х.Н. действительно работал при названном клубе в качестве живописца… с 1926 по 1927 год…».*

Еврейский рабочий клуб «КОММУНИСТ» находился в Москве и занимался культурно-просветительской деятельностью, в том числе постановкой театральных инсценировок и пьес. Они писались и готовились активистами клуба. В конце 1926 г. была впервые показана одноактная пьеса тов. Иоффе «От Хишлавича до Херсона», посвященная ОЗЕТу (общество земледельцев еврейских трудящихся).[2] Годовский работал именно в этот период и вполне вероятно, что принимал участие в оформлении спектакля.

В 1930 г. Годовский по приглашению работал в Одессе над оформлением спектакля. На выданной справке от 18 февраля 1930 г. стоит штамп на двух языках: иврите/идиш и украинском.

«*Справка*

Дана сия, тов. Годовскому в том, что он был вызван из Москвы в Одессу в Рабочую театральную мастерскую для работы над оформлением пьесы… (неразборчиво). Тов. Годовский пробыл в Одессе с 1 января по 18 февраля 30 года и за всю работу получил три… пятьдесят руб.».[3]

1932 год – оформительская работа в составе Всероссийского кооперативного объединения «Художник», объединявшее артели художников, скульпторов, мастеров ремесел. Работа была связана

с частыми выездами в разные города. Начинается кочевая жизнь по городам и театрам.

После окончания работы вернулся в Москву. Работал в театре Вс. Мейерхольда, что также подтверждается справкой от Государственного экспериментального театрального техникума (училища) им. Вс. Мейерхольда, датируется 9 июня 1934 годом. Примечательно, что Годовский здесь назван своим настоящим еврейским именем, данным при рождении – Хаим.

«Справка

Дана Гадовскому Х. Н. в том, что он работал в Гос. Эксперим. Театр. им. Вс. Мейерхольда по оформлению спектакля «Жорж Данден». Заработал в мае мес-це 34 года − 300 /триста/ рублей». [3]

В 1936 году переезд в Челябинск, где работал в городском отделе народного образования на должности заведующего отделом по договорам. В 1938 году судьба забрасывает на Кавказ в Кабардино-Балкарию. Здесь в г. Нальчик он становится главным художником Русского драматического театра.

В соглашении между директором театра А.И. Сокол и Годовским записано: «*Художник тов. Годовский принимает на себя работу по художественно-декоративному оформлению пьесы Ю. Германа «Сын полка», изготовлению макета декораций и общее наблюдение за выполнением всех работ…».* [3]

Театральный сезон 1940-1941 гг. он провел в качестве главного художника драматического театра г. Ржева Тверской области. Сохранились старые театральные афиши с фамилией Е.Н. Годовского. Ефим Наумович осуществлял работу по оформлению исторической пьесы «Фельдмаршал Кутузов», пьесы М. Горького «Враги», комедий «Похищение Елены», «Отцы», мелодрамы «Сентиментальный вальс».

Перед самым началом войны, Годовский попадает в г. Пензу, где устраивается на работу в товарищество изобразительных искусств «Художник». В трудовой книжке дата начала работы −

16 июня 1941 г., а буквально через несколько дней начинается Великая Отечественная война. В Пензе окончил военно-техническое училище и в 1942 году городским военкоматом был призван на фронт.

В автобиографии Годовский записал: «Сына оставил в гороно (городской отдел народного образования)». Позже сын Юрий был отправлен в Нижнеломовский детский дом Пензенской области.

Е.Н. Годовский воевал в звании лейтенанта в составе 283 гвардейского стрелкового полка 94 гвардейской стрелковой дивизии. Бойцы этого воинского подразделения прошли с боями от Белгорода до Берлина, освобождали Сталинград и Курск.

В январе 1944 г. получил тяжелое ранение обеих ног. Где и в каких боях это произошло достоверно неизвестно. Но главное то, что он выжил. Находился на излечении в эвакогоспиталях №№ 3320, 3326, 247. Выписался из госпиталя № 1399 (Боготол, Красноярский край), где провел долгое время, более пяти месяцев.

Из справки госпиталя: *«Дана л-ту 283 гв. стр. полка тов. Годовскому Ефиму Наумовичу в том, что он находился на излечении в госпитале № 1399 с 12 октября 1944 года по 21 апреля 1945 г. Ранение связано с пребыванием на фронте, ранен в бою при защите СССР. Врачебной комиссией признан негодным к военной службе».*[3]

В 1947 году после комиссования из армии отправился в Пензу, где в детском доме его ждал сын Юрий. По дороге заехал в Москву, попытался найти мать сына. Об этом эпизоде он так вспоминает: «*Проездом в 1947 году через Москву (так как я самостоятельно ходить не смог из-за отсутствия ног) попросил сопровождающего навести справку об Аникановой Полине по адресу Покровка Девяткин пер. д.2, кв.2. Мне сообщили, что погибла во время эвакуации».* [3]

Вернувшись в Пензу и забрав сына «*на воспитание»,* как записал он в автобиографии, начал жизнь заново. За плечами фронт, ранение, ампутация одной стопы и серьезный дефект другой. Учился самостоятельно ходить, обслуживать себя. И как часто бывает в сложных жизненных ситуациях, помогла работа.

Художник-фронтовик Ефим Годовский получил направление на работу в Восточный Казахстан, г. Усть-Каменогорск в областной

драматический театр им. Джамбула. В театре проработал до 1949 г. В театральных афишах того времени Годовский значится как главный художник. Сохранились театральные афиши тех лет, подтверждающие, что Ефим Наумович оформлял спектакли: комедию А.Н. Островского «Без вины виноватые», пьесы «Старые друзья», «За тех, кто в море», «Русский вопрос». Любопытно, что директором театра в те годы был А.И. Сокол, с которым Годовский работал в конце 30-х годов в г. Нальчике. Возможно, это он и пригласил Ефима Наумовича в Восточный Казахстан. В период 1949-1951 гг. работал в Областном краеведческом музее художником-оформителем.

В начале 50-х годов при Доме пионеров г. Усть-Каменогорска была открыта студия изобразительного искусства. Возглавил ее Ефим Наумович Годовский. Это стало главным делом его последующей жизни на долгие 20 лет. Здесь занималось более сотни талантливых ребят, от малышей до старшеклассников. И со всей этой гвардией он справлялся один, без помощников.

Вот как в своих воспоминаниях описывает студию член Союза художников СССР и Союза художников Казахстана С.П. Шупляк: «В студии стояли подиумы с постановками для занятий по рисунку и живописи. На стенах висели работы, которые сделали ученики студии во время занятий в аудитории и во время летних походов. каждый стремился к тому, чтобы его работа со временем получила право быть повешенной на всеобщее обозрение. А у входной двери красовался список, где были записаны фамилии учеников студии, поступивших в различные художественные заведения».[4]

Дети боготворили своего учителя. Приезжали из самых дальних уголков области, чтобы только заниматься у Годовского. Из воспоминаний учеников: «Когда я уже сидел на своём месте и рисовал выставленный натюрморт, то вдруг… неожиданно… но это было так нестрашно, а тепло и радостно, к моей макушке прижималась его щека, и я слышал шёпот: «Ах, каак же красиво, как хорошо!.. Только посмотри на это яблоко, которое ты нарисовал. Ну, разве так свет падает на его бочок? А у этой шторы складки такие же грубые, как ты нарисовал?..» И это было счастьем!.. Слушать,

как он меня «ругает»!! И хотелось, чтобы ещё сильнее «ругал»!!!».[5]

Каждое лето учитель вывозил своих юных художников за город, на пленер. «Мы, малыши, с благоговением смотрели на своих старших друзей: Толик Меркасимов, Толик Щур, Витя Псарев, Гена Прокопович, Леня Зайцев, Оля Кузнецова и Марат Жунусов. Они, на равных со своим Учителем Ефимом Наумовичем Годовским, рассуждали о цвете, композиции, сюжете. До хрипоты спорили у летних костров и до одури писали этюды на пленэре, и так же ответственно, как натюрморты в студии. Славно они трудились и умели от души повеселиться. А Ефим Наумович, прищурив глаза с хитринкой и облокотившись на свой костыль, внимательно их слушал да одергивал иногда. Было видно, как он гордится своими учениками. Что бы ребята ни делали, разговор всегда возвращался к обсуждению художественных работ или статьи, кем-то прочитанной. А то вспоминали великих художников и говорили об их творчестве, размышляя вслух, стараясь перещеголять друг друга в изысканных выражениях и профессиональных словечках».[6]

Талантливый педагог Е.Н. Годовский воспитал целую плеяду художников, ставших известными не только в Казахстане, но и далеко за его пределами. Среди них члены союзов художников СССР и Казахстана: А. Щур, С. Шупляк, А. Климов, Г. Меркасимов, Г. Кумаргазы, народный художник России, академик живописи В. Псарев, принимавший участие в оформлении Храма Христа Спасителя в Москве. Работы его учеников хранятся в фондах Государственного музея имени Кастеева и Дирекции художественных выставок в г. Алматы, в частных коллекциях Москвы, Санкт-Петербурга, Алматы, Усть-Каменогорска. Воспитанники Годовского, многие из которых стали профессиональными художниками, и сегодня с благодарностью вспоминают своего учителя и наставника.

В 2007 году в год столетия со дня рождения Е.Н. Годовского, в г. Усть-Каменогорске в Восточно-Казахстанском областном музее искусств состоялось открытие выставки «Учитель и ученики». Здесь были представлены работы семи авторов и более пятидесяти работ учеников Ефима Наумовича.[7]

На вернисаже прозвучали выдержки из дневника художника, который он вел, будучи руководителем изостудии: «Я вспоминаю просмотренные сотни и тысячи рисунков… В них отражается удивительный мир. У маленького человека, входящего в жизнь, раскрываются глаза на красоту окружающего мира. Маленький человек поражен! И он жадно хватается за изучение окружающего мира… В детских работах отчетливо проступает эмоциональная сторона − переживания маленьких авторов. Пробелы в знаниях возмещаются фантазией, выдумкой, детской изобретательностью».[4]

Очень тепло о своих отношениях с дедом вспоминает его внучка − Ольга Юрьевна Антакова (Годовская). В их семье бережно хранятся документы и театральные афиши художника, фронтовика и талантливого педагога Е.Н. Годовского.

1. [Электронный ресурс] ГАЖО ф. 67. Оп.3. Д.575
URL: https://commons.wikimedia.org (дата обращения 15.02.2024)
2. [Электронный ресурс] Булавка Л. ««Низы» Пролеткульта и рабочие клубы 1920-х: что делали чем жили»
URL:http://intelros.ru/readroom/alternativi/a3-2012/16625-nizy-proletkulta-i-rabochie-kluby-1920-h-chto-delali-i-chem-zhili.html?ysclid=lt33583jvs243604501 (дата обращения 26.02.2024)
3. Из семейного архива О.Ю. Антаковой (внучки Е.Н. Годовского), Новосибирск, беседа с респондентом состоялось в 2010, 2024 гг.
4.[Электронный ресурс] Каланчина И.П. «Страна детства Ефима Годовского» К 110-летию Е.Н. Годовского (1907-1975)
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strana-detstva-efima-godovskogo-k-110-letiyu-e-n-godovskogo-1907-1975/viewer (дата обращения 10.02.2024)
5. [Электронный ресурс] Букач О. «Незабвенный»
URL: *https://proza.ru/2022/03/09/904* (дата обращения 20.02.2024)
6. [Электронный ресурс] Кумаргазы Г. «Жунусов Марат. Словно солнцем озаренный…» URL:https://kitaphana.kz/kraevedenie/iskustvo/iso-iskusstvo/4301-junusov.html?ysclid=lsvmhnmdip734906634 (дата обращения 10.02.2024)
7. Вернисаж выставки, посвященной 100-летию со дня рождения Ефима Наумовича Годовского URL: https://www.youtube.com/watch?v=kdsTGm-CS7M

Треблер С.

Память об отце

В марте 2023 г. исполнилось 110 лет со дня рождения известного ученого-агрария, доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Казахской ССР, Почетного гражданина Астаны Моисея Ароновича Гендельмана.

Юбилей ученого был торжественно отмечен в Казахском агротехническом университете имени Сакена Сейфуллина. И это не случайно: Моисей Аронович стоял у истоков его создания. Вуз был организован в 1958 году, а Моисей Аронович в 1961 году стал его ректором и проработал в этой должности более 20 лет. «Именно М.А. Гендельману выпала высокая честь заложить фундамент высшего аграрного образования и науки в Северном Казахстане. Его ученики работают сегодня в Казахстане, Украине, России, Узбекистане, Таджикистане, Азербайджане и Германии» – в журнале «Аграрный сектор» (№1(55) Апрель 2023) М.А. Гендельман назван главным землеустроителем Казахстана [1:86].

М.А. Гендельман был моим отцом, и эта статья – знак моей любви и преданности ему, дань памяти о нем.

Мой отец не имел привычки писать дневники. Да и когда, он всегда был чрезвычайно занят, даже под отдыхом он понимал лишь смену занятий. Но когда он достиг солидного возраста, он написал книгу, порывшись в своей, как он говорил «компьютерной» памяти [2]. И это прекрасно, не все из нас имеют такую возможность – многое знать о жизни родителей.

Отцом была прожита большая жизнь. В детстве он застал конец гражданской войны, подростком в период НЭПа приобщился к труду. В юности, став «жертвой» реформы высшего образования на Украине, оказался сразу на втором курсе вуза. Одновременно активно участвовал в хлебозаготовках и коллективизации сельского хозяйства.

Полных пять лет пробыл на фронте и в действующей армии, закончив свой поход на Тихом океане. Испытал послевоенную разруху и восстановление народного хозяйства, совершенствование высшего образования и развитие аграрной науки. Особое место в его жизни заняла Целина.

Сегодня мне хочется немного рассказать о его жизни. Родился Папа в глухой хуторской деревне украинского Полесья. В семье было 8 детей, он был самым младшим. Дата рождения была установлена приблизительно, со слов родителей и близких. О праздновании дней рождений не было и речи. Да их родители и не запоминали. Мама отца ведь расписывалась крестиком, отец его был грамотным, но ему не до того было.

С болью в душе папа вспоминал о матери. Как тяжело ей пришлось растить «семеро по полатям», мал-мала меньше. Все детство и отрочество ему запомнилось ему одним – дети просили у матери поесть. А она, особенно с тех пор, как заболел отец, зарабатывала детям на хлеб продажей молока, сливок, сметаны, ягод, собранных сестрами в лесу. Она ходила по хуторам, продавая иголки, нитки, другую мелочь, и возвращалась не с деньгами, а тяжелым заплечным мешком, нагруженным разной снедью. И принесенную с базара булочку, делила между младшими, а дети, как деликатес, ели ее с черным хлебом.

Отец не получил системного, методически последовательного, образования, подобного нынешнему. Начал учебу в хедере, затем попал сразу в 4 класс сельской школы; в пятом классе не учился, так как в селе была только начальная школа, а в Олевск, до которого 12 км, его родители не в состоянии были возить. В 1927-1929 гг. папа учился в Олевской украинской школе в 6 и 7 классах. Его взяли на содержание тетя и дядя, у которых и без него было четверо детей.

Это было тяжелое время НЭПа. Хотя мама постоянно снабжала «сидором», который заключал в себе несколько гречневых лепешек, «бульбу», банку кислого молока и баночку «колотуши» (что-то вроде повидла из черники или брусники), папа всегда чувствовал себя лишним ртом и ощущал неутолимый голод.

Он вынужден был наняться репетитором к сыну купца-нэпмана Геренрота. В свои 14-15 лет папа усиленно натаскивал, особенно по математике, а также и другим предметам, лодыря-барчука Иосифа. Отец рассказывал, что мать его ученика подносила сыну во время урока бутерброды с икрой. А тот имел обыкновение брать их в рот и держать за щекой. Мать наблюдала за

ним и требовала, приговаривая: «Иоселе, эс шен! (Иоселе, ешь уже!)». Папа же в это время слюнки глотал. Об этом моменте папа часто вспоминал с улыбкой, когда наблюдал в более благополучные годы, как наши мамы и бабушки кормили детей и внуков, приговаривая: «ну, еще одну ложечку…за маму, за папу, за бабушку…».

Как правило, папа уходил в школу пешком в конце дня в воскресенье или в понедельник утром, нагруженный торбой, в которой, кроме «сидора», была какая-нибудь обувка. Обувь надевал лишь на подходе к Барбаровке, где находилась школа, предварительно помыв ноги в реке Уборть.

Несмотря на все трудности программу семилетней школы отец усвоил неплохо. А программа эта, как позже мы установили, равнялась примерно 10 классам нынешней 11-летней средней школы. Весной 1929 г. в адрес комнезама (комитета незаможных селян) поступило предложение Житомирского землеустроительного техникума: направить кого-нибудь из грамотных детей членов комнезама для поступления на первый курс. Как отцу потом рассказывали, кто-то, прочитав обращение, произнес: «А хто у нас наиграмотнейший? Мабуть краще Мовши Гарелевого на селі нэма». Так папа в свои 16 с небольшим лет оказался среди абитуриентов (этого слова, правда, тогда в обиходе не было) техникума.

В июне, прибыв в Житомир, он с ужасом узнал, что в программе вступительных экзаменов логарифмы, прогрессии, тригонометрические функции, и, слава Богу, нет бинома Ньютона. Но отец не растерялся, как он пишет, взял в библиотеке таблицу семизначных логарифмов и тригонометрию, занял место в общежитии, получил матрацную наволочку, набил ее соломой и с утра до позднего вечера, лежа на матраце, стал «грызть гранит науки».

И все же ему понадобились консультации по решению сложных задач, особенно по тригонометрии. Приехав на несколько дней домой, он обратился за помощью к учителю математики, но тот лишь поддержал надеждой, сославшись на незаурядные математические способности ученика: «Э, Мусію, ты мэнэ вже обігнав». Подготовился отец к экзаменам хорошо и в сентябре с огромной радостью услышал из уст директора техникума, что зачислен на 1 курс «сын члена комнезаму Гендельман Мусій Аронович».

В 1930-ом году на Украине произошла очередная реформа в образовательной системе: техникумы объединили с институтами, а профшколы назвали техникумами. Так отец оказался в Харькове, где он учился всего лишь 2 года и 3 месяца, а производственная практика после второго и третьего курсов заняла львиную долю срока обучения. Ему было потом приятным вспоминать, как он, недавний сельский паренек, стоял на поле у мензулы с кипрегелем на доске и командовал второкурсниками, стоящими «на рейках». И с каким энтузиазмом и увлечением он занимался отслеживанием опорной сети, проводя измерения на триангуляционных пунктах!

В 1931 г. Харьковский институт организации территории взял обязательство провести геодезическую съемку и почвенные обследования в Кобеляцком районе Полтавской области. Той весной, после досрочной сдачи экзаменов за 3-й курс, папа был назначен бригадиром геодезической бригады, которая включала несколько девушек-студенток 2 курса. Моя будущая мама в другом селе занималась почвенными обследованиями. Там они и встретились, чтобы не расставаться 67 лет!

Произошла очередная реорганизация: институт из Харькова перевели в Одессу. Вместе с институтом в Одессе оказались и мои родители. Папа поступил в аспирантуру и одновременно начал работу в качестве ассистента кафедры землеустройства.

В 1934 г. 24 марта наши родители оформили свой брак. Мне бы хотелось рассказать о такой легенде нашей семьи. Врачи заявили маме, что из-за сильного малокровия, развившегося из-за недоедания, у нее не будет детей, и папа принял следующие меры: пошел на рынок (в 1934 году продовольственный рынок несколько улучшился) и, накупив продуктов, особенно много сала, стал ее усиленно «откармливать». «Подкормленная» салом студентка Шурочка не оправдала мрачные прогнозы врачей и 8 июня 1935 г. родила прекрасное дитя – Томочку, мою старшую сестру. Папа же, став семьянином, нагружался безмерно: выполнял аспирантские задания, одновременно вел ассистентскую работу в ОСХИ и преподавал в Высшей сельскохозяйственной школе.

Тогдашняя аспирантура совсем не была похожа на нынешнюю. Это был вуз более высокого уровня. Вместо трех кандидатских

экзаменов они изучали 2 десятка научных дисциплин и сдавали экзамены. К примеру: немецкий язык в объеме 400 часов, мелиоративные дисциплины, раздельно: гидрометрию, гидротехнику, гидрогеологию, сельскохозяйственное водоснабжение и мелиорацию; геодезию низшую и высшую, аэрофотогеодезию и картографию, планировку сельских населенных мест и коммунальную гигиену и пр.

24 мая 1937 г. отец защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук. Ему тогда исполнилось 24 года. Решением квалификационной комиссии Наркомзема СССР от 4.03.1938 г. ему была присуждена ученая степень кандидата сельскохозяйственных наук, и решением ВАК СССР от 29.03.1938 г. – ученое звание доцента по кафедре «Землеустроительное проектирование и планировка сельских населенных мест».

А дальше была война. 26-го июня 1941 г., то есть уже в первые дни войны, отец стал рядовым солдатом вновь сформированной части – отдельной радиостанции особого назначения. В военном деле он был «рядовым не обученным», но обладал не только высшим образованием, а и ученой степенью, и ученым званием. В годы войны молодой солдат быстро становится офицером и все свои способности направляет в одну цель – нанесение смертельных ударов по фашистам. Отец был награжден медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» за расшифровку системы позывных радиостанций противника, которая дала возможность оперативно сообщать командованию о появлении перед фронтом новых частей и соединений противника, о дислокации их штабов. И когда студенты при встречах спрашивали его, сколько он убил гитлеровцев, он отвечал, что стрелял в них не он, а те, кто направлял снаряды дальнобойной артиллерии или сбрасывал бомбы на штабы и скопления войск противника по данным его разведки. За годы войны, а он прошел ее от начала до самого конца, отец был награжден еще несколькими медалями и в 1945 г. – Орденом Красной Звезды.

Сильнейшие переживания во время войны были связаны с эвакуацией семьи из Одессы морем. Маме с детьми удалось остаться в живых, а бабушка и моя тетя умерли на этом пароходе и упокоились навеки в море. Отцу удалось помочь семье с эвакуацией, они оказались в Киргизии, и, хотя страшно голодали, всё же выжили.

В конце войны воинская часть отца получила приказ о передислокации на Дальневосточный фронт. Отец был назначен начальником эшелона. В пути, после поездки через Прагу в Баден-Баден под Веной, после получения документов, их перегрузили с узкой колеи на широкую в районе Бреста. Так случилось, что в это время отец упал в темноте с большой высоты в овраг, над которым стоял пульмановский вагон с веревочной лестничкой, сломал ребро, получил сильные ушибы и был госпитализирован в Тамбове. Пока он долечивался в Уссурийске и вернулся на костылях в свою часть, Квантунская армия была разгромлена, война с Японией закончилась. Свою войну на Тихом океане отец закончил тем, что отвез в Хабаровск сборник тактико-технических данных радиостанций 8-ой армии США, базировавшейся на японском острове Окинава. Как сообщали ему позже однополчане, этот сборник служил пособием в специализированных военных училищах в послевоенные годы. Отец шутил, что сборник с приложением схемы составить было несложно, так как американцы, в отличие от нас, любивших издавна чрезмерно секретничать, все покрывать завесой государственной тайны, «шпарили» открытым текстом без всяких лишних кодов и шифров.

В Берлин отец приехал в первые дни после победы из-под Дрездена, расписался на стене рейхстага, едва найдя на ней место для подписи. Как-то по телевидению он услышал о спорах немцев при реконструкции здания рейхстага. Одни предлагают полностью очистить стены от надписей, будто бы позорящих Германию, другие требуют сохранить хотя бы часть надписей для истории. Отцу подумалось, что он как бы предвосхитил будущее: не мелом, не чернилами и даже не тушью написал, а, воспользовавшись валявшимся поблизости на развалинах гвоздем, отыскал мягкую деревянную часть и начертал: «Пришел Моисей из Одессы, чтобы вы больше к нам не приходили».

Демобилизация отца задержалась до мая 1946 г., когда он был отозван Правительством Украины среди группы специалистов и ученых и направлен на работу в тот же Одесский СХИ.

Отец рассказывал, что поколение фронтовиков-победителей «не почивало на лаврах». И в своей книге он пишет о его трудовом

вкладе в развитие экономики, науки и высшего образования двух Родин – Украины и Казахстана. Став в 1957 году доктором экономических наук, отец приехал на Целину создавать новый сельхозинститут. В начале марта 1958 г. его разыскали в Киеве на научно-производственной конференции и передали телеграмму Главка: срочно прибыть в Москву для отправки в Акмолинск. Приказом от 7 марта он был назначен заместителем директора по научной и учебной работе Акмолинского СХИ, куда немедленно он и отправился.

Отец ступил на акмолинскую землю 12 марта 1958 г., преодолев многотысячное расстояние поездом до Москвы за 32 часа и из Москвы – за 109 часов. В первую очередь, как тогда было принято, он зашел в обком партии. Он пишет: «Тогдашний завсельхозотделом А. Щербаков мне на «полном серьезе» задал вопрос: «Вы, из каких будете, - высланных или присланных?», и добавил в ответ на мое недоумение: «Все прибывающие к нам относятся к одной из этих категорий». А секретарь обкома А.В. Андреева задала вопрос: «Надолго ли к нам?». На мой ответ: «Вроде сжег все мосты» отозвалась: «Бывает, восстанавливают» [2: 109].

В течение 22 лет (с 1961 по 1983 гг.) отец работал ректором Целиноградского СХИ. Его ученик, а позже коллега, профессор М.Д. Спектор пишет: «Много лет он был ректором, квартиры распределял, автомашины делил, к наградам представлял. И … ни одной жалобы! Десятки лет оставаться объективным, не давать поводов для сплетен – это непросто. А ведь каждые 2-3 года строился жилой дом, и очередные 20-30 семей получали квартиры. А в их старые квартиры въезжали те, у кого ничего не было. Все это было продумано до мелочей. И благодарных очередь росла. Дело добро людям – было записано в его душе» [3: 212].

В этой статье есть еще один знаменательный фрагмент: «Еврей по национальности, Моисей Аронович хорошо знал, что такое антисемитизм, русофобия и расизм. Он не был формальным интернационалистом, он им был по жизненному опыту, по убеждению, на основе повседневного общения с людьми разных национальностей. Его жена Александра Максимовна была украинкой. Его дочери вышли замуж: одна – за русского, другая – за еврея,

третья – за казаха. Отношения с человеком строились независимо от его цвета глаз, кожи и волос» [3: 213].

Одновременно с работой ректора отец со дня основания института до 1994 г. заведовал кафедрой и отраслевой научно-исследовательской лабораторией по землеустройству и земельному кадастру. Он продолжал активную научную, педагогическую, воспитательную, общественную деятельность, руководил большой научной школой, известной далеко за пределами Казахстана, до самой смерти в 2005 г.

Мой отец, Моисей Аронович Гендельман, – автор нескольких учебников и учебных пособий, многочисленных научных и научно-популярных работ. Награжден Орденами Знак Почета, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2 степени, Дружбы народов.

В последние годы жизни отец активно включился в законодательную работу – в подготовку Земельного кодекса Казахстана. «Не раз со страстью молодого человека выступал в дискуссиях по земельным отношениям в Мажилисе Парламента РК» [3:91].

Организованный с его большим участием сельскохозяйственный институт (ЦСХИ – как тогда расшифровывали «целиноградский самый хороший институт») теперь превратился в крупнейший вуз страны и стал одним из основных поставщиков агрономов, инженеров и экономистов для огромного земледельческого региона Республики Казахстан. Замечательный коллектив Аграрного университета всегда был его трудовой семьей. В нем много учеников и воспитанников М.А. Гендельмана, которыми он неизменно гордился.

От имени нашей большой семьи Моисея Ароновича Гендельмана, от имени его потомков, я от всего сердца благодарю администрацию и коллектив Аграрного университета, всех присутствующих, за память, сохраненную и сохраняемую о нашем отце, дедушке. Светлая память о нем, о видном ученом, о Почетном гражданине города Астаны, орденоносце, ветеране Великой Отечественной войны осеняет всю нашу жизнь.

1. Главный землеустроитель Казахстана// Аграрный сектор. - №1(55). -Апрель 2023. - С. 86-92.

2. Гендельман М. А. О мире, войне и о матушке-земле. - Астана. - 2005. - 267 с.
3. Спектор М. Д. Памяти М. А. Гендельмана. Весь я не умру // М. Д. Спектор. Прошлое с нами. -Астана, 2014. - С. 209-216.

Омарова А.С.,
научный сотрудник, Карагандинский областной музей изобразительного искусства
Мырзахметова А.Ж.,
кандидат исторических наук, доцент Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова

История одной скульптуры

Памяти скульптора И.Я. Иткинда

Карагандинский областной музей изобразительного искусства со дня основания в 1989 году начал формировать свой фонд из произведений искусства, стремясь в коллекциях музейного собрания представить историю развития художественной жизни, как региона, так и страны в целом. Этот фонд постоянно расширялся, и за 35-летнее существование музея собрание из 12463 единиц музейных экспонатов стало одним из достояний культурно-материальных ценностей Республики Казахстан. Наряду с живописными полотнами и графическими листами, которые традиционно собирает любой художественный музей, фонд Карагандинского областного музея изобразительного искусства пополнили и скульптурные работы. Включение скульптурных работ в фондовое собрание было не просто формальным решением, а глубоко осмысленным шагом, основанным на понимании уникальной роли скульптуры в художественном мире. Это решение было продиктовано важным и ценным значением скульптуры в современном обществе и её способностью выражать сложные идеи и эмоции без слов – скульптура из всех пластических видов изобразительного искусства наиболее широко являет собой олицетворение застывшей эпохи, в которой запечатлены не только идеи и эстетические принципы художника, но и чувства, мысли и ощущения того времени, в котором она была создана. Скульптура является не только видом искусства, но и источником вдохновения для многих поколений, её трехмерная природа позволяет взаимодействовать своей

формой и текстурой не только с окружающим пространством, но и со временем в уникальных и глубоких способах, поэтому она так важна и для музейных экспозиций. Каждая скульптура в музее это не просто предмет, а выдающийся способ в искусстве передачи характера и духа времени.

На сегодняшний день фонд скульптуры областного музея изобразительного искусства насчитывает 105 единиц хранения, представляющих различные техники и материалы, характерные для этого вида изобразительного искусства. Это, прежде всего, металл и камень: мрамор, бронза, алюминий и др. Также скульптура представлена в дереве, шамоте, керамике и других материалах.

Среди этих скульптур есть особый экспонат, поступивший в фонд музея сравнительно недавно, в 2013 г. Это поступление было совершено по «Акту передачи на постоянное хранение» за №1 от 21 февраля 2013 г. из фонда Карагандинского областного историко-краеведческого музея. Скульптура «Портрет карагандинца Печерина» автора Исаака Яковлевича Иткинда (1871 (1883) – 1969 гг.) представляет собой бюст из тонированного гипса, созданный в 1960 г., и изображает мужчину средних лет в деловом костюме.

В гипсе скульптор Исаак Яковлевич изваял уверенное лицо с мягкими чертами, с аккуратно вылепленными носом, губами, глазами и ушами. Волосы выполнены с вниманием автора к деталям, которые явно передают текстуру и направление: коротко стрижены, слегка волнистые, зачесаны назад и довольно высоко обрамляют голову мужчины. Они четко очерчивают черты лица - высокий лоб с легкими, слегка заметными горизонтальными морщинами, глаза с глубоким взглядом, прямой нос с широкими ноздрями. Высокие скулы, подчеркивающие сильную структуру лица, плотно сжатые губы - создают впечатление сильного и выразительного человека. Квадратный подбородок дает ощущение твердости характера. Шея крепкая, широкие плечи – подчеркивают физическую силу и простоту портретируемого. Костюм, который носит изображённый, отображает элементы классического стиля: пиджак с лацканами. Хотя под пиджаком одежда, присущая рабочему человеку – простая рубашка без воротника. Мужчина смотрит вдаль, что придаёт образу устремленность, именно это и прибавляет

облику мужчины в портрете уверенный вид. Лицо модели выражает сосредоточенность и внутреннюю силу, характерные для человека, привыкшего к тяжелому труду и суровым условиям жизни. Таким образом, создается общее впечатление от портрета – это облик сильного, трудолюбивого человека, прошедшего через многие испытания, но сохранившего внутреннее достоинство и уверенность в себе. Портрет отражает не только внешность, но и волевой характер, типичный для жителя Караганды середины XX века – индустриального города шахтеров и металлургов.

Портрет также имеет некоторое старение и повреждения: на носу отломанный кусочек и некоторые края, которые пострадали, что говорит о следах времени и эксплуатации. В свою очередь, гипс – хрупкий материал, который обычно используют скульпторы для создания, большей частью, эскизных работ.

В целом, скульптура «Портрет карагандинца Печерина» демонстрирует высокую степень мастерства автора и умение передать не только физическую, но и эмоциональную составляющую образа, что является ключевой особенностью в работах Иткинда. В этом бюсте запечатлен образ не только человека, чье лицо он воспроизводит, но и рука мастера, чей талант, бесспорно, остался в этом художественном произведении.

Человек, создавший этот гипсовый портрет, любил работать по дереву, тяготея к крупным формам. Поэтому удивительно наблюдать работу, выполненную лепкой в материале, не характерном для ее автора. Время создания скульптурной работы соотносимо с характерным для этого периода стилем соцреализма, с заложенной в его основе идее прославления людей труда и романтизации будничных дней и героических подвигов. Сам же Исаак Яковлевич не был приверженцем соцреализма: «Иткинд не задавался вопросом о направлениях в искусстве, пластическое решение в каждом случае зависело исключительно от замысла и собственного видения художника».[1]

В сущности, работы Иткинда, обладают экспрессией, которой «Портрет карагандинца Печерина» практически лишен, что и продиктовано выбранным материалом. Обычно скульптор, используя фактуру дерева и пластические возможности материала,

буквально стремился к монументальным формам, что отсутствует в данном бюсте. Возможно, эта работа была частью специального заказа или отчетной работой, так как оставалась долгое время в фонде художественных мастерских Казахстана. Но все же здесь прослеживается многоплановость круглой скульптуры, каковой бюст является, дающая особой взаимодействие с эмоциональным восприятием зрителя.

Автор данной работы прожил 97 лет. По другим данным 86 лет. Но сам скульптор утверждал, что родился в 1868 году, значит 101 год. На его долю выпал почти век сложной, удивительной судьбы, проявившейся в уникальном творчестве. Оно сохранилось в бесценном наследии в виде неповторимой скульптуры в дереве, излюбленном и предпочитаемом скульптором материале. Наибольшая часть этого наследия (19 работ) находится в Государственном музее имена Абылхана Кастеева2 [с. 254]. в Алматы, в городе, где и прошли последние годы скульптора на казахской земле, хотя его этнические корни уходят в далекие еврейские поселения на территории Литвы к семье хасидских раввинов, кем по отцовской традиции и надлежало стать Исааку Иткинду. Но ему был предначертан другой путь – трудный путь художника, к которому он пришел довольно поздно, в возрасте всемирно известного голландского художника Винсента ван Гога. «Ван Гог в скульптуре» – так назовет его друг Марк Шагал[3] [с. 82]. И, как голландцу, молодому Исааку, чтобы стать скульптором пришлось отказаться от будущего, уготовленного ему семьей, отречься, будучи раввином, от своей религии, по догмам которой запрещено изображение людей. Как он выразится сам впоследствии: «Я потерял бога». На этот путь его толкнула впечатление от работ и биографии первого в российской истории скульптора еврейского происхождения Марка Матвеевича Антокольского.

Однако, Иткинд не был самоучкой, в 1910 г. он учился рисовальной школе Вильнюса, где его первым наставником был польский живописец, Фердинанд Рушиц, бывший профессор Краковской академии изящных искусств.[1] Затем, в 1912-1913 гг., он обучался в скульптурной мастерской Московского училища ваяния и зодчества под руководством академика Императорской Академии

художеств Сергея Михайловича Волнухина[2] [с. 254], у которого в свое время занимался народный художник СССР Сергей Тимофеевич Конёнков, своим творчеством сильно повлиявший на становление скульптура Иткинда, также как и мастер скульптуры Степан Дмитриевич Эрьзя.

В 1917 г. Иткинд вступил в общество Союза русских художников, и регулярно участвовал со своими работами в выставках Союза, а также Товарищества передвижных выставок и объединения «Мир искусства». Скульптуры, созданные Иткиндом, оказали влияние на культурное общество того времени и даже привлекли внимание известного Максима Горького. Писатель, впечатлённый мастерством скульптора, в 1918 г. помог организовать его персональную выставку в еврейском театре «Хабима» в Москве.[4]

Это мероприятие стало важной вехой в карьере Иткинда, привлекая его работу в центр культурного внимания. Некоторое время Иткинд вместе с Шагалом работал преподавателем в подмосковной еврейской трудовой школе-колонии «III Интернационал» для беспризорников в Малаховке.[1] С 1924 г. он жил в Крыму, где преподавал в Симферопольском техникуме изобразительных искусств.[1] В 1927 г. Иткинд перебрался в Ленинград (Санкт-Петербург).

В 1920-1930-е годы Иткинд стал известной фигурой в среде деятелей культуры и искусства, став членом Союза художников в 1933 г. «Большинство работ Иткинда носит характер выразительных аллегорий, – писал о нем известный российский скульптор Конёнков, – Художник работал в дереве, умея выявить его богатейшие возможности, используя его нежность, монументальность, саму фактуру. Его произведения объединяют глубокие мысли, живые человеческие эмоции, виртуозное мастерство».[5] На этот период времени выпадает его самая активная творческая и выставочная деятельность. В 1935 г. по заказу Музея истории религии и атеизма АН СССР выполнил ряд работ для диорам.[1] В 1937 г. на конкурс Эрмитажа к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина И.Я. Иткинд представил 100 скульптурных работ, среди которых работа «Умирающий Пушкин» получила первую премию. Сейчас эта скульптурное произведение находится в квартире-музее Пушкина на Мойке.[6]

Но жернова тоталитарного режима, точка апогея которого выпало на период 1937-1938 гг., не прошли мимо скульптора. Иткинд Исаак Яковлевич был задержан 9 июля 1938 г. Управлением НКВД по Ленинградской области и заключен под арест. В Крестах (в годы сталинщины политическая тюрьма в Ленинграде) ему выбили зубы на допросах, отбили слух. Особым совещанием при НКВД СССР 10 ноября 1939 г. был обвинен в шпионаже по статье 58-6 Уголовного кодекса РСФСР и приговорен к высылке в места отбывания в Сибири и Казахстане.[7] Тогда никто не знал точно о судьбе Иткинда – потому и стали в каталогах указывать 1937 год как год смерти скульптора. А он прожил еще тридцать два года, создал множество произведений.[8]

Таким образом, Иткинд оказался на территории Акмолинской области[2] [С.524], в поселке Зеренда, где в 1930 г. был образован колхоз «Красноармеец», а в 1935 г. – районный центр. Одно из многочисленных мест в Казахстане, куда отправляли в ссылку обвиненных по 58 статье («Враги народа»). К нему приехала жена, на 40 лет его моложе, Мария Ильинична Хейфиц. Здесь Иткинд зарабатывал тем, что чинил обувь и чистил одежду, и портняжил, не умея этого делать. Оба были крайне истощены и жили, занимали одну кровать в съемной комнате вместе с хозяевами и их детьми, помогая вести чужое домашнее хозяйство. Но Исаак Яковлевич не переставал вырезать скульптуры из любого подручного материала, вырезал скульптуры на антифашистскую тему. Местные ссыльные поддерживали Иткинда, обращаясь с письмами в местный партийный комитет и газету «Литература и искусство» с ходатайствами о помощи ссыльному старику. Затем паре было разрешено переехать в Акмолинск, как безнадежно больным, где Мария Ильинична в 1944 г. умерла[9], не перенеся тяжелого существования и болезни сыпного тифа.

Особую поворотную роль в судьбе Иткинда в то непростое время 1-й заместитель председателя исполнительного комитета Акмолинского областного совета Ашимбек Жунусбекович Бектасов, бывший народный комиссар зерновых и животноводческих совхозов Казахской ССР, который, поняв, что в маленьком, изможденном старике, плохо изъясняющимся на русском (Иткинд плохо говорил и писал в силу позднего овладения русским языком), заключен гений талантливого скульптора и помог ему

перебраться на юг Казахстана, а именно, в столицу Казахской ССР – Алма-Ату (ныне Алматы). Причин выбора этого города было несколько, во-первых, столица республики, где было сосредоточие культурной жизни и, соответственно, возможность скульптору найти работу, и во-вторых, более теплый климат.

В Алматы Иткинду Исааку Яковлевичу выпало прожить четверть века. В 1956 г., после смерти И.В. Сталина, Иткинд был принят на работу в один из алматинских театров, где раскрашивал декорации, основной же вид его занятости в свободное время был резьбой по дереву.

В последние десятилетия своей жизни он снова обрел славу великого скульптора, был снова открыт миру. Создавал, в основном, ряд портретов, в свойственной мастеру экспрессивной манере, диктуемой фактурой дерева, воплощая в них не только портретное сходство, часто и знаменитых людей, но и рождая в их образах мир метафор и смыслов, углубляя понимание духовного и человечного. В 1966 г. о скульпторе был снят короткометражный, 10-минутный, документальный фильм на киностудии «Казахфильм» режиссером Араратом Машановым. Известны его скульптуры: «Акын Джамбул», «Амангельды», «Абай», «Поль Робсон» и другие, а также композиции «Лицо фашизма» и «Долой войну» и др.[2] Через год в 1967 г. Иткинду Исааку Яковлевичу было присвоено заслуженного деятеля Казахской ССР[2] [с.524]. Но реабилитацию «Ван Гог в скульптуре» получил только через 20 лет после смерти 31 августа 1989 г. решением военной прокуратуры Ленинградского военного округа.[7]

Гипсовый бюст «Портрет карагандинца Печерина» работы Иткинда Исаака Яковлевича, хранящийся в Карагандинском областном музее изобразительного искусства, не является шедевром, хотя создан на пике славы мастера, и в период его последнего десятилетия жизни. Но, в то же время, этот бюст – часть истории человека, чью жизнь и веру в людей сохранило творчество, и является напоминанием о том, что искусство бессмертно и талант художника может пережить время и остаться в истории через его произведения.

1. Иткинд Исаак // Евреи России (СССР) / Вклад евреев в культуру, науку, экономику Электронная еврейская энциклопедия (ЭЕЭ). – URL: https://eleven.co.il/about/. (дата обращения: 02.08.2024)

2. Иткинд И. // Казахстан. Национальная энциклопедия. — Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2005 – Т.II – 560 с.
3. Парасюк (Дортмунд) И. Исаак Иткинд. Воскресший из мертвых // «Партнер» - 019. – №5(260). - С.82-84.
4. Каяч Е. Ван Гог в скульптуре // «Беларускі Час». - № 49/1852. – 10.12. 2021 – Минск. С.18-19
5. Арье М. Мой остров – скульптура. – URL: https://www.evrey.com/sitep/culture/print.php?menu=201. Дата обращения: 01.08.2024.
6. Брусиловская Е. Ван Гог от скульптуры // Казахстанская правда – 12.11.2021
7. Открытый список. – URL: https://ru.openlist.wiki// Иткинд_Исаак_Яковлевич_(1883). *(дата обращения: 06.08.2024).*
8. Анисимов Г. Ван Гог в скульптуре // ЛЕХАИМ. - декабрь 2000. - 12 (104). – URL: https://lechaim.ru/ARHIV/104/anisimov.htm. *(дата обращения: 06.08.2024).*
9. Казимирчик А. Исаак Иткинд: скульптор, воскресший в Казахстане // Казахстанская правда. - 28.01.2018 – URL: https://xn-80aeaj2aesddcjte.news/isaak-itkind-skulptor-voskresshij-v-kazaxstane/ *(дата обращения: 06.08.2024)*.

Иофе В.Г.
Магистр Международной Ассоциации «Искусство народов мира»

Немного об одной семье

Перед нами – книга… Рачинская Е.В. Народное образование в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны. – Ташкент. 1963. 107 с.

Одна из первых книг об Узбекистане в годы войны с фашизмом и почти единственная, посвященная специально посвященная проблемам народного образования в Узбекистане в военные годы. И что существенно, автор книги – Евгения Валериановна Рачинская – человек, сыгравший большую роль в истории народного образования В Узбекистане, а в годы войны с фашизмом Е.В. Рачинская, будучи заместителем наркома (министра) просвещения Узбекистана, была ближайшей помощницей У. Юсупова в работе по вопросам эвакуации и практически руководила организацией, размещением, обучением и воспитанием детей эвакуированных в 1941-1942 гг. в Узбекистан, в том числе потерявших родителей. Руководила созданием детских домов для эвакуированных детей (в т.ч из Ленинграда). Интересно, что многие члены семьи Слоним были хорошо знакомы с писателем И.Э. Бабелем и его семьей.

Е.В. Рачинская была видным деятелем в области народного просвещения и о ставила глубокий след в истории, духовности, просвещения, образования в Узбекистане. Но она была и тесно

связана с семьёй и родственными узами с семьей Слоним, сыгравшей большую роль в истории Узбекистана.

Семья Слоним

Фамилия, хорошо известная «старым ташкентцам».

И, говоря о ней, надо прежде всего вспомнить выдающегося врача, одного из первых академиков в Узбекистане Моисея Ильича Слонима.

Слоним, Моисей Ильич родился в 1875 г. в Сырдарьинской области Туркестанского-генерал-губернаторства; выдающийся ученый и врач-практик преподаватель, один из основателей Туркестанского университета (ныне Национальный Университет Узбекистана имени М. Улугбека) и Ташкентского Медицинского Института – предшественника Узбекской Медицинской Академии и Ташкентского медицинского стоматологического института, доктор медицинских наук (1918 г.), профессор (1935 г.), член-корреспондент АН Узбекистан с 1943 г.

Окончив с в 1893 г. окончил с золотой медалью Ташкентскую мужскую гимназию. Летом 1893 г. он поступил на медицинский факультет Казанского университета, который закончил в 1898 г.

После окончания университета М. И. Слоним вернулся в Ташкент и начал свою врачебную деятельность в должности уездного врача в Ташкентском уезде в кишлаке Барданкуль, в Кита-тюбинской и Джалол-тюбинской волостях. Здесь он успешно лечил больных, в том числе пациентов, страдающих малярией. В 1890-1904 гг. он работал ординатором Ташкентской городской больницы. Здесь ему приходилось выполнять обязанности терапевта, невропатолога, инфекциониста, педиатра, окулиста, стоматолога и хирурга, что значительно расширило его профессиональный кругозор и помогло совершенствовать врачебное мастерство.

В 1905 г. учился в сверхсрочной ординатуре в Санкт-Петербурге в Военно-медицинской академии под руководством профессора Н. А. Вельяминова. В это же время М. И. Слоним писал докторскую диссертацию в Институте экстремальной медицины в Санкт-Петербурге под руководством профессора Е. С. Лондона. 13 мая 1906 г. Слоним успешно защитил диссертацию под назва-

нием «К учению о тончайшем строении нормальной и нервной патологической клетки». После защиты руководство академии направило Моисея Ильича в лучшие клиники Берлина, Вены и Парижа для дальнейшего совершенствования своих знаний. За границей Слоним стажировался до 1907 г.

Летом 1907 г. М.И. Слоним, вернувшись в Ташкент, стал работать ординатором городской больницы Ташкента и вскоре приобрел широкую известность в качестве лучшего врача во всем тогдашнем Туркестанском крае.

М.И. Слоним всегда старался быть на переднем крае медицинской науки того времени, в частности он активно помогал своему младшему брату – Соломону Ильичу Слониму в приобретении и изучении использования рентгеновской аппаратуры в медицинских целях, приборов для физиотерапии.

В июле 1917 г. М.И. Слоним был призван в армию и назначен сначала ординатором, а затем консультантом Ташкентского окружного военного госпиталя. С мая 1919 г. он приказом Горздрава был переведён на должность консультанта-терапевта во вновь организованную больницу, которая впоследствии стала базовой клиникой Медицинского факультета САГУ и больницей ТашМИ.

После открытия в Ташкенте университета Моисей Ильич Слоним вместе с коллегами сыграл большую роль в создании в нем медицинского факультета. В декабре 1920 г. М.И. Слоним был избран доцентом и заведующим кафедрой пропедевтики терапевтической клиник, а в 1921 г. получил звание профессора. Заведуя кафедрой, он немало сил потратил на улучшение материального обеспечения медицинского факультета, систематизацию программ и учебных планов медицинского факультета.

В 1922 г. он был переведен на кафедру при факультетской терапевтической клинике, а с 1932 г. стал работать при госпитальной терапевтической клинике. Одновременно в 1921-1925 гг. Моисей Ильич работал заместителем декана а в 1924-1926 гг. – деканом медицинского факультета университета. После создания на базе медфака САГУ (Среднеазиатского Гос. Университета в 1929-1930 гг. М. И. Слоним был директором по учебной части ТашМИ).

Декан мефака САГУ с 1924 по 1926 гг. В 1929-1930 гг. – заместитель директора по учебной, а в 1932 г. М.И. Слоним был по совместительству назначен директором Среднеазиатского института усовершенствования врачей (и был им до 1940 г.), а с 1938 по 1941 гг. был научным руководителем института, уйдя с этой должности по собственному желанию в связи с ухудшением состояния здоровья.

При создании Академии наук Узбекской ССР (1943 г.) был избран член-корреспондентом Академии наук Узбекистана (первый состав).

Известно, что Моисей Ильич Слоним был дружен с другим выдающимся ташкентским врачом – знаменитым хирургом В.Ф. Войно-Ясенецким.

Умер Моисей Ильич Слоним в 1945 г. в Ташкенте и похоронен на территории парка рядом с корпусами так называемого «Старого ТашМИ».

Но знаменитый врач был не единственными широко известным представителем семьи Слоним. Его дочь — Юдифь Моисеевна Слоним, советский астроном, доктор физико-математических наук, профессор, заведующая отделом физики Солнца Астрономического института АН УзССР. Более 60 лет она возглавляла отдел физики солнца Ташкентского астрономического института и создала свою научную школу изучения и прогнозов солнечных вспышек. Бабушка со стороны матери, Евгения Валериановна Рачинская, была известным работником просвещения Узбекистана, она внесла весомый вклад в дело расселения по узбекистанским семьям и детским домам тысяч детей-сирот, эвакуированных в годы войны.

По проектам матери А. Е. Слонима, архитектора Ирины Александровны Рачинской, были построены десятки школьных и жилых зданий в Узбекистане с конца сороковых до середины шестидесятых годов прошлого века. Юдифь Моисеевна Слоним (1909-1999 гг.) родилась в Ташкенте, в 1930 г. окончила Среднеазиатский университет, с того же года работала в Астрономическом институте АН УзССР (до 1966 г. – Ташкентская обсерватория), с 1937 г. – заведующая отделом физики Солнца этого институт (более 60 лет возглавляла лабораторию).

Доктор физико-математических наук (1971 г.), член геофизического комитета АН СССР. Основные труды в области морфологии и цикличности солнечной активности на основе многолетних оригинальных наблюдений. Особое внимание уделяла исследованиям солнечных вспышек. Установила органическое родство вспышек с образованиями верхнего яруса активной области (с системами петельных протуберанцев, хромосферными выбросами, устойчивыми волокнами). Показала, что вспышка представляет собой пространственное явление, охватывающее в процессе развития хромосферный и корональный уровни активной области. Обосновала дифференциацию вспышек на два типа, различающихся характером развития, физическими и динамическими параметрами и высотой их зарождения в солнечной атмосфере.

Сын – Евсей Моисеевич Слоним, архитектор, преподавал историю архитектуры на архитектурном факультете Среднеазиатского (потом Ташкентского) Политехнического Института; его жена И.А. Рачинская – видный архитектор (дочь Е.В. Рачинской); внук М.И. Слонима Андрей Евсеевич Слоним, режиссёр Государственного академического большого театра им. А. Навои, заслуженный деятель искусств и Заслуженный работник культуры Узбекистан; учился на физфаке ТашГУ, но потом интерес к музыкальному театру победил и он окончил уже как режиссер музыкального театра; одновременно поэт, общественный деятель; талантливый театральный художник работавший в Ташкентском театре музыкальной комедии (оперетты), затем и по сей день в Государственном Академическом Большом Театре Узбекистана имени Алишера Навои. О нем немного ниже.

Брат М.И. Слонима – Соломон Ильич Слоним (1879-1928 гг.), рентгенолог и физиотерапевт, доктор медицинских наук, профессор, основатель и первый директор Среднеазиатского института физических методов лечения им. Семашко. Михаил Ильич Слоним был известным ученым в области шелководства, профессором. Его зять Эммануил Шухатович был многие годы главным инженером Ташкентской Кенафной Фабрики, а двоюродный брат преподавал в Ташкентской, позднее в Новосибирской Консерваториях. Другой брат М.И. Слонима – брат – Лев Ильич Слоним (1883-1945 гг.),

горный инженер, выпускник и впоследствии профессор Нефтяного института, автор учебника «Основы нефтепромысловой электротехники» (1946 г.), монографии «Электрификация американской нефтяной промышленности» (1927 г.); он и его жена Анна Григорьевна Слоним (в девичестве Тафт, 1887-1954 гг.) были близкими друзьями и корреспондентами писателя И. Э. Бабеля; их сын – скульптор Илья Львович Слоним.

Именем профессора М.И. Слонима была названа улица на северо-востоке города Ташкента (к сожалению, в 2011 г. улица Слонима была переименована в улицу Асалобод).

Илья Львович Слоним (1906-1973 гг.) – известный советский скульптор, племянник Моисея Ильича Слонима.

Родился он в 1906 г. в Ташкенте, в семье горного инженера, выпускника и впоследствии профессора Нефтяного института Льва Ильича Слонима (1883-1945 гг.) и Анны Григорьевны Слоним (в девичестве Тафт, 1887-1954 гг.). В 1921 г. семья переехала в Москву. Родители были близкими друзьями и многолетними корреспондентами писателя Исаака Бабеля, который некоторое время также был их квартирантом; в их семье сохранилась его повесть «Еврейка» (опубликована посмертно в 1989 г.). Отец был автором ряда научных трудов, учебника «Основы нефтепромысловой электротехники» (1946 г.), монографии «Электрификация американской нефтяной промышленности» (1927 г.).

В 1924-1929 гг. обучался во ВХУТЕМАСе-ВХУТЕИНе под руководством И. С. Ефимова и И. М. Чайкова. В 1931 г. стал кандидатом в Общество русских скульпторов, выставлялся на 4-й выставке этого объединения. Много работал в жанре портрета. В 1934-1935 гг. трудился на ЗИКе в Конаково. В 1950-х г. работал с такими материалами, как дерево и мрамор. В начале 1970-х г. занялся композиционной пластикой, представив циклы работ на темы античной мифологии. Среди последних работ Ильи Слонима – произведения мемориальной скульптуры: надгробия и памятные доски известным людям СССР. Умер И. Слоним 28 октября 1973 г. в Москве.

Ярким представителем этой семьи сегодня является внук Моисея Ильича Слонима и Евгении Валериановны Рачинской – Андрей Евсеевич Слоним. Очень многие концерты в Ташкенте

обходится без участия или руководства Заслуженного деятеля искусств Республики Узбекистан, Заслуженного работника культуры, режиссёра-постановщика, театрального сценографа, поэта и публициста А.Е. Слонима. Он – коренной ташкентец. Его прадедушка и прабабушка прибыли ещё на верблюдах в Ташкент в конце XIX века из Оренбурга. Именно бабушка со стороны матери, Евгения Валериановна Рачинская, была известным работником просвещения Узбекистана, внесла весомый вклад в дело расселения по узбекистанским семьям и детским домам тысяч детей-сирот, эвакуированных в годы войны. По проектам матери А. Е. Слонима, архитектора Ирины Александровны Рачинской, были построены десятки школьных и жилых зданий в Узбекистане с конца сороковых до середины шестидесятых годов прошлого века. Окончив в 1966 г. (памятном разрушительным землетрясением) с золотой медалью 110-ю школу, он, собираясь стать физиком, поступил на физфак ТашГУ. Но любовь к классической музыке, привитая с детства, взяла верх. Андрей Слоним окончил Ташкентский театрально-художественный институт им. А.Н. Островского, педагогический уровень которого в те годы был сопоставим с лучшими творческими вузами Москвы, став оперным режиссёром. Надо вспомнить что ещё студентом физфака он поставил детективную кинокомедию «Тайна рыжего портфеля».

Одновременно работая в Ташкентском Гос. Театре музыкальной комедии (оперетты) и ГАБТ им. А. Навои он показал себя и как талантливый театральный художник. За годы работы в ГАБТ разнообразной и плодотворной деятельности Андрей Евсеевич осуществил на разных сценах постановки многих спектаклей. С 1990 г. он – ведущий режиссёр-постановщик и сценограф государственного академического Большого театра Узбекистана имени Алишера Навои. Андрей Евсеевич плодотворно сотрудничает со всеми дирижёрами Узбекистана. А.Е. Слоним признан одним из ведущих мастеров оперной режиссуры республики. Он поставил на сцене ГАБТа имени А. Навои многие произведения композиторов Узбекистана и произведений русской и мировой классики. Зрители были свидетелями смелого эксперимента – постановки своеобразной оперы узбекского композитора Н. Закирова «Путь к трону» по

сюжетам трагедий В. Шекспира «Гамлет» и «Макбет». Андрей Евсеевич Слоним не только автор оперных постановок, но и постановщик многих театрализованных проектов, концертов-композиций, сочетающих оперное, камерное исполнительство и поэтическое слово, а также организатор, постановщик и участник многих творческих литературных и литературно-музыкальных вечеров.

Многие годы он занимался театральной педагогикой и руководил курсом «Оперного мастерства» в тогдашнем Ташкентском театрально-художественном институте им. А.Н. Островского. Разработанная им специальная методика подготовки певца-актёра оперы была высоко оценена в Узбекистане и за его пределами. Андрей Евсеевич активно участвует в общественной жизни республики, достойно представляет музыкальное искусство Узбекистана за рубежом. Организатор, председатель и член жюри многих театральных и музыкальных фестивалей и конкурсов, в том числе международных, А.Е. Слоним сотрудничает с различными культурными центрами Узбекистана – русским, украинским, польским.

В то же время Андрей Слоним – автор поэтических сборников «Перекрёстки», «Мгновения» и многих других, не раз публиковался в журнале «Звезда Востока» и др. журналах и альманахах Узбекистана и России, лауреат ежегодной премии Союза писателей Узбекистана «Творить во имя Родины» (2013 г.) – за публицистическое творчество, он и автор авторизованного перевода цикла Г. Грасса «Страна ноября», а также многих публикаций. Много лет А. Е. Слоним руководит литературно-творческим объединением «Истоки» и поддерживает творческую дружбу с ЛТО «Данко». Добрые традиции семьи Слоним-Рачинских продолжаются и сегодня.

Приложение. Из рассказов А.Е. Слонима.

Шелест листвы воспоминаний

(коллаж размышлений о былом, часть 3)

…Что еще ведали стены нашего дома, в окна которого залетал порывистый ветер разных времен, настроений и состояний? Напомню о том, что в те 50-е Ташкент в центре был, в основном, одноэтажным – а улицы его представляли цепь домов с обязательным крылечком.

С давних времен над этим крылечком был металлический навес, нередко – с причудливо сплетенными коваными опорами. И примечательна еще одна черта времени – люди из этих домов, объединенные годами совместных событий жизни, складывались в некие дружественные общности. Почти кинематографически складывается в памяти типичная картина тех времен – на крыльце нашего дома в кресле сидит бабушка, жена деда, Мария Евсеевна. О ее своеобразной личности и судьбе еще будет сказано особо и отдельно. Но в этой запечатленной картине памяти – она уважаемый центр внимания, к ней практически каждый день в летнюю вечернюю пору собираются многочисленные соседи, спокойно и доверительно говорят о жизни, обсуждают насущные проблемы, советуются.

Глиняно-саманные дувалы между участками каждого отдельного сада – преграда более, чем условная. На большинстве участков эти дувалы между каждым садиком – разрушены, и можно ходить по делам и в гости прямиком через сады. Так и происходит буквально каждый день. А весь наш большой квартал, в котором живет множество семей – знаком буквально поименно, и представляется некой большой семьей.

Самые разные профессии в тесном союзе представлены здесь – инженеры, рабочие, мастера разных профессий, военные. В этом квартале живут и врачи – коллеги деда, и эта врачебная среда высочайшей культуры и степени интеллигентности – с детства запечатлевается в моем сознании. А если кому-нибудь глубокой ночью становится плохо – в те годы моего детства звонят не в скорую помощь, хотя она, формально, как бы, и существует. Звонят знакомому врачу того профиля, в сфере которого отмечалось острое общее недомогание. И действует неуклонный закон врачебной и человеческой ответственности и порядочности – приходит сосед-коллега, и точная и своевременная помощь тут же осуществляется. То, что я уже говорил о фактах биографии деда – в форме столь же высокой ответственности осуществляется и всеми его коллегами в любое время дня и ночи. И даже потом, когда деда среди нас уже нет – это человеческое и врачебное братство еще долгие годы живет по этим же высокочеловечным законам. Переболев в детстве практически всеми «классическими» детскими болезнями, я испытал и

на себе тепло этого сочувствия и экстренной помощи неоднократно. И в случае тяжелейших ангин и воспалений уха, и во многих иных своих детских и уже более взрослых хворобах. Да и не только врачи, но и медицинские сестры высшего мастерства были готовы по первому зову откликнуться на просьбу сделать серию уколов или вливаний.

Многие читающие эти строки, вероятно, в глубине души усомнятся тому, что я расскажу сейчас. Но каждый ташкентец, несомненно, помнит жаркую летнюю пору, когда целые семьи ночевали во дворах на раскладушках. По 5-6 человек укладывались на ночлег в каждом дворе, и, как помнится – даже запасались на ночь довольно солидным одеялом, потому что даже летом ночи во дворах были свежими. Практически никаких особых «запоров» со стороны улиц не было, дувалы между участками были, как я уже говорил – условными.

И между тем – не припомню случаев никаких воровских вторжений, попыток хищений. Об этом тогда даже как-то не думалось. Более того – как-то непроизвольно в сознании воспринималась общность достаточно большого числа людей квартала, практически каждая семья которых проводила летние ночи на улице – и на душе было абсолютно спокойно…

По рассказам моих родителей почти физически ощущаю особую атмосферу нашего дома в суровые годы войны. Общеизвестно, что каждую семью в нашей стране грозное событие застигло врасплох. И, осознав всю серьезность и трагическую непредсказуемость ситуации, дед принял решение, непростое, но весьма характерное для многих ташкентских семей того времени. Когда началась эвакуация – наша семья приняла в стены дома десятка полтора семей не только самых близких родственников из Москвы и других городов – но и друзей и знакомых самого широкого круга. Комнаты в доме были разделены бельевыми веревками, на которых висели простыни. Каждый такой отсек представлял относительно отдельное пространство, в котором происходила жизнь каждой из эвакуированных семей. Чуть позднее, когда эвакуация в Ташкент приняла общий, массовый характер – наш дом приютил и некоторых артистов приехавшего театра Ленком, а чуть позднее –

ведущих артистов киевского театра имени Ивана Франко – Наталью Ужвий и ее супруга Евгения Пономаренко. Среди этих знакомых и менее знакомых людей, как выяснилось, находили тепло и относительную гармонию, и лица, как бы непосредственно в круг наших родных и знакомых не входивших.

Так, спустя десятилетия три с половиной, в конце семидесятых, нас в Ташкенте разыскал один из таких гостей военного времени – ставший выдающимся ученым известный нейрофизиолог, профессор Александр Маркович Гурвич, позднее живущий в Москве и ставший до своего безвременного ухода в конце девяностых большим и замечательным другом нашей семьи. И другие многие люди, занесенные вихрем эвакуации в наш дом, впоследствии сохраняли с нашей семьей самые теплые отношения и дружбу.

Невозможно не вспомнить и о другом. В доме деда и нашей семьи в те времена перебывали, практически, все известнейшие личности, оказавшиеся в ташкентской эвакуации – и выдающийся писатель Алексей Толстой, и великая Фаина Раневская, и незабвенный Соломон Михоэлс, и целая группа певцов и музыкантов Лениградской консерватории, и многие, многие…

Стоит ли говорить о том, насколько сложен был уклад жизни в эти суровейшие годы? Напряженная работа, глубочайшие проблемы со снабжением продовольствием, осознание трагичнейшей угрозы, нависшей не только над страной, но и над жизнью каждого, тяжелейшие бытовые условия – всё это накладывало горестный отпечаток на происходящее. Но… люди оставались людьми, они жили, творили и даже пытались мечтать, они страстно верили в добрый исход, и всеми фибрами души старались его приблизить. Именно в этот период достаточно большая часть педагогов Ленинградской консерватории решилась навсегда связать свою жизнь с Узбекистаном – и их жизнь и творчество на нашей земле сложились и дали удивительные, плодотворнейшие результаты.

Поистине, удивительно и другое – в самые неопределенные по ситуации годы войны все эти люди вместе с ташкентцами жили надеждами на самый светлый исход всех бедствий. В моем архиве хранится поистине уникальный документ 1943 г. Это – программка концерта, извещающая о том, что в некий день ноября

этого года в здании ташкентского Дворца Культуры Швейников состоится вечер романсов П.И. Чайковского в исполнении лучших ташкентских и ленинградских певцов под руководством легендарного мастера камерного ансамбля – профессора из Ленинграда Адольфа Меровича. Полным ходом работали и театры – и оперный, и драматические. В знаменитом здании «Колизей» (тогда называвшемся театр имени Свердлова) шли оперные спектакли – и мои родные часто вспоминали среди них почти уникальную «Аиду» в году примерно 1942-м, глубокой зимой. Когда в неотапливаемом зале на морозной сцене (температура там почти равнялась температуре на улице!) наши выдающиеся певцы в полагающихся экзотических лёгких нарядах пели и играли свои арии и сцены. А потом за кулисами, закутанные в шубы, они отогревались даже не чаем, а простой подогретой водой. И ни на миг, ни на секунды не прекращался иной процесс – ни с чем не сравнимого человеческого общения и поддержки. По словам многих и многих, кто пережил тогда в Ташкенте эти дни – именно теплота этих общений, эта вера и надежда и спасли от недоброго исхода многие жизни и души.

…А «монтажный план» повествования снова уносит нас в другое время. Каждый листок кроны воспоминаний имеет свой цвет, отзвук и несходство и иным. Когда 26 апреля 1966 г. весь Ташкент вздрогнул от небывало сильного удара подземной стихии – многое, что свершилось потом, стало сопоставимым с событиями военных лет.

Я в тот год заканчивал школу. Учился я тогда в знаменитой ташкентской 110-й, и о ней, как и о другом – непременно еще будет «островок» в этом архипелаге размышлений. Сейчас отмечу только то, что в эти весенние дни ничто не предвещало глобального несчастья – приближались выпускные экзамены, и мысли сплетались вокруг этих событий. Первый удар был страшным, непонятным, парализующим ум и волю. Землетрясения в нашей республике случались нередко, они были порой достаточно ощутимыми. Но на этот раз все было по-другому. Эпицентр оказался буквально у нас под ногами, земля страшно гудела. Из трещин разошедшихся стен хлынули облака пыли. Поначалу было вообще

непонятно, что случилось. Когда стало ясно, что это землетрясение – тревога охватила с особой силой. Хочу напомнить, что в те первые дни толчки практически не прекращались ни на минуты, а чуть позже каждое следующее колебание почвы с гулом вновь напоминало о своей грозной силе.

Наш добрый дом с честью выдержал эти первые удары стихии. Выдержал он и куда более пугающий удар поздним вечером 10 мая, когда с сильнейшим гулом снова затряслась земля. И мы, уже под открытым небом старающиеся переждать ночь – услышали единый возглас ошеломленного города. Все уже тогда ночевали под открытым небом, несмотря на очень холодную весну – и этот возглас-стон после удара был особо страшен и драматичен. Когда острота первых ударов стихла, мы решили капитально осмотреть все разломы. Выяснилось, что главные разрушения сказались в рухнувших печных дымоходах. Сами трещины в стенах, как выяснилось, оказались не капитальными, и в стягивании не нуждались. Позднее, отремонтировав и дымоходы, и прочие не очень крупные повреждения, мы убедились, что последующие более слабые удары дом выдерживал вполне.

Но в тот самый первый день, выйдя в город, мы с ужасом увидали, что разрушения весьма существенны. Особо пострадали строения из сырца саманной глины. Кирпичные строения, в особенности, капитальные. старинные – в целом удары стихии выдержали. Хуже обстояло дело с жилым фондом – там была масса повреждений.

Среди этого обилия проблем остро встала одна, для нас особенно конкретная. Дом наших друзей – семьи известного врача И.И. Желтова (они жили прямо напротив исторических курантов у сквера!) – оказался существенно необратимо поврежденным, хотя и был трехэтажным и на вид капитальным. И тут же на семейном совете было принято решение, что семья наших друзей в составе пяти человек – в ближайшие дни переезжает к нам со всей мебелью и вещами. В нашем доме им была отведена одна из самых больших комнат – и переезд вместе с соответствующей перестановкой состоялся. В самом тесном общении прожили мы с нашими друзьями до 1968 г., когда они получили новую квартиру в

массиве за нынешним ЦУМом. И не покидало ощущение, что вновь времена связались в некий узел, сплетающий Прошлое и Настоящее – как и в суровые годы эвакуации наш добрый старый дом вновь объединил людей в преодолении серьезных проблем. Те времена все дальше уплывают за горизонт Минувшего – но редкостное ощущение общности людей, почти утерянное в наше время – не покидает сознания.

Как не вспомнить и о том, что чуть позднее, поставив в нашем саду возле знаменитой террасы полагающуюся армейскую палатку и ночуя в ней вместе с нашими друзьями – мы уже с возрастающим оптимизмом воспринимали и очередные удары землетрясения, и летние грозы, и многое другое.

И еще одно впечатление этой общности людей сегодня может быть воспринято как особое, может быть даже – реликтовое. Практически весь город жил в этот период на улице, даже в нашем квартале, как и прежде – не было ни серьезных замков, ни преград для непредвиденных вторжений. И снова возникает изумление, что даже попыток таких насильственных вторжений практически не случалось, хотя внимание людей было напряженным, ввиду особой серьезности периода землетрясения. До сих пор не покидает особое ощущение единства духа всех застигнутых стихией людей. Как некий «кинокадр сознания» возникает в памяти курьезный эпизод, когда часа в 3 ночи мы были разбужены женским криком: «Помогите!». Обеспокоенные, жители квартала почти толпой вывалили на улицу. И увидели… женщину в состоянии опьянения, которая брела по проезжей части дороги и временами истошно кричала. Все подбежали к ней с расспросами: «Что случилось?» Ответ был ошеломляющим: «Хочу – и кричу! А вам какое дело?». Стоит ли говорить о весьма экспрессивной реакции всех собравшихся на эти крики глубокой ночью…

Это «землетрясенческое» лето было непростым и в смысле особо интенсивного потока поступающих в ВУЗы – одновременно заканчивали выпускники и 11-х (по прежнему распорядку!) и 10-х (по новому постановлению!) классов. Вспоминаю, как мы, несмотря на непрекращающиеся толчки и ощущаются нестабильность, сдавали полагающиеся экзамены в нашей 110-й школе, как

в обстановке «перенаселения» нашего дома я готовился к поступлению на физфак университета – именно туда, закончив спец обучение с физическим уклоном, я хотел первоначально попасть. Как «золотой медалист», я имел право успешно сдать всего один экзамен по профилирующему предмету – физике – и стал зачисленным на физфак ТашГУ. Но это уже – другая история…

И еще об одной «метаморфозе» переплетений судеб в связи с нашим домом не могу не упомянуть. В 1986 г. энергичная и целеустремленная Бернара Кариева, бывшая в это время Председателем театрального общества Узбекистана – добилась разрешения на получение «наших» двух домов в собственность Общества. По делам службы пришлось неоднократно бывать там – и посещение знакомых, но изменившихся мест особо воздействовало на сознание. И вот летом 1986 г. при ее поддержке и организационной активности возник по тем временам очень оригинальный и свежий проект – поставить камерную оперу «Моцарт и Сальери» Н. Римского-Корсакова и сыграть этот спектакль… на той самой нашей террасе, в духе европейских представлений на открытом воздухе.

С нашим известным дирижером, ныне профессором Владимиром Борисовичем Неймером (ныне покойным - авт.), мы к тому времени поставили немало спектаклей – и с интересом взялись за осуществление этого проекта. Публику в количестве 200 человек было решено посадить прямо на площадке сада перед террасой. Слева располагался камерный оркестр, был поставлен живой рояль. На сцене, помимо полагающейся мебели и атрибутов – стояли большие подсвечники с живыми свечами. После многих репетиций в конце июля того же года состоялся этот спектакль, и был тепло принят. Он начался тогда, когда солнце уже зашло – и пространство нашей террасы высветилось театральными прожекторами.

До сих пор храню в памяти совершенно особую атмосферу этого спектакля, талант исполнителей, которые уверенно донесли все, что было задумано в постановочном решении. Да и сами певцы были примечательны. Ведь Моцартом в этом спектакле был тогдашний выпускник нашей консерватории талантливый Анатолий Гусев – ныне – один из ведущих профессоров пения итальянской академии Санта-Чечилия, непременный член жюри многих

престижных нынешних международных конкурсов вокала. А в роли Сальери выступил яркий Дмитрий Костов – тоже в то время успешно закончивший Ташкентскую консерваторию, а впоследствии сделавший успешную карьеру в театрах Европы.

Помню и легкий ветерок, колышущий пламя живых свеч, и непосредственность чувств, и единение зала с происходящим на сцене, и особую атмосферу праздника. Пожалуй, самым удивительным было и ощущение того, что все это происходит на «моей» террасе нашего доброго дома, которая наверняка, как и люди, помнит множество событий, неразрывно связанных и с ней, и со всем нашим домом…

Каштелюк Ю.И.

Струны столетия

В следующем году исполнится 105 лет со дня рождения заслуженного артиста Казахской ССР Иосифа Когана

Имя скрипача-виртуоза Иосифа Бенедиктовича Когана (1920-1982 гг.) стало одним из символов отечественного классического музыкального искусства. В своем творчестве он был многогранен. Наряду с виртуозным исполнением произведений мировой и отечественной музыки Коган преподавал в консерватории, вел популярный музыкальный лекторий, писал статьи в прессу, посвященные казахской народной музыке. Он был в числе корифеев, заложивших основы преподавания, исполнительского мастерства и композиции.

Именно поэтому в республике проходят вечера памяти музыканта, где звучат произведения из его репертуара и его сочинения. Так, серия концертов состоялась в честь столетия музыканта. Они прошли в 2020, 2021 и 2022 годах. В частности, в Государственном театре оперы и балета «Астана Опера» состоялся концерт «Струны XX столетия». Также творчеству Иосифа Когана посвятили концерт педагоги и учащиеся Республиканской казахской специализированной музыкальной школы-интерната для одаренных детей имени Ахмета Жубанова в Алматы.

Вместе с музыкальными произведениями на творческих вечерах звучали воспоминания о музыканте, говорилось о том, что

в музыкальном мире республики фамилия Коган – это не только имя собственное, но и понятие нарицательное. Наряду с такими фамилиями, как Жубанов, Брусиловский, Тулебаев, она прочно вошла в золотой фонд отечественного искусства. Проект «История. Память. Люди» регулярно обращается к биографии музыканта. На этот раз мы записали воспоминания, прозвучавшие на вечерах его памяти.

Начало пути

На концертах, посвященных Иосифу Когану, его дочь, пианистка Елена Шалкова-Коган, напомнила страницы биографии своего отца и всей музыкальной династии Коган. Наряду с Иосифом Коганом выдающийся вклад в развитие музыкального искусства республики внесли его брат, пианист, народный артист КазССР Семен Коган, и сестра, пианистка и педагог, заслуженная артистка КазССР, профессор консерватории имени Курмангазы Ева Коган.

Детство будущих музыкантов связано с Молдавией, где их отец держал музыкальный магазин. Начало жизни, проведенное в окружении музыкальных инструментов, предопределило их профессиональный выбор.

Летом 1941 г. семья была вынуждена покинуть Молдавию: уже 22 июня Кишинев стал прифронтовым городом. Из-за слабого зрения братьев Коган на фронт не призвали. Нужно было срочно покидать город: в еврейской общине были прекрасно осведомлены, на какие зверства способны фашисты. Взяв с собой только самое необходимое, семья едва успела попасть на уходящий поезд.

Музыканты в пути организовали фронтовую бригаду, выступали перед бойцами, в тылу, переезжали в эшелоне из региона в регион.

Кюй и Паганини

В Алма-Ате поезд сделал восьмичасовую остановку. Иосиф Коган и его брат Семен воспользовались этим временем, чтобы поискать в городе работу. Они разыскали управление по делам искусств и поинтересовались, не нужны ли в городе музыканты. Им организовали прослушивание, а экзаменовал Иосифа и Семена именитый композитор, дирижер, музыковед Ахмет Жубанов.

После прослушивания они были сразу зачислены в штат филармонии. Так восьмичасовая остановка поезда коренном образом изменила судьбу музыкальной династии. Республика стала им вторым домом, не менее любимым, чем первый.

Сфера профессиональных интересов Иосифа Бенедиктовича Когана была обширной. Наряду с концертной деятельностью он преподавал в консерватории, вел большую просветительскую работу – так, архивы городской газеты «Вечерний Алматы» хранят статьи музыканта о казахских акынах-импровизаторах. К слову, казахская музыка стала одним из основных направлений его работы.

«Чтобы наиболее достоверно передать звучание народного инструмента, Иосиф Бенедиктович изучал приемы игры на домбре у известной исполнительницы, композитора и ученицы Курмангазы Дины Нурпеисовой», – пишут в очерке «Семья Коган. Из истории становления профессионального музыкального искусства Казахстана» Елена Шалкова-Коган и племянник скрипача Евгений Бычков.

Результатом общения со знаменитой кюйши стало создание 10 каприсов для скрипки. В них Иосиф Коган соединил стиль казахских народных исполнителей с музыкальными традициями Паганини. Эти произведения существенно обогатили отечественный скрипичный репертуар.

Транскрипции кюев «Балбраун», «Адай», «Асем коныр» стали образцами классической обработки народных произведений.

По свидетельству музыковеда Хабидуллы Тастанова, авторское исполнение Иосифом Коганом казахской музыки было незабываемым.

«Он постигает стихию произведения через его эмоционально-философские глубины, я, казах, завидую своему другу, как он может буквально растворяться в казахском народном мелосе. С каким тактом и с какой художнической смелостью решаются им сложнейшие скрипичные открытия в нашей национальной музыке», – цитируют авторы очерка слова музыковеда.

Наряду с исполнением и скрипичной обработкой казахских произведений Иосиф Коган уделял большое внимание произведениям мировой классики.

Виртуоз и педагог

Уже будучи солистом Казахской филармонии, он открыл для широкой аудитории редко исполняемые тогда сочинения Яна Сибелиуса, Генриха Вильгельма Эрнста, Джорджа Гершвина, Белы Бартока. Впервые в Алма-Ате прозвучали скрипичные концерты Арама Хачатуряна, Дмитрия Шостаковича, Тихона Хренникова.

Иосиф Коган обучал музыкальную молодежь. Будучи профессором консерватории и педагогом школы для одаренных детей имени Жубанова, он строил свое преподавание на традициях Генрика Венявского, Леопольда Ауэра, продолжателем которых являлся.

«Занятия проходили на третьем этаже старого корпуса консерватории, в классе №54. По этому поводу педагог шутил: «Номер класса легко запомнить, мои студенты занимаются только на «5» и «4». В аудитории всегда было многолюдно. Здесь и свои ученики, и гости-студенты из других классов, музыканты, преподаватели из разных областей и городов республики. На уроках Иосиф Бенедиктович не выпускал скрипку из рук… – описывают авторы очерка атмосферу в классе Иосифа Когана.

– По возрасту Иосиф Бенедиктович был мне как отец. Он окружал меня и других своих учеников родительской заботой. Он не рассказывал нам, студентам, о страницах своей биографии. Этим отличались многие представители его поколения – не хотели, чтобы мы слушали о тяготах военного времени. Но Иосиф Бенедиктович делал все, чтобы наша жизнь была иной и уже нашему поколению жизнь казалась раем», – поделился ученик Иосифа Когана, скрипач, генеральный директор Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) Дюсен Касеинов.

Зная о любви профессора к педагогической работе, к открытию в музыке новых имен, молодые авторы несли Иосифу Когану свои произведения – просили, чтобы он их исполнил. И музыкант не отказывал, брал написанные от руки партитуры и нес домой. Рукописи Иосиф Коган изучал за своим рабочим столом, под руками была скрипка. Бывало, что написанное было трудно разобрать, и порой, как вспоминает дочь музыканта, он в досаде комкал лист. Потом остывал, разглаживал его и продолжал изучать.

Ученики профессора вспоминают, что Иосиф Бенедиктович обладал блестящей музыкальной памяти. Это позволяло ему, не прибегая к нотам, исполнять наизусть сложные музыкальные произведения.

– Вспоминается такой случай. Как-то мы должны были делать запись на телевидении, приезжаем в телецентр, и тут Иосиф Бенедиктович говорит, что в спешке забыл ноты. Я предложил вернуться на такси, но он сказал, что исполнит свою партитуру по памяти. К слову, партитура была довольно большой, но он все сыграл очень чисто, четко расставив акценты, – рассказал последователь музыкальных традиций Иосифа Когана, ведущий преподаватель школы имени Жубанова Виктор Бардашов.

Репертуар без границ

Благодаря обширному репертуару и прекрасной музыкальной памяти он мог заменить любого солиста, у которого по тем или иным причинам не получалось приехать в Алма-Ату.

«И он готов был играть всегда! Говорил «да». И только потом следовал вопрос: а что играть», – приводят авторы очерка слова вдовы музыканта Валерии Сергеевны.

Иосиф Коган редко репетировал дома. У него была гибкая кисть, которая позволяла практически «без разогрева» исполнять произведения.

Об этом поделился воспоминаниями еще один ученик Иосифа Когана – педагог школы имени Жубанова Еркен Мурзагалиев.

– Мы, будучи учениками музыкальной школы имени Жубанова, приехали в Москву – нам выпала большая честь выступить на концерте в Кремлевском дворце. В перерыве между репетициями ко мне подошел Иосиф Бенедиктович, спросил, как дела. Я ответил, что хорошо, репетирую. Он похвалил меня, а потом попросил мою скрипку. Я дал ему инструмент… Никогда не забуду, как абсолютно гибкими руками он стал играть сонату «Дьявольские трели» Джузеппе Тартини. Иосиф Бенедиктович исполнил самую сложную часть произведения – каденцию, когда скрипач играет без аккомпанемента, каденция была очень сложной. Он сыграл виртуозно. Потом вернул мне скрипку, улыбнулся и сказал: «Так, захотелось размяться…».

Нес искусство людям

В течение 20 лет Иосиф Бенедиктович возглавлял Университет музыкальной культуры – циклы лекций-концертов, рассчитанных на широкий круг любителей музыки. Концерты проходили не только в Алма-Ате, но и в самых отдаленных районах республики. В университете действовало несколько факультетов и филиалов с участием сплоченной команды преподавателей и студентов консерватории. В качестве лектора и солиста нередко выступал сам Иосиф Бенедиктович. За годы существования университета он провел свыше 350 концертов.

Фактически Иосиф Коган концертировал до последних дней, несмотря на тяжелый недуг, выходил на сцену, продолжая открывать новые имена в казахстанском музыкальном искусстве.

«В начале восьмидесятых к нему подошел начинающий тогда композитор Бахтияр Аманжолов с просьбой исполнить концерт для скрипки с оркестром, который был его дипломной работой. Познакомившись с партитурой, к величайшей радости молодого композитора, Иосиф Бенедиктович согласился. С присущей ему врожденной деликатностью и интеллигентностью профессор делал поправки, давал советы, что позволило усовершенствовать сольную партию. На концерте случилось непредвиденное – музыканты в оркестре «разошлись». Положение спас Иосиф Бенедиктович – уверенно и мастерски провел свою партию, собрав весь оркестр воедино… Это был последний концерт Мастера…» – пишет в очерке Елена Шалкова-Коган.

Сегодня музыкальные традиции Иосифа Когана продолжают его ученики, в числе которых уже упомянутые Дюсен Касеинов, Виктор Бардашов, Еркен Мурзагалиев, первый заместитель директора театра «Астана Опера» Толеубек Альпиев и другие известные педагоги и исполнители.

– Мы, ученики Иосифа Бенедиктовича, счастливы, что можем передать наследие своего педагога нашим воспитанникам, то есть музыкальным внукам Иосифа Когана, – сказал Виктор Бардашов на концерте памяти музыканта.

Тверитнева И.

Книга Скорби

31 мая в Казахстане отмечают День памяти жертв политических репрессий. Это день памяти невинно погибших в эпоху сталинского террора. В нашей павлодарской еврейской общине мы каждый год проводим встречи с детьми и со старшим поколением и вспоминаем имена людей, расстрелянных, как правило, без суда и следствия, бесправных заложников режима, судьбы которых придали нашей истории характер подлинно народной трагедии. Эти имена внесены в «Книгу скорби. Расстрельные списки», изданную в 1999 г. Управлением архивов Павлодарской области. В это издание включены списки граждан, расстрелянных по политическим обвинениям в период с 1930 по 1943 год на территории Павлодарского Прииртышья.

Имя каждого человека, вошедшего в эту книгу, сопровождается краткими биографическими сведениями: дата, место рождения, национальность, профессия, место работы или род занятий на момент ареста; приводятся дата ареста, наименование судебного или несудебного органа, вынесшего приговор к высшей мере наказания и дата приговора, дата расстрела, наименование и дата документа и органа, реабилитировавшего безвинно расстрелянных. Эти данные были опубликованы на основании следственных дел, хранящихся в ведомственном архиве Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по Павлодарской области.

Бер Ефим Семёнович
Родился в 1894 г. в местечке Иваново, Гродненской губернии. Арестован 25 декабря 1937 г., на день ареста являлся шубником-кустарём, проживал в городе Павлодаре. Осуждён «тройкой» УНКВД по Восточно-Казахстанской области 29 декабря 1937 г. Реабилитирован заключением Прокуратуры Павлодарской области от 25 мая 1989 г.

Валк София Абрамовна
Родилась в 1901 г. в городе Новоржев, Псковской губернии. Арестована 28 мая 1938 г., на день ареста работала химиком Павлодарской санитарно-бактериологической лаборатории. Осуждена «тройкой» УНКВД по Алма-Атинской области

14 октября 1938 г. Расстреляна 16 октября 1938 г. Реабилитирована постановлением президиума Павлодарского областного суда от 16 августа 1956 г.

Гандельман Яков Нисович
Родился в 1912 г. в городе Винница. Арестован 9 августа 1937 г., на день ареста работал шофёром политотдела колхоза им. Кахиани Павлодарского района. Осужден «двойкой» НКВД и Прокуратуры СССР 8 января 1938 г. Расстрелян 3 февраля 1938 г. Реабилитирован заключением Военной прокуратуры Туркестанского военного округа от 27 июля 1989 г.

Герман Меносий Абрамович
Родился в 1903 г. в городе Каменец-Подольск. Арестован 8 февраля 1938 г., на день ареста не имел определённых занятий, проживал в городе Павлодаре. Осужден «тройкой» УНКВД по Алма-Атинской области 14 октября 1938 г. Расстрелян 16 октября 1938 г. Реабилитирован постановлением президиума Павлодарского областного суда от 23 августа 1956 г.

Гутман Зиновий Ильич
Родился в 1905 г. в местечке Холмычин, Белоруссия. Арестован 23 июня 1938 г., на день ареста работал аналитиком комбината «Майкаинзолото» в Баянаульском районе. Осуждён «тройкой» УНКВД по Павлодарской области 29 сентября 1938 г. Реабилитирован постановлением президиума Павлодарского областного суда от 20 октября 1988 г.

Деревягин Яков Давыдович
Родился в 1901 г. в селе Петропавловка Амурской области. Арестован 31 мая 1938 г., на день ареста работал статистиком комбината «Майкаинзолото» в Баянаульском районе. Осуждён «тройкой» УНКВД по Павлодарской области 29 сентября 1938 г. Реабилитирован определением Военного трибунала Туркестанского военного округа от 27 августа 1960 г.

Красный Лев Яковлевич
Родился в 1873 г. в городе Литин, Подольской губернии. Арестован 24 января 1942 г., на день ареста работал врачом в совхозе им. Кирова Майского района.

Осужден Особым совещанием при НКВД СССР 16 декабря 1942 г. Расстрелян 31 декабря 1942 г. Реабилитирован постановлением президиума Павлодарского областного суда от 11 октября 1956 г.

Креймер Ефим Иосифович
Родился в 1908 г. в Ямпольском уезде Подольской губернии. Арестован 25 октября 1937 г., на день ареста работал агрономом Шевченковской МТС Цюрупинского района. Осуждён «тройкой» УНКВД по Восточно-Казахстанской области 11 февраля 1938 г. Реабилитирован определением Военного трибунала Туркестанского военного округа от 21 апреля 1958 г.

Марголин Иуда Евсеевич
Родился в 1903 г. в местечке Туров, Мозырского уезда Минской губернии, по профессии – инженер танковых частей. Арестован 17 июня 1937 г., на день ареста работал заместителем директора по учебной части Павлодарской школы механизации сельского хозяйства. Осуждён «тройкой» УНКВД по Восточно-Казахстанской области 27 ноября 1937 г. Расстрелян 4 декабря 1937 г. Реабилитирован постановлением президиума Павлодарского областного суда от 24 ноября 1955 г.

Перльрозен Соломон Моисеевич
Родился в 1900 г. в городе Сороки, Сорокского уезда Бессарабской губернии. Арестован 22 декабря 1937 г., на день ареста работал учителем в колхозе «Коминтерн» Иртышского района. Осуждён «двойкой» НКВД и Прокуратуры СССР 11 февраля 1938 г. Расстрелян 12 марта 1938 г. Реабилитирован заключением Военной прокуратуры Туркестанского военного округа от 27 июля 1989 г.

Так же в этот день мы вспоминаем людей, кого осудили на длительные сроки лишения свободы, по обвинениям в антисоветской агитации. Об этом свидетельствуют следующие примеры.

Атласович Хаим Давыдович
Родился в 1918 г. в городе Белостоке. На день ареста работал бухгалтером совхоза «Зангар», Павлодарского района. Осужден Павлодарским областным судом в 1941 году по ст. 58-10 на 6 лет лишения свободы.

Вейлер Рива Израиловна
Родилась в 1900 г. в селе Немечено, Виленской губернии. На день ареста работала рабочей площадки «Кузнеццентра» в городе Павлодаре. Осуждена «тройкой» НКВД Павлодарской области в 1937 г. по ст. 58-10 на 10 лет лишения свободы.

Зайтман Моисей Шмулевич
Родился в 1913 г. в Варшаве. На день ареста работал часовым мастером в промартели «Большевик» города Павлодара. Осужден Павлодарским областным судом в 1944 г. по ст. 58-10 на 8 лет лишения свободы.

Зельманс Розалия Давыдовна
Родилась в 1901 г. в городе Белостоке. На день ареста работала секретарём горкомхоза в городе Павлодаре. Осуждена Павлодарским областным судом в 1941 году по ст. 58-10 на 10 лет лишения свободы.

Гиршик Вульф Борисович
Родился в 1907 г. в местечке Пуховичек, Белоруссия.
В Павлодарской области находился в ссылке.
Особым совещанием НКВД в 1935 году ему добавлено ещё 3 года лишения свободы.

Голубчик Рафаил Израилович
Родился в 1909 г. в селе Чернобыль Киевской области. В Павлодарской области находился в ссылке с 1935 г. Особым совещанием НКВД ему добавлено ещё 3 года лишения свободы.

Горгаль Песя Моисеевна
Родилась в 1887 г. в селе Постави, Виленской губернии. На день ареста – домохозяйка, город Павлодар. Осуждена решением «тройки» НКВД Павлодарской области в 1950 г. на 5 лет лишения свободы.

Качка Нояха Иосифович
Родился в 1908 г. в городе Ровно. На день ареста работал пожарником на меховой фабрике города Павлодара. Осужден Особым Совещанием НКВД СССР в 1942 г. по ст. 58-10 на 10 лет лишения свободы.

Крацман Моисей Исаакович
Родился в 1889 г. в селе Домбровица, Волынской губернии. Находился в ссылке в Павлодарской области с 1935 г. До ареста – служащий.

Крупницкий Айзик Абрамович
Родился в 1886 г. в Минской губернии. На день ареста работал в городе Павлодаре продавцом в системе «Главспирта». Осужден Павлодарским областным судом в 1949 г. по ст. 58-10 на 10 лет лишения свободы.

Всё вышеизложенное наглядно свидетельствует о том, что евреи, будучи составной частью многонационального населения Советского Союза, в полной мере пережили бесчеловечный произвол, ужасные тяготы и лишения в период массовых политических репрессий в СССР.

Я думаю, пока есть мы, живые,
Пока потомки наши будут жить,
В день Памяти всегда,
Свечам гореть,
Поминовенью быть.
Горят пусть свечи светом негасимым,
И пусть в сердцах людей не гаснет свет.
Я верю: благодарные потомки
Жертв не забудут, не забудут, нет!

Будем же и мы постоянно хранить память – о безвинных жертвах массовых политических репрессий!

Кашмакова М.В.,
Ярков А.П.

Борис Григорьевич Манн

Ямальский период жизни

В историю музыки Борис Григорьевич Манн вошел как создатель первого на Крайнем Севере духового оркестра. Он иного сделал для массовой пропаганды этой части оркестровой культуры. Именно в этом качестве его знают профессиональные музыканты, помнят северяне.

История, связанная с созданием оркестра, началась в 1934 г., когда еще совсем молодой, но уже много повидавший выпускник музыкального техникума имени М.М. Ипполитова-Иванова, бывший одесский беспризорник и московский детдомовец Борис Григорьевич Манн (1910(14)? – 1988 гг.) приехал на работу в Салехард.

Созданный как отдельная административно-территориальная единица Ямальский (позднее Ямало-Ненецкий) национальный округ остро нуждался в профессиональных кадрах. Среди направляемых в начале 1930-х годов на Ямал различных специалистов был и Борис Манн, отправившийся на далекий Север по зову горячего сердца и по направлению ЦК ВЛКСМ, как один из лучших комсомольцев.

Если приезд Бориса Манна в г. Салехард был выбором осознанным, то сама история его становления как профессионального музыканта полна случайностей и даже трагических моментов.

О его жизни до приезда на север (предположительно весной 1934г.) известно немного. Интерес представляют публикации в газете «Нярьяна Нгэрм»[18] второй половины 1930-х годов. Жизнь его могла оборваться почти в тот момент, когда компания беспризорников, отправилась за лучшей долей в Москву. Они разместились в необычном месте – в железном ящике под паровозом, куда ссыпался шлак. Не подозревая о пассажирах, кочегар начал растапливать топку. Угли посыпались на спящих детей, одежда загорелась...

[18] «Нярьяна Нгэрм» (с ненецкого «Красный Север») - печатный орган Ямальского окружкома ВКП(б)

Спасти удалось не всех. Троих уцелевших, среди которых был и Борис Манн, после лечения определили в один из детских домов[19].

Именно там он и увлекся музыкой. Был замечен военным капельмейстером и принят в оркестр. Потом была служба в Красной армии и, как подающий надежды, был направлен на обучение в московский музыкальный техникум имени М.М. Ипполитова-Иванова. По призыву партии и комсомола поехал на далекий Ямальский Север в поселок Салехард[20].

До революции евреи могли стать северянами лишь как «путешественники поневоле» – в качестве ссыльных. Свободные поселенцы появились в качестве советских молодых специалистов, в т.ч. для культпросветработы. В этом качестве Борис Манн при окружном Доме ненца[21] и создал первый на Ямале духовой оркестр. Он даже стал «визитной карточкой» учреждения.

Профессиональные музыканты были тогда «на вес золота». Они ценились так высоко, что должностной оклад рядовых специалистов творческих профессий в 1930–1940-е годы равнялся, а чаще превышал, должностной оклад директоров. Так согласно утвержденному штатному расписанию Дома ненца на 1941 г., должностной оклад директора составлял 550 рублей, бухгалтера – 400, режиссера – 750, руководителя духового оркестра – 825.[22] Забегая вперед отметим, что в последнее время своего пребывания в городе Салехарде, в 1940-1941 гг., Б.Г. Манн будет успешно совмещать свою деятельность руководителя оркестра с работой директора Дома ненца.

Дебют оркестра состоялся осенью 1934 г. на митинге трудящихся города Салехарда. И это стало очень неординарным событием. Однако первый состав оркестра, как писала газета «Нярьяна Нгэрм», был не очень удачным, в нем оказались случайные люди, даже пьяницы, и он скоро распался.[23]

---

[19] Нярьяна Нгэрм. 1937. 14 апреля 1937 г.

[20] Там же

[21] Дом ненца - многофункциональное учреждение для ведения торгово-закупочной деятельности и организации культурно-просветительной работы с тундровым кочевым населением. Открыт в Салехарде в 1925 году.

[22] ГА ЯНАО. Ф.20. Д.113. Л.34.

[23] «Нярьяна Нгэрм» №48 от 14 апреля 1937 г. С.3.

Формируя новый состав, Борис Манн сделал ставку на молодых. И к весне 1937 г. в оркестре состояло уже 15 человек, старшему из которых было 20 лет, а младшему – 13. Почти все – подростки, учащиеся салехардской средней школы №1. К тому времени в репертуаре появились сложнейшие произведения классиков – Верди, Брамса, Бизе, Глазунова, Шуберта, и современных советских композиторов — Дунаевского, Блантера, Шишова.[24]

Борис Манн оказался не только талантливым музыкантом, но и замечательным педагогом. Увлекал музыкой всех, кто попадал в его орбиту. Все в той же газете «Нярьяна Нгэрм» описана история его взаимоотношений с подопечными, участниками оркестра. С большим уважением и любовью относились они к своему наставнику. И если ему вдруг случалось уезжать в командировки, то засыпали письмами, рассказывая о выученных музыкальных партиях и об отметках в школе.

Трогательно выглядит история с появлением в оркестре Оси Промоторова, которого Борис Манн голодного, холодного и оборванного встретил однажды на улице и, помятуя о своем беспризорном детстве, обогрел, накормил и даже дал попробовать поиграть на трубе. Проба слуха показала, что мальчик не безнадежен. Однако после его ухода у благодетеля исчезла приличная сумма денег. Решать проблему классическим методом наказания Манн не стал. Он выстроил взаимоотношения так, что крайне удивленный при следующих встречах отсутствием взбучки Ося сам повинился, вернул деньги, которые не успел потратить, и с тех пор стал своему учителю настоящим преданным другом. Воровать и бродяжничать бросил, поступил в школу, за хорошую учебу был принят в пионеры и под руководством Бориса Манна стал отличным музыкантом. И таких как он, обретших благодаря музыке и мудрому наставнику смысл жизни и крепко вставших на ноги, через оркестр прошло немало.[25]

Коллектив Бориса Манна был первым пропагандистом оркестровой музыки и среди коренного населения.

[24] Там же
[25] Там же

Выступления оркестра на факториях[26] в тундре составляли весьма значительную часть концертной деятельности коллектива. Особенно запоминающимся было первое выступление перед тундровиками. Вот что воспоминал сам дирижер: «Тогда ненцы убежали в тундру, испугавшись оркестра, а собаки – знаменитые северные лайки – надрывались от воя, и долго пришлось их (ненцев) убеждать, что это музыка, а не святой дух. Вечером, когда собрались все жители, мы убедили их, что играть могут все, и в качестве доказательства выставили ненца-музыканта Алексея Ямзина, который на ненецком языке им все объяснил. А когда через несколько дней, настало время уезжать, нас не хотели отпускать».[27]

Неподдельное удивление впервые слушающих духовую музыку оленеводов и охотников катравожского колхоза имени Ворошилова, ненцев, ханты, коми-зырян, приглашенных на концерт, описано в небольшой заметке «Вечер на фактории», подготовленной по итогам одного из выступлений: «Нам до революции не приходилось слушать такую музыку и долго сидеть в помещении. Нас хозяин-купец выгонял на улицу говоря: «уходите, а то уже и так загрязнили пол», а сейчас мы сидим в помещении и слушаем хорошую музыку», «Мы в первый раз слышим такую музыку и не знали, что из этих трубок получается такая хорошая музыка...».[28] Особенный восторг вызвало исполнение с оркестром популярной песни «Еврейская комсомольская». Старейший колхозник Е. Куйбин заявил: «Мы будем своих детей отправлять учиться на таких инструментах, чтобы они могли потом нас также веселить в тундре, как сейчас нас веселил духовой оркестр Дома ненца».[29]

Работали оркестранты в тундре действительно на совесть, системно и инициативно. Выполняя заявки охотников и оленеводов на культурное обслуживание, часто, чтобы дать концерт, добирались до факторий своим ходом. В фонде «Уполномоченный Министерства заготовок СССР по Ямало-Ненецкому национальному округу» сохранились документы, зафиксировавшие это направление работы оркестра.

---

[26] Фактория - торгово-снабженческий и заготовительный пункт в отдаленных промысловых районах Севера.
[27] Госархив ЯНАО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 19. Л. 24.
[28] Нярьяна Нгэрм. 1938. 28 ноября 1938.
[29] Там же

Из письма уполномоченного по заготовкам по Ямало-Ненецкому округу Рубцова от 14 июня 1941 г.: «Коллектив оркестра, под руководством т. Манн, наряду с художественным обслуживанием проводил культмассовую работу с коренным национальным населением. Действительно оказывал помощь колхозам Севера в выполнении плана по охотпромыслу, способствовал укреплению дисциплины среди колхозников-охотников. Помогал заготовительной работе факторий, а также изжитию недостатков. Коллектив по собственной инициативе, начиная с 1934 г. по настоящее время, обслуживает охотников тундры округа, совершая лыжные переходы в ближайшие и отдаленные населенные пункты и фактории, несмотря на трудные северные условия, и осуществлял поставленные перед собой задачи без какой-либо затраты средств. Проводимая оркестром работа способствовала проведению основных видов заготовок в округе - пушнины, с повышением качества сдаваемой пушнины, особенно по песцу, лисице, горностаю, белке».[30]

Письмо направлено уполномоченному по заготовкам по Омской области с просьбой ходатайствовать перед Народным комиссариатом заготовок СССР о награждении руководителя оркестра Б. Манна и еще пяти музыкантов нагрудным знаком «Отличник заготовок», а еще 15 человек благодарностью. Всего на тот момент в оркестре насчитывалось 29 человек.

Интересны и хранящиеся в фонде отзывы на работу оркестра, которые выдавались ему в виде справки заведующими факторий или торговых пунктов после выступлений. Так заведующий торгово-заготовительным пунктом А. Сутягин в справке писал: «...духовой оркестр под управлением тов. Манн в течение ряда лет систематически обслуживает охотников и оленеводов на Сале-Хардской фактории. Охотники-ненцы впервые в жизни слушают музыку, которая им очень нравится. Руководитель оркестра тов. Манн записывает ненецкие и хантэйские песни и тут же играет их для охотников. В дни, когда на фактории находится оркестр приезжает до 100 нарт. Кроме культобслуживания оркестр проводит беседы о Сталинской Конституции, о советских законах и т.д.

[30] Госархив ЯНАО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 62, 62об.

Ненцы, охотники и оленеводы, и зыряне благодарят за культобслуживание и за работу, которой окружает их советское правительство».[31]

Борис Манн в своей докладной записке от 7 мая 1941 г. отмечал, что коренное население встречает оркестр с воодушевлением и радостью, что несмотря на то, что средств на обслуживание отдаленных факторий не выделялось и приходилось в «штормовые погоды» проходить весь путь пешком и очень уставать после лыжных переходов, оркестр со своей задачей справлялся.[32]

Для салехардцев духовой оркестр Манна давал концерты в трех отделениях. Исполнялись классики, песни советских композиторов, некоторые из них в обработке Манна, затем сольное исполнение Борисом Манном произведений Моцарта, Вебера, Брамса, Шуберта на кларнете. Руководитель оркестра был великолепным кларнетистом. Пробовал Борис Манн себя и в качестве композитора. Он автор музыки к спектаклю по пьесе И.Ф. Ного «Ваули Ненянг», который в начале 1940-х годов был поставлен в Доме ненца и прошел с большим успехом.

Концерты оркестра транслировались по радио. В государственном архиве хранится программа выступления оркестра в одной такой радиотрансляции, которая состоялось 23 февраля 1941 г.[33]

В фондах архива и несколько редких фотографий периода 1930-х годов, запечатлевших участников коллектива вместе со своим руководителем.

В 1939 г. оркестр отметил пятилетие. И к этому моменту он уже известнейший и любимейший творческий коллектив не только салехардцев, а всех ямальцев. Известен он, как пишут газеты, и за пределами округа. Достижения коллектива подробно описаны в статье «Растущие музыканты», подготовленной к этому событию[34]. За пять лет работы через оркестр прошло более 100 человек, многие из которых продолжили музыкальную деятельность на Ямале и за его пределами.

---

[31] Там же. Л. 63.
[32] Там же. Л.65.
[33] Там же. Ф. 358. Оп. 1. Д. 19. Л. 14.
[34] Нярьяна Нгэрм. 1939. 21 марта. С. 3.

Оркестр действительно очень любили, без него не обходилось ни одно значимое городское событие. Именно под музыку духового оркестра уходили на фронт первые ямальцы, а очень скоро и сами музыканты, и их руководитель ушли защищать Родину.

В списках, призванных на фронт окружного военного комиссариата, значится, что Б.Г. Манн был призван на фронт 8 августа 1941 г.[35] Сражались оркестранты честно, героически, многие погибли. Борис Манн выжил и стал участником исторического парада Победы в Москве в июне 1945 г. После войны вернулся в Одессу и организовал там свой второй Духовой оркестр, который он тоже сделал очень известным и которому посвятил всю оставшуюся жизнь.

В Салехард Борис Григорьевич больше никогда не вернется. В единственном его письме, датированном февралем 1977 г., хранящемся в государственном архиве в фонде известного ямальского краеведа Анны Михайловны Пушниковой, с которой вел переписку, он напишет: «Салехард всегда любил особой нежной любовью. Я до сих пор испытываю сладкую тоску и горькое сожаление, что мой возраст не позволяет мне посетить родной моему сердцу Салехард, но всегда с душевной теплотой я вспоминаю город, ставший мне родным, вспоминаю моих славных питомцев, с которыми более семи лет жил дружной и по-человечески счастливой жизнью...».

Борис Григорьевич Манн умер в 1988 г. Похоронен в Одессе.

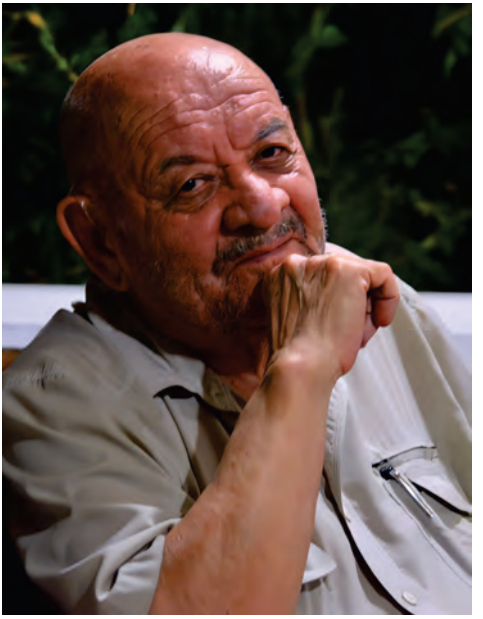
[35] ГА ЯНАО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 3. Л.10 об.

Александр Барон, член Совета АНК, председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва»,
Глава еврейской общины РК
Серик Сейдуманов, государственный деятель, Доктор социологических наук,
Профессор, Академик Национальной академии наук Республики Казахстан

Международная научно-практическая конференция, 23 сентября 2024 г.

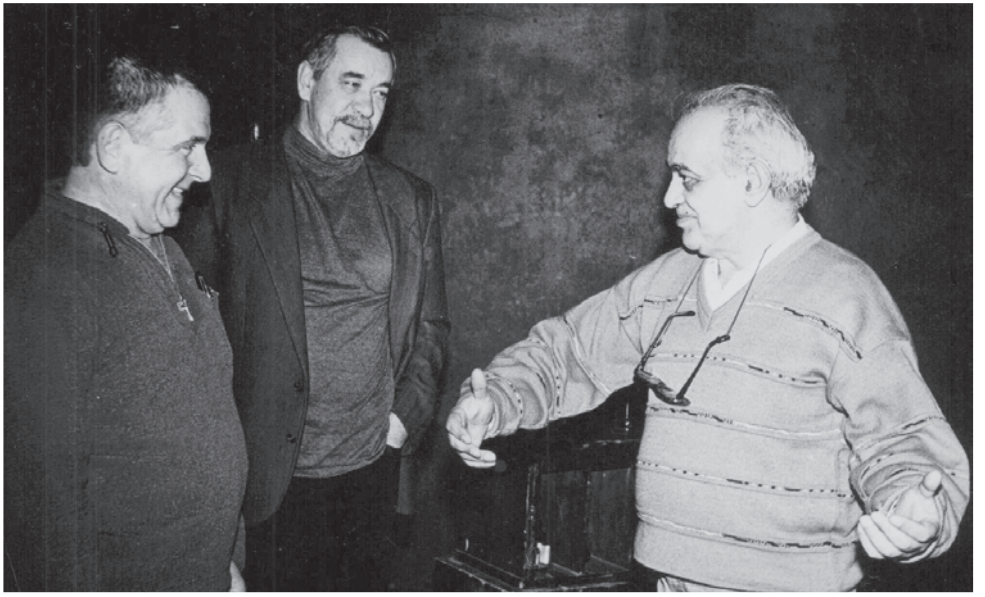
Фото из архива О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва»

А. Арцишевский, 1945 г.



А. Арцишевский, Алматы, 2021 г.

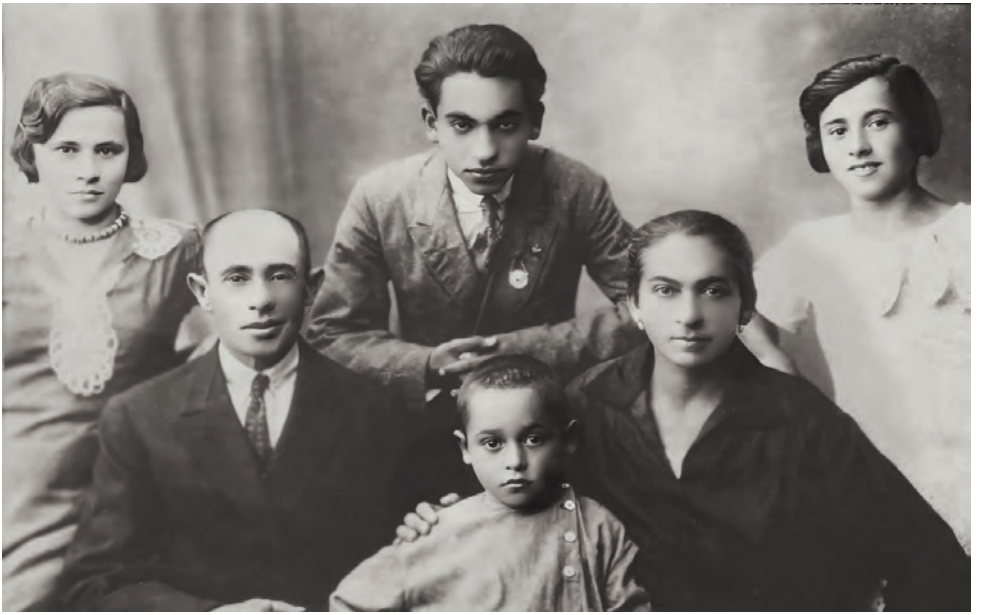
Фото из семейного архива А.А.Арцишевского



Репетиция спектакля «Мужской род, единственное число»
Ю. Капустин, А. Креженчуков, Р. Андриасян,
г. Алматы, Национальный русский театра драмы им. М. Лермонтова, 2000 г, фото Р. Круговой

К сообщению Каштелюк Ю.И. «Мастер слова – о Мастере сцены»
Фото из книги Арцишевского А. «Шаги Командора. Рубен Андриасян». Алматы, 2024 г.

В центре - супруги Малка и Янкель,
дети, дочери - Адель (мама А. И. Барона),
Инда, Марьям, сын - Шая
[1924 г.]



Супруги Барон Самуил и Марьям,
их дети, слева направо - Марьям, Иосиф (папа А. И. Барона), Марк, Рая [1934 г.]

Фото из семейного архива А.И. Барона

Александр Львович Нахманович,
[1957 г.]

Торжественное собрание ветеранов Великой Отечественной войны,
работников колхоза «Трудовой пахарь», посвященное 12-й годовщине Великой Победы.
Александр Львович Нахманович - пятый справа в первом ряду, 1957 г.
Фото с сайта «Бессмертный полк».
[Электронный ресурс]. URL: https://ztgzt.kz/81748/iz-haosa-sozdaval-garmoniyu
(дата обращения 19.12.2024)
К сообщению Момынкула Б.А. «Он строил будущее, не забывая о прошлом»

Н.Ф. Кац с дочерью Еленой,
1901 г.

А.К. Кац с дочерью Еленой
1920 г.

Семья Н.Ф. Каца, 1926 г.

Фото из семейного архива
К сообщению Бароховской Л.С. «Мысли по поводу и без…»

Дом Н.Ф. Каца, г. Семипалатинск
[Электронный ресурс]. URL: https://semeyainasy.media/2023/10/21/ mysli-po-povodu-i-bez-prodolzhenie/6-dom-natana-kacza/ (дата обращения 19.12.2024)

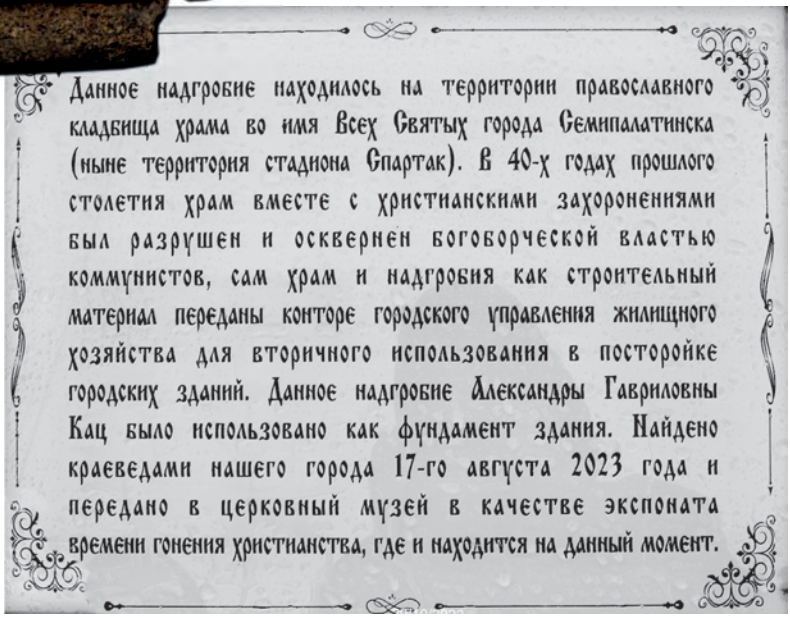


Фото надгробия А.Г. Кац и сопроводительная информация к надгробию, 2013 г.
Фото М. Новчан. [Электронный ресурс]. URL: https://semeyainasy.media/2023/11/02/65315/ (дата обращения 19.12.2024 г.)

Справа налево: Леля, А.К. Кац.
Слева, у березы - Клава Гутова, двоюродная сестра Лели, 1901 г.
Фото из семейного архива

Натан Кац
в возрасте примерно 60-ти лет
[Элект. ресурс]. URL: https://semeyainasy.media/2023/10/21/mysli-po-povodu-i-bez-prodolzhenie/
(дата обращения 19.12.2024)

К сообщению Бароховской Л.С.
«Мысли по поводу и без…»

Братья Семен и Иосиф Коганы
и сестра Ева, г. Кишинев, 1938 г

Иосиф Коган,
Алма-Ата, [1950 г.]

Иосиф и Ева Коганы. Концерт в камерном зале консерватории. Алма-Ата, 1970-е.
Фото из семейного архива
К сообщению Кашителюка Ю.И. «Струны столетия»

Еврейские девушки Полтавы.
Фрейда-Цива Ицко-Евновна Барсова
(первый ряд справа), 1936 г.

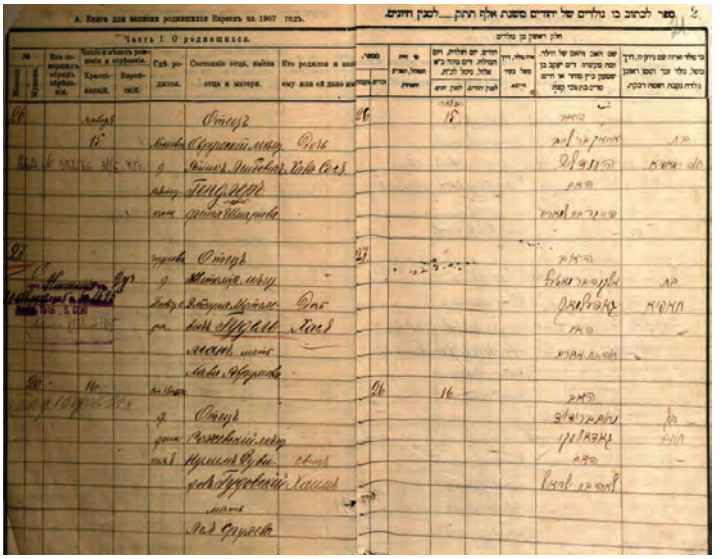
Циля и Софья Левинсон, бабушка - Фрейда-Цива Ицко-Евновна Барсова,
г. Чкаловск, 1970 г.

К сообщению Мартыновой В.
«Участие евреев в создании атомных предприятий Средней Азии».
Фото из семейного архива

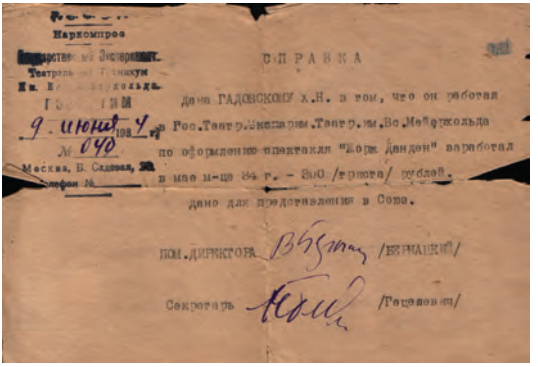
Ленина Марковна Матлина с мужем, Марксом Ильичом Капланом
Алма-Ата, 1967 г.

Ленина Марковна Матлина, супруг Маркс Ильич Каплан, дочери - Эльвира и Майя

Фото из семейного архива Матлиной Л.М.
К сообщению Каштелюка Ю. «Жизнь и судьба: к 100-летию со дня рождения ветерана войны и труда, члена еврейской общины Маркса Каплана»



Метрическая книга
1907 года,
запись о рождении
Е. Годовского



Наркомпрос

СПРАВКА

Дана ГАДОВСКОМУ Х.Н. в том, что он работал в Рос.Театр.Инспекторате.Театр.им.Вс.Мейерхольда по оформлению спектакля "Дорн Дандон" выработал в июне м-це 34 г. - 300 /трехсот/ рублей.

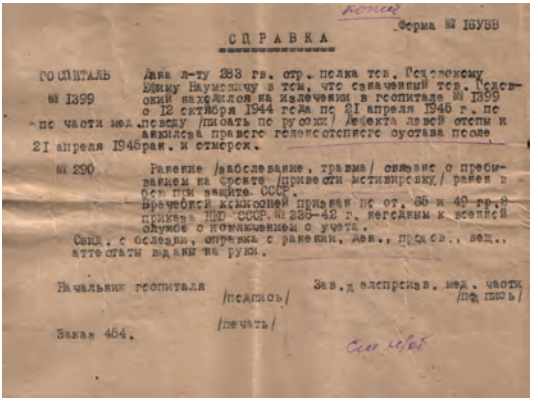
9 июня 1934 г.

Москва, Б. Садовая, 22

дано для предъявления в Совнарком.

ПОМ.ДИРЕКТОРА /ВЕЛИКАНОВ/

Секретарь /Гецевич/



Ферма № 16УВВ

СПРАВКА

ГОСПИТАЛЬ № 1399

Дана л-ту 283 гв. стр. полка тов. Годовскому Ефиму Наумовичу в том, что означенный тов. Годовский находился на излечении в госпитале № 1399 с 12 октября 1944 года по 21 апреля 1945 г. по ранению /писать по русски/ дефекта левой стопы и выписался правого голеностопного сустава после 21 апреля 1945года. и отмерск.

№ 290 Ранение /заболевание, травма/ связано с пребыванием на фронте /приведти истинную/ район в ост при защите СССР.

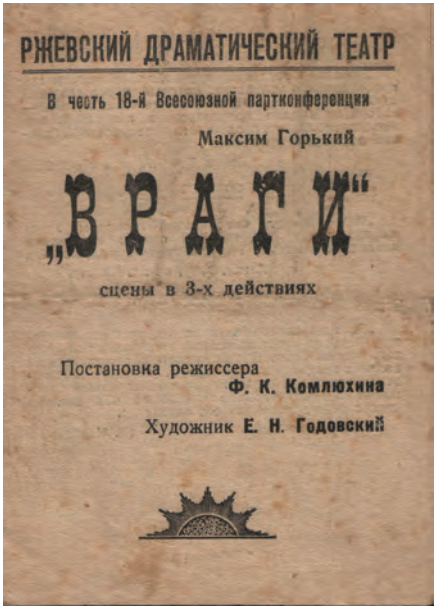
Врачебной комиссией признан по ст. 35 и 40 гр. Б приказа НКО СССР № 336-42 г. негоден к военной службе с понижением о учете.

Свид. с ослезы, справка с ранении, дев., продсв., вед.. аттестаты выданы на руки.

Начальник госпиталя /подпись/ /печать/

Зав.делопроизв. мед. части /подпись/

Заказ 464.



РЖЕВСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

В честь 18-й Всесоюзной партконференции

Максим Горький

„ВРАГИ"

сцены в 3-х действиях

Постановка режиссера
Ф. К. Комлюхина

Художник Е. Н. Годовский

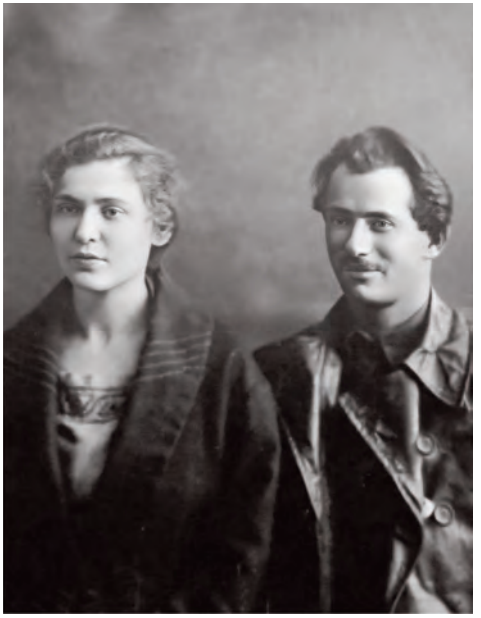
Справка Годовского Е.
из театра им. Вс. Мейерхольда, 1934 г.
Справка из госпиталя, 1945 г.
Театральная афиша, 1941 г.

Фото из семейного архива
К сообщению Крутовой Н. «Ефим Годовский – театральный художник и педагог Восточного Казахстана»

Александр Барон, член Совета АНК, председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва», глава еврейской общины РК
Трескунова Мария, руководитель проекта «Летопись поколений», г. Алматы, 2022 г.

Волонтеры проекта «Летопись поколений»,
г. Алматы, 2022 г.
Фото из архива О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва»

Соломон Шмульевич Брискин и Левинская Адель Григорьевна,
родители Н.С. Кривенцовой, г. Харьков, [1940 г.]



Григорий Юрьевич
и Эстер-Малка Яковлевна Левинские,
родители Левинской А. Г., г. Киев, [1930 г.]

Лев Леонид Григорьевич, отчим
Н.С. Кривенцовой, г. Алма-Ата

Фото из семейного архива Н. Кривенцовой
К сообщению «Летопись поколений. Дети Войны рассказывают Детям Мира»

Полякова Лариса Михайловна
(выделена)
Первый послевоенный
парад физкультурников
Москва, 12 августа 1945 г.

Полякова Лариса Михайловна
(выделена)
Первая спартакиада
народов СССР
Рига, [1947 г.]

Полякова Лариса Михайловна
на спартакиаде, посвященной
30-летию Победы советского
народа в ВОВ.
Ветераны советского спорта
и чемпионы по спортивной
гимнастике и легкой атлетике
Алма-Ата, 1975 г.

Фото из семейного архива Поляковой Л.М.
К сообщению «Летопись поколений. Дети Войны рассказывают Детям Мира»

Полякова Лариса Михайловна
Алма-Ата, 1975 г.

Михаил Александрович
и Белла Ефимовна Шнаперман,
родители Поляковой Л.М.,
Харьков [1930 г.]

Полякова Лариса Михайловна.
Республиканская
Псих. больница,
отделение Невроза
Алма-Ата, 1998 г.

Полякова Лариса Михайловна.
Выступление на Областной
Конференции медицинских
работников,
Алма-Ата, [1980 г.]

Фото из семейного архива Поляковой Л.М.
К сообщению «Летопись поколений. Дети Войны рассказывают Детям Мира»

Сара Кравцова (Лысковская)
с супругом Саввой Кравцовым
г. Харьков, 1938 г.

Геннадий Кравцов с дедушкой
Борисом Исаевичем Лысковским,
г. Алма-Ата, 1956 г.

Мама А.И. Лысковской -
Макальская Мариам Евсеевна,
ее сестра-близнец Бася и брат Яков,
1936 г.

Папа А.И. Лысковской -
Иосиф Борисович Лысковский,
[1942 г.]

Фото из семейного архива А.И. Лысковской
К сообщению «Летопись поколений.
Дети Войны рассказывают Детям Мира»

Химическая лаборатория ЖД, г. Алма-Ата, 1945 г.

Семинар зав.лабораториями с Чурилиным.
Макальская Мариам Евсеевна, мама Лысковской А., в третьем ряду вторая справа

Фото из семейного архива А.И. Лысковской
К сообщению «Летопись поколений. Дети Войны рассказывают Детям Мира»

Фани Вольфовна Дрейцер и Абрам Захарович Штейнгольц, родители С.А. Штейнгольц
сестры: Валентина и Ида, 1931 г.

Сталина Абрамовна Штейнгольц (Енина),
г. Алма-Ата, 1956 г.

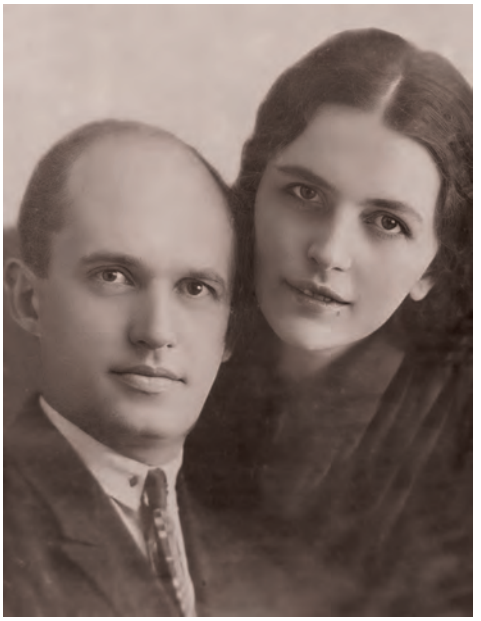
Фото из семейного архива
С.А. Штейнгольц
К сообщению «Летопись поколений.
Дети Войны рассказывают Детям Мира»

Лидия Наумовна и Лев Шапсович Перель, родители А.Л. Лейдерман

Лев Пинхосович Лейдерман, 1952 г.

Анна Львовна Лейдерман, (2022 г.)

Фото из семейного архива А.Л. Лейдерман
К сообщению «Летопись поколений. Дети Войны рассказывают Детям Мира»



Александр Иосифович
и Дина Мордховна Беренфельд,
родители К. Деминой и С. Беренфельд

Светлана с отцом, А. И. Беренфельдом
Алма-Ата, [1947 г.]

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано Беренфельд
Светлане Александровне

в том, что она приказом министра здравоохранения СССР №715-н от 08.04.1987 г. награждена значком „Отличнику здравоохранения".

Зам. начальника Управления кадров Минздрава СССР

09 апреля 1987 г.
г. Москва

Награды Клары Деминой и Светланы Беренфельд

Фото из семейного архива С. Беренфельд
К сообщению «Летопись поколений. Дети Войны рассказывают Детям Мира»

Супруги Сапожниковы Ефим Моисеевич и Розалия Фёдоровна. Алматы, 2020 г. *[Элект. ресурс]. URL: https://sovetveteranov.kz/photosocworkers (дата обращения 19.12.2024)*

Награды Сапожникова Е.М.:
Медаль в честь 100-летия Плана ГОЭЛРО,
Юбилейная медаль «70 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.».
Алматы, 2020 г.

Каштелюк Исаак Хаимович,
г. Полтава, декабрь 1964 г.
(год окончания Полтавского
инженерно-строительного института)

Родители: Хайка Абрамовна
и Хаим Моисеевич Каштелюк,
Украина. Село Новые Веледники
Житомирской области, 1938 г.

Фото из семейного архива Ю. Каштелюка

К сообщению «Летопись поколений. Дети Войны рассказывают Детям Мира»

Семья Елены Ильиничны Масалович
Фото из семейного архива Бейсекеевой Л.И.

Семья Рубиной Евгении Соломоновны, 1961 г., Одесса
Фото из семейного архива Е. Рубиной

К сообщению «Летопись поколений. Дети Войны рассказывают Детям Мира»

Участники Конференции, посвященной творчеству писателя Юрия Герта
г. Алматы, февраль, 2024 г.
Фото из архива О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва»

Юрий Михайлович Герт
[Электронный ресурс].
(дата обращения 19.12.2024)

Юрий Михайлович Герт с супругой, Анной Петровной

Трескунова М.
Руководитель проекта

Дети Войны рассказывают Детям Мира

Идея проекта «Летопись поколений. Дети Войны рассказывают Детям Мира» заключалась в том, чтобы собрать и систематизировать воспоминания жертв нацизма из первых уст, и передать их следующим поколениям.

Инициатором, руководителем и редактором проекта выступила я, журналист Мария Трескунова, и работа началась 12 апреля 2023 г. На первом этапе была сформирована группа из 12 волонтеров, проведено их обучение этическим правилам общения с пожилыми людьми, принципам интервьюирования и видеосъемки.

Волонтерами вызвались стать 12 человек – как взрослые, так и подростки, как члены еврейской общины, так и другие неравнодушные казахстанцы, заинтересованные в сохранении истории Великой Отечественной Войны.

В команду волонтеров вошли: Инна Лысковская, Татьяна Бегайкина, Олеся Последова, Ирина Григонис, Евангелина Григонис, Эльвира Сапожникова, Наталья Кулешова, Алекс Ракстри, Анастасия Попова, Евгений Попов, Жулдуз Жумабаев и Владислава Дзвоник.

За два месяца волонтеры связались с 78 жертвами нацизма и пригласили их участвовать в проекте. К сожалению, многие уже были не в силах это сделать. Кто-то отказался по состоянию здоровья, для кого-то эти воспоминания все еще слишком тяжелы и болезненны, и люди не готовы ими делиться. Но практически половина опрошенных – 36 человек – откликнулись на призыв волонтеров, чтобы сохранить нашу общую историю.

В течение четырех месяцев волонтеры встретились с каждым участником, записав и сняв на видео их воспоминания об истории еврейских семей во времена Великой Отечественной Войны, Холокоста и эвакуации в Казахстан.

Конечной целью проекта было издание интернет-видеофильма и сборника воспоминаний об истории поколения Холокоста. В последующие два месяца координатором были смонтированы три части интернет-видеофильма «Летопись поколений». К Дням Памяти в Хэсэде Алматы была организована их премьера для членов еврейской общины, с концертом песен военного времени от волонтеров Натальи Кулешовой и Алекса Ракстри, а тексты воспоминаний отредактированы для публикации в сборнике «История. Память. Люди».

Мы постарались сохранить не только факты и стиль изложения жертв нацизма, но и их образы – как в юности, так и в серебряном возрасте. Фотограф и волонтер Татьяна Бегайкина провела фотосессии и организовала в Хэсэде Алматы тематическую фотовыставку портретов Детей Войны. Помимо ее работ, в проект вошли фото, сделанные волонтерами, кадры из видеофильма и фотографии из личных семейных архивов жертв нацизма.

Нам хотелось сохранить память о старшем поколении алматинских евреев, рожденных на территории бывшего СССР в 1930-1940-е годы, переживших Великую войну, Холокост и эвакуацию в Казахстан. Ведь истории их семей – это память трагических лет в еврейской истории, которая не должна быть забыта. А их вклад в развитие и становление казахстанского общества – это значительные свершения, являющиеся частью истории нашей страны.

Алексеева Елена Антоновна

Я, Алексеева Елена Антоновна, родилась под первой бомбежкой Харькова, 13 августа 1941 г. Маму спустили со стола, дали меня в руки, и посадили в угол, а все побежали прятаться, поскольку была тревога. После тревоги, когда врачи вернулись, то увидели, что мама потеряла сознание. Ее долго откачивали и приводили в себя. Таким образом я появилась на свет, настоящее дитя войны.

Уже несколько месяцев шла война на территории Украины. Папа в это время эвакуировался в Свердловск вместе со своим заводом, который строил самолёты. Их эвакуировали в город Свердловск, поэтому моего старшего брата, которому был год и два месяца, взяли дедушка с бабушкой, жившие под Полтавой, в городе Зенькове. Это маленький городок близ Диканьки. Маме нельзя было возвращаться в те места, потому что их уже оккупировали немцы. Я была, конечно, с мамой, а мама поехала за папой. Всё, что было в доме, было порвано на пеленки.

Мы долго ехали в теплушке. И однажды получилось так, что меня и моего брата подсадили в вагон после остановки, и поезд тронулся, а мама осталась на перроне, оттесненная толпой людей. Мама так кричала, боялась, что я там останусь одна, но всё-таки она добежала, успела влезть в вагон на ходу, вошла с мешком пеленок и меня ей передали. И такие дорожные приключения были у меня примерно до двух лет.

Потом папа отвез меня к бабушке с дедушкой, в Украину. А мама с папой продолжали круглосуточно работать и делать самолеты для фронта. У мамы была редкая профессия под названием гальваностегия, это покрытие деталей золотом, никелирование, и она тоже была военнообязанной.

У бабушки с дедушкой был свой дом, в котором во время оккупации поселились немцы. А нас выгнали, и мы жили в выкопанной ямке, как она называется? Землянка?.. И потом, когда немцы

отступали, я очень хорошо помню сцену: дедушка с топором у двери, там засов большой, а за дверью бандеровцы, они узнали, что еврейские дети тут прячутся. Кто-то донёс, что наша мама - еврейка, хотя она там ни разу не появлялась. Дед кричал: «Кто появится, тому голову отрублю!» Это уже хозяйничали местные, а не немцы. А брат рассказывал, что немцы снимали с детей штанишки и смотрели, обрезанный или нет. Он был голубоглазый, светленький, не похожий на еврея. И то, что он был не обрезанный, его спасло. А я была темненькая, и меня бабушка ни разу за всю оккупацию не выводила на улицу. И я помню, что в детстве папа меня звал не Леночкой, это потом, когда стала постарше, он стал Леночкой называть, для конспирации, а раньше, до того, как столкнуться с антисемитизмом, он меня звал Хонаной.

В детстве мне всегда было холодно, ведь мы жили в землянке. Не знаю, как мы там выживали. Помню, что рука у меня всегда была перевязана и бабушка прикладывала какие-то лекарства. В землянке попала какая-то инфекция, и лет до 20 у меня оставались ранки на руке, а в детстве было постоянное воспаление легких, аж пять раз.

Нас старались не выпускать на улицу. И даже когда ушли эти оккупанты, все равно бабушка нас боялась показывать. Помню, что мне было уже примерно 4 года, у меня был один-единственный сарафанчик с заплаткой, и я бегала и всем хвасталась: «Смотрите, какой у меня сарафанчик, с какой красивой заплаткой, мне бабушка подарила!». А бабушка сидела и плакала, потому что ни тканей, ни ниток, ни иголок не было. А брата мы в шутку звали «хвостатой крысой», потому что шов на штанишках был разрезан, ведь тогда памперсов не было. Где захотел, там и сел, вытерся лопухом и пошел. Так как меня никуда не выпускали, у меня было мало общения, и я разговаривала с козочкой Розочкой. Я ее очень любила, я ей говорила: «Розочка, ты вся моя, а я вся твоя».

А потом папа приехал и забрал нас в Казахстан. Они здесь снимали квартиру. Маму, так как было двое малых детей, отпустили с завода домой. Папа месяцами пропадал на работе. На заводе был бетонный пол, и они прямо там и спали. Он раз в месяц

приходил домой, и когда он приходил, то мама не пускала его в комнату. Она на улице снимала с него одежду, так как там были насекомые, и надевала ему все свежее, чтобы он детей не заразил. И мыла его там, в маленькой детской ванночке.

Папе дали участок, мы строились. Время было ужасное, голодное. Нас спасали курочки и козочки. А люди, которые жили в городах, у них все было страшно. У папы был брат. Он уехал, не знаю, куда и по какой причине. И вот по дороге его убили и разделали на мясо. Это потом я узнала, что в это время иногда ели людей. Я не знаю, кто это сделал. Бандеровцы это не могли сделать. Они в то время уже жили хорошо. Они могли зайти в любой дом и взять все, что им захочется. Они вели себя так ужасно, что их все боялись. Они были страшнее, чем немцы.

Записала волонтер Олеся Последова

Альперович Зинаида Залмановна

Я, Альперович Зинаида Залмановна, родилась в Белоруссии в 1941 году, в ноябре месяце, когда война там уже была в полном разгаре. Мои родители сразу испытали преследования со стороны оккупантов. Нам пришлось срочно бежать из города, где мы жили, в лес, чтобы спрятаться от полицаев и от немецких фашистов. Многие бежали целыми семьями. У родителей было двое детей: мой старший брат, которому было три с половиной годика, и я, новорожденная. И вот пришлось нам обживаться в лесу. Евреи нашего города, бежавшие из-за опасности для жизни, создали в лесах Белоруссии свой партизанский отряд, и мы жили в лесном лагере. Всю войну я провела там, поэтому никаких благ цивилизации, конечно, не знала. Для меня потолком всегда было открытое небо, мы смотрели вверх и видели деревья над головой, и дышали свежим воздухом белорусских лесов.

Это возле города Радошковичи, в пятидесяти километрах от Минска. Немцы-то почти сразу в Минск пошли, а это рядом было. Причем, у моих родителей была ну такая хорошая квартира, отличная, по тем временам, румынская мебель - у мамы было хорошее приданое, она как раз недавно замуж вышла. И вот, когда немцы вошли в город, они сразу пришли к нам. Во-первых, искали еврейские семьи, а во-вторых, придя к нам, увидели, что такая приличная мебель, естественно, все забрали, а нам пришлось срочно бежать.

Почти все родственники моей мамы, которые и в Польше жили, и в Белоруссии, и в Литве, погибли во время войны. У нее было семь братьев и сестра, и все они погибли. А одна племянница попала в Освенцим, в концлагерь, да… И прошла, между прочим, всю эту войну, до освобождения. В концлагере она познакомилась с таким же заключенным, они создали семью и потом смогли уехать на его родину, в Бельгию. Она присылала нам фотографии, и у нее на руке был выгравирован номер.

Я это время сама, конечно, не помню, и родители не любили его вспоминать, им было тяжело. Так и прошли мои три первых года жизни, с 1941 по 1944 года, в лагере для семей партизан. Я даже не знала, что такое сахар. Когда Белоруссию освободили, и мы вышли из леса, мне впервые дали кусочек, а я говорю: «Нет, не нужен мне этот камешек, не надо, отдайте кому-то другому!» Когда нам дали квартиру в городе, и я впервые прошлась по деревянному полу, то изумленно затопала ногами и закричала: «Мама, а почему мы ходим по столу?!» В партизанских землянках у нас из дерева только стол был. Поэтому я удивлялась, почему мы ходим по столу.

Когда партизанский отряд расформировали, отца отправили дальше на фронт. Он прошел всю Европу до Германии, а из Германии их еще отправили на Японский фронт. Слава Богу, как говорится, жив-здоров вернулся домой. Он был сапером, очень ответственная воинская специальность, занимался разминированием. Наверное, Силы Небесные помогли и спасли, остался единственным из своей семьи в живых. У отца было три брата. Они все погибли.

Мы, конечно, ждали его приезда, голодали, а он привез какие-то консервы, кильку. Для нас это было самым большим счастьем. Мы ждали, когда он придет с работы или приедет откуда-то и привезет нам какую-то баночку консервов. Вот такие вот голодные воспоминания у моего детства.

В Белоруссии я окончила школу, потом поехала поступать в Ленинград. Там познакомилась с молодым человеком из Алма-Аты и приехала с ним сюда по окончанию института. Долгое время у меня здесь абсолютно не было знакомых среди евреев. Мы жили обособленно, муж у меня по национальности казах, и мы жили жизнью его семьи. У меня был и остается большой круг общения среди казахов, очень образованные люди, занимали высокие должности в свое время, поэтому мне было интересно находиться в этой среде. И почему-то мне евреи вообще не встречались. А потом моя дочь случайно познакомилась с Инной Борисовной Ениной, и, благодаря ей, попала в Хэсэд. Для меня это такая отдушина, где можно пообщаться, многому поучиться, приобрести много полезного. И я благодарна за то, что вошла, как говорится, в свою родную общину.

Записали волонтеры Олеся Последова и Наталья Кулешова

Арепьева Галина Емельяновна

Я, Арепьева Галина Емельяновна, родилась в 1941 году в совхозе Берёзки на Украине, в Полтавской области. Родилась как раз во время войны. 22 июня, ровно в 4 часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война. Через неделю я и родилась.

Я была маленькой и ничего не помню. Помню только после окончания войны, мне было пять лет, и мы жили бедно. Даже после войны нечего было кушать.

Тётя рассказывала, что, когда немцы нас оккупировали, они отобрали всё – еду, топливо, вещи. И как мы выживали, один

Господь только знает. Папу вызвали в немецкую комендатуру. Потом пришли люди и сказали: «Вашего отца нет, его убили, как еврея». После этого мама заболела и после войны умерла.

И не стало у меня ни папы, ни мамы. Я попала в детский дом села Згуровка. Пробыла там до седьмого класса, и нас выпустили – кого куда.

Врач, которая работала в детдоме, всегда меня привечала у себя дома. Она забрала меня и привезла сюда, в Казахстан. Я благодарна Казахстану за то… Ох, у меня слёзы наворачиваются… За то, что потом вся моя жизнь здесь начала улучшаться.

Я закончила здесь 10 классов, поступила в техникум, и после этого вся моя жизнь устоялась. Благодаря Казахстану, я живу и здравствую.

Записали волонтеры Олеся Последова и Эльвира Сапожникова

Арон Любовь Ефимовна

Я родилась в Москве в 1941 году, 17 апреля. Папа – Арон Ефим Ефимович, 1906 года рождения. Мама - Смирнова Анна Гавриловна, 1907 года рождения.

Папа работал на Мосфильме. Когда, в октябре 1941 г., эвакуировали Мосфильм, мы эвакуировались в Алма-Ату. Папа сопровождал оборудование, пленку, все, что необходимо для работы киностудии. Уже в эвакуации, в 1942 году, у меня родился брат Александр. Он был инвалидом первой группы с детства и давно уже скончался. Папа здесь продолжал работать на киностудии. Мы жили на углу Кирова и Пролетарской. Там, в трехкомнатной квартире, жило несколько семей. Это был дом эвакуированных Мосфильма.

Военные годы я почти не помню, я была очень маленькой. Вот разве что – мы жили в полуподвале, и я смутно помню, что подходила к окну с улицы и заглядывала туда вниз, посмотреть на нашу комнату. По маминым рассказам я знаю, что много болела.

Папа мой был кинорежиссером. Задолго до войны он был известен работой над фильмом «Ленин в 1918 году» и документальной реконструкцией «Октябрь» с С. Эйзенштейном. Как раз перед войной отец был ассистентом режиссера у Михаила Ромма. Они закончили съемки фильма «Мечта» с Раневской, с Пляттом. Папа много лет работал и в документальном кино. Так, он снял большой документальный фильм «Турксиб», фильм о пограничниках, о строительстве Военно-Грузинской железной дороги, ленту «Советская Молдавия», снимал на Дальнем Востоке, на Амуре и в Крыму. Здесь, в Алма-Ате, он работал над киносборниками, которые снимали для фронта. Обычно это были компиляции из двух небольших фильмов. Один фильм веселый, комедия, а второй о военных действиях. Эти киносборники шли на фронт. В 1943 году папа получил звание заслуженного деятеля искусств Казахской ССР.

В Москве у папы осталась старшая сестра – Хейфиц Дора Ефимовна. У нее было двое сыновей. Старший сын Владимир как раз перед войной окончил школу и сразу же был призван на фронт. Он прошел почти всю войну и, к сожалению, погиб уже под Берлином, за несколько месяцев до победы. Для тети Доры это была тяжелая драма.

Младший сын Лев был в пионерском лагере, когда началась война, но в конце войны он тоже принимал в ней участие.

Сын старшего брата моего отца Арон Карл Давидович тоже прошел всю войну, был контужен, но вернулся. Он работал в детском издательстве, писал стихи для детей, издавался, редактировал.

У папы была еще одна сестра, ее звали Любовь Ефимовна, как и меня. Ее сын Зильберштейн Володя был летчиком на фронте, был ранен. После войны он жил в Днепропетровске. Получилось, что все трое папиных племянников воевали. Им как раз было по 17-18 лет, когда началась война.

В Москву мы вернуться не могли. До войны у родителей была комната в густонаселенной коммуналке, там за фанерной перегородкой жила другая семья. И пока мы были в эвакуации, эту комнату заняли. В 1948 году мы приезжали в Москву, но вернуться не получилось, так как было некуда. В 1941 году Мосфильм достраивал свой дом на Можайском шоссе. Там уже были распределены квартиры, и папа должен был получить одну из них. Но тот дом разбомбили.

В 1948 году я поступила в первый класс, в школу на углу Калинина и Красина – это теперь Валиханова. А когда училась во втором классе, то после первой четверти мы переехали в Одессу. Это было связано и с папиной работой, и с семейными обстоятельствами. Там я закончила восьмой класс.

В Одессе я и получила представление о том, что такое война, потому что видела разрушенные здания, видела инвалидов без рук, без ног, слышала страшные рассказы. В классе у многих отцы погибли при обороне города. Одесса очень трудно выходила из военного времени. Даже в 1949 году еще очень ощущалось, что не так давно была война.

Жить было трудно, не было продуктов. Мы жили в трехкомнатной квартире, где занимали одну комнату, рядом жили другие семьи. Недалеко был дом с толстенными стенами – еще, наверное, дореволюционной постройки, который был весь разрушен, его разбомбили.

Жизнь была трудной, но все же это Одесса!.. Это юмор, море, все это скрашивало нам жизнь.

А в 1956 году мы вернулись в Алма-Ату и здесь уже остались. Папа работал на Казахфильме. Он снимал художественные фильмы. Как раз в 1947 году отмечалось 40-летие Революции, и к этой дате все Республики снимали тематические фильмы. Папа стал режиссером фильма «Ботагоз» по роману Сабита Муканова, о революционном движении в Казахстане 1916 г. Потом он снимал фильмы «На диком бреге Иртыша» о строительстве ГЭС, «Там, где цветут эдельвейсы» о пограничниках.

Я окончила школу в 1958 году и поступила на Юридический факультет КазГУ. Там было очень интересно учиться. У нас был очень хороший педагогический состав. Много было педагогов, которые оказались в Алма-Ате по разным причинам. Они были из Москвы, из Ленинграда. Деканом у нас был Ваксберг Матвей Абрамович, он был репрессирован задолго до этого, и жил в Казахстане. Образование он получил еще до революции, очень грамотный, знающий человек. Был также Бельсон Яков Михайлович, участник и инвалид войны. Он вернулся с фронта без обеих ног, но все-таки закончил юридический факультет и преподавал у нас

международное право. Агушевич Аркадий Михайлович, тоже участник войны, преподавал у нас криминалистику. Это были люди большой культуры, больших профессиональных знаний. Я многим им обязана и в профессии, и вообще в жизни. Я всегда помню своих педагогов и очень их уважаю.

После института я работала в Павлодарской области адвокатом, потом вернулась в Алма-Ату и здесь тоже работала в прокуратуре, в адвокатуре.

Папа тяжело болел, он закончил свою деятельность в конце 60-х годов и умер в 1970 году, а мама в январе 1992 г. С 1958 г. мы жили на улице Масанчи, в доме Министерства культуры. Там папа прожил до конца своих дней. На этом доме установлена мемориальная доска в память о нем.

Записала волонтер Инна Лысковская

Масалович Елена Ильинична

До начала Великой Отечественной Войны наша семья проживала в Минске Белорусской ССР. Мои родители – выходцы из Польши – Варшава, Лодзь. Я родилась в 1916 году в Днепропетровске и с 1920 года мы обосновались в Минске. В середине 20-х годов к нам приехала на постоянное жительство бабушка, с двумя сыновьями и дочерью. Часть ее семьи – две дочери, брат, внуки и другие родственники оставались в Варшаве, а один из них - известный еврейский артист, Вайслин Якоб, проживал в Вильнюсе.

С началом войны, развернутой фашистской Германией в Европе, и захватом Польши и Литвы, начался отсчет в уничтожении фашистами наших родных и близких. В Варшаве погибли дети, внуки, брат и другие родственники бабушки, а дядя из Вильнюса эмигрировал с семьей в Австралию, Мельбурн, где в настоящее время живут его сын и дочь.

В период войны на территории СССР, в Краснодаре, была расстреляна младшая дочь бабушки Миля, ожидавшая ребенка, так как она была женой военачальника. О ее расстреле я получила официальное уведомление. В 1937 году был репрессирован один из сыновей бабушки, Виктор, проживавший в Москве, он умер в лагере, позже был реабилитирован.

К началу войны в Минске, по адресу Площадь Свободы 3, проживала наша семья: мама Вайслин Рахиль, сестра Лиссер Мира, студентка IIкурса БелГУ, брат Столярский Карл от второго брака мамы.

Его отец, второй муж мамы - Столярский Иван Николаевич, - политзаключенный из Польши. Обменян в 1928 году. Рабочий, член ЦК Компартии Польши, окончил КомВуз в Белоруссии. В марте 1935 г., по линии Коминтерна, был направлен на нелегкую работу в Польшу. После возвращения, в конце 1936, был репрессирован, осужден на 10 лет, умер в лагере в 1937 году в Бухте Нагаево, реабилитирован посмертно.

Также с ними проживала бабушка Вайслин (Валлах) Фанни, 80 лет, старшая сестра бывшего Министра иностранных дел СССР М.М. Литвинова. Я же жила отдельно, была замужем за белорусом – Масаловичем Иваном Дорофеевичем, уроженцем города Орши, имела двух детей - Игоря, 1937 г. рождения, и Людмилу, 1938 года рождения.

Мой отец Лиссер Илья Соломонович с 1928 г. проживал отдельно в Ленинграде, пережил блокаду и умер в 1945 году.

Когда началась война, мой муж находился на тренировочных сборах за пределами Белоруссии - он был мастером спорта СССР. Услышав 22 июня сообщение о начале войны, я с детьми ушла к маме. В ночь с 22 на 23 июня мы прятались в убежище во дворе дома. 23 июня, не предполагая, что придется оставить Минск, я с детьми ушла на работу - я работала на пивзаводе «Белорусь» Дочь отнесли в ясли, сын был при мне. Но все планы были нарушены войной.

Город был в огне, сильно бомбили, связь с домом была прервана. Взяв сына, я пошла за дочерью в ясли, но ясли были разбиты, и жители близлежащих домов сказали, что детей успели вы-

везти в сенсовхоз недалеко от Минска. Я и еще несколько матерей пошли на поиски своих детей. Укрывалась от бомбежек во рвах, к вечеру мы нашли наших детей и стали уходить в леса.

Мы ушли довольно далеко, город беспрерывно бомбили, на душе было отчаяние и безысходность. Я не знала, что с мужем, родными, я была без денег, одежды, ведь мы ушли из дома налегке, не предполагая, что придется оставить насовсем наш любимый город. 14 июня, в полном отчаянии, я решила вернуться в Минск, соединиться с родными, и мы повернули обратно.

Пройдя совсем немного, я встретила наших соседей Маленковичей, которые меня остановили и сказали, что дом горит, что мои родные, вместе с соседями Вайнер Сарой и ее дочерью с внуками, ушли из города, и я не должна возвращаться. Я двинулась в обратный путь.

Шла долго, лесами, на дорогу боялись выходить, с двумя маленькими детьми, дочь на руках, а сын четырех лет – ножками, рядом шли уставшие, понурые люди, кто пустой, кто со скарбом, бесхозный скот бродил по дорогам, шли артисты МХАТ, который в то время гастролировал в Минске. Тысячи-тысячи покинувших родные места.

Я прошла около ста километров, и на какой-то станции удалось сесть в теплушки и поехать куда повезут-если довезут. Без еды, оборванные, босые. При каждой бомбежке поезд останавливали и все выскакивали из вагонов, прячась в лесу. К 28 июня мы добрались до Орши, где жили родители моего мужа.

В Орше я нашла запустение, беспрерывные бомбежки, особенно подвергался бомбежке железнодорожный узел, а немцы разбрасывали листовки об уничтожении евреев и коммунистов. Немного отдохнув у родителей мужа, я решила спасать детей, пока еще была возможность, хотя родители мужа уговаривали меня остаться, успокаивая, что никто не узнает, что я еврейка. Позже родители моего мужа погибли в Орше…

Сведений о муже и родных не было. Раньше из Орши ушли два брата мужа, которые хотели добраться до Алма-Аты, где с 1937 г., после окончания Ленинградского института железнодорожного транспорта, на станции Алма-Ата-1 работал их брат.

5 июля я с детьми ушла из Орши, и на вокзале села в поезд, вывозивший оборудование Шкловской бумажной фабрики. Дорога была страшная, бомбежки, голод, вши. Эшелон довез нас до города Калинина, там нас поместили в эвакопункте, кормили, была койка. С этого пункта я начала розыск родных и мужа через Москву, где у меня жил дядя, - он умер 22.09.1992 г. в 91 год, - и Алма-Ату - через брата мужа. Из Калинина нас вывезли на баржах по Волге до Камского устья в город Чистополь, и оттуда на лошадях в село Аксубаево Татарской АССР, где разместили по квартирам, детей определили в детсад, а я стала работать в колхозе.

Я упорно продолжала розыск родных. И вот, 1 сентября 1941 г., я получила от московского дяди письмо моего мужа, который прошел длинный путь наших поисков и находился в Алма-Ате, и телеграмму из Алма-Аты, чтобы я немедленно туда выезжала с детьми.

Выехала я из Аксубаево 10 сентября, а в Алма-Ату добралась только 1 октября, этот путь был очень тяжелым и долгим.

Встретила меня жена брата. Муж к тому времени уже почти два месяца жил у них, работал на заводе Крючкова. Мы радостно встретились. У брата мужа, к тому времени, в одной комнате, жили два его брата, эвакуировавшиеся из Орши, мой муж и сестра жены брата. Я сразу стала на учет на расселение. В ноябре нас поселили в подвал дома в Малой станице, по улице Смоленская, 58.

Муж получил повестку о призыве в Армию, но, по моей просьбе, Райвоенком дал ему отсрочку для устройства семьи. 13 декабря он был призван в Армию и отправлен на фронт. Погиб он в чине младшего лейтенанта 5 января 1944 г.

Я определила детей в детсад в Малой станице и стала искать работу. Работала на временных работах и лишь 19 марта 1942 г. была принята секретарем Советского райкомхоза. Райкомхоз помог определить детей в круглосуточный детсад и предоставил мне жилье в бывшем курятнике по улице Фурманова, угол Комсомольской, установив там печку, которой я была очень рада. Затем я была переведена на работу в Советский райисполком в должности управделами. По материальным соображениям, после почти 15 лет работы, я перешла на работу в Консерваторию, откуда в 1976 году вышла на пенсию. Ветеран труда.

Все время не давала покоя судьба моих родных, которым не удалось выбраться из Минска. Я очень много писала всем, кто мог хоть что-то знать об их судьбе. Но никто ничего не знал, еще шла война. И все же, в результате поисков, я узнала, что мои родители не смогли уйти из Минска. Немцы вернули их в город и поместили в гетто в районе Немиги.

Узнав, что мои родные в гетто, я сразу обратилась с письмом к М.М. Литвинову и командующему партизанским движением бывшему секретарю НК КПБ П.К. Пономаренко с просьбой оказать содействие в их выводе из гетто и отправке на Большую Землю. Но уже было поздно. Вместе с моими родными были наши соседи Вайнеры. Вот что значительно позднее написала мне дочь Вайнеров, которую я разыскала:

«…Я, как и ты, ушла из дома, вернее, с поля, где мы были вместе с твоей мамой, Мирочкой и Карлом. Бабушку потеряли, выходя из убежища, где нас засыпало при бомбежке, мы раскопали запасной выход на другой двор, где был какой-то книжный склад, и ночью ушли в поле, там просидели всю ночь. Утром мы с твоей мамой пошли к нашему дому, чтобы взять теплые вещи, но, увы-наш дом весь пылал и мы, ни с чем, вернулись вновь куда-то в район кладбища. Там пересидели и ночью все ринулись на Московское шоссе по направлению к Борисову. Шли всю ночь, я с больной мамой и двумя крошками, Фридику было три года. Днем нас очень бомбили, устали мы безумно, и тут какой-то военный на маленькой спортивной машине подобрал меня и детей. Мама твоя очень его просила взять и Карла, но у него не было места, и мы поехали по направлению к Борисову, условились, что в Борисове я буду ждать всех. В Борисове уже стоял эшелон и всех, кто приезжал, тут же сажали в вагоны и отправляли, таким образом, я с двумя ребятами оказалась в вагоне без денег, без документов, и начались наши ужасные мытарства-бомбежки в Смоленске, как только мы уцелели...»

И далее:

«…Ты пишешь, что тебе передали, что я была в Минске. Нет, в Минск я не приезжала ни разу с 1941 г., мне очень тяжело туда ехать, так как кроме горя я там ничего не найду, а горя с 1941 у

меня было очень и очень много. Начиная с того, что мы растерялись с мамой, потом у меня на руках умер папа в ноябре 1941, а в 1942 году, в январе, умер Фридик, мой сын, если ты его помнишь. Мы с Ларисой, как видишь, уцелели, одни из всей нашей семьи…»

Рая Вайнер была на фронте, после войны обосновалась в Симферополе. В 1972 году я с ней встретилась. Спустя несколько лет она умерла.

В августе 1946 г. я получила письмо от приятельницы детства Кунцевицкой Лизы (в январе 1992 она выехала в Израиль), вернувшейся в Минск после эвакуации. Она написала, что мой брат Столярский Карл находится в детдоме где-то в Белоруссии. Чтобы разыскать его и установить судьбу моих родных, я первый раз после войны выехала в Минск.

Минск нашла в развалинах. Остановилась у наших бывших соседей Маленковичей и разыскала кузину моей бабушки Валлах Рахиль, которая также вернулась в Минск со штатом Совмина, в котором она работала стенографисткой.

Вот, что мне удалось установить от очевидцев, а затем и из рассказов брата: мои родные были загнаны в гетто. В первом погроме в ноябре 1941 была расстреляна моя бабушка Вайслин (Валлах) Фанни и наша соседка Вайнер Сара. Затем была расстреляна моя сестра Лиссер Мира. Ее возили на работу в сторону Барановичей и там расстреляли. Мать постоянно вывозили на постоянную работу на железнодорожный узел, она была связана с антифашистами и осталась последней в гетто. Как она погибла, установить не удалось.

Мама, опасаясь за жизнь сына – моего брата – и учитывая, что он сын белоруса, носил фамилию отца, попросила наших бывших соседей помочь вывезти его из гетто. Некоторое время они его прятали у себя, затем он попал в детдом, был вывезен немцами в Германию в лагерь и работал на строительстве, – к началу войны ему было 10 лет. Мне не говорили в Минске, что он погиб.

По возвращению в Алма-Ату мои надежды на розыск родных рухнули, и вдруг я получаю телеграмму из Москвы от дяди о том, что мой брат у них. После победы, командованием Советской Армии она был направлен в ФЗУ города Драгобыч, откуда в 1946 г. бежал, разыскал дядю, а через него – меня.

Мы воссоединились, он окончил школу, техникум, отслужил Армию, окончил институт. Является мастером спорта и заслуженным тренером по альпинизму. Имеет свою семью, детей, внуков, постоянно проживает в Алма-Ате. Оформив документы, он получил статус узника гетто и лагерей. Материальные и моральные обстоятельства сложились так, что в Минск я больше не вернулась. Казахстан стал моей второй Родиной.

Однако в 1946, 1965 и 1981 гг. я была в Минске, в городе моего детства и юности, была на могилах расстрелянных евреев, где, возможно, нашли покой мои любимые мать, сестра, бабушка.

У меня выросли высокообразованные дети, внуки, есть правнуки. Моя семья многонациональная, дружная. В ней русские, белорусы, евреи, казахи, поляки и другие национальности, и никаких разногласий между ними нет.

Я прочитала две повести о Минском гетто: Давида Гая в журнале «Знамя» «Десятый круг» и А. Красноперко «Письма моей памяти» в журнале «Дружба народов» за 1989 год, вела с авторами переписку.

Вот и все мои воспоминания, да это и не воспоминания – это боль моего сердца, которую я несу всю жизнь и не забуду до конца своих дней.

Я считала необходимым откликнуться на Ваш призыв ко всем, кто помнит и пережил ужасы войны и еврейского геноцида, и поделиться ими. Прошло уже много лет, многое забыто, но я решила выполнить свой долг перед родными, и в память о нашей скромной, честной, трудолюбивой семье, одной из многих миллионов семей многострадального еврейского народа, поведать об их трагической судьбе.

Воспоминания переданы для публикации дочерью
Елены Ильиничны Масалович – Бейсекеевой Людмилой Ивановной

Записала волонтер Наталья Кулешова

Бродская Людмила Аркадьевна

Меня зовут Бродская Людмила Аркадьевна, я родилась в 1935 году в городе Уфа, но жили мы все время на Украине, там мама с папой начинали работать, а потом переехали в Днепропетровскую область, в город Павлоград. Как началась война, женщин, детей и стариков тут же эвакуировали, в секунды какие-то, очень быстро.

Оказывается, это потому, что немец уже стоял рядом, и когда нас повезли, то по дороге бомбили все товарники. Я отмечаю грамотность машиниста, благодаря которому мы остались живы. Во время налетов он останавливал поезд там, где росла высокая трава. Мы прыгали в нее, прятались и таким образом выживали. Везли нас четверо суток, и высадили в Чувкармалы, Чувашская ССР. Сказали, что теперь это наше место жительства на неизвестное время. Местных жителей попросили нас разместить. У одной бабульки чулан застелили рогожкой, и мы там жили. Я, брат, мама, бабушка, дедушка и еще семьи. Это продлилось до 1944 года.

В Чувашии нас всех будили рано утром, даже шестилетних детей вроде меня, и отправляли на работу. Занимались мы прополкой коксагыза. Коксагыз – это такая стратегически важная трава, из нее делают резину. Мы пололи и за это нам начисляли трудодни. За эту работу мне потом присвоили звание «участник трудового фронта». Комиссия спрашивает: «Ну, где Вы были во время войны, чем занимались?» Я отвечаю: «Ну чем занималась? С шести лет полола коксагыз, вот мои документы о трудоднях!» Дядька в комиссии говорит: «Ну, так бы сразу и сказали!» Они все знали, что это стратегически важная трава, и это считалось важной работой для фронта. Папа мой остался в Павлограде и погиб очень быстро. Он был главным инженером тракторного завода. Поступило распоряжение сверху, из Москвы, чтобы трактора как могли спрятали в лесу, чтобы их не видно было. Но среди местных жителей нашлись нехорошие люди. Уже прошла неделя, как трактора

там спокойно стояли, спрятанные, осталось несколько дней до эвакуации заводчан, когда инженеров выдали. И немцы, естественно, пришли, всех их расстреляли, отрубили головы и насадили на колья, прямо вот все головы тех, кто этим руководил. И все трактора сожгли. По окончанию войны, мама со своей сестрой из Белоруссии, тоже ветераном, приехали на то место, где убили папу. Они просто заставили себя приехать, и посмотреть фотографии с головами, насаженными на колья.

Дядя мой тоже погиб, в 1944 году. А другой дядя, мамин брат, попал раненый в госпиталь, но поскольку все ближайшие города были заняты другими ранеными, то его привезли в Алма-Ату. Он отлежал положенное время, выздоровел и собирался, было, ехать домой. И тут его спрашивают: «А кто вы по специальности?» Он сказал, что инженер-маркшейдер, это горная специальность. Они обрадовались: «Ой, у нас есть горный институт, вы бы не хотели остаться у нас работать?» Он отвечает: «Я бы остался, но мне нужно найти своих родителей. Они эвакуированные. Я вот узнаю, где они, заберу к себе, и тогда я буду работать». А те ему сразу помогли, здесь в Алма-Ате, созвонились с Москвой, а там фамилия наша была указана, куда все эвакуированы. Ему сказали: «Ваши родители находятся в Чувашской ССР, там- то и там-то». И вот он приехал в Чувашию, увидел кроме своих родителей еще нас, то есть бабушку, дедушку, маму с двумя детьми, и он всех привез сюда, в Алма-Ату. Здесь казахское население очень хорошо относилось к эвакуированным, они чем могли, тем помогали.

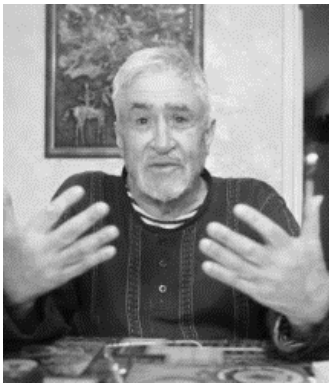
Очень интересный факт: вот дядя приехал нас забрать, а денег-то на билеты нету, и никто ему денег дать не мог. Все бедно жили. Он очень красиво рисовал, и говорит хозяину нашего жилья: «Дай мне простой карандашик и присядь вот здесь!» И нарисовал его портрет, а потом и его сына, и жену, и еще много желающих стало приходить. Дядя как нарисует – ну точная копия! А тогда ведь ни фотоаппаратов, ни смартфонов у людей не было. Каждый платил, сколько мог, а дядя четыре дня, с утра до вечера, рисовал эти портреты, и так мы насобирали денег на дорогу.

В Алма-Ате мама пошла на работу, мы пошли в центральную школу на Дзержинского и Горького, дядя преподавал горное дело в политехническом институте, потом пошел трудиться по специаль-

ности, создал здесь семью. Бабушка не имела специальности, а дедушка имел, и его взяли работать на завод Кирова. Там работало очень много эвакуированных, которые в нашем дворе построили большой-большой барак и все вместе там жили. У меня нет каких-то горьких, плохих воспоминаний об эвакуации в Казахстан. Вспоминается только хорошее. Какими добрыми были люди, каким вкусным был хлеб. Здесь я окончила институт, вышла замуж, вырастила двоих детей, дождалась внучек. Но лучше бы такого не было никогда: ни войны, ни горя, ни бомбежек, ни эвакуации.

Записали волонтеры Олеся Последова и Наталья Кулешова

Гисин Эрнест Вениаминович, 1937-2024 гг.



Мне было четыре года, когда началась война. Моего отца, он был механиком, забрали в танкисты, и последнее, что я помню о нем – как мы пришли к забору их танковой части, он подошел и сказал мне: «Ты теперь самый старший, смотри за мамой, помогай и слушайся. Езжайте вместе с беженцами!».

Наш родственник Константин Маркович достал лошадей, мы погрузили скарб на подводу и выехали Смоленска. Ночью я издали смотрел на город и видел зарево: город горел. До сих пор, когда мне плохо и поднимается температура, постоянно мерещится тот пожар.

Ехали мы, ехали, да и застряли в болоте. Там, вместе с нами, целая кавалькада драпала – несколько тысяч человек – и верхом, и с телегами, и пешком. Все мимо проезжают, никто нас вытащить не может. Повезло, что как раз отступал один советский танк. Командир остановил машину и вытащил нашу подводу из болота танком. А куда ехать? Мужа моей тетки, комиссара, командировали в Алма-Ату, чтобы организовать хлопкопрядильную фабрику, и мы решили ехать туда. До Новосибирска добирались на лошадях, а там еле-еле втиснулись в вагон, было столько народа, которые ехали в Ка-

захстан! Мы вышли на станции Алма-Ата-1 уже осенью, и одна бабуля пустила нас пожить. Говорит: «Привезете саксаула полтонны, и я вас пущу, у меня дров нет!» Ну, мама согласилась, она поехала и устроилась бухгалтером в Красный крест, каждый день вставала в шесть утра и уезжала на работу на горветке.

И однажды, помню, она приезжает на телеге, запряженной ишачком, а в ней и виноград, и яблоки, и арбузы, и дыни – все, что только можно было на юге купить – она все купила! И мы обожрались. Брат, который был на два года младше меня, ел виноград с косточками, и она ему всю ночь гладила живот.

Похоронка на отца пришла в январе 1942 г.

С тех пор маме выделили маленькую комнатку в бараке, переделанном из абортария в дом для семей погибших бойцов. Там, за перегородкой, была кухонька и печка. Нас, как детей погибшего, бесплатно кормили. Были такие бидончики: первое, второе и компот. Мы с Борькой приходили с бидончиками и нам накладывали туда еды. Мама работала в соседнем доме, на Калинина и Интернациональной. В эти военные годы – 1944-1945, было как-то менее голодно, чем в 1946-1947.

Но в 1946 г. нам дали участочек, там уже я был начальником. Мне было девять лет. Я уже командовал: поливать-не поливать, а сажать меня научила соседка. Огородик был небольшой, и там росла картошка, помидоры, редиска, кукуруза – все я умел, отсюда у меня и любовь к этому появилась. Но летом мы копили деньги на зиму. Мать моя в 1947 году всего 700 рублей получала, но иногда ей выдавали американский яичный порошок, что нас спасало. Развел его водой, бах – на сковороду, и получилась яичница.

Я ходил в школу, это были самые голодные годы. И однажды я потерял карточки. Раньше теплее было, и с апреля мы уже ходили босиком и в трусах. Я завернул карточки в трусы, да и забыл. Ох, как меня долбанули! «Что мы будем делать, что мы будем кушать, ты на декаду карточки на всю семью потерял!» И отлупили меня как следует. А потом тетка взяла мои трусы постирать, а там карточки! Я говорю: «А что же вы меня били?!», а они смеются, отвечают: «Ничего, на будущее!».

Военные годы были не так страшны, как голодный 1947, когда отменили карточки. В очередь за продуктами вставали все вместе:

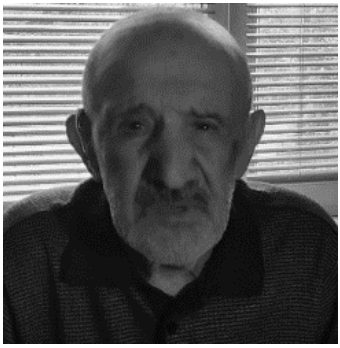
сначала мать, а потом мы, и нам тоже давали по кульку муки и немного масла. Жарили оладушки, хлеб, и кушали с яичным порошком. А ботинки нам, как детям погибших, давали через Красный крест, где мама работала. Я как надену ботинки, и мы бежим играть в лянгу! Ногами подбрасывали монетки, и я был чемпионом двора.

После школы я пошел в институт, а мама стала главным бухгалтером, начала больше получать и купила нам с братом велик. Иногда мы ездили «на промысел» к мясокомбинату. Там кто-то бросал кости через забор, а потом собирал их и продавал подешевке. Какие-то несуны. Ну, однажды я набрал этих костей прямо в багажник, ничего не заворачивая, и поехал. А за мной милиция! Я как врезал, и по дворам, по дворам, я знал, где проходы, велик за забор поставил и сел. Милиция приходит: «Не видели тут никого на велосипеде?» А я говорю: «Видели, вон туда поехал!» И они уехали, а мы с костями этими остались. Сварили их, и навар был хороший. Так и выживали.

А папину могилу мы так и не нашли. Наверное, его где-то в братской закопали, когда погиб в котле под Смоленском.

Записала волонтер Татьяна Бегайкина

Городецкий Лев Гдальевич, 1933-2023 гг.



Я, Городецкий Лев Гдальевич. Родился 25 октября 1933 г. в городе Одесса.

Когда началась война, папу призвали на фронт, а маму, ее сестру с детьми и меня эвакуировали сначала на поезде, потом на пароходе в Казахстан. И мы месяц ехали в Алма-Ату под бомбёжками.

Местное население встретило нас тепло – снабдило и комнатой, и питанием, и одеждой. Мама работала на сахарном заводе, на расфасовке сахара для фронта. Я учился в школе. А на каникулах мы собирали колоски, из-за чего мне присвоили звание участника трудового фронта.

Записала волонтер Олеся Последова

Дёмина Клара Александровна

Родилась я в 1932 году, 18 февраля, в городе Купянск Харьковской области, Украина. Маму мою звали Дина Мордховна. Отца звали Александр Иосифович Беренфельд.

Я была слишком мала, когда мы переехали в Харьков, но войну помню именно там. Даже день объявления войны я очень хорошо помню. Мы были в гостях у друзей моих родителей. Отец за нами приехал. Был прекрасный солнечный день, и вдруг по радио объявили, что будет выступать Молотов. Мама вот так припала руками к лицу и говорит: «Это война!» Вот это я очень хорошо помню. Мама в это время работала в Райкоме партии машинисткой, а отец – в Госпроме. Отец оставался в Харькове, а за нами приехал здоровенный грузовик. В нем небольшими группками сидели люди, которых везли на вокзал в эвакуационный эшелон, и у каждого был узелок с вещами. Никаких чемоданов, ничего не было. Только узелок в руках. И у меня тоже был узелок. Мама была беременна, поэтому она единственная, кого посадили в кабину. И вот мы уехали. Наш состав бомбили. Во время бомбежки все выходили из вагонов и лезли под поезд, и дети, и взрослые. Но мама была на последнем месяце беременности и под вагон залезть не могла, поэтому она не выходила.

Я не знаю, куда мы ехали, но нас высадили в Алма-Ате, сняли с поезда, потому что мама начала рожать. Нас высадили днем, а ночью родилась моя сестричка Светлана. Это было 7 октября 1941 г.

Когда нас высадили из поезда на станции Алма-Ата-1, там, возле Дворца культуры железнодорожников, был сквер, и вот наша «могучая кучка»: мама со Светой в животе, я, две бабушки и отец, который нашел нас по дороге, расположились в этом сквере под кустиком. Потом отец ушел найти какое-нибудь пропитание. А мимо шла женщина с двумя детками, к сожалению, я не помню, как ее звали, и мама спросила, где здесь можно купить тапки.

У нее очень сильно отекли ноги, она была в отцовских башмаках. Эта женщина забрала с улицы всю нашу компанию и привела к себе домой. Дали всем умыться, потом я заснула. А когда проснулась, мама уже была в роддоме, рожала Свету.

Вот так началась наша жизнь здесь, в Алма-Ате. Отец устроился работать в колхоз «Путь Ильича» и перевез нас туда на грузовике. Там было какое-то помещение с глиняным полом, похоже, в прошлом это была кошара, и нас там разместили. Ни стола, ни стула, ни кровати, ни пеленок – ничего у нас не было, мы были голы и босы. Это было казахское село, и местные жители, просто по собственной воле, принесли нам теплые войлочные подстилки, какую-то марлю на пеленки. Вот там мы и жили примерно полгода.

Дети участвовали в сельхозработах. Папа заработал какие-то отруби и из этих отрубей в соседнем селе женщина, у которой была русская печка, выпекала хлеб. Я очень хорошо помню, что стоял декабрь. Снега не было, но было очень холодно, и мы с мамой пошли за этим хлебом. Там были такие черные кирпичики, их мама несла. А мне вручили халу из этой черной муки, и я несла её, прижав к груди. Я помню, что в этом селе были вкопаны большие казаны и в них жарили кукурузные зерна. Меня тоже угощали, насыплют мне в ладошку горсть кукурузы, и вкуснее этого блюда я вообще ничего не ела.

Дальше начались наши мытарства, потому что жилья не было. Из колхоза нас привезли в Алма-Ату, в Тастак. Там была какая-то хибара. В ней жила многодетная семья, и нас всех разместили в одной клетушке. Бабушка, я помню, варила какую-то затируху из остатков, а голодная малышка из соседской семьи говорила: «Мы вам тозе ничего не дадим!».

Отец стал главным бухгалтером Алма-Атинского винзавода, а позже – его директором, и нам дали одну комнату в конторе завода. Я училась в школе, но в пятом классе сломала ногу и после этого семь лет ходила на двух костылях. Поэтому жизнь моя была не очень интересной. В основном я лежала в различных больницах. Например, в костно-туберкулезном санатории имени Розы Люксембург в Евпатории я лежала по несколько лет. Там мы и учились, прямо в палатах, но мне была интересна только математика.

Во время войны мамин родной брат, мой дядя Залман Мордхович Герлейлейб был кадровым военным. Сначала он воевал на Финской войне, а потом был на фронте всю Отечественную. Он получил тяжелое ранение легких и после войны остался жить в Украине, под Киевом.

В Алма-Ате нас нашла папина сестра Бася Иделевна Гальперина. В начале войны они с мужем пешком пришли из Бердичева в Харьков. Муж, к сожалению, в Харькове умер, а она уехала. Мы долго, долго не знали, где она. Оказалось, что она жила в Джамбуле, недалеко от нас. Но они с отцом много лет не могли найти друг друга.

Мама работала в Аппарате ЦК Партии, и в 1946 году была награждена грамотой. Потом она работала в Академии наук, была знакома с академиком Сатпаевым. А позже мама до самой пенсии трудилась в Министерстве финансов, где ее очень ценили и наградили значком «50 лет КПСС». Мама была членом КПСС с 1940 г.

После окончания школы я поступила в КазГУ имени Кирова на физико-математический факультет. Работать я начала после третьего курса, поскольку отца парализовало после инсульта, и он десять лет лежал. Мое первое место работы учителем математики – Средняя школа рабочей молодежи №13.

Через три года я перешла на работу в школу №22, где проработала 8 лет. Потом меня пригласили преподавать в Алма-Атинский энергостроительный техникум. Затем я работала там же руководителем заочного отделения. Оно только открылось, я его организовывала. А потом еще пять лет была заведующей теплотехническим отделением. Это было самое большое отделение: 20 учебных групп, 600 человек. В этом техникуме я проработала 22 года, и в 55 лет ушла на пенсию.

За участие в сельхозработах во время войны я награждена медалью «Участник трудового фронта». Помимо этого, получила несколько юбилейных военных медалей и почетные знаки «Ветеран труда», «Ударник пятилетки», «Победитель соцсоревнования», и еще очень важный для меня знак «Отличник энергетики и электрификации СССР».

Записала волонтер Инна Лысковская
Фото Инны Лысковской: Сестры Клара Демина и Светлана Беренфельд

Беренфельд Светлана Александровна
(младшая сестра Дёминой Клары Александровны)

Родилась я 7 октября 1941 г., в эвакуации, сразу по приезду мамы в Алма-Ату. Поэтому военные годы я не помню. Я пошла в школу в 1947 году. Это была школа № 12 на Калинина и Красина. Там я проучилась 4 года, и мы переехали на квартиру на третью линию. Надо отметить, что у нас долгое время не было своего жилья. Мы мотались по квартирам. И, наконец, маме от Минфина дали одну комнату в коммуналке. Мы жили там вчетвером: я, мама, бабушка и папа, который тогда уже лежал парализованный.

В связи с переездом я поменяла школу и перешла в школу № 55 на Ауэзова и Кирова. После окончания школы мне надо было отработать два года, так как для поступления в институт требовался трудовой стаж. Один год я проработала на кондитерской фабрике, а второй – лаборанткой в медицинском институте на кафедре химии. И потом я поступила в мединститут на стоматологический факультет. Окончила институт в 1967 году. После окончания поехала на три года работать в город Уральск по направлению. Это была громадная школа жизни – и профессиональная, и повседневная.

На пятом курсе я проходила практику в поликлинике Детской клинической больницы, которая находится во втором микрорайоне. Видимо, хорошо себя проявила, и заведующая поликлиникой готова была взять меня на работу после института. Но мы с подругой решили поехать по направлению и отправились в Уральск. А после возвращения в Алма-Ату я пришла в эту больницу, и они меня взяли на работу.

Я проработала там, в общей сложности, 16 лет. Потом работала в детской стоматологической клинике на пересечении 8 Марта и Гоголя, в частной клинике, и совмещала это с работой в детском противотуберкулезном санатории. В этом санатории я проработала 33 года. В общей сложности, работала до 70 лет, до 2011 года.

Награждена Знаком «Отличник Здравоохранения» в 1987 году. Являюсь Заслуженным донором. Так получилось, что мама не знала, что я донор. Я ей не говорила, чтобы не волновать. А тут мне принесли это удостоверение Заслуженного донора и мама его увидела. Она была очень взволнована.

Записала волонтер Инна Лысковская

Дзвоник Людмила Лазаревна

Я, Людмила, девичья фамилия Дубирная, по замужеству Дзвоник. Родилась в 1939 году в Украине. Когда началась война, у нас в семье было четверо детей – я самая младшая была, мне был год и девять месяцев, старшей сестре семнадцать, брату – пятнадцать, ещё одной сестре одиннадцать. Отца на фронт не забрали, потому что он очень болел. Вскоре в наш районный центр, в местечко, пришли немцы, а до этого хлынули беженцы из Молдавии, Польши, Румынии, Украины. Нас, как евреев, в начале оккупации прятали жители села, украинцы. Вскоре началось гетто. Наш дом стоял у дороги, и когда мы вернулись, то выяснилось, что его весь заняли беженцы, нам остался только один уголок. Когда начиналась бомбежка, мы все прятались в высокой траве заливных лугов в пойме реки.

У мамы как-то ещё осталось одно колечко, и она пошла на базар, чтобы обменять его на хлеб. Достала булку хлеба, и тут началась облава, всех избили, хлеб забрали, она еле живая пришла домой. Чтобы детей не угнали в Германию, она прятала девочек в дровяном сарае, среди бревен. А брат все время шастал где-то, как все мальчишки. Однажды началась облава, и она не успела спрятать девчонок. Машу, старшую, кое-как быстро одели в старые лохмотья, измазали сажей лицо, и она как бы бабушкой была. Её посадили в комнату к нашему квартиранту, немцу доктору Фогелю. А Женю некуда было спрятать. Мама сбросила с кровати одеяло, положила ее на пол и накрыла одеялом. И вдруг мама видит, что у Жени нос торчит! Мама схватила меня и посадила сверху, прямо ей на лицо. Женя потом рассказывала: «Я думала, ещё немножко и я не выдержу, представляете, на лице ребенок сидит!».

Потом пришел тиф. Тяжелее всех болели брат и я. Долгое время после болезни у меня один глаз вообще не открывался, и проблемы со зрением остались на всю жизнь.

Запомнился эпизод – однажды, зимой, мы сорвали звёзды, чтобы покататься с горки. Моя сестра была похожа на украинку, а я была беленькой, и вот она решила покатать меня на санках. Мы все носили шестиконечные жёлтые звёзды, а в этот раз сорвали их, и она говорит: «Если спросят, кто ты, будешь кричать, что ты русская. А я буду кричать, что украинка!» И вот нас остановили, и я стала кричать: «Я не юда, я не юда!»

Когда немцы уходили, они подожгли всё, что могли, разве что избы сжечь не успели. В течение двух дней в селе никого из военных не было. Говорили, что идёт зондер-команда для зачистки. Представляете, все боялись высунуться, сидели дома, хлестал сильный дождь. И вдруг, в марте 1944-го, возле нашего дома останавливается советский танк! Открывается люк, выходит командир и начинает махать советскими газетами: «Не бойтесь! Свои!» Ну, тут все выбежали, радость-то какая!

После освобождения военные собрали всех в поместье бывшего польского пана, где у нас раньше райком был, в основном женщин, остававшихся в селе. Выступил майор, спрашивает: «Женщины, скажите мне, кто из местных жителей больше всех над вами издевался, из тех полицаев, которых мы поймали?» Все, не сговариваясь, показали на одного мужчину, и тот майор сразу же застрелил его при всех, говорит: «В течение 24 часов я имею право устанавливать здесь советскую власть и наводить порядок!» И мама рассказывала: «Как это ни страшно звучит, но мы вокруг него ходили как на празднике».

Всем семьям в 1945 году стали выделять клочки земли, я не помню, сколько там было соток, но места хватало: мама сажала и картошку, и подсолнухи, и кукурузу, и фасоль. Я любила осень, когда мы лущили кукурузу. И когда в 1947 году отменили карточки, мама пошла и купила целых две булки хлеба. Она положила их на стол, нарезала, поставила воду, и сказала: «Дети, давайте есть хлеб!» Сколько мама жила, если она видела на помойке куски хлеба – у нее начиналась истерика. Можно я больше не буду про это говорить, мне тяжело…

Потом были годы учебы, я закончила седьмой класс, поехала в Червонцы, там поступила в строительный техникум, и все годы

проработала в строительной отрасли. Начала с мастера и дошла до начальника производственного отдела крупной строительной фирмы, где я проработала 22 года перед пенсией.

Записали волонтеры Татьяна Бегайкина и Владислава Дзвоник

Штейнгольц (Енина) Сталина Абрамовна

Я, Штейнгольц Сталина Абрамовна, родилась в Минске, в 1937 году, 9 октября. Родители мои – Штейнгольц Абрам Захарович, 1906 года рождения, и Дрейцер Фани Вольфовна, 1912 года рождения. Папа работал в Минске, был директором хлебокомбината. Мама училась в медицинском институте. У меня был старший брат, Штейнгольц Михаил Абрамович, 1926 года рождения. И старшая сестра, Штейнгольц Валентина Абрамовна, 1933 года рождения.

Когда началась война, Минск был одним из первых городов, куда пришли немцы. Папа отправил нас с мамой из города на грузовой машине, с другими женщинами, стариками и детьми. Вдоль дороги простирались леса и болота. Нас все время обстреливали немецкие самолеты. Они пролетали настолько низко, что мы видели лица летчиков. При каждой бомбежке водитель останавливался, а пассажиры бежали прятаться в лесу. После обстрела мы возвращались в грузовик и ехали дальше.

Однажды, при обстреле, был убит водитель. Тогда мы еще не успели далеко отъехать, и мама сумела разыскать ему замену. Надо было выезжать, но выяснилось, что мой брат и другие мальчишки-подростки убежали обратно, посмотреть, как горит город. Пассажиры кричали, что нужно ехать без них, но мама отказалась наотрез. Старики вызвались сходить за ребятами и привели их. После этого мы поехали дальше. Вскоре снова был убит водитель. Мама с большим трудом нашла еще одного водителя, который согласился продолжить путь.

Везде, где мы останавливались, мама ходила звонить в Москву. Она искала папу. Через какое-то время она узнала, что папу направили в Тамбов, работать директором хлебозавода. Мы добрались до Тамбова, нашли папу и пробыли с ним всего дней десять, не больше. Папа отправил нас из Тамбова дальше в путь. Мы долго ехали на поезде. У мамы с собой не было ни денег, ни теплых вещей. Все время в пути, мы мерзли и были голодные. В дороге наш поезд бомбили, состав часто останавливался, мы выходили на перрон. Нас кормили солдаты, которые ехали на фронт. Зимой было очень холодно. Посреди теплушки стояла печка. Люди подходили к ней, снимали одежду и махали этой одеждой над огнем. Стоял треск. Это лопались в пламени вши.

Мы долго добирались, и зимой приехали в Алма-Ату, а оттуда нас направили в Сарканд. В Сарканде мы прожили несколько военных лет. В 1943 году мама работала врачом в детском доме и диктором на радио. Тогда же к нам вернулся папа. Его комиссовали из-за тяжелой язвы желудка. Вместе с папой мы переехали в Алма-Ату, где его назначили директором военного завода. Когда война закончилась, папу звали обратно на работу в Минск. Но мама была категорически против. Ее родственники все погибли там во время войны. Ее маму повесили на дереве напротив ЦК Партии. Когда мы приезжали в Минск, то видели это дерево.

Мама закончила исторический факультет педагогического института и Партийную школу. Работала сначала директором школы, затем заведующей отделом в райкоме партии, а потом заведующей районо Сталинского района, который позже стал Советским районом.

Папу направили на работу на Алма-Атинский хлебокомбинат, к которому относились все хлебозаводы и хлебопекарни. До конца жизни папа проработал на этом хлебокомбинате. Он избирался депутатом горсовета, а мама была депутатом райсовета. В то время, моих родителей знали многие партийные работники.

Старшая сестра окончила школу и поступила на факультет английского языка в Институт иностранных языков. Работала в институте, а потом в школе. Моего брата призвали в армию, а он хотел, чтобы его призвали на фронт. Долго добивался, чтобы его

отправили воевать. Хотел защищать Родину. Его все-таки направили на фронт связистом. Но до Белоруссии он не дошел, погиб в Литве в 1944 году.

Когда погиб брат, родители решили, что они должны родить еще одного сына. Но 6 июня 1945 г. родилась девочка, моя младшая сестра. Окончила школу и университет, работала в музее. После музея она много лет работала в Сохнут и Посольстве Израиля в Алма-Ате. Муж умер, она эмигрировала. Сейчас живет в Израиле, а ее сын и внучка – в Канаде.

В 1954 г. я поступила в КазПИ, на филологический факультет. В 1958 г. окончила институт, а в 1960 г. вышла замуж. Я с детства мечтала быть воспитателем в детском саду, и устроилась туда после окончания института. В детском саду я проработала 40 лет. Последний детский сад был логопедическим, единственным в Казахстане. Там я работала до самой пенсии, переработав лишние два года. У меня 40 лет педагогического стажа.

В 1962 году у меня родилась дочь, Елена Альбертовна. Она окончила кинотехникум и стала оператором вычислительных машин. Сейчас она работает в Алма-Ате и ездит в Израиль к дочери и внукам.

Когда внучка окончила школу и уехала в Израиль, я пришла работать в Хэсэд. Вначале волонтером, потом стала куратором волонтеров, вела работу с участниками войны. Мы устраивали для них праздники, приглашали в ресторан. В начале моей работы участников войны было много. Но спустя время их совсем не осталось. Годы берут свое. Я проработала в Хэсэде почти 20 лет.

Внучка вышла замуж, отслужила в израильской армии. Я приезжала к ней в гости. Когда я там была, наш прямой рейс из Тель-Авива в Алма-Ату отменили. Мне пришлось ждать неделю, чтобы вернуться домой. Я много раз была в Израиле, путешествовала по разным городам. Там у меня родились правнуки: Даниэль, Ясмин и Ариэль.

Записали волонтеры Анастасия и Евгений Поповы

Иориш Лариса Наумовна

Мы жили в Киеве, на улице Артема. Мы с сестрой – близнецы, родились 11 апреля 1939 г., так что нам было по два года и два месяца, когда началась война. И вот, когда немцы сбросили десант, мы вынуждены были эвакуироваться из Киева с последним эшелоном – мама, мы с сестрой и мамина свекровь. Отец мог не идти на фронт из-за близорукости и возраста – 42 года, но он пошел добровольцем и погиб в 1942 г. под Москвой. Мама после этого замуж больше не вышла, так и жила одна.

Сначала мы эвакуировались в Махачкалу. Мама, с ее-то музыкальным образованием, пошла работать в колхоз, но вскоре к ней прибежал председатель, и говорит: «Соня, враг близко! Давай мы тебя срочно эвакуируем, потому что в первую очередь они будут уничтожать евреев!», – и мы очутились на пароходе, и добрались сюда, в Алма-Ату. Здесь жил мой дедушка, мамин отец, у него была другая семья.

В Бабьем Яру у меня похоронены бабушка с дедушкой Соломоном – закопаны живьем вместе с дочкой. Еще брат моего отца, скрипач, с семьей, тоже в Бабьем Яру закопан. Иоришей много, но половина там.

Мой дядя, брат отца, Лев Иориш, был главврачом психиатрической больницы Киева. Сумасшедший дом не успели эвакуировать, и он остался со своими больными, и его повесили вместе с больными. Другой дядя, мамин брат, Иехил, был актером киевской Филармонии. По заданию партизанского отряда он выступал в Гомеле. Там его выдал друг – донес, что он обрезанный. Внешне-то он был не похож на еврея – светленький, голубоглазый, а когда раздели, то определили. Он там повешен, в Гомеле. И родни-то после войны практически не осталось.

В Алма-Ате мы десять лет прожили на квартире у уйгуров на улице Интернациональной. С тех пор уйгуры для меня – вторая родня. Они с нами обращались изумительно, никогда не обижали.

Это было в 1942 году. И еще в то время в город эвакуировались польские евреи, муж и жена. Мы приютили их у себя, но, когда Польшу освободили, они вернулись туда, и мы даже не знаем, как сложилась их судьба.

Мы жили очень бедно, ели лебеду, отруби, гудрон жевали, а мы с сестрой собирали огрызки от яблок. Когда мы приехали сюда, дед встретил нас на вокзале Алма-Ата–2 и посадил в бричку, полную яблок. Мы с сестрой впервые увидели такое изобилие. Помню, когда продукты еще выдавали по карточкам и по утрам привозили хлеб между улицами Мира и Дзержинского, мы с сестрой ночевали там в арыке – лежали, прижавшись, чтобы нам досталось, а на руке химическим карандашом был номер записан. В 1944 году Наркомат Украины выслал тете вызов, и она вернулась в Киев. А мы не уехали из-за бабушки. Она сказала: «Все артисты живы, а Иехила нету, я туда не вернусь!», и мы остались с ней.

День Победы я помню очень хорошо. Мама тогда работала в ГлавТабаке, нас привели в их контору и раздали пряники. Было столько радости, настоящий праздник! Мы же жмых ели, это было самым сладким. Много лет спустя, когда я уже работала в Галантерейторге, наш завскладом на рыбалку собрался, и я у него в машине увидела жмых. Говорю: «Михаил Дмитрич, кусочек отрежьте, поесть!» А он: «С ума сошла?!».. Во время войны – это шоколад у нас был.

Записал волонтер Жулдуз Жумабаев

Казанцева Дина Захаровна

Родилась я 8 мая 1934 г. в Литве. Имя моей мамы - Рахиль Ефимовна. Папа – Гавриил-Зельманас Львович Пухертас.

Литва тогда еще не была в Советском Союзе. Она стала входить в состав Советского Союза в 1939 году. А в 1936 году мама с папой уехали в Советский Союз, мне тогда было два года. Приехали мы в город Мелитополь. Папа с мамой работали

до 1941 г. В 1937 у меня родился младший братишка. Так что к началу войны у родителей на руках был трехлетний малыш и я. Мне тогда было уже семь лет, и я все прекрасно помню.

С начала войны мы находились в Мелитополе, а 30 августа решили срочно эвакуироваться. Папа с нами поехать не мог. Он был военнообязанным, работал в военной организации, и ему пришлось остаться. С нами поехала мамина родная сестра, тоже с двумя детьми.

Нас разместили в телячьих вагонах на полатях. На этих полатях лежали гранаты, а мы сверху поместились. Так что, если бы был налет, от нас бы осталось мокрое место. А к 1 сентября мы доехали до небольшой станции под Сталинградом. Нас высадили. Приехал председатель колхоза и отвез нас к себе. Колхоз был чудесный! Мы прожили там два месяца, и немцы уже стали приближаться к Сталинграду. Нам пришлось опять эвакуироваться.

Ехали мы от Сталинграда до Алма-Аты ровно месяц! Потому что эшелоны шли в основном на войну, с орудиями. А мы - опять в переполненных телячьих вагонах, им навстречу, в другую сторону. Было очень страшно, очень страшно. Все-таки мы были маленькими детьми, нас надо было как-то накормить, напоить. Мама чуть ли не на ходу спрыгивала, чтобы воды в чайник набрать, детям хоть глоток воды дать.

Вот так мы месяц промучились и приехали, наконец, в Алма-Ату. Мы ехали именно сюда, потому что здесь были наши дальние, дальние родственники. И другие родственники тоже уже сюда приехали. Мы остановились пока у этих родственников, и мама с тетей пошли брать какие-нибудь документы, где нам жить.

В это время Алма-Ата распределяла беженцев по районам. Мы попали в Чилик. Это в ста километрах от Алма-Аты. А еще в десяти километрах от Чилика был колхоз Байсеит. Мы попали в этот колхоз. Нас поселили в пустой дом, рядом жили хозяева и другие эвакуированные, так что получилась большая семья.

Но самое страшное началось потом, когда не стало продуктов. Мы приехали уже к Новому году, был холод, мороз страшный! Я помню, как мы ехали на грузовике эти сто километров до Чилика, это ужас был! А дрова там никто не запасал, топили, в основном,

кураем. Курай – это отходы от дерева. А главным топливом были отрезки от табака. Колхоз занимался разведением табака. И после его сбора оставались отрезки. Вот эти отрезки вытаскивали и ими топили, и кое-как согревались.

Зима была очень страшная. Был холод и голод, есть было нечего. Чтобы добыть пару колосьев пшеницы, которые оставались на поле, надо было пройти через холодную речку босиком зимой. Потом подолбить эти колоски, чтобы зерна были, потом эту пшеницу подолбить и сделать какое-то варево, чтобы накормить детей.

Это был уйгурский колхоз. С тех пор для меня лучше уйгуров нет никого в Азии! Они нас буквально спасли от голода. У них тоже была большая семья. Вечером они готовили в большом казане какое-то варево и обязательно всех детей собирали и подкармливали.

Началась весна. Мне шел восьмой год, и я пошла вместе со всеми на поле сажать табак. Его сажают почти в воде. Сначала сажали табак, потом пололи табак, потом обламывали табак, потом нанизывали табак, потом сушили табак. Мне это даже нравилось. Только сажать, стоя в воде, было трудно. Да и окучивать и полоть на жаре тоже было сложновато, тем более для ребенка. Ну, ничего, все это мы выдержали.

Но в колхозе не было школы. Вот прошел год, мне уже девятый, надо учиться, а я все в этом колхозе. Мама заболела, у нее начался плеврит, и она отправилась в Алма-Ату. Здесь она вылечилась и нашла дальнего родственника. Этот родственник был представителем Литвы в Казахстане. Он жил в десятиметровой кухне у хозяев. Это был уже 1943 год, и он смог уехать то ли в Москву, то ли в Литву вернулся, я не знаю. А в этой кухне осталась его сестра с маленьким ребенком. Вот мы с мамой туда и приехали. А братишка с тетей и ее детьми пока оставались в колхозе. Мы все кое-как устроились в этой комнате, и я пошла в первый класс. Мне сшили марлевую сумку для учебников и я, наконец, начала учиться. Школа была очень хорошая! Трехэтажное здание, очень хорошая школа №33.

К этому времени мы уже знали, что папа был на фронте и пропал без вести. Не могли найти о нем никаких сведений. И раз у

меня папа был на фронте, то меня прикрепили к столовой. Там нас понемножку, чем могли, кормили.

Так я проучилась первый и второй класс. К тому времени приехали из колхоза мой младший брат и тетя с двумя детьми. И все мы жили в этой десятиметровой комнате. А к третьему классу мы были настолько ослаблены, что нас поставили на учет в поликлинике и отправили в легочный санаторий. Санаторий назывался «Весновка». Конечно, там очень поддерживали изголодавшихся детей.

Вся наша очень большая литовская родня – и со стороны мамы, и со стороны папы, – все погибли во время войны. Неизвестно, когда, неизвестно, где и в каком концлагере. Осталась жива одна мамина сестра, которая на год старше нее. Она, как партийная, была в концлагере, и где-то в подполье сумела сохраниться. А ее муж оказался в совершенно другом концлагере. Вот из всей нашей огромной литовской родни только они двое остались живы. Они вернулись в Каунас, и через год у них родился ребенок. Но ее здоровье было сильно подорвано, и когда ребенку исполнилось два года, она умерла. Он вырос сиротой, но стал очень хорошим, порядочным человеком. Сейчас он живет в Америке. Муж маминой родной сестры тоже погиб на фронте. Так что остались у нас в семье одни женщины.

В 1945 году кончается война и приезжает хозяин той квартиры, где мы живем. Эта кухня понадобилась его сестре, и он нас среди зимы, с милицией выгнал на снег. Это было ужасно! Страшно вспоминать! И мы стояли с родителями на улице, не зная, куда податься. У родственницы, которая была главной в нашей комнате, муж был офицером МВД. Она ноги в руки, и пошла выпрашивать какое-то жилье. И нам его дали. На Калинина и Дзержинского находился бывший двор КГБ, а во дворе стоял огромный барак, разделенный пополам в длину. Там были камеры для осужденных, которых арестовывали сотрудники КГБ. И из этих камер сделали комнаты. Если одна камера, то маленькая комнатка на двоих. Если две камеры объединяли, ломая стенку, то получалась комната примерно 16 квадратных метров.

Вот в такую комнату мы и поселились всемером, и прожили в ней десять лет. У нас ничего не было. По периметру стояли кровати,

а в середине – стол, за которым я делала уроки. Училась я очень хорошо. Я же в школу поздно пошла. Братишка, который на три года младше, пошел в школу вовремя. И получилось, что он отставал от меня всего на один класс.

У нас за забором был единственный стадион в городе – Динамо. За городом был еще Спартак в Парке Культуры, но туда мало кто ходил, в основном ходили на Динамо. И вот, чтобы попасть на каток через забор, все раздевались у нас: и знакомые братьев, и мои одноклассники. До потолка была навалена одежда, пальто. Все ходили кататься на стадион. Это было единственное развлечение, которое дети могли себе позволить.

Мама работала на плодоконсервном комбинате. Я закончила десятилетку еще в этом вонючем бараке, и поступила в Сельскохозяйственный институт на электрофак. А на следующий год и мой братишка тоже поступил на этот факультет. А к 1955 году стали сносить бараки, и Казпотребсоюз должен был предоставить маме жилье. Нам предлагали несколько вариантов в Тастаке. Тастак был краем света. Я выросла в центре города и ни в коем случае не согласилась бы на Тастак. Потом предложили Чапаева и Джандосова, это тоже был конец города. Мы тоже не согласились. И вот на Тулебаева и Максима Горького, на углу, был огромный овощной магазин. В этом магазине был подвал, и мы согласились поселиться в нем. Вход был такой страшный, зато внутри было очень хорошо! Много места для нас троих! В подвале были две комнаты, все было прекрасно!

В этом подвале я доучилась до пятого курса. Затем вышла замуж и поехала по распределению в Шемонаиху, Восточный Казахстан. Мы с мужем устроились работать на подстанцию, которая располагалась километрах в пяти от центра поселка, в степи. Никаких условий там не было. Ни воды, ни отопления. Холод жуткий. Грелись самодельным спиральным обогревателем. Мы приехали туда в сентябре, а в октябре я уже родила ребенка. Вот в этом холоде, а там бывало до сорока градусов мороза зимой! Когда ребенку исполнилось полгода, я собралась и уехала, а муж остался там работать.

Я вернулась к маме и сразу устроилась на работу в Проектный институт, который занимался электрификацией сельского хозяйства и сельских населенных пунктов. В этом институте я отработала одиннадцать лет, а потом перешла в институт Зернопроект, тоже связанный с сельским хозяйством. Там я работала до самой пенсии.

На пенсии мне все равно пришлось работать, потому что мою работу никто делать не мог. Мне пришлось вернуться и отработать еще два года. А потом я устроилась работать в Совминовскую поликлинику. Там было очень хорошо, потому что я привыкла работать с полной отдачей. Они говорили, что у них никогда не было такого хорошего работника! Я была сестрой-хозяйкой. Подобралась очень хорошая команда. Все отлично работали. Заведующая поликлиникой меня очень полюбила.

В это время мой сын остался без работы, завод, где он работал, закрылся. А у него было двое детей и больная жена. Так что я была вынуждена работать, а на заработанные деньги и на свою пенсию выучила в институте старшего внука. Но мы все это выдержали, все трудные времена пережили.

Я отработала в поликлинике двенадцать лет. И еще не успела уволиться, как меня пригласила к себе частная фирма, и там я отработала еще одиннадцать лет.

Когда ушла на пенсию, мне дали медаль «Участник трудового фронта». Моя мама всю жизнь трудилась, не покладая рук. Она мне постоянно говорила: «Ты не забывай, что твоя мама всегда на Доске Почета!» И позже я стала ей отвечать, что я уже тоже сто лет на Доске Почета.

Записала волонтер Инна Лысковская

Каплан Маркс Ильич, 1924-2002 гг.

Маркс Ильич родился в Одессе. Отец – Каплан Илья Исаакович (1898(?)-1942), был старым членом коммунистической партии, занимал в Одессе ведущие должности в плодоовощной промышленности, а также был хорошим портным. Он чудом избежал репрессий в 1937-1938 гг.

Мама – Елизавета Марковна (1902-1974 гг.), работала в Одессе санитаркой в больнице. Она была родом из Польши, её девичья фамилия – Яблуновская. Все её браться и сестры остались в Польше. Так как связи с ними были потеряны, мы полагаем, что все они погибли во Вторую Мировую Войну, во время оккупации.

Маркс Ильич пошел на фронт добровольцем сразу после окончания школы, в 17 лет, в начале войны, совсем юным мальчиком, когда немецко-фашистские захватчики стали рваться к Одессе.

Тогда по-другому было нельзя, нужно было защищать Родину в беде, и их поколение было так воспитано. Юные, необстрелянные ребята, – это были те люди, которые больше всего гибли на фронтах. Из класса Маркса Ильича, среди тех, кто ушел на фронт, в живых осталось только два человека.

Сначала он был направлен в летную школу, потом в школу пулеметчиков. Был тяжело ранен в бою в 1943 году, чуть не лишился руки и остался инвалидом на всю жизнь. Поэтому был направлен в госпиталь и комиссован.

Попал в Киргизию, потом – в Казахстан, где нашел своих родных – маму и брата, который тоже находился в Алма-Ате после ранения на фронте. Илья Исаакович и Елизавета Марковна успели уехать из Одессы последним пароходом.

Елизавета Марковна была прекрасной хозяйкой, очень вкусно готовила. И, даже в очень пожилом возрасте, умела, например, очень тоненько выкатывать домашнюю лапшу. Варила вкусные супы, делала фаршированную рыбу и другие блюда. Дома у неё

всегда была чистота и порядок. Она очень любила своих сыновей, и Маркса Ильича, и Владимира Ильича. Маркса же она особо выделяла.

Папа Маркса Ильича умер в 1942 году от диабета, а мама умерла в 1974 году.

Маркс Ильич обладал прекрасным чувством юмора, был очень общительным, любил хорошие застолья, собирать друзей, всегда был душой компании. Он – истинный одессит - веселый, громкоголосый, любил рассказывать анекдоты и даже завел специальные тетради, в которых коллекционировал юмористические вырезки из газет и журналов.

Несмотря на то, что он очень рано ушел на фронт, а потом, после ранения, работал, учился и развивался сам, он знал правила этикета, всегда элегантно и строго одевался, научился сервировать стол как заправский знаток.

Кроме того, он стал блестящим специалистом своего дела, экономистом, финансистом, и, позднее, преподавателем и доцентом.

После фронта и ранения, он, очень молодой человек, имеющий только школьное образование, в Алма-Ате сначала пошел работать на завод имени Кирова, где во время войны выпускались ракеты для фронта. После войны у него была такая сильная тяга к образованию, что сначала он закончил курсы бухгалтеров и начал работать бухгалтером, а потом смог выучиться заочно во ВЗИСИ - Всесоюзном Заочном Инженерно-Строительном Институте на экономиста и получить высшее образование.

Он работал и в Министерстве Здравоохранения, и Министерстве Финансов, и в КазИМС - Казахском Институте Минерального Сырья. Здесь он защитил диссертацию на звание кандидата экономических наук по теме «Запасы минерального сырья в Казахстане».

Это далось ему нелегко, он пытался защититься в течение десяти лет, но его тему то объявляли закрытой, то снова открывали.

В конечном итоге, Маркс Ильич победил, его защита состоялась в 1974 году.

Так как дома у него не было своего отдельного кабинета, он вставал очень рано, в пять часов утра, и сидел на кухне, пока все спали, работая над материалами своей диссертации. Потом эта

привычка осталась. Так, утром, на кухне, он продолжал писать свои научные статьи в различные журналы. Мы, вся семья, ждали, когда же ее глава защитит диссертацию, и мы все поедем к морю. Так хотелось! И действительно, после защиты Маркса Ильича, мы смогли попутешествовать, ездили и к его родственникам, в Одессу, и в другие места.

До ухода на пенсию Маркс Ильич был в звании доцента и преподавал в Институте Народного хозяйства, читал там курс «Финансы СССР», а затем - «Финансы Казахстана».

Маркс Ильич был очень хорошим и знающим преподавателем, прекрасным лектором, педагогом. Несмотря на то, что он был очень строг и принципиален как преподаватель, - один раз поставил двойки всему потоку, за что получил выговор от руководства факультета, – студенты его очень уважали. И уже через много лет после того, как он ушел на пенсию, его узнавали, старались как-то помочь его бывшие студенты.

У него всегда было много различных увлечений. Кроме уже упомянутых анекдотов, он делал домашние наливки, процесс сотворения которых прекратился после взорвавшейся банки и повисших на потолке сиреневых сосулек. Выращивал на окне горький перчик, который любил потом использовать в блюдах и соленьях. Находил какие-то интересные рецепты консерваций, и вместе с женой, Лениной Марковной, их применял на практике.

Он всегда красиво ухаживал за всеми дамами своей семьи и друзьями. Любил дарить цветы, даже без повода. Любил делать подарки. Любил общаться с людьми. Прогулка по городу с Марксом Ильичом превращалась в сплошной праздник. Его на каждом шагу останавливали знакомые, они начинали беседовать, шутить, смеяться, обсуждать какие-то острые вопросы.

Он не боялся и покритиковать власти, и вступиться за пострадавших. Однажды вечером, будучи уже немолодым человеком, он стал свидетелем того, как несколько молодых людей пристают к девушке. Девушка начала кричать. Маркс Ильич кинулся на помощь, невзирая на то, что у него была ранена рука, и в схватке с молодыми и крепкими парнями он бы сильно проиграл. Но, видимо, его боевой дух подействовал, и хулиганы отступили.

Также, когда в соседней с нами квартире возник пожар, он, вызвав пожарную команду, до их приезда сам начал бесстрашно тушить пожар вместе с другом.

Как уже было упомянуто, ему нравилось красиво сервировать стол. Он вообще стремился ко всему красивому, находил интересные варианты оформления и квартиры, и застолий. Коллекционировал книги, которых в доме всегда было великое множество. Любил красивые вещи.

Кроме того, Маркс Ильич хорошо разбирался не только в своем предмете - экономике, политике, но и знал законы, актуальные в тот период времени. Обладая повышенным чувством справедливости, он всегда помогал всем, кто к нему обращался, находил нужных людей, звонил и писал в различные инстанции, чтобы помочь людям, которые несправедливо пострадали. Даже, будучи уже на пенсии, он продолжал писать научные статьи в газеты и журналы и помогать людям.

После ранения он попал в Киргизию. Его фронтовой друг, который там жил, пригласил его к себе в село, так как после ранения Маркс Ильич был совсем один, ведь он долго не мог найти своих родных. В Киргизии он стал работать проводником в поездах, а параллельно искал своих родных. И, удивительное дело, во время войны все службы работали прекрасно. Он писал в адресные столы и нашел маму и брата Владимира в Алма-Ате. Отец его, к тому времени, к сожалению, уже умер.

Младший брат Маркса Ильича, Каплан Владимир Ильич, тоже воевал в Великую Отечественную войну, был контужен, после этого тяжело болел. Он умер в 1982 году.

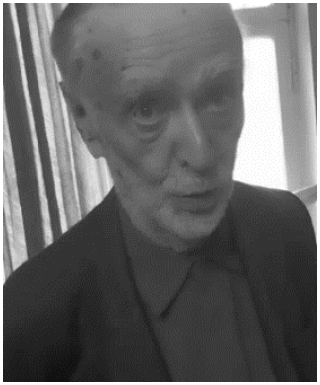
Маркс Ильич был прекрасным семьянином. Он всегда хотел большую семью, искал всех своих родных, которых растерял во время войны. Он тратил много сил на поиски и нашел своих дядей, теть, двоюродных братьев и сестер. Часть родных жила в Одессе, часть – на Дальнем Востоке, один брат – в Душанбе, один – в Подмосковье.

Он нашел всех, переписывался и перезванивался с ними. Смог со всеми повидаться, приглашал их в гости. К сожалению, с его уходом из жизни многие связи оборвались.

Наша семья всегда была очень дружной и сплоченной. И так как Ленина Марковна с Марксом Ильичом прошли и военный, и послевоенный голод, и лишения, то, даже в самые тяжелые времена, у них дома было готово, пусть даже скромное, угощение, которым можно было не только накормить свою семью, но и приходящих в дом друзей.

Из воспоминаний дочери, Эльвиры Марксовны Сапожниковой

Каральник Борис Вольфович



У меня в Отечественную войну, со стороны семей матери и отца, больше двадцати человек погибло на фронте, и три старика были убиты, не будучи вооруженными. Папа, Вольф Гершкович, был на фронте по партийному призыву. Вернулся лишь под Новый год с 1945-го на 1946-й, его долго не отпускали из армии.

Из тех евреев, кто попал в оккупацию в Украине, уничтожили всех, кого только смогли поймать - детей, женщин, стариков. Причём, уничтожали украинские нацисты, полицаи. Немцы только командовали. В Киеве их расстреливали из пулемётов, кто был убит, кто ранен, всех скидывали в Бабий Яр и забрасывали землей. В том числе моих бабушку и дедушку по отцовской линии. Они жили в киевской области, это бывшая черта оседлости царской России. Остались, попали в оккупацию. И погибли в Бабьем Яру, как и еще сто тысяч евреев.

Когда я с мамой, Верой Борисовной Юхвиц, эвакуировался из Украины, мы уже знали, что нас увозят одним из последних эшелонов, который вырвался из Харькова до прихода немцев. Прабабушка моя, бабушка моей мамы, которой было 90 лет, не поехала с нами.

Конечно, мы могли бы потесниться, спали бы в теплушке теснее. Но она сказала: «Вера, я знаю, что это не те немцы, которые были на Украине раньше. Я знаю, что мне не выжить, но мне и

дорогу не перенести, я буду обузой для вас. Я не поеду. Я знаю, что меня убьют, но…» Разговор был при мне, мы вместе ездили её уговаривать. Но она отказалась эвакуироваться и погибла. Когда мы с мамой вернулись после войны, то узнали от соседей, как это произошло.

Пришел полицай, свой, украинец. Она заперлась в сарае, когда ее пришли выгонять. У Харьковского тракторного завода был огромный ров. Полицай сказал: «Жидовка, выходи или я подожгу тебя!» Соседи принялись уговаривать не поджигать сарай, ведь их дома тоже сгорят. Он пришел за ней во второй, в третий раз, но она уже не отвечала. Был сильный мороз, она замерзла и умерла. Она сама выбрала такую смерть, отстояв свое человеческое достоинство.

Полдороги до Красноярска нас бомбили немецкие бомбардировщики.

Женщины, матери – это совершенно особая категория людей. Машинист паровоза, когда начиналась бомбёжка, налетала эта самолетная орда, дергал поезд вперед-назад. Но, когда уже не было такой возможности, и не было леса по сторонам, он останавливал поезд, и все, кто не был ранен, выскакивали из теплушек. Мама со мной выскакивала и искала хоть малейшее углубление, пыталась меня туда затолкать. Мне было уже шесть с половиной лет, затолкать было трудно. Мама ложилась сверху. Я всем, кто этим интересуется, говорю, какой я был идиот. Простить себе не могу, хотя уже прошло столько лет с 1941-го г. Мне нравилось смотреть, как летят бомбы. И я старался вылезти из-под мамы, так как она мне мешала смотреть. Но скоро я понял, чего ей это стоило, что она пережила.

Приехали мы в Красноярск, и всю первую зиму жили в деревянном бараке. Дощатые стены, дощатая крыша. Я болел жутко, развился отит. Я примерзал к стенке, которая вся промерзла, на ней был иней, снег. Мама устроила меня в садик. Там была кормежка – суп из черемши.

В первый класс мама меня не хотела отдавать, потому что в школе не кормили, а дома тоже есть особо нечего было. А в садике хоть какая-то еда была. Однажды маму послали в командировку. А с нами уже жили бабушка с дедом, её вторым мужем. Бабушке я

надоел, она взяла и отвела меня в школу. А это был конец апреля, уже заканчивался учебный год, и я проучился в первом классе всего месяц. В расписании был официальный урок «Военное дело», и мы в первом классе проходили трёхлинейку. Это старая российская винтовка, еще в Первую Мировую с ней воевали. А во втором классе изучали ручной пулемёт. Война, война, понимаете?.. Нас готовили. Разве что на полигон не вывозили и стрельбы в школе не позволяли.

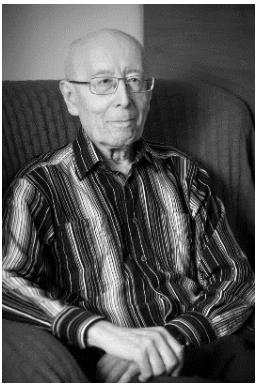
Во втором классе у нас была создана тимуровская команда, как в книге «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара. Мы ухаживали за ранеными в одном из госпиталей глубокого тыла Красной Армии. В этот тыл вывозили или безнадежных раненых, или тех, когда было ясно, что они в строй уже не встанут. У меня остались ужасные воспоминания о челюстно-лицевой палате. О тяжёлой жуткой вони (раны гнили – антибиотиков тогда еще не было), о жутком ощущении того, как живут эти раненые, как они будут дальше жить, это было трудно представить...

Я тогда начинал понимать, что если у них оторвана челюсть, и мы их кормим через воронку жидкой пищей, подвязывая эту воронку, то они не жильцы. Ну, выпишут их, ну, сдадут в специальную организацию, где держат таких инвалидов, а дальше?.. А девчонок учили, как бинтовать, как оказывать первую медицинскую помощь. Такими были эти тимуровские команды. Жуткое дело…

Весь учебный год, второй класс, мы ходили в этот госпиталь, помогали медсестрам, так как сестер не хватало, они тоже были на фронте. Полы мыли, писали письма домой от имени раненых. Устраивали им концерты. Всё, что угодно, делали. Но самое жуткое было – кормить их через воронку. Мы же дети были. Но никаких стрессов и истерик не было, война была. Надо, значит – надо, вот и делали всё, что надо.

Записали волонтеры Жулдуз Жумабаев и Эльвира Сапожникова

Каштелюк Исаак Хаимович



Поскольку к началу войны, 22 июня, мне было 5 недель от роду, я, конечно, ничего не могу рассказать о самом процессе эвакуации. Старший брат вспоминал, что старики того места, где мы жили, сначала не хотели уезжать, но потом решили, что надо ехать. И когда мы уезжали на последней повозке, то на другом берегу маленькой речки Илимки уже появились первые немецкие мотоциклисты. Они даже посмотрели в нашу сторону, но махнули рукой, и поэтому наша повозка продолжила путь.

Мы уехали в эвакуацию в Среднюю Азию. Сначала мы оказались в Узбекистане, потом перебрались в Киргизию, в село Ленинполь, ныне Бакай-Ата, неподалеку от города Тараз, который тогда назывался Джамбулом. Уже будучи взрослым, во время одной из командировок в Джамбул, я заезжал в Ленинполь. Путь оказался непростым, на саму дорогу ушло много времени.

Поэтому, приехав в село, я огляделся по сторонам и уехал обратно: нужно было возвращаться по делам работы. В редких рассказах об эвакуации мой старший брат, сейчас живущий в Израиле, удивляется, как маме удавалось собрать всех нас после бомбежек. Вот составы идут на Восток, происходит налет – бомбят эшелон, а потом дети собираются, и никто не был потерян. Отец уже был на фронте. Он ушел воевать в первые дни войны. С фронта он не вернулся – погиб в 1944 году.

Из эвакуации обратно в деревню Новые Веледники мы вернулись в 1944 году. Тогда она относилась к Словечанскому району Житомирской области Украины, а сегодня к Овручскому. Село имеет богатую историю. Оно было основано литовскими евреями в период Литовского княжества, поэтому евреев там всегда проживало очень много, вплоть до начала войны. Из эвакуации приехали немногие, до 1955 г. село покинули почти все евреи, уехали и мы.

В этой деревне я окончил начальную школу на украинском языке, а потом мы переехали, и я уже перешел в школу с русским

языком обучения. Там, в классах из 30 учеников, минимум 25 были евреями. После окончания средней школы я в 1959 году поступил в Полтавский инженерно-строительный институт. Окончил его в 1964 году, и уже в 1965 по направлению института приехал в Алма-Ату. С 1965 г. я постоянно работал в проектном институте «Казахский водоканалпроект». Изначально это было предприятие «Союзводоканалпроекта». Позже предприятие стало Республиканским Государственным Проектным Институтом. Я занимался проектированием объектов водоснабжения и канализации практически для всех городов Казахстана, многих городов и крупных предприятий Южной Азии – Узбекистана, Туркмении, Киргизии, Таджикистана и Южного Урала. Потом я ушел на пенсию в должности главного инженера института, но продолжал работать по отдельным договорам.

Вот и все, что я могу рассказать…

Записала волонтер Татьяна Бегайкина

Коротич Феня Исааковна

Я родилась 18 апреля 1936 г. Когда началась война, папу сразу забрали в армию, а мы с мамой и сестрой эвакуировались. До района мы шли пешком. Потом ехали в телячьих вагонах, в каких скот перевозят. В итоге мы оказались здесь, в Казахстане.

В 1942 году мы получили похоронку на отца, Исаака Моисеевича Зевлевера, а в 1943 умерла мама, Софья Исаевна Диневич. Мы с сестрой, Розой Исааковной Зевлевер, остались одни. Ей было шестнадцать лет, а мне всего шесть. Она работала, а я через год пошла в школу.

У нас еще с Финской войны сохранилась папина гимнастерка, и она служила мне платьем. Я в ней везде ходила. Веревочкой подвяжусь и хожу. Грелась как-то у плиты, и на эту гимнастерку

упал маленький уголек, прожег в ней дырочку. Так это было столько слез, столько горя! Но сестра меня успокоила, потому что надевать все равно больше нечего было. У сестры была юбка, шотландка. Из этой юбки она сделала мне сарафан, и теперь я ходила в этом сарафане.

Сестре в шестнадцать лет уже доверили лошадей. Она работала извозчиком, возила на бричке в район то, что надо было отвезти. Так мы и жили здесь, в Казахстане, до конца войны.

А когда война закончилась, мы уехали обратно в Украину. Наш дом уцелел. Оказывается, там во время войны была немецкая комендатура. По обе стороны были руины, а наш дом стоял целенький.

Нам было очень тяжело там жить. Сестра вышла замуж и вместе с мужем, и со мной вернулась в Казахстан. Здесь мы жили на квартире. У Розы было трое детей. Они с мужем работали, а я нянчилась с детьми и ходила в вечернюю школу.

Когда я уже подросла, они переехали, и я осталась одна. Потом я вышла замуж и у меня родилась дочь, а сестра сейчас живет в Израиле с сыном.

Записали волонтеры Олеся Последова и Инна

Лысковская (Кривенцова) Наталья Соломоновна

Родилась я, Наталья Соломоновна Брискина (по мужу Кривенцова) в Харькове в 1938 году. Все наши родственники тоже жили в Украине. Нас было очень много.

Мой отец – Соломон Шмульевич Брискин. Моя мама – Адель Григорьевна Левинская. Они оба учились в художественном институте. И мама, и папа были художниками. Когда, в 1936 году, они поженились, папа уже закончил этот институт, и его по направлению отправили в Ригу.

Он уехал, а мама продолжала учиться. Папа очень звал ее, чтобы она со мной приехала к нему. Но в то время, а это был 1939 год, надо было брать разрешение от военкома. Военком сказал маме: «Я вас не отпущу в Ригу, и вы потом будете мне всю жизнь благодарны!» Мама не знала, в чем дело, это потом она все поняла.

Когда началась война, мне было всего три годика. В это время некоторые родственники, например тетя Оля, сестра моей бабушки, еще оставались в Харькове. Но уже уходил последний эшелон с эвакуированными, и они уже были в этом последнем вагоне. И когда моя мама бегала и снимала фугаски с домов, тетя Оля ее увидела и закричала: «Адочка, почему ты до сих пор не уехала из Харькова?! Быстро бери Натку и сюда, это последний эшелон!».

Мама побежала за мной, а в это время в наш дом уже попала бомба. Она меня еле нашла. Схватила меня, схватила еще почему-то горшок и вилку, и помчалась к этому вагону. Народу была уйма, подступиться было невозможно. Тетя Оля спросила: «Ты документы какие-нибудь взяла?» Мама передала меня им в окно этого вагона и помчалась обратно, за документами. Когда она вернулась, поезд уже отходил. Народу было очень много, не пробиться. Она закричала: «Пустите, у меня там ребенок!» И милиция растолкала народ и протолкнула ее в этот поезд. Так она мне рассказывала.

Она неделю не могла меня найти. Потому что в этом поезде было столько народу, что пройти было невозможно. Потом мама меня нашла, и мы соединились с родственниками в этом поезде, который вез нас неизвестно куда. Знали только, что в Казахстан.

Ехали мы в ровно месяц. Было очень душно, очень тяжело, я все время плакала, как мама рассказывала. Приехали в Казахстан и остановились в городе Джетыгора. Нас там пересадили в другой поезд, и мы поехали в Алма-Ату.

Когда мы вышли из поезда, нас уже разыскивали родственники: бабушка, дедушка, тетя и ее дети. Потому что часть родственников уехали сюда раньше.

Нас поселили на улице Пушкина, где был Хлебозавод, в бараке. Это была комната 25 квадратных метров, с земляным полом, и мы с родней, восемь человек, жили в ней всю войну. С нами был дедушка, была бабушка, была тетя и ее дети. Нам выдавали булку

хлеба на всю эту семью, по 75 граммов на человека. Были карточки на хлеб. Как-то у нас украли карточки, и мы остались вообще без продуктов. Тогда бабушка пошла работать на Хлебозавод. Тем, кто там работал, давали дополнительный паек, и таким образом мы выжили.

Дедушка был очень изобретательным человеком. Он придумал станок для изготовления спиралей на электрические плитки. Тогда не было газа, и все пользовались электрическими плитками. Мы с тетей ходили и меняли эти спирали на хлеб. Это я хорошо помню.

Дедушка, Григорий Юрьевич Левинский, был директором Магнитогорского завода. Он рассказывал, что, по распоряжению Правительства и Сталина, он должен был взорвать этот завод и немедленно уехать оттуда при наступлении фашистов. Он был членом партии, был репрессирован, а позже реабилитирован Хрущевым.

Мы очень бедствовали. Но в Казахстане нас приняли хорошо. Я не помню никаких притеснений, и мама ни о чем таком не рассказывала. Поскольку мама училась на художника, она стала расписывать коврики, и мы тоже меняли их на хлеб. Вот так мы выжили во время войны.

Папу война застала в Риге. Он добровольно ушел на фронт. Ему тогда было 23 года, а маме 20. И когда мы уже оказались в Алма-Ате, мама получила похоронку. Папа был младшим лейтенантом саперных войск. Когда разминировали Подмосковье, их грузовик наткнулся на взрывчатку. Он попал в больницу Склифосовского, где его оперировали. Там было несколько человек, которые остались живы, вместе лежали. Вскоре после операции папы не стало. А через несколько лет, я уже была постарше и хорошо это помню, папин друг, который лежал вместе с ним в больнице, привез нам планшетку и кое-какие папины вещи. Эта планшетка до сих пор хранится у моего сына, который тоже стал художником, в Санкт-Петербурге.

После войны было объявлено, что желающие могут вернуться обратно в Украину. Часть родственников согласилась, и уехала обратно в Харьков. А я, дедушка, бабушка, мама и ее младшая сестра остались здесь. Бабушка сказала, что мы никуда не поедем, к нам здесь все так хорошо относятся, мы останемся здесь.

Мама устроилась уборщицей в столовую. Она была очень красивой женщиной. Один человек увидел ее и сказал: «Мы ищем людей для съемок фильма. Вы не могли бы приехать в Казахфильм?» В то время здесь была группа Эйзенштейна, которая снимала какой-то фильм. Мама прошла кинопробы, но сниматься отказалась. И тогда ей предложили другую работу, секретарем-машинисткой у директора. Она была очень грамотным человеком. Она согласилась и осталась работать на киностудии Казахфильм. Там она встретила моего будущего отчима, Лев Леонида Григорьевича.

Нас переселили из барака в гостиницу Алма-Ата, где я и выросла. У меня там было много друзей, которые тоже эвакуировались. Мы жили в подвальном помещении. У меня была подруга Лоточка Зальцман, ее отец был известным в Алма-Ате театральным художником-постановщиком. Сейчас она живет в Израиле. Была подружка Людочка Варшавская. Мы собирались в этом подвале гостиницы и играли в войну. Мы даже не понимали, что это очень серьезно и очень страшно.

Мой отчим, которого я впоследствии называла папой, рассказывал, как он бежал из Польши. Это было очень страшно. Каждый праздник 9 Мая он очень плакал. Жили они в Польше. У них был свой хутор. И он совершенно случайно вышел во двор за дровами. В это время к ним в дом вошли немцы и расстреляли всю его семью на его глазах. И его беременную жену тоже. Ему как-то удалось убежать. Потом он попал в ополчение. Как он оказался в Алма-Ате я сейчас не помню.

Школу я закончила в Алма-Ате, и так сложилось, что сразу пошла работать ученицей на киностудию Казахфильм, где работали отчим с мамой. Я работала в группах Айманова, Шарипова, Джангозина, Арона и других известных режиссеров. И когда открылось наше телевидение, а я уже была довольно опытной монтажницей, меня пригласили туда. Там я проработала монтажером 37 лет и воспитала много учеников, сотрудничала с известными режиссерами. Что дала мне эта работа? Очень важное! Мне часто приходилось монтировать документальные фильмы о войне, об эвакуации, о наших гражданах, которые жили здесь, в Казахстане. Приходилось ходить в Алма-Атинские архивы и просматривать

материал для фильмов. И я была просто в ужасе! Это было так страшно! Как я благодарна своей маме, что она вывезла меня, спасла во время войны! Вот это я хочу отметить!

Я благодарила свою маму до последних дней ее жизни за то, что она меня спасла!

Хочу пожелать нашей молодежи, чтобы они больше узнавали о том страшном времени и никогда не забывали о нем! И чтобы мы никогда больше не слышали слова «война»!

Записала волонтер Инна Лысковская

Лейдерман Анна Львовна, 1934-2023 гг.

Меня зовут Анна Львовна Лейдерман, в девичестве Перель, родилась в Украине, в ноябре 1934 г. Когда началась Великая Отечественная Война, папа ушел на фронт, а мы всей семьей эвакуировались в Казахстан, в город Кзыл-Орду.

Все мамины родные тогда сказали: «Мы – люди простые, всю жизнь жили в деревне, нас никто не тронет, чего мы будем уезжать?! Мы останемся. Вот у тебя муж – коммунист, командир, политработник, вот ты и уезжай». И мама, Лидия Наумовна Перель, ответила: «А вы знаете, что творили с евреями в Польше? Если я не уеду, то не позволю над собой издеваться, а просто покончу с собой!».

Тогда уже бомбили, поезда не ходили. Я хорошо помню и эти бомбежки, и как самолеты расстреливали людей на бреющем полете. Но нам надо было как-то уезжать. Собралось несколько семей. Нас, детей, посадили на телегу, а взрослые сто километров шли пешком.

Я с детства помню картину: спускались немецкие десантники, переодетые в красноармейскую форму, а все вокруг горело. Горел и сахарный завод, и мой дядя, которого не взяли на фронт из-за сильной близорукости, притащил мешок сахара. Представляете, мы голодные, и вдруг этот сахар!

На какой-то станции папины друзья, военные, посадили нас в товарняк. Но по дороге в наш эшелон попала бомба. С трудом добрались до Донбасса, а оттуда – в Курск, к родне. Как только мы приехали, в первый же день получили письма от папы. А на второй день мы получили извещение, что он погиб. Мы даже не верили, понимаете…

Сохранились письма с фронта, где женщина, которая была радисткой, описала нам, как папа погиб в бою. Вот что писали в одной советской газете на украинском языке о моем отце, Льве Шапсовиче Переле: «… с 30-х годов до последних дней войны был на фронтах. Трое из них – участники героической обороны Сталинграда, двое шли на штурм Берлина. Не довелось отпраздновать День Победы Льву Шапсовичу Перелю, и не довелось в мирные дни быть там, где когда-то была война. Но в том, что процветает наша страна, живут счастливо советские люди – его заслуга. Родина не забудет своих мужественных защитников, память будет жить в веках. И пусть этот рассказ ляжет еще одним цветком на могилу героя».

Потом начались бомбежки Курска, такие бомбежки, это был ужас. Мама не хотела спускаться в бомбоубежище, она была в отчаянии после гибели папы и говорила, что не хочет жить. Нас эвакуировали глубже в тыл, и по пути мы встретили маминого племянника, который работал в Госбанке. Он вез какие-то важные банковские документы в Казахстан, и взял нас с собой. Так мы попали в Кзыл-Орду.

Когда освободили Украину, мы вернулись в родные края, где еще бомбили, звучали сигналы воздушной тревоги, но мы хотели поскорее вернуться на родную землю. Там и пострадали от бандеровцев, и насмотрелись ужасов войны. Все было разрушено, целые кварталы домов лежали в руинах, а дети подрывались на минах.

Накануне нашего отъезда младший брат папы написал нам письмо, что они с боями прошли наши родные места, и ни одного нашего человека там не осталось. В Хмельницкой области, в городе Волочиск, был кирпичный завод, и вдоль него как Бабий Яр. Там полегло человек двадцать из нашей семьи.

Одна моя двоюродная сестра, которая ушла в партизаны, пошла по заданию в деревню, ее выдали и повесили. Она была молодой учительницей, хорошо играла на гитаре…

И когда мы приехали в Украину в 1944 году, это был кошмар, бендеровцы нападали на партийных работников. Я даже одно время заикалась: мама уехала в командировку, а ночью к нам в квартиру ворвались! Мы с сестрой спрятались под кровать, а дядя, тетя и их сынишка выбили окно, были все в крови, выскочили зимой на улицу и бежали. В них стреляли, но не попали. Потом уже прибежал патруль, а мы с сестрой так и сидели под кроватью. Вот такое мы пережили.

Мама очень хотела, чтобы я была врачом. Я поступала в мединститут, но тогда развернулось дело кремлевских врачей, и меня, конечно, не приняли. Помню, как мама пошла к ректору, и он ей сказал: «Вы сами должны понять, что у нас есть указание евреев не принимать». Вот так прямо.

Через год я поступила на экономический факультет Львовского института, закончила его, а потом вышла замуж за военнослужащего Льва Пинхосовича Лейдермана и ездила с ним по Средней Азии. Конечным пунктом стала Алма-Ата.

В Казахстане мы жили очень хорошо. Я хочу сказать, что все люди были очень доброжелательными, у меня самая лучшая подруга казашка. Она была моей соседкой. Дружим уже, наверное, лет пятьдесят. Дня не проходит, утром она звонит: «Встала? как дела?» Мне комфортно в Казахстане, я никогда не чувствовала себя обиженной. Когда мы жили в Украине, это слово «жид» нас преследовало, а здесь все нормально, страна очень интернациональная.

Муж был начальником связи Республики по гражданской обороне. Работа была сложная, с командировками, с учебой, приходилось оставаться одной с двумя дочерями в чужом городе.

Лев Пинхосович очень многое сделал для гражданской обороны Казахстана. Получал благодарственные письма и от военного министра, от министра обороны Советского Союза, в городе его знали и ценили. Его призвали в армию в конце 1944 г., связистом. Супруг рассказывал, что обеспечивал связь на Ялтинской конференции в 1945-м году. Он был замечательным человеком, прекрасным мужем, за ним я была как за каменной стеной.

Когда дети подросли и пошли в детский сад, я вышла на работу, и проработала ведущим экономистом на хлопчатобумажном

комбинате 25 лет. Ветеран, почетный текстильщик, получила там много грамот и благодарностей. Жаль, что такой большой комбинат, который обеспечивал весь Советский Союз тканями и занимал 46 гектаров земли, развалился.

Ушла на пенсию, родились внуки. Мальчики хорошие, бабушку любят, такие ласковые, преданные, заботливые, дай Бог всем такую старость! У меня замечательные девочки и прекрасные зятья, они мне как сыновья.

Вот внук говорит: «Бабушка, что это значит: «нечего кушать» или «голодный»? Он этого не понимает, а мы во время войны делились последним куском. Мама работала на военно-продовольственном пункте, и им там разрешали налить с собой в алюминиевый бидон пшенной каши. Эту кашу она раздавала соседям, людям, которые голодали, которым нечего было кушать. А современному поколению надо больше рассказывать, больше показывать. Они должны знать свою историю. Потому что человек без истории – это дерево без корней.

Я все это пережила сама. И 1937 год, когда нашего деда хотели сослать, а он показал, какие у него руки рабочие, что он не кулак. И тогда секретарь сельсовета говорит: «Вы что, посмотрите, он же сам работает на своем участке, какой он кулак!». И его не выслали.

Конечно, много было плохого, но мне кажется, что у нас все-таки есть ностальгия по тем временам. Что-то, наверное, было и лучше – жизненные ценности, понимаете? Когда мы ценили вкус еды и не были пресыщены жизнью.

Записала волонтер Наталья Кулешова

Лысковская Анна Иосифовна

Я родилась в городе Киев в 1938 году. Моя мама в то время была студенткой, а папа по профессии был музыкантом, он играл в оркестре народных инструментов, но тогда уже был призван в армию и отправлен воевать в Западную Украину – в земли, которые присоединили к Советскому Союзу. Папа – Лысковский Иосиф Борисович, а маму звали Макальская Мариам Евсеевна. У нее была сестра-близнец Бася и старший брат Яша. К моменту начала войны у мамы уже было двое детей. В декабре 1940 г. родилась моя сестрёнка, Дина Иосифовна Лысковская.

Когда немцы уже подходили и встал вопрос об эвакуации, то мама решила поехать на Северный Кавказ, где жил её отец Евсей Макальский. Он руководил там Заготзерном. И вот, летом сорок первого мама приехала на Кавказ с сестрой Басей. Они не думали, что немцы туда дойдут. Но это случилось, и надо было срочно эвакуироваться. Бася, и мама с двумя детьми - три года и полгода - поехали в Махачкалу и сели на маленький пароход, который должен был переплыть через Каспийское море в Красноводск.

Весь пароход был забит людьми. Женщины с детьми сидели на всех палубах, внизу и наверху. Когда плыли через Каспий, нас не бомбили, но начался сильный шторм и палубу стало заливать солёной водой. Хотя мне было всего три года, я запомнила, как детей с нижней палубы передавали на верхнюю, и там нас держали чужие люди.

Так мы доплыли до Красноводска. Все вещи были залиты солёной водой. Не знаю, что там сохранилось. Нас погрузили в поезд и отправили в сторону Алма-Аты. Но мама и Бася решили не ехать в Алма-Ату. К тому времени, в октябре 1941, они уже знали, что их тётя Ревелис Мария Ирмановна эвакуирована в Казахстан на станцию Чу. Тетя Маня воспитала их, потому что их мама умерла, когда Мариам было три года. И они решили выйти на станции Чу.

У тети Мани в Чу была маленькая комнатка, где все и поселились. Мы с сестрой заболели корью и лежали на полу с высокой температурой, а мама бегала по станции и искала врача. Не знаю, каким образом, но мы выжили после тяжёлой болезни. Мама поступила на курсы кондукторов, чтобы как-то прокормиться, и стала работать на железной дороге. Они много работали на морозе, подавая сигналы машинистам фонарями, и очень мерзли.

А в 1942 году маму вызвали и сказали, что её направляют на другую работу. Она окончила химико-технологический факультет Киевского института, и её направили работать главным инженером на эвакуированный содовый завод, в степь возле станции Лепсы. В то время завод выпускал и соду, и взрывчатку.

В степи были построены бараки для рабочих. Соду делали из каустика – щёлочи, гидроксида натрия, и вот горы этого каустика лежали во дворе завода, а ветер разносил его по всему посёлку.

Мы жили в бараке с общей кухней. Тётя Маня жила с нами и смотрела за детьми, пока мама работала, а Бася, преподаватель русского языка и литературы, работала в школе и жила в другом поселке.

Я, пятилетняя, запомнила эту общую кухню. Посередине всегда стояло корыто, и кто-то из женщин постоянно стирал в нем. Готовили на керосинках. И я помню, как выходила на крылечко этого барака, и кругом была степь. Сейчас там уже все зелено, провели воду, а тогда воды не было, и только ветер со щелочью гулял, свистя по степи.

В Лепсах произошла трагическая история, которую мне даже трудно рассказывать. Я никогда ее не рассказывала, но думаю, что сейчас нужно рассказать.

По выходным в поселок иногда привозили кино. Приезжал киномеханик, привозил какой-нибудь фильм, показывали сводки с фронтов. И однажды мама с тетей Маней захотели пойти в кино, но им не на кого было оставить детей. И тут приехала в гости Бася, и предложила посидеть с нами.

Мебели не было, и мы все спали на полу. Бася укладывала нас спать и я попросила у неё попить. Тогда нам давали пить настойку шиповника, который собирали в степи, возле речки, чтобы дети

получали хоть какие-то витамины. Эта настойка была коричневого цвета. А с завода часто приносили раствор каустика, чтобы использовать для стирки. Он тоже был коричневого цвета.

Когда ребёнок попросил пить, то Бася, по ошибке, взяла не ту бутылку, и налила вместо настоя шиповника раствор каустика. И глотнула его, хотела попробовать перед тем, как дать ребёнку. Глотнула концентрированную щёлочь! И моментально обожгла себе весь пищевод и желудок.

И вот, во время киносеанса, вдруг открылась дверь, и люди закричали: «Маня! Маня Макальская! Беги скорее, там твоей сестре плохо!» Мама прибежала, но что она могла сделать? Там ни врачей не было, ни больниц. Они делали, что могли, промывали желудок, старались хоть как-то помочь. Мама побежала к начальству железной дороги и попросила, чтобы помогли отправить сестру в Алма-Ату. Ей пошли навстречу, выделили целый вагон, подцепили к поезду, который шёл в Алма-Ату, и отправили их с Басей. Но Бася умерла в дороге, у мамы на руках. Это такая страшная трагедия – потерять сестру-близнеца, с которой выросла и была очень дружна. Наши матери, которые пережили войну, были настоящими героинями, они все вынесли.

В 1944 году, когда Украину освободили от немцев, маму вызвали и сказали, что направляют ее обратно, восстанавливать железные дороги и хозяйство. И мы всей семьёй поехали на станцию Гребенка, где надо было организовать железнодорожную химическую лабораторию. Потому что тогда использовались паровозы, у них были водяные котлы, и надо было всё время анализировать воду, чтобы не образовывалась накипь. В такой лаборатории мама потом и проработала всю жизнь, в послевоенные годы внедряла применение эпоксидной смолы для склейки железнодорожных деталей, и даже выпустила об этом брошюру.

Нас высадили в ближайшем к станции селе Городище, поставив чемоданы и сундуки прямо посреди села. Никто из жителей даже близко не хотел нас подпускать, потому что они были только что освобождены от немцев и знали, что евреям помогать нельзя. Там был очень сильный антисемитизм. И мы сидели на улице до ночи, пока одна женщина не смилостивилась и не пустила нас в свой чулан, где я спала на сундуке.

Примерно через год нам дали квартиру на станции Гребёнка. Там, в 1945 году, я пошла в первый класс. Жаль, что не сохранилась фотография, где наш класс был сфотографирован уже весной. На ней все дети были босиком, потому что не было ни обуви, ни портфелей. Тётя Маня сшила мне сумочку, по форме напоминавшую портфель, и на передней стенке сделала аппликацию, вышила мальчика и девочку. Она прекрасно шила и вышивала, до революции работала белошвейкой.

Когда закончилась война, папу не сразу демобилизовали. Он служил, начиная с 1938 г., прошёл всю войну. Был призван рядовым, и дослужился до старшего лейтенанта – поддерживал связь в танковых войсках, имел много орденов и медалей. В 1946 году он приехал за нами в Украину. Я помню, как мама устроила праздник. Пригласила и мою учительницу, и для меня это было таким событием!

Папа забрал нас домой, в Киев. До войны у мамы там была хорошая комната, большая и светлая. Она жила там со своими братьями. У неё было два сводных младших брата, от второй жены отца. Старший – Азарий – уже работал, а младший – Дарий – был студентом консерватории. Они были такими красивыми мальчиками! В начале войны их сразу призвали в армию, и мама не получила от них ни одного письма. Как уехали, так и сгинули. Потом она долго искала сведения о них, но они так и пропали. И мы подумали, что они, наверное, погибли в первом же бою. Еще у мамы был старший брат Яша. Он жил в Москве, до войны у него уже была жена Таня и дочка Люба. Он тоже погиб на фронте.

Хочу немного рассказать о папиной семье. У него было две младших сестры, Этя и Сара. В начале войны папины родители жили в Харькове. Дедушку звали Борис Исаевич Лысковский, а бабушку – Евгения Лысковская. Они эвакуировались в Алма-Ату и жили на 7 линии с младшей дочерью Этей. А старшая, Сара, к тому времени вышла замуж за украинца и в 1939 году родила мальчика, Гену Кравцова.

В начале войны ее мужа сразу призвали в армию, и он погиб, а она осталась с ребенком. Не знаю, почему она не эвакуировалась. И когда немцы пришли, она отвезла ребенка в село к своей укра-

инской свекрови, чтобы спасти его, а сама погибла, как и все евреи. Мальчик вырос сиротой, его вырастила бабушка. После войны, в 1954 году, Гена приезжал Алма-Ату в гости. Он всю жизнь прожил в Украине, в Северодонецке.

В 1946 году мама пыталась вернуть себе ту комнату в Киеве, но она уже была занята другим офицером с семьей, и жить было негде. Родители решили ехать в Алма-Ату, к папиным родителям. С тех пор я и живу здесь. Папа после войны работал бухгалтером, в последние годы был главным бухгалтером Первой городской больницы. Он умер в 1980 году.

Мой дедушка, Борис Исаевич Лысковский, вырос в еврейском местечке, получил образование в Ешиве и хорошо знал Тору. До революции работал на ткацкой фабрике местечка, а потом переехал в город и устроился там фабричным рабочим. В 1924 году, когда умер Ленин и был Ленинский призыв, вступил в партию.

Когда дедушка приехал в Алма-Ату, то организовал здесь ткацкую артель, которая делала ковры, но не шерстяные, потому что шерсти тогда не было, а хлопчатобумажные. Они были недорогими и пользовались спросом, люди их с удовольствием покупали, чтобы постелить на пол. Потом на базе этой артели была создана ковроткацкая фабрика на улице Комсомольской. Сейчас её уже нет, но при Советском Союзе она долго работала и выпускала хорошие, настоящие шерстяные ковры. Дедушке дали квартиру, назначили персональную пенсию и считали почетным гражданином.

Я окончила школу №22 на Гагарина, и поступила в университет КазГУ. Я любила и геологию, и химию, поэтому хотела заниматься геохимией. Вначале окончила 4 курса геологического факультета, а потом и химический факультет. Я проработала 32 года в химической лаборатории, сначала в Институте минерального сырья, потом в тресте Казгидрогеология. Всегда в области геологии, но всегда химиком.

Записала волонтер Инна Лысковская

Матлина Ленина Марковна, 1927-2024 гг.

Я, Матлина Ленина Марковна, 3 ноября 1927 года рождения. Семья Матлиных происходит из Белоруссии, район города Орша. Недалеко от этого города, в местечке, жили мой дедушка Михаил Матлин и бабушка Муся. Дедушка был в местечке парикмахером и очень славился своим искусством. Почти все местечко приходило к нему бриться и стричься. Бабушка была домохозяйкой. У них был большой дом и хозяйство: коровы, птицы. Был сад, огород. Все это хозяйство они вели сами, без работников. Им помогали дети. У дедушки и бабушки было четверо дочерей и один сын.

Самой грамотной из всех сестер была моя мама Хая (Анна) Михайловна Матлина. До революции она с отличием окончила гимназию по 5% норме, - так как мы знаем, что евреев в гимназии принимали по этой процентной норме. Затем поступила в Харьковский университет на медицинский факультет и окончила его в 1919 году. Она работала в различных медицинских учреждениях Харькова, а ее последним местом работы там до Великой Отечественной войны был Харьковский тракторный завод – ХТЗ, где мама заведовала аптекой. Я часто приезжала к ней на работу и очень любила видеть ее в белом халате, и особенно мне нравился запах аптечных лекарств.

Мой отец, Сегал Марк Григорьевич, был врачом-хирургом и работал в поликлинике Харьковского тракторного завода. Когда началась Великая Отечественная война, он ушел на фронт и работал во фронтовых госпиталях. Отец погиб на фронте, и где его могила я не знаю.

Когда началась война, я находилась в пионерлагере за городом, и некоторое время мы ничего не знали. Потом детей из лагеря привезли домой. До эвакуации из Харькова, мы соорудили бомбоубежище во дворе и прятались там во время бомбежек. Харьков начали сильно бомбить с августа 1941, и дядя Наум помог нам эвакуироваться в Казахстан. По сути, он спас нам всем жизнь.

Эвакуировались мы с мамой, тетя Бетя с детьми – Миррой и Юзиком. Ехали не в теплушке, а в хорошем военном поезде. Но мы успели заскочить, можно сказать, в последний вагон. В город уже входили немцы. Мы ехали больше месяца до станции Россошь. Немцы бомбили эту станцию, и мы чуть не погибли. Я хорошо помню весь ужас бомбежек. Война оставила след, который невозможно стереть.

После эвакуации мы сначала жили в Джамбульской области в совхозе, в котором сеяли свеклу. Жили в уйгурской семье, топили печь кураем – это такая трава. Мы с мамой работали на полях, резали ножом ботву, собирали свеклу, которую отправляли на сахарный завод в Джамбул, а потом посылали сахар на фронт.

Совхоз был интернациональным. Там жили казахи, корейцы, сосланные немцы Поволжья, русские, евреи, польские евреи, уйгуры и другие национальности, но раздора и вражды между нациями не было, все жили дружно и помогали друг другу. Я училась в шестом классе, в котором было 39 корейских мальчиков и одна девочка.

Из совхоза мы переехали в Алма-Ату, мама окончила медицинские курсы и работала детским врачом в поликлинике до выхода на пенсию. Она умерла в 1964 году. Мама обслуживала большой район. Трамваи в городе в годы войны не ходили, и ей приходилось ходить на вызовы пешком, а их было 20-30 в день. Было холодно и голодно. Маме давали по карточке 500 граммов, а мне, школьнице, 300 граммов хлеба в день.

В 1946-м году передо мной встал вопрос: какую специальность выбрать, кем я хочу работать? Я всегда любила гуманитарные предметы: историю, литературу и географию. К точным наукам у меня призвания не было. Сдав вступительные экзамены на все пятерки, при большом конкурсе, я поступила на исторический факультет Казахского Государственного Университета им. С.М. Кирова. Я выбрала историю своей специальностью, и до сих пор об этом не жалею.

В 1955 году я окончила Университет с отличием и осталась работать в нем - сначала в должности ассистента, а потом старшего преподавателя. Я вела очень сложный курс – источниковедение,

то есть изучение исторических источников. Кроме того, читала историю СССР на филологическом факультете. Часто проводила лекции по своей тематике от общества «Знание» на разных заводах, фабриках и в Обкоме Партии.

В 1970-80-х гг. я вела не только активную преподавательскую, но и научно-исследовательскую работу, была на стажировках, участвовала в научных конференциях и в Алма-Ате, и в других городах Советского Союза.

В 1985 году в КазГУ открылся новый факультет – для иностранных граждан - и ректор У.А. Джолдасбеков перевел меня туда, на кафедру общеобразовательных дисциплин. На этом факультете я читала предмет «Советский Союз», а после распада СССР – историю Казахской ССР и страноведение. Проработала там до 1997 г. и ушла на пенсию в 70 лет.

Я всегда любила готовить, и научила этому своих дочерей. Мы дружно готовили блюда из кухни разных народов, например, украинский борщ, русский холодец, еврейскую фаршированную рыбу по рецепту моей мамы, узбекский плов, который хорошо научилась готовить дочь Майя, салаты и торты, которые готовила дочь Элла.

Я хочу пожелать молодому поколению, чтобы никогда не было войн, никогда не было голода, того, что пережили мы. Чтобы они жили счастливо, в любимых семьях, с любимой работой, с исполнением их желаний.

Считаю, что важные качества для людей будущих поколений – это порядочность, не делать плохого друг другу, не завидовать, жить в дружбе с людьми, иметь широкий круг друзей, которые тебя не подведут и всегда помогут в трудную минуту.

Записала волонтер Эльвира Сапожникова

Меерович Элла Заливна

Меня зовут Элла Заливна Меерович, я родилась в 1937 году в Харькове.

Мать работала надомницей, она шила на оверлоке. А отец работал в Харькове бухгалтером в оперном театре, я помню, как иногда мама ругалась на него: «Ты почему принес шоколадку без коровки, ты же знаешь, что Элла не станет есть, если коровка не нарисована!»

В 1941 году мы эвакуировались в Алма-Ату, потому что здесь уже жили семьи двоюродных братьев отца. Вначале нас высадили из поезда в каком-то небольшом степном городке Казахстана. Тогда родители со мной намучились, потому что я заболела корью, и никто не хотел пускать нас на квартиру. Видят - ребенок в сыпи, ну и отказывают, конечно, потому что у самих дети. Потом все-таки нашлась семья, которая не побоялась и пустила нас на постой.

Мы жили в передней комнате, там стоял маленький казахский столик. Мне запомнилось, что там была очень пожилая бабушка. Она приходила, садилась за столик, задирала рубаху, и ее внук чесал ей спину нашей одежной щеткой из белой свиной щетины.

Переехав в Алма-Ату, мы снимали комнату. Отец к тому времени уже очень часто болел, у него был туберкулез. Мне запомнилось чувство голода. Хозяйка пекла хлеб в комнате, где мы жили. Там была русская печка. Я не была приучена попрошайничать, ни за что не попрошу, но как мне хотелось есть в такие моменты, я вся истекала слюной!

Помню, что ходила в детский сад на улице Мичурина. Из детского сада я приносила отцу пончик. Однажды, на утренник в детском саду, мама специально сшила мне тряпочные белые тапки для танцев. А я опоздала в детский сад, постояла, посмотрела в окошко – все уже танцуют, а я снаружи. И ушла, пошла домой пешком. В окошко смотрю – отец лежит на кровати, вот это мне запомнилось, что я смотрела в окошко, а он лежал на кровати. Неподалеку протекал какой-то ручей или речушка, и весной я

ходила туда собирать цветы – подснежники, тюльпаны, маки. Летом пошла ежевика. Я приносила эту ежевику, желая, чтобы поела моя семья, а хозяйский мальчишка часто съедал ее, и мне было так обидно!.. В 1944 году я пошла в первый класс.

Сестра Евгения, в память о которой я назвала свою внучку, окончила школу в 1941 году. С началом войны, все мальчишки из их класса и два моих двоюродных брата попали в танковое училище. Можно сказать, что сестра вырастила меня, потому что мама постоянно ухаживала за отцом и опасалась заразить меня туберкулезом. В 1949 году отец умер.

Я окончила школу в 1954. Мне запало в голову, как отец все время стремился быть на природе, потому что считал, что вылечит там туберкулез. Поэтому я хотела поступить в сельскохозяйственный институт, на факультет плодоводства. А матери это страшно не нравилось, она мечтала, чтобы я поступила в иняз. И когда я шла подавать документы, она меня не выпускала и с досады кинула в меня табуреткой, но я через эту табуретку переступила и ушла, у меня тоже был характер.

Поступила, окончила институт в 1959 году, вышла замуж. В 1960 году у меня родился сын Михаил, а в 1964 – дочь Софья. Сначала работала в проектном институте «Казгипропищепром», а в 1981 году перешла в «Садпроект», где и трудилась до самой пенсии.

Записали волонтеры Ирина и Евангелина Григонис

Нечаева Жанна Сергеевна, 1938-2025 гг.

Я, Нечаева Жанна Сергеевна, в девичестве Днепровская, родилась в 1938 году в Украине. В то время мой папа, Сергей Андреевич, был студентом. Тогда студент – это было прогрессивно. Жили мы на Днепре. И мой папа предложил всем, кто жил по соседству вдоль Днепра, написать в газету заявление и поменять фамилии на Днепровские.

И так все, кто жил там вдоль Днепра, стали Днепровскими. Так и я стала Жанной Днепровской.

В 1941 году мы жили в городе Харьков. Когда началась война, папу забрали на фронт. А меня и маму, Ольгу Михайловну, эвакуировали последним эшелоном в Казахстан, на станцию Байсерке. Там были только саманные домики в степи. Нас гостеприимно приняли казахи, семья, у которой было трое детей. Нас с мамой поселили на кухне, а они все жили в единственной комнате.

Я спала на печке, а мама на раскладушке. Отношение было очень хорошее. Весь эшелон выгрузили в Байсерке, и жители всех разобрали по своим квартирам. Кому не хватило квартиры или домика, поселили в сарай. Жили очень дружно. Я была маленькой, но всё это запомнила.

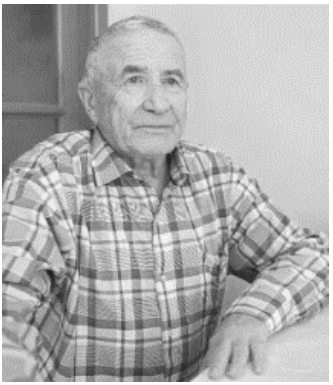
В 1943 году папа получил ранение в обе ноги, и его привезли восстанавливаться в госпиталь на Медео. Папа никогда не рассказывал мне про войну. Мы с мамой переехали на Первую Алма-Ату. Мама стала работать на станке, на заводе «XX лет Октября».

Мы всю войну прожили в Казахстане, и я запомнила, что и дети, и взрослые хорошо относились к переселенцам. Помню, в Украине считалось – если ты еврей, то, почему-то, ты должен быть плохой. Но казахи там, где мы жили, знали, что мы – беженцы, и что мы – евреи, и относились к нам хорошо. Поэтому у меня сформировалось самое дружелюбное отношение, уважение и благодарность к казахам на всю жизнь. Двоюродная сестра мамы тоже попала в Казахстан во время эвакуации, и с тех пор мы так и остались жить в Алма-Ате.

После войны я окончила Алма-Атинский медицинский институт, 25 лет была санитарным врачом в Министерстве здравоохранения, а затем работала в Главном управлении исправительно-трудовых колоний Министерства внутренних дел Казахстана.

Записали волонтеры Олеся Последова и Эльвира Сапожникова

Певзнер Лев Залманович



Меня зовут Певзнер Лев Залманович. Родился в небольшом городе Березино, недалеко от Минска, в 1936 году.

В 1941 году вместе с семьей был эвакуирован. Эвакуация прошла очень сложно, во время нее погибла моя сестра Маня, и мама всю жизнь переживала, что потеряла одну-единственную дочь. А погибла она так: мы эвакуировались в вагонах, в которых перевозился скот, и в нашу теплушку попала бомба. При взрыве нас накрыло грунтом, и пришлось откапывать. Старший брат Илья и я остались живы, а Маня получила осколочное ранение головы и погибла.

Эвакуировали нас в Караганду, где предоставили общежитие. Все спали на нарах в три этажа. На верхнем этаже спали маленькие, а на нижнем – старики. Маленькие писались, а на стариков всю ночь лилось (смеется).

Кушать было нечего, ходили и побирались. Мы, пятилетние ребята, бегали к мясокомбинату. Там выбрасывали кости, и было очень много ворон. Мы подбивали ворон из рогаток, а потом жарили их на костре, и это был самый вкусный обед!

Я должен отметить, что в Казахстане было очень-очень много беженцев, и, несмотря на войну, казахстанцы все-таки старались любыми путями помочь им. Устраивали к себе жить, делились хлебом. Говорю честно – этот прекрасный народ помог беженцам выжить.

Те годы были очень трудными, но вся наша семья выжила, кроме погибшей сестренки. Папа заболел на фронте туберкулезом и его комиссовали. Потом его перевели из Караганды в Балхаш, и там я пошел в первый класс. Школа была далеко, и когда я первый раз ушел в школу, то заблудился, и меня искали в степи два дня, но, к счастью, смогли вовремя найти и спасти.

Через несколько лет папу перевели в Алма-Ату, я пошел в школу №1, окончил ее с отличием и поступил в сельскохозяйственный институт, на факультет электрификации.

Я очень счастлив, что мы оказались в Казахстане. Казахстан хорошо отнесся к беженцам, и мы тоже постарались проявить себя с хорошей стороны. Я много работал на разных должностях, в том числе первым вице-президентом института энергии, который был образован в Алматы, а потом его выкупила швейцарская фирма. Считаю, что я много сделал для электрификации Казахстана, и сейчас линии большого напряжения – 500 киловольт и ниже – работают у нас отлично. Наш институт был очень мощным, солидным, и я рад, что так сложилась моя жизнь.

Записала волонтер Татьяна Бегайкина

Полякова Лариса Михайловна

Я родилась в Украине, в городе Харьков, в 1930 году. Мой папа, Михаил Александрович, был военным, по нынешним меркам – генералом. В 1938 году его расстреляли. Маму звали Белла Ефимовна, она работала на военном предприятии.

Война застала меня и мою семью – маму, тёть, бабушку, дедушку, младшую сестру - в Харькове. 12 октября 1941 г. мы эвакуировались. Не хотели, но пришлось, когда немцы были уже на подступах к городу. Мы бежали с отступающими войсками. Потом нас посадили в товарные вагоны, и мы ехали до Алма-Аты ровно одиннадцать месяцев, почти год. На каждой остановке нас пересаживали в другой поезд. В конце концов, нас присоединили к санитарному поезду, в котором ехали раненые. Всю дорогу бомбили.

Нас довезли до Алма-Аты. Здесь был распределительный пункт. Нас распределили в Талды-Курганский район, аул Бегаш. Это на границе между Казахстаном и Китаем. Там мы всей семьей поселились у казахов.

Через два месяца, это была уже почти весна, начались полевые работы. Работали все, и я в том числе. В одиннадцать лет я начала работать в поле. Мужчин в ауле не было. В основном были женщины, старики и дети. Мои тети мои сидели у плуга, а я управляла быками. Мы, дети, работали вместе со взрослыми по восемнадцать часов. В пять часов утра выходили в поле, возвращались с заходом солнца, и потом еще шли в школу. Вся наша семья из восьми человек жила на двенадцати квадратных метрах. Но казахи нас очень поддерживали. Если бы не казахи, не знаю, выжили бы мы. Я благодарна Казахстану и казахскому народу. Мы прожили в ауле Бегаш до 1943 г., а затем переехали в Алма-Ату. Я работала в Артели инвалидов, на улице Максима Горького. Стояла у станка, шила двупалые перчатки и пришивала пуговицы к гимнастеркам. Там же мы спали, ели 400 граммов хлеба в день и получали три стакана воды без сахара. Все мое военное детство прошло в труде. У нас был лозунг: «Все для фронта, все для Победы!».

Моя тетя была полковником медицинской службы. После ранения она приехала в Алма-Ату и забрала меня в Харьков ближе к концу войны, но после победы мама увезла меня обратно. Мама не стала возвращаться в Харьков, потому что было слишком больно из-за всего, что там произошло. Моя тетя Софья Ефимовна была в партизанском отряде, и немцы расстреляли ее благодаря украинским предателям. В Музее Памяти Израиля есть ее фотография и сведения о ней, как о павшей во время войны.

На фронте погиб мой дядя, который был прокурором Харькова, и пять двоюродных братьев. А в Чуднове расстреляли всю мамину семью, двоюродных братьев и сестер. И дай то Бог, чтобы это больше не повторилось! Потому что евреев всегда выставляют виноватыми, что бы ни случилось!

После войны моя мама, пищевик по образованию, работала начальником Пищеторга. Младшая сестра уехала в Харьков, окончила там институт и вышла замуж.

Мой дядя был червонным казаком, генералом в годы Гражданской войны. Он – еще и известный писатель, Илья Владимирович Дубинский. Я передавала его книги в библиотеку Хэсэда.

Я пошла учиться, окончила медицинский институт и стала врачом. 25 лет проработала в Институте хирургии имени Сызганова,

затем стала председателем Обкома профсоюзов медицинских работников. В последние годы работала в Республиканской психиатрической больнице, заведовала реабилитационным центром. Я вышла на пенсию лишь в 72 года, имею ряд правительственных наград.

Помимо этого, я заслуженный мастер спорта по спортивной гимнастике и входила в сборную Казахстана. Избиралась депутатом города и являлась доверенным лицом Президента. Я и до сих пор стараюсь по возможности помогать людям – так же, как люди помогают мне.

Записала волонтер Инна Лысковская

Ремес Ася Гельевна

Я родилась 12 февраля 1939 г. Папа, Гиль Мордухович Герман, был из местечка Черея, под Минском. Мама, Фрадля Хаймовна Шульман – из Аннополя. Это недалеко от Шепетовки, которая была всем известна по роману «Как закалялась сталь». Родители поженились и жили в Москве, растили троих дочерей. Папа окончил исторический факультет МГУ и преподавал в погранучилище.

22 июня 1941 г. мы прибыли по новому назначению папы в Карело-финскую республику, и вдруг началась война! Финны не начали войну одновременно с немцами. Они вступили в боевые действия позже, и училище очень внимательно отнеслось к эвакуации семей офицеров. Нас отправили на грузовиках под Ленинград, в Петродворец, где формировался эшелон. Этот эшелон направлялся за Урал, и нас привезли в Свердловскую область.

Дорога была спокойной, а путь – долгим. Старшей сестре Лене было восемь лет, мне - два года, а младшей, Светлане, чуть больше года. Мы ехали в последнем вагоне, и где-то в середине дня в поезде начинали раздавать обед. Пока очередь доходила до последнего вагона, уже наступал вечер, и все были изголодавшимися.

А я с раннего возраста хорошо разговаривала. Сестра просила кушать, и я ее успокаивала: «Ты не переживай, скоро будет ночь, и мы будем обедать!» Эта фраза дошла до начальника поезда, и нам стали раздавать еду, начиная от середины эшелона, в две разных стороны.

Мы приехали в поселок Билимбай и жили там около двух лет. Потом нас нашел папа и перевез всю семью в Ташкент. Он был политруком, сопровождал поезда, которые увозили солдат на фронт, а в обратную сторону – поезда, которые везли с фронта раненых. Сейчас на сайте Бессмертного Полка есть его страница.

В Ташкенте мы потеряли младшую сестричку – она серьезно заболела, и спасти ее не удалось. Там же к нам присоединился мамин племянник. Жизнь была очень непростой, маме было сложно всех прокормить. Был неприятный случай, когда мама получила буханку хлеба, несла ее в руках, а какой-то беспризорник промчался мимо, выбил хлеб из рук, схватил его и убежал. Мама долго плакала, потому что нас было нечем кормить.

Но запомнилась и веселая история. Ближе к 1944 году появились конфетки-подушечки, которых мы раньше никогда не видели. Мама прятала от нас эти конфеты в плетёной корзине и давала понемножку. Я, конечно, подсмотрела, где они лежат, хотя мама и говорила, что конфет у нее нет, она занимает их у соседки тёти Зины. И однажды я говорю: «Мама, а ты можешь взять из корзины конфетки, сходить и занять их у тёти Зины?» Это долго со смехом вспоминалось в нашей семье.

Годы были трудными, но мы выжили. Мы счастливы, что нашим детям досталось хорошее, мирное время, и они никогда не узнают того, через что нам довелось пройти в детстве.

В Ташкенте мы жили до 1944 года. А потом папу назначили работать преподавателем в пограничном училище города Орджоникидзе – нынешнего Владикавказа, и мы жили там до 1952 года.

У папы было двое братьев, и они погибли на фронте. Сестры остались живы, они тоже были в эвакуации, затем одна вернулась в Харьков, а другая – в поселок Ботева на Азовском море. Остальные родственники погибли, включая маминых братьев. Мы даже не знаем, где и как, что с ними случилось во время войны. Те, кто оставался на оккупированной территории, все погибли.

Я хорошо помню, как окончилась война. Это было ночью, мы спали, и вдруг со всех сторон раздался такой гром, было так страшно! Все выскочили на балконы, а это оказался салют в честь Победы. В 1952 году папу перевели работать в Калининград. Это был страшный год, потому что Калининград не восстанавливали на случай, если придется вернуть его Германии, и весь город лежал в руинах. Оттуда папу перевели в Сланцы под Ленинградом, а вскоре – преподавать в погранучилище Алма-Аты.

Здесь я окончила физико-математический факультет Педагогического института, и в 1961 году была направлена работать в Сарань, вместе еще с тремя девочками из нашей группы. Группа у нас была замечательная, девочки были очень дружными, весёлыми и открытыми. Двое из нас работали в одной школе, а двое в другой. Сначала мы жили в двух комнатах бывшей школьной канцелярии, а затем на центральной улице выстроили несколько четырёхэтажных домов, и нам дали двухкомнатную квартиру на четвертом этаже.

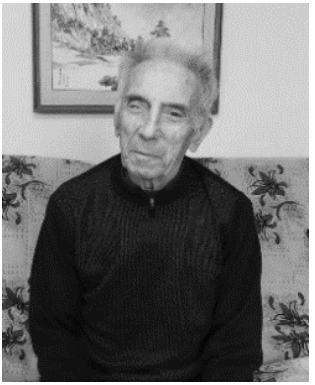
Мы все преподавали математику. Я считаю, что это были самые интересные, лучшие годы моей жизни! Мы вместе готовились к урокам, подбирали материал, а на следующий вечер анализировали проведенные уроки, и поэтому все четверо из нас стали настоящими учителями. Этот опыт, умение общаться с детьми мне потом очень пригодился.

В 1963 году я вышла замуж за Семена Борисовича Ремеса. Я вернулась в Алма-Ату, а он служил здесь в армии и поступил на вечернее отделение в Техникум связи. Я начинала работать в школе №50. Тем детям, которые были моими первыми учениками, сейчас больше семидесяти лет! Мы до сих пор дружим и встречаемся.

После этого я восемь лет работала в другой школе, на улице Монтажной, а позже заведовала кабинетом математики в областном Институте усовершенствования учителей. Потом перешла методистом в отдел учебных заведений при Управлении железной дороги, и в итоге стала инспектором школ. Я работала с очень многими учителями школ Алматинской области и железнодорожных школ, завучами, директорами. Думаю, что работа, которую мы делали, не была напрасной и многое им дала.

Записала волонтер Инна Лысковская

Ремес Семен Борисович



Я родился в городе Харьков, 11 февраля 1939 года. Маму звали Елизавета Моисеевна. Папа, Борис Самсонович Ремес, всю жизнь проработал в пограничном училище.

Война застала нас в Украине. Мне вспоминаются вагоны, когда семьи служащих погранучилища срочно отправили в эвакуацию, понимая, что Харьков будет взят.

Помню, что мы ехали в товарняке. Вот поезд остановился, и закричали: «Скорее выпрыгивайте!» Двери вагонов распахнулись, и все выпрыгивали, кто как мог, выносили детвору и бежали как можно дальше от состава. А над поездом летел самолет и хотел его уничтожить, но не получилось. Повезло, что больше тот самолет не вернулся.

Приехали мы в Кемерово. Мама шила одежду для фронта, а мы, детвора, были в каком-то помещении вроде детского сада. Там было очень много ребят. Каждый родитель, по возможности, приносил детям что-то покушать. И я помню, как мама принесла мне что-то завёрнутое в бумагу. А когда я ее развернул, там уже ничего не оказалось. Мне, наверное, года три было. Те, кто постарше, выхватили и съели еду, пока я разворачивал кулек.

Военнослужащие училища ещё долго оставались в Харькове, затем их эвакуировали в Ташкент, а позже – в Алма-Ату. Папа остался работать в этом училище парикмахером до конца жизни, его там все знали и любили.

Меня всегда интересовала техника. Помню, в детстве я познакомился с кузнецом, который подковывал лошадей, и он ко мне хорошо относился, потому что не все парни любили кузнечное дело.

В Алма-Ату мы приехали осенью 1942 г., уже лежал снег, а курсантов и сотрудников училища было негде разместить. Они рыли ямы в заброшенном саду и устанавливали палатки. Через пару месяцев жизни в холодной палатке я сильно заболел. В те времена все старались помочь друг другу, и всю детвору с семьями

перевели жить в большой спортзал училища до весны. Детвора просто ожила, так было весело в этом спортзале, буйно! А весной нас поселили в маленькой кухоньке – папу, маму, бабушку, меня и кошечку. В 1948 году у меня родился младший брат Алик.

Когда мне исполнялось 15 лет, я решил поступить в Алма-Атинское железнодорожное училище, но не прошёл по конкурсу. И тем, кто не прошел по конкурсу, предложили поехать в Восточный Казахстан, в город Лениногорск. Пообещали, что без экзаменов примут в горнопромышленное училище и будут учить на шахтеров. Родители были категорически против, но в итоге отец сказал: «Если он дурак, то дураком и дома будет, а если что-то из него получится, пусть уезжает!» И я уехал в Лениногорск с другом, Акмэлсом Булатовичем Дукенбаевым. Нас поселили в общежитии по шесть человек в комнате, организовали питание. Там жили и шоферы, и шахтеры, и эти ребята дали мне путевку в жизнь!

Через неделю после поступления мы уже работали в шахте. Нас спускали не в угольную, а в свинцовую шахту, и учили. Одновременно я отучился в вечерней школе, и потом ушёл работать из шахты в геологию, так называемое «на горА», то есть на поверхность. Стал сменным буровым мастером, и потом продолжил бурить скважины под воду в Алма-Ате. После службы в армии, в войсках ПВО, я окончил Техникум связи и стал работать на заводе Казгеофизприбор, разрабатывая геологоразведочное оборудование в специальном конструкторском бюро. Затем работал в Алматинском и Бурундайском аэропортах, в лаборатории по ремонту радиоэлектронного оборудования радиолокаторов.

Хочу рассказать одну историю. Самая высокая вершина наших гор, Заилийского Алатау, это пик Талгар, высотой 5015 метров. И вот на этом Талгарском пике, на высоте 4015 метров, по вине командира, рухнул наш бурундайский вертолёт. Он совершал облет в непогоду, машина стала тяжёлой и рухнула в вечные снега, спустить ее с такой высоты вниз было невозможно. Вызвалось пять добровольцев, которые захотели помочь, как говорится, своему вертолету, своему другу, и восстановить его там, в горах. Я очень люблю горы, и был одним из них. Я сочинил об этом стихотворение.

Ожившие воспоминания, или верность другу

Товарищ мой попал в беду.
В беде такой и думать страшно,
Что вдруг остался ты один.
И встать уж больше невозможно.
А крикнешь – эхо летит со скал, и никогда уж не вернётся.
Одно безмолвие кругом. И все снега, снега, снега.
Лавины, окружившие, как волки, все так и ждут сожрать тебя.
Что делать дальше? Как тут быть?
Или рискнуть и броситься в ту пропасть?
Уйти как талый снег, оставив о себе лишь только память?
Да! Слабому под силу все сомнения, но кроме одного.
Уверенность в себе, в борьбе за жизнь, и это всех труднее.
И я дождусь, друзья придут, помогут мне.
Друзья пришли. Самим здесь нелегко.
Здесь высота - подумать страшно!
Здесь кислорода - только одному, и то, когда лежишь.
А он в снегу по пояс таскает крылья мне, одеть их снова.
Чтоб я ожил, поднял свой нос,
Чтоб слух мой был готов принять команду снова.
И вот настало то мгновение,
В котором, может, быть или не быть!
Застыло все кругом, и звезд мерцанье,
Застыли даже скалы, воздух в ожиданье.
Лишь только сердце друга бьётся через край.
И вот оно заставит силой дружбы
Дать запуск моему, забиться вместе с ним.
И импульс дан, сначала неуверенно и робко.
А сердце говорит - нет времени здесь быть!
Лавины здесь кругом, всё может повториться.
Друг, напрягись, будь молодцом.
И я старался, что есть сил, не подвести
И оправдать все то, что вложено друзьями.
И я расправил крылья, я поднялся,
Оставив под собой остаток льдины
Как постамент для памяти моей!
Но я не тот, чтоб любоваться мною,
Я должен оплатить добро добром

И радость счастья снова быть в строю, среди друзей,
На летном поле.
Какое счастье видеть снова, что под тобой и кто с тобой!
Не тех, кто бросил бы тебя к съедению сугробов
на вечные года.
А слава тем, кто руку протянул.
И, не боясь, сказал: ты будешь жить, доверься нам!
И я живу. И я в строю. И дружбе верность я храню!

Записала волонтер Инна Лысковская

Рехтман Анна Гиршовна

Меня зовут Анна Гиршовна Рехтман. Мои родители – Гирш Шлемович и Роня Берковна Рехтман. Я родилась за две недели до начала Великой Отечественной войны, в городе Полтава. За год до войны мои родители с отличием окончили Ленинградский текстильный институт, и были направлены на работу в Полтаву, а Прядильную фабрику, в должности инженеров. Папа уже через полгода получил должность главного инженера.

Я родилась 8 июня, мы выписались из роддома 21 июня, а 22 июня началась война, город начали бомбить. В начале августа мама со мной эвакуировалась. Мне сейчас невозможно представить, с какими трудностями она с грудным месячным ребёнком добиралась к своим родителям из Полтавы в Сердобск Пензенской области. Одновременно к родителям приехали ещё две мамины сестры: старшая, Хиня, с двумя дочерями – двухлетней Фанечкой и полугодовалой Фирой, и младшая – Рахель, с дочкой Томочкой, которая была старше меня на полгода.

Отец в это время получил распоряжение эвакуировать фабрику из Полтавы в Семипалатинск. В августе размонтировали всё оборудование и погрузили его в эшелон. Папа рассказывал, что,

когда группа, занимающаяся отправкой оборудования, возвращалась с вокзала через мост, на другую сторону моста через реку Ворскла уже вступили немцы. Появились советские самолеты, и группе удалось спастись.

Через некоторое время эшелон с оборудованием благополучно прибыл в Семипалатинск. Через три месяца была запущена хлопкопрядильная фабрика, не в специальном, а в приспособленном помещении, в бывшем депо для ремонта вагонов или машин. Это было длинное широкое здание. Я его помню, потому что, когда подросла, я туда ходила. Папа работал главным инженером. Была решена задача: смонтировали сложнейшие машины, которые применяются для хлопкопрядения. Мама тоже работала на фабрике начальником планового отдела.

После запуска фабрики папа приехал за нами в Сердобск, и семья переехала в Семипалатинск. Жили на съемной квартире, это была бывшая баня наших хозяев, и было очень холодно. Морозы стояли до минус $30\text{-}40^0$, глиняный пол замерзал, и я помню, что, года в три – четыре, мне не разрешали вставать из кроватки, пока не затопят печку и лед не растает. Потом нам дали небольшой муниципальный дом, там была комната и кухня, и еще маленькая комнатка, которая принадлежала нам по ордеру, но там жила родственница бывшего владельца. Конечно, мы не могли оставить ее на улице, и она так с нами и жила. Я себя голодной не помню, я была очень маленькой, и мама какое-то время не работала, была со мной, а папа всю зарплату тратил на пол-литра молока – мое пропитание, а сам мог съесть луковицу и уйти на работу на весь день. Вот так люди жили.

Отец имел плохое зрение, +8, с самого детства. Его мобилизовали в 1943 году, причем он попал в кавалерию. Говорил, что подружился со своей лошадью, но очень боялся, что она хвостом сметет его очки, поэтому привязывал их бинтом к голове. Через полгода его демобилизовали по зрению, и он вернулся в Семипалатинск.

В 1955 году папу перевели в Алма-Ату. Мы приехали всей семьей. Здесь папа работал главным инженером хлопкопрядильной фабрики, был членом редакционной коллегии журнала, связанного

с легкой промышленностью. За трудовые заслуги папа был награжден Орденом Трудового Красного Знамени. Родители удостоены медалей, в том числе военного времени. В Алма-Ате мама работала начальником отдела в Министерстве легкой промышленности.

В семье отца было десять детей, пять мальчиков и пять девочек, а после войны осталось трое: папа, его старший брат Арон Шлемович и сестра, Нехама Шлемовна. Папа нашел ее в средней Азии через Красный крест, она эвакуировалась из города Ровны и с тех пор жила с нами. Ее муж погиб под Сталинградом, старший сын умер от дифтерии, а младший – в утробе матери.

Моего деда, 82 лет, папину единоутробную сестру-близнеца с тремя дочками, и жену папиного брата Шимона с тремя детьми во время войны фашисты закопали живыми.

Папин старший брат, Арон Шлемович, с 1942 служил в армии, дошел до Берлина, а потом участвовал в войне с японцами. Он остался жив-здоров, у него было трое детей. После войны он работал вторым секретарем райкома партии в Пинске, Западная Белоруссия. А младший брат, Фроим, погиб в 1942 году на финской границе, пропал без вести.

В семье моей мамы было пятеро детей. У мамы было две сестры и два брата. Две сестры какое-то время были с нами в Сердобске, а после войны они, вместе с родителями, переехали во Львов. Их мужья, Петр Лысенко – муж Рахель, и муж Хини (я не знаю его имени и отчества), погибли на фронте. Хиня осталась с двумя дочками, а Рахель – с дочкой, моей ровесницей.

Брат мамы Давид - старший лейтенант, командир танка, сгорел в танке за две недели до окончания войны на подступах к Берлину. Он был награжден Орденом Отечественной войны I степени. Второй мамин брат, Петр, погиб под Керчью.

Сведения о погибших родных хранятся не только в Центральном архиве Советской Армии, но и в Иерусалиме, в музее Яд-ва-Шем.

В 1947 году в Семипалатинске родилась моя сестра Полина Гиршовна Рехтман, в замужестве Ицкова. Наша с сестрой жизнь сложилась хорошо, я врач, а она окончила физический факультет Казахского государственного университета. Мы обе защитили

кандидатские диссертации, и наши покойные мужья тоже. У меня два сына, у сестры - один сын. Только плохо, что наши половинки ушли в мир иной...

Записала волонтер Татьяна Бегайкина

Рингарт Галина Львовна

Я, Галина Львовна Рингарт, родилась в селе Песчаный Брод в 1943 году, в оккупации. Семья перед войной проживала в Украине и состояла из четырех человек – мамы, Марии Марковны Лебединской, папы, Льва Моисеевича Рингарт, и двоих детей – Бэллы, 1930 года рождения, и Миши, 1936 года рождения.

Мое представление об истории семьи сложилось из рассказов родственников, знакомых и соседей, так как сама я ничего не помню. Родители, почему-то, не эвакуировались, может быть, потому что в сельской местности не было такой возможности, или не думали, что это будет так серьезно, так страшно и так трагично.

Примерно в ноябре 1941 г., когда пришли немцы, прошел слух, что всех евреев будут собирать и везти в Бабий Яр. Родители решили найти место, где можно спрятаться. Папа часто разъезжал по работе для заготовок птиц, и у него было много знакомых. Они попросили хозяйку, у которой снимали комнату, пока оставить у себя детей, а вечером отвести их на край села к хорошим знакомым, пока взрослые пойдут искать, где спрятаться и на чем уехать.

Получилось так, что эта женщина занималась заготовкой сена для животных и вернулась домой поздно. Дети уже спали, и она не смогла их отвести. А в четыре часа утра пришли украинские полицаи, разбудили хозяйку и спросили, где евреи. Она сказала, что никого нет, остались только дети и они спят. Женщина просила их не трогать детей, но их все равно забрали, даже не дав одеться, и закрыли в холодной конюшне, без еды. Мальчик, которому было

лет пять, все время кричал и плакал. Девочка, которой было лет одиннадцать, лежала и жевала овес, которым кормили лошадей. Соседи рассказывали, что одноклассник пытался принести ей немного еды.

К моменту, когда полицаи пришли за детьми в сарай, мальчик уже умер от холода, голода и потрясения. Девочку и тело мальчика загрузили в машину с еще одной пожилой еврейской парой, и повезли. Говорили, что за селом, у речки, их расстреляли и скинули все тела в полынь. Я думала – может быть, это не так, может быть, хотя бы могилка осталась, но найти ничего не удалось.

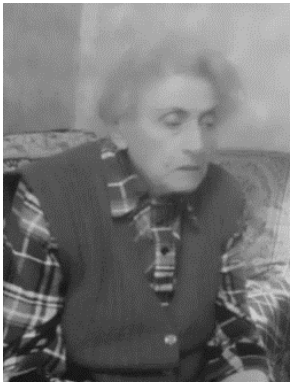
Когда родители вернулись, люди встретили их на улице и рассказали, что детей нет, мальчик умер, а девочку расстреляли. Родители ушли одни. Маму пристроили к знакомым, а отец ушел воевать, но оставался неподалеку. На хуторе, где мама пряталась, соседи всё расспрашивали, кем им была мама, но им отвечали, что это приезжая родственница. Потом хозяева узнали, что на них хотят донести, и решили, что ночью мама должна уйти. Ночами она шла, а днем пряталась в стогах сена. Так она скиталась от одних знакомых к другим, меняя фамилию и убегая от доносчиков. Пряталась в сараях, жила вместе со скотом. В 1943 году родилась я, а в 1944 советская армия освободила район, и родители вернулись на свою прежнюю квартиру, в село Песчаный Брод.

Помню голодное детство, школу, рождение брата и сестры, поступление в Одесский пищевой институт и распределение в Алма-Ату. Тут я и осталась жить. Работала в тресте Торгплодоовощ – сначала инженером-технологом, позже заведующей лабораторией, отделом качества и хранения по Алматинской области, и заместителем директора. Вырастила дочь, Елену Аркадьевну Рингарт. Родились прекрасные внуки – в 1992 году – Кирилл, учившийся в еврейской школе, а в 2003 году – Яна.

Рано утром 4 июля 2005 г. дочь, зять и внуки поехали на озеро Кольсай, и попали в серьезную автомобильную аварию между Иссыком и Чиликом. Все четверо погибли. С тех пор я живу одна и храню память о них.

Записала волонтер Олеся Последова

Рубина Евгения Соломоновна



Я родилась в мае 1937 году. Мы жили в Одессе. Жили очень хорошо, в большой квартире с роялем. Но в 1941 году началась война. Нам приходилось каждую ночь спускаться в бомбоубежище, потому что были налеты и гудела сирена. Я только помню, как мама хватала меня на руки, мы спускались в подвал и сидели там, пока не наступал отбой тревоги.

Слава Богу, что в августе 1941 года мы смогли эвакуироваться из Одессы. Нам очень повезло, потому что все знают, что фашисты сделали в Одессе. Это было ужасно! Особенно жутко они расправились с евреями. Доносчики узнавали их адреса и сообщали властям. Они согнали всех евреев в большой лагерь, оцепили его проволокой, охраняли с собаками, и просто не кормили и не поили людей, пока все не умерли.

Мы ехали на поезде и на пароходе – через Черное море, через Каспийское море, и приехали в Казахстан, в город Кзыл-Орду. Тогда это был небольшой городок, где даже автобусов не было. Для меня все было ново, необычно, например, узнать, что такое арык.

Сняли квартиру у какой-то хозяйки. Квартира была сырая, холодная. Выехали мы с маленьким узелком самых необходимых вещей, все оставили в Одессе. Так что здесь у нас ничего не было. И в Кзыл-Орде я прожила до 1952 года, до 16 лет.

Еще до войны муж маминой сестры в Одессе ходил в кружок по изучению еврейского языка, еврейских обычаев. Это было запрещено, и его сослали в Кзыл-Орду. Никто в Одессе не понимал, где это, что это, думали, что это вообще край света. Поэтому, когда мы попали в Казахстан, то сказали, что у нас есть родня в Кзыл-Орде. Туда нас и направили. Кзыл-Орда была городом ссыльных и беженцев. Туда ссылали корейцев, чеченцев, тех, кто отсидели в Гулагах. Мы были приятно удивлены, как нас встречало местное население. Оно было таким сочувствующим, добрым.

Моя мама была экономистом, папа – инженером. Папа играл на скрипке, а мама – на пианино, такая вот была культурная семья. И когда переехали в Кзыл-Орду, было просто счастье, что над нами не летают самолеты! Но надо было как-то выживать здесь. Папа устроился сторожем на огородах, а мама - экономистом на мясокомбинат. Это было большое везение! Потом мама стала председателем Месткома, она была общественницей, хорошим работником, рабочие ее очень любили.

В Кзыл-Орде было много людей высокой культуры, которые отсидели в лагерях. При Сталине же ссылали самых лучших. Там был бывший председатель Госплана, там был замечательный врач-немец, были евреи, была полячка. И так получилось, что мы подружились с этими людьми, потому что с ними было интересно

Жизнь была очень тяжелая, голодная. Нам что-то перепадало от мясокомбината, а многое люди голодали, слепли, умирали с голоду. На мясокомбинате нам, например, давали кровяные котлеты, хвосты, иногда бараньи или говяжьи головы. Моя сестра тогда ходила по окраинам города и обменивала эти головы на кукурузу. Из кукурузы мы делали мамалыгу – такую кукурузную кашу. Вот такое было голодное детство.

Участников войны среди нашей родни нет. Отец у меня был больным, с язвой желудка, воевать не мог. Помню, мне было восемь лет, когда кто-то пришел и сказал, что кончилась война. И все заплакали от радости.

В Кзыл-Орде я пошла в школу имени Сталина. Это была женская школа, тогда было раздельное обучение. В начальной школе у меня была очень хорошая учительница. А несколько лет спустя я стала ходить в Пионерский клуб. Там были преподаватели фортепиано, и я училась музыке.

Мамины сестры с детьми тоже эвакуировались в Кзыл-Орду, но после войны они разъехались – кто в Одессу, кто в Киев, кто в Москву. А мы осели в Казахстане потому, что бабушка была старенькая, я еще училась, отец – больной и такой безвольный, а двоюродная сестра, которая с нами жила, тоже была больная. Одна мама была энергичным человеком. Она была очень хорошо устроена, привыкла работать в этом месте. Поэтому мы не уехали.

В 1961 году, когда мне было 24 года, мы побывали в Одессе. Наш дом был целым и невредимым. Может, если бы мы настояли, нам вернули бы нашу квартиру, но мы не настаивали. И соседи рассказали нам, как они жили в войну под румынами, какие зверства там творились. Румыны были ничуть не лучше немцев, может быть, даже хуже.

В Кзыл-Орде нас окружали чеченцы, корейцы, ссыльные, и все жили очень дружно. Помогали друг другу. Казахи были очень радушны. Я считаю, что у нас в СНГ по доброте, по широте душевной такой нации больше нет!

В Кзыл-Орде я проучилась до 1952 года, до девятого класса, а потом встал вопрос, где учиться дальше. Родители очень хотели, чтобы я стала музыкантом. Музыкального училища в Кзыл-Орде тогда не было. А маму как раз перевели работать в Алма-Ату, в Казглавмясо, старшим экономистом. Поэтому мы переехали.

В Алма-Ате я поступила в девятый класс школы №19, и в музыкальную школу. В музыкальную школу меня взяли на класс ниже, потому что в Кзыл-Орде была очень плохая подготовка.

А на следующий год я поступила в Музыкальное училище имени Чайковского.

У меня был замечательный учитель – Николай Фомич Тефтекиди. Это мой самый главный человек! Он долго работал в Алма-Атинской Консерватории. Потом он уехал в Ростов, позже жил в Москве, и мы с ним переписывались до самой его смерти. Я была одной из его любимых учениц.

После окончания училища я работала преподавателем фортепиано. Я всю жизнь работала в одной школе, Музыкальная школа №6 имени Глинки. На пенсию я вышла в 1997 году.

Среди моих учеников есть много известных музыкантов. Например, Таня Корягина, которая училась в Байсеитовской школе, а я была ее репетитором, потом она уехала в Америку и сейчас работает в Техасе.

Сережа Ким проучился у меня два года, и за них прошел весь курс музыкальной школы. Он поступил в музыкальное училище на теоретическое отделение. Потом сам нашел программу Московской консерватории и без всякого блата поступил туда на компо-

зиторский факультет. И это в Москве, где сплошные дети музыкантов и композиторов! Сейчас он живет в Австрии. Он очень успешный композитор.

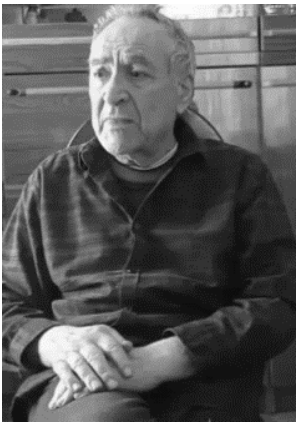
Сеня Сегай, который закончил наше музыкальное училище при моем содействии. Он играл на скрипке, а я его готовила по фортепиано. Он тоже поехал в Москву и стал композитором.

Алим Бейсембаев, который стал сейчас одним из ведущих пианистов мира. Он до пятого класса проучился в Байсеитовской музыкальной школе, а потом семья переехала в Москву, отдав сына в центральную московскую музыкальную школу. Но во время перестройки качество обучения родителям не понравилось, и они отправили сына в Англию. Алима приняли в Королевский колледж, который он окончил с отличием. Потом окончил магистратуру с отличием. На всех конкурсах занимал первые места. А недавно он приезжал в Алматы и дал концерт в новом большом концертном зале Консерватории. Он играл большую программу, и о нем много говорили. Я, конечно, пошла на его концерт, мы с ним поговорили и до сих пор общаемся.

Я хочу сказать, что очень благодарна Хэсэду Алматы. Меня признали Жертвой нацизма, и теперь я получаю хорошую помощь.

Записали волонтеры Жулдуз Жумабаев и Инна Лысковская

Сапожников Ефим Моисеевич



Меня зовут Ефим Моисеевич Сапожников. У родителей было двое мальчиков – брат Юрий, на пять лет старше меня, и я. Наша семья жила в Киеве, до сих пор помню адрес – улица Артёма 14А, квартира 52. Это была трехкомнатная квартира с большим коридором. В двух комнатах жили мы, а в третьей – еще одна семья. Отец работал в банке бухгалтером-кассиром,

Однажды, в сорок первом году, когда мне было шесть лет, мама взяла меня за руку, и мы пошли по улице Артёма за хлебом.

И вдруг – стая! Налетает стая как будто бы птиц - одна группа, вторая, третья, и кувыркаются в воздухе, и будто перья из них падают! Так мне, маленькому, показалось. Тут раздались взрывы, на улице паника – это были немецкие самолеты, бомбежка. Все ринулись в бомбоубежище, я вырвался, мама кричит: «Ефима, куда ты делся, куда ты делся?!» Это был первый день войны.

Вначале был ужас и замешательство. Начали собирать списки на эвакуацию, отец подал наши документы, мама в спешке собрала какие-то вещи, и мы поспешили на вокзал. У отца было очень плохое зрение, -8, он был почти слепой и не годился для фронта. Когда ехали в поезде через мост над Дунаем, то я заметил, что части моста – с облупившейся краской, они были повреждены взрывами. Наш эшелон оказался последним, который смог выехать из Киева. Ехали мы в теплушках. Шум, гам. Помню, я кричал: «Кушать хочу, кушать хочу!» А мама вздыхала: «А дома тебя невозможно было заставить поесть!».

По пути поезд собирал других беженцев. Нас высадили в деревне под Сталинградом. Там такая красота была, огромные подсолнухи, до сих пор их помню! Но уже через три месяца прибегают военные: «Быстро, быстро, немцы подходят, мы вас срочно отправляем в город!». В Сталинграде тоже суета, неразбериха. Нас загнали в вагоны, сидим в них, поезд стоит, пить хочется, а воды нет. Мама говорит: «Моисей, иди хоть воды принеси!». Отец побежал на вокзал, налил две бутылки воды, а обратно его не пускают, едва пробился к поезду. Так мы сидели трое суток. Слышал, что потом начальника вокзала расстреляли за плохую работу.

В итоге, нас довезли до Алма-Аты-1. Подъехали подводы, в каких возили яблоки, и увезли нас по разнарядке в Илийский район, колхоз имени Будённого, а там устроили жить в семью. Голодали, мама меняла вещи на продукты. Местное население помогало, чем могло, приносило что-то поесть. Мама говорит отцу: «Моисей, давай, езжай, ищи что-то получше, здесь мы не выживем!» Он собрался, поехал, да и пропал надолго. А мы остались – мама, мы с братом, мамина старшая сестра Ася, которая там заболела, и ее сын.

У мамы в Киеве была еще одна младшая сестра – Бэлла, очень красивая женщина. Она уехала немного раньше нас к знакомым в

Алма-Ате, устроилась здесь в небольшой комнатке и работала по профсоюзной линии. Муж отправил ее в эвакуацию, а сам остался. Он был хромым и негодным к службе, но все равно пришел в военкомат и потребовал: «Отправьте меня на войну, а то потом скажете, что евреи прятались и из-за угла стреляли!». Он ушел на фронт и пропал без вести. Такой высокий был мужчина, красивый.

Потом папа написал нам письмо, чтобы ловили попутки по Ташкентскому тракту и приезжали к нему, в подхоз мясокомбината. Там мы работали на экспериментальных участках, где агрономы выращивали новые сорта помидоров, лука и других овощей, а нам за это платили и выдавали хлеб. Жили мы в саманном бараке с красивым желтым полом из закатанного камыша. Я спал на столе, а в углу, за загородкой, держали поросенка. Нам выделили участок земли под огород, и мы уже не голодали, а выживали благодаря этому. С мясокомбината нам привозили головы и ножки по невысокой цене. Школы в поселке не было, и все дети ходили за два с половиной километра в школу райцентра – села Аксай. Там я закончил семь классов.

Старшего брата после школы отправили в Алма-Ату к тете Бэлле. Там он окончил театрально-художественное училище и жил в общежитии. К тому времени уже освободили Киев, и Юрий решил вернуться. Приехал, а ему там говорят: «Чего ты приехал? Иди вон, где евреи похоронены, в Бабий Яр! Хочешь туда? Что тебе тут делать? Тут евреев не принимают!». Расстреливали-то евреев сами эти украинцы, но под руководством немцев. И брат не остался в Киеве, приехал обратно в Алма-Ату.

После седьмого класса меня тоже отправили в Алма-Ату к тете Бэлле. Я пошел учиться в школу №25, а папа привозил нам из поселка гостинцы – мясо и сало. Тогда не до кошерности было – выживали. Тетя меня часто ругала за плохую учебу и жаловалась родителям. После поселковой школы учиться было трудно. Но меня взяла под свое крыло учительница немецкого языка, тоже еврейка, и помогала, подтягивала, а папа привозил ей в благодарность арбузы и другие угощения.

После десятого класса я поступил в сельскохозяйственный институт, на новый тогда факультет – «Электрификация сельского

хозяйства». После института меня распределили в отдел сельского хозяйства, инженером-электриком. Мы строили подстанции и линии электропередач по всему Казахстану. Я стал главным инженером, объездил весь Казахстан, награжден профессиональными медалями и знаками отличия за вклад в электрификацию страны.

Записали волонтеры Ирина и Евангелина Григонис

Сапожникова (Дробиц) Розалия Фёдоровна, 1938-2024 гг.

Сапожниковой я стала после замужества, а в девичестве меня звали Розалия Федоровна Дробниц. Мы жили в Сталинграде, и когда началась война, мне было всего три года.

Мой дед, Фроем Израилевич, служил в своем местечке в Синагоге. По оценке родителей, он был очень уважаемым человеком. Но в советское время об этом было не принято говорить, это сейчас уже мы нашли спрятанную фотографию деда, которую родители вывезли и сохранили во время войны, и повесили ее на стену.

Отец отправлял и сопровождал грузы из Сталинграда в Сибирь, был бухгалтером, хорошо считал, а мама была очень красивой женщиной, домохозяйкой, занималась домом и детьми.

Когда фашисты стали подходить к городу, нас эвакуировали - посадили на пароход, который шел вниз по Волге. Но река в ту пору уже замерзала, и мы смогли доплыть только до Куйбышева. В пути многие дети болели и умирали от кори буквально как мухи, но нам с братом повезло выжить. Он был на семь лет старше, и буквально нянчился со мной. В Куйбышеве мы прожили довольно долго, но потом нас были вынуждены эвакуировать дальше, в Алма-Ату.

По приезду нас распределили в Узунагач и поселили на самой окраине поселка у казахов, которые нас очень хорошо приняли. Но однажды ночью на нас напали бандиты и чуть не убили! Это был какой-то кошмар. Время было голодное, криминальное, и к нам в дом посреди ночи пробрались трое грабителей с ножами!

Мама услышала шум, на коленях выползла из нашей халупы и побежала к саду, где дежурили сторожа, крича: «Убивают! Убивают!». Сторожа стали стрелять в воздух и спугнули грабителей. Те убежали, и даже в панике потеряли нож. Утром мы пошли в милицию, а там сказали: «Ну и что? Вас же не убили».

Потом мы перебрались в Алма-Ату. Жили на улице Пастера, в полуподвале большого двухэтажного дома райкома партии. Это была радость, нигде же не было жилья. Родители обработали там все, стены побелили, помазали, и мы поселились в этом полуподвале. Ой, Господи, так промелькнула жизнь, столько трудностей досталось, в основном родителям, что они пережили!

Брат Владимир закончил здесь Горный институт, и уехал по распределению в Сибирь, где добывают уголь. Защитил диссертацию, стал кандидатом наук, доцентом, а потом и профессором.

А я в 1961 году окончила медицинский институт и меня распределили педиатром в детскую инфекционную больницу. Всю жизнь проработала врачом, была заведующей отделения. На вызовы я ходила с мужем, одна боялась идти, всякие же люди были. Вот и таскала Ефима Моисеевича за собой по участку, по больным детям. Однажды ребенок буквально погибал, а его ленивый отец не хотел идти в больницу, и нам пришлось самим тащить этого тяжеленого ребенка на руках. Жалко же было, вот и ходили, и таскали…

Записали волонтеры Ирина и Евангелина Григонис

Сидоренко Елена Давыдовна

Я, Елена Давыдовна Сидоренко, родилась в городе Воронеж. Отец, Давид Маркович Винник, родился и вырос в Одессе, а институт окончил в Москве. Потом туда же переехали его родители, потому что моя бабушка работала врачом в институте раковых опухолей. Тогда он ещё не назывался институтом онкологии.

Отец был организатором первой советской коммуны в Москве. А моя мама, Клавдия

Васильевна Молчанова, коренная москвичка, была одной из участниц этой коммуны. Она из многодетной семьи, в которой было семеро детей. В коммуне мои родители познакомились, а позднее, по комсомольской путёвке, были направлены в Воронеж на строительство авиационного завода. Они были одними из тех, кто строил этот завод с самого начала.

Но началась война. Отец ушёл на фронт. Там он занимался ремонтом самолётов, так как окончил авиационный институт и работал на авиационном заводе. Ну а мама осталась с двумя дочерями. Мы эвакуировались из Воронежа, так как город сильно бомбили. Мне было всего три года, но я никогда не забуду этого.

Заводское оборудование, станки вывозили на платформах. И сотрудники, а в основном это были женщины, ведь мужчины были на фронте, вручную и грузили, и разгружали тяжелое оборудование. Начинается бомбёжка, мы прыгаем с этих платформ и бежим куда-нибудь подальше от состава. Бомбят, кругом разрывы. Мама накрывает нас своим телом и прижимает к земле. Но вот налёт прекращается, эти женщины с детьми возвращаются и начинают сбрасывать разбомбленные станки и платформы. Потом соединяют уцелевшие, и мы едем дальше. Так мы медленно добирались в тыл.

Такого свиста бомб я даже в кино потом не слышала, его до сих пор никто не смог воспроизвести. Это был какой-то кошмар. Жуткий звук. Позже, когда я повзрослела, отец объяснил, что в начале войны немцы использовали специальные звуковые приспособления на бомбах. Для устрашения. Позже им уже некогда было этим заниматься. Они всячески пытались сломить моральный дух советских людей. И даже звук использовали в качестве оружия. Этот страшный звук падающей бомбы я не забуду никогда.

Так мы оказались в Куйбышеве, и женщины заново разворачивали завод. Устанавливали станки, монтировали оборудование, сначала – просто под открытым небом. Одни работали за станками, другие рыли землянки, в которых мы и жили. Третьи постепенно возводили стены завода. Вот так и создавался Куйбышевский авиационный завод.

А о себе могу сказать, что родилась я с больным сердцем. Врачи тогда запрещали мне какие-либо нагрузки. Но благодаря

отцу, который приучил меня к спорту, я нашла своё призвание именно в нём. Являюсь мастером спорта по спортивной гимнастике. В своё время была чемпионкой Куйбышева.

В Казахстан я попала благодаря своему мужу, Виктору Семёновичу Сидоренко, с которым дружила с десяти лет, познакомившись с ним на стезе спорта. Окончив Оренбургское лётное училище, он стал военным лётчиком. Когда Хрущёв начал сокращение армии, мой муж оказался одним из 25 выпускников первого и последнего выпуска Московской авиационной Академии. Хрущёв тогда решил, что лётчикам не нужно высшее образование, и Академию закрыли.

Мы объехали значительную часть Советского Союза, и в 1966 году приехали в Алма-Ату. К сожалению, здесь он и погиб, когда готовил команду к соревнованиям по высшему пилотажу. Сам он был мастером спорта, и везде, где бы ни служил, всегда принимал участие в соревнованиях. В Казахстане команды по высшему пилотажу не было. Он собрал команду, и при подготовке к соревнованиям погиб.

Так как муж был военным, кем только мне не пришлось поработать. Меня даже называли специалистом широкого профиля. В воинских частях, чаще всего, не было вакансий по специальности. Кем можно было работать в воинских частях? Ну, секретарём, портнихой, поваром, воспитателем в детском саду. По приезду в Алма-Ату старшая дочь пошла в первый класс, а чтобы устроить младшую в детский сад, мне самой пришлось пойти туда работать.

А когда младшая дочь пошла в школу, как раз и погиб мой муж. В этот период нам пришлось нелегко. Тогда ко мне пришла директор школы №115, в которую поступила дочь, и сказала: «Нечего сидеть дома, пора работать!» Так я стала школьным преподавателем физкультуры. Ведь по диплому я – тренер по спортивной гимнастике и учитель физкультуры.

Там я и проработала до пенсии, и каждый год мои ученики занимали первые места в различных соревнованиях. Помимо преподавания, я была классным руководителем двух выпусков спортивного класса. Девочки занимались ручным мячом, а мальчики волейболом. Это были настолько дружные классы, что они до сих

пор продолжают общаться, хоть и разбросаны по всему миру. И на Новый год, и на Дни рождения ученики присылают мне свои видео и поздравления. Помимо этого, я несколько лет проработала в Школе олимпийского резерва, и среди чемпионов Казахстана есть и мои подопечные.

Записал волонтер Алекс Ракстри

Шершер Сима Исаевна

Я, Шершер Сима Исаевна, родилась 31 марта 1938 г. в городе Тирасполь Молдавской ССР. Отец мой, Шершер Исса Леонтьевич, 1900 г. рождения, урождённый одессит, всю жизнь проработал стоматологом. Работал в железнодорожной больнице и кормил нас. У папы было три сестры – две жили в Одессе, а одна в Куйбышеве.

Мама, Гаржевская Сара Яковлевна, родилась в 1902 году в Молдавии, по профессии – экономист. У неё было три брата – Юлий, Сёма и Гриша. Один из них даже работал в Госбанке СССР. Все имели высшее образование. Сейчас их потомки живут кто в США, а кто в Канаде.

Мне было три года, когда началась война. В это время мы отдыхали у папиной сестры в Одессе. Никаких вещей с собой мы тогда толком и не взяли. Нас хотели эвакуировать на теплоходе, но мы на него опоздали. И это, на самом деле, спасло нам жизнь, так как тот теплоход разбомбили и все, кто был на нём, погибли.

Тогда муж папиной сестры посадил нас в теплушку поезда, который вёз солдат на фронт. Позже этот поезд также был разбомблен и всех, кто на нём ехал, высадили. А дальше кто как мог. В семье был брат, который на семь лет старше меня, и еще братик, который на пару лет младше. И все мы пошли пешком в сторону Куйбышева. Еды у нас с собой не было, и проезжающие мимо солдаты подкармливали нас.

Так мы добрались до Куйбышева. По дороге младший брат сильно заболел, и их с мамой положили в больницу. Там он и умер. Нас пригрела одна семья при христианской церкви. Папу забрали рыть окопы, так как на фронт его не взяли из-за зрения. А у мамы от потрясения случился острый невроз. Она выходила на дорогу, ложилась и ждала, пока её кто-нибудь раздавит. Её положили в психбольницу. Какое-то время мы жили при церкви, и очень голодали. Брат бегал в поле, где собирал зёрна, потом толок их, заливал кипятком, и этим кормил меня.

Через месяц маму выписали из клиники, и вскоре нас отправили в Казахстан. Так мы попали в Каскелен, где и прожили до конца войны. Жили в какой-то кибитке. Было очень голодно, потому что на день нам полагалось по сто граммов хлеба. Раз в неделю выдавали буханку, которую надо было разделить на всех и протянуть до следующей недели.

Чтобы прокормиться, мама помогала мыть посуду на каком-то заводе, и тогда ей разрешали брать кожуру от овощей. Она приносила эти очистки домой и делала из них котлеты. Мы ели эти котлеты с тем кусочком хлеба, который полагался на сутки. Так мы и протянули всю войну.

А когда война закончилась, папе предложили работу в Андижане, и мы уехали туда. Мама не работала, всё время болела. В Андижане были частые землетрясения. Когда родители уходили, они говорили, что в случае землетрясения нам надо лезть под стол и сидеть там до прихода взрослых.

Когда старший брат заканчивал школу, встал вопрос о его поступлении в медицинский институт. В Андижане такого института не было, только в Ташкенте и во Фрунзе. Решили поступать во Фрунзенский институт, и переехали в Киргизию. Там я окончила школу, там же поступила и окончила медицинский институт.

Мой брат, Яков Исаевич Шершер, был гроссмейстером по шахматам, и его пригласили в Казахстан, защищать спортивную честь республики. Его имя было известно в шахматном мире. Здесь брат защитил кандидатскую диссертацию и работал на кафедре в медицинском институте, а позже переехал в Саратов. Там он стал доктором наук, и много лет заведовал собственной клиникой.

После окончания института я работала эндокринологом в различных лечебных учреждениях Алма-Аты, а также принимала участие в выездных бригадах врачей по всему Казахстану. Там мы консультировали местные больницы, а пациентов с особо тяжёлыми случаями заболеваний приглашали в Алма-Ату. Я завершила свою трудовую деятельность в Калкаманской больнице, как врач высшей категории. Но и будучи на пенсии, продолжала консультировать и в государственных, и в частных клиниках до 83 лет.

Записал волонтер Алекс Ракстри

Дорогая Анна Петровна!

В середине февраля запланировано провести читательскую конференцию, посвящённую Юрию Михайловичу. Она должна пройти в Национальной библиотеке Республики Казахстан, в Алматы. Организаторы и участники – Союз писателей Казахстана, редакция журнала «Простор», Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Казахский ПЕН-клуб, Еврейский культурный центр. Будут зачитаны доклады, посвященные его жизни и творчеству. С воспоминаниями о нем выступят сотрудники журнала «Простор» Надежда Чернова, Любовь Шашкова, Ваш покорный слуга. Пройдёт обсуждение книги «Кто, если не ты?» при самом активном участии инициативной группы молодёжи. Будет развёрнут стенд с книгами Юрия Михайловича из фондов Национальной библиотеки. О том, как пройдёт конференция, будет снят телефильм.

Людей, лично знавших Юрия Михайловича, в Алматы почти не осталось. Документов тоже почти никаких (фотографий и прочее), а они крайне необходимы, поскольку будет выпущен специальный сборник по материалам конференции.

Просим Вас оказать нам посильную помощь в этом очень важном деле. Думается, если с Вашей помощью поскрести по сусекам семейных архивов, кое-что удастся найти.

Юрий Михайлович Герт – фигура знаковая в литературной жизни Казахстана. Без него невозможно представить себе интеллектуальную и – шире – духовную жизнь XX века нашей республики.

С Новым годом Вас, дорогая Анна Петровна! Здоровья Вам, бодрости духа и неиссякаемого оптимизма! Пламенный привет дочери, зятю и внуку.

С глубоким уважением, искренне Ваш – Адольф.

Альмира Калиева
заместитель Генерального директора Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, к.ф.н.

Уважаемые участники Международной научно-теоретической конференции, посвященной творчеству Ю. Герта! Сегодня мы говорим о творчестве писателя с мировой известностью, в судьбе и прозе которого соединены Россия, Узбекистан, Казахстан, США. Главная направленность его художественных текстов – воспитательная. Проблемы нравственности и морали – в центре романов и повестей Ю. Герта, которые обращены к молодому поколению. История всего XX века проходит перед читателями. Несмотря на все трудности и испытания прошедших десятилетий, человек должен оставаться человеком, стойким, волевым, целеустремленным.

Об этом и его эпистолярное наследие, в котором остается ведущим имагологический дискурс. Родным и притягательным остается Казахстан, где живут друзья писателя, его единомышленники. США – на «расстоянии памяти». Гордость за дочь, ее семью, внука согревает строки писем, в которых всегда рядом Анна, верная супруга и редактор, вдохновитель многих произведений. Но читатели произведений Ю. Герта, повествование которых всегда динамично, остаются в Казахстане и России. Желаем участникам конференции внимательного прочтения прозы и публицистики известного мастера художественного слова, память о котором живет в наших сердцах.

Бигельды Габдуллин

Уважаемые коллеги! Рад принять участие в творческом вечере выдающегося писателя Юрия Герта. Он – огромная величина. Но, к сожалению, о нем мало говорят, мало пишут. Что есть, то есть …

Не приветственное слово, а случай из жизни я расскажу.

Какое-то время назад, не помню, то ли вы, Адольф Альфонсович, принесли мне рукопись или Владлен Берденников. Скорее всего Владлен. Я прочел повесть, не большую, и решил ее публиковать в своей газете. Опубликовал полностью в 1995 году, летом, до июля месяца в пяти номерах. И так получилось, что в том году

7 главных редакторов были приглашены на месяц в США. И я подумал, вдруг я встречусь с Юрием Михайловичем. Взял с собой 5 номеров газеты.

Когда мы прилетели в Вашингтон, мне кто-то дал номер его домашнего телефона. Я ему позвонил, он сам поднял трубку: «Добрый день!». Он так обрадовался. Был очень человечный. И вот я смотрю программу стажировки и понимаю, что при пересадке я попадаю в Кливленд на полчаса. Я обрадовался, поделился радостью со своими друзьями. А они смотрят на меня с завистью, будет ли встреча с Юрием Михайловичем или нет. Мы летим в Кливленд, выходим и видим стоят Юрий Михайлович и Анна Петровна. Он стоят и ждут. Невысокого роста, худенькие.

Юрий Герт обрадовался нашей встрече. Мы пили кофе, и он рассказывал, что живет уже 3, почти 4 года, не поддается английский язык, а жена говорит прекрасно. Женские мозги, наверное, свежее.

Я подарил ему газеты. Юрий Михайлович очень обрадовался и сказал, что это первая публикация за годы эмиграции. Было видно, что он рад по-настоящему.

И вот проходят годы, мы с ним созванивались… В январе 2001 года, по воле случая, я тоже оказываюсь в эмиграции. Я остановился в небольшой гостинице. По обыкновению, я решил сделать пробежку. Бегу, бегу и вижу впереди киоск. В киоске покупаю новое «Русское слово», русскоязычную газету. И в этой газете маленькая информация, некролог, что умер в Израиле М. Симашко. Я позвонил Ю. Герту, мы встретились, поговорили. Это была большая печаль. Позже мы продолжали созваниваться, обсуждали идею издания русскоязычного журнала. Вот такие были у нас встречи с Юрием Михайловичем. Он подарил мне часы, которые идут до сих пор.

Роман Ю. Герта «Кто, если не ты», конечно, открытие, литературное открытие не только для Казахстана, для всего Советского Союза. Я много с этим человеком переписывался, часто созванивался. Ю. Герт не только талантлив… Был по-человечески добр, отзывчив, скромен. Таких людей мы должны помнить и пропагандировать творчество.

Спасибо!

Арцишевский А.

Его нестерпимая быль. Юрий Герт

Хотим мы этого или нет, но мы родом из прошлого, и прошлое имеет над нами необоримую власть. И хоть живем мы уже в ином тысячелетии, в иной эпохе, но состав крови у нас едва ли изменился. А формировался он еще в послевоенные годы, когда страна цепенела под властью сталинизма, который мы потом почти по Чехову старались вытравить из себя как остатки дурмана. Но как избавиться от этого морока, если в нем погрязла в те поры вся система, а мы были ее неотъемлемой частью, и мы помалкивали, потому как наготове были и лагеря, и психушки.

А Юрий Герт не молчал. Он говорил об этом громко, во всеуслышание, и его роман «Кто, если не ты?» до сих пор в нашей памяти отзывается рудиментом давней нестерпимой боли. И хотя события романа переплавлены в тигле таланта и вымысла, но в нем живет подлинное дыхание жизни, и то, о чем он повествует, автор сам пережил, сам испытал на собственной шкуре. И допросы в КГБ, и принародные судилища за то, что ты позволил себе смелость думать не по указке, и аресты родных и близких, и тупорылая «эмка», которая могла остановить тебя посреди улицы и увезти в КПЗ. Причем судил-то кто? Ближайшие друзья, которые вчера, казалось бы, дышали с тобой в унисон, а сегодня клеймят тебя как преступника. Да еще тебя же успокаивают после своих обличительных речей: ты, мол, не расстраивайся, все будет хорошо, но – так надо.

Нет, Юрий Герт не возводил баррикад и не лез на баррикады, он просто книгами своими старался говорить правду. И не эзоповым языком, в котором мы тогда все поднаторели и ловили намеки с полуслова, а говорить негромко и с достоинством все, как было и как есть. Человеческое достоинство было для него величайшей ценностью, и, в сущности, все его книги посвящены так или иначе защите этой единственной ценности, которой нас пытались правдами и неправдами лишить.

Не могу забыть своего впечатления от гертовской повести «И пусть повезет гренадеру» – о поездке в Пушкиногорье, о ночи под

открытым небом, проведенной в тех заповедных местах. Повествование было погружено в удивительную ауру ожидания необычного, что непременно должно произойти. Там был пьянящий романтический порыв, там было предчувствие легкости и свободы, но и звучала щемящая тревожная струна. С тех пор прошло почти полвека, но вот ведь не могу забыть того давнего ощущения от прочтения книги, но так бывает всегда, когда соприкасаешься с настоящей литературой.

А следом рассказ «Политанский», почти фантасмагорическая фигура главного героя, в прямом смысле этого слова – героя нашего времени, то есть времени 60-х годов прошлого века. Человека жалкого в своем ничтожестве, но неутомимого в тех паскудных деяниях, что он совершает из чувства долга. Здесь гротеск у Герта достигает почти гоголевской силы.

Но, Бог ты мой, как он умел быть трогательно лиричным, и его повесть «Солнце и кошка» бесценным грузом легла в основание моей души. А бабушкино варенье из ренклодов (есть такой редкий сорт слив) словно пришло из моего собственного детства, как бы послушное воле великого Марселя Пруста, преуспевшего в своих поисках утраченного времени. Читая повесть Герта, ощущаешь и вкус того варенья, и неповторимые запахи детства, одно воспоминание о которых способно сделать тебя счастливым.

Мне, к сожалению, не довелось принять участие в проводах Герта в Америку, и облик его за давностью лет мог бы забыться. Но нет, такие люди не подвержены забвенью. Невысокого росточка, почти изящный и почти невесомый, увенчанный огромной шевелюрой. «Юра, Юра, шевелюра! Юра, Юра – голова! – писал о нем Валерий Антонов. – Как мне дорог этот профиль, этот на сторону нос, и над чистым глазом брови грустно вскинутый вопрос». Это очень точно подмечено («грустно вскинутый вопрос»), в его глазах постоянно ощущалась напряженная работа интеллекта, «думать» для него было основным занятием и времяпровождением на земле.

После редактуры олжасовской книги «Аз и Я», травимый и загнанный в пятый угол, я часто искал душевной и духовной защиты рядом с Гертом. Кстати, именно тогда он без колебаний дал мне

рекомендацию в Союз писателей. Он понимал меня, как никто, поскольку сам почти все время был травим и гоним. Он с превеликими трудами пробивал свои книги в печать. Роман «Лабиринт» ждал своего часа двадцать лет, повесть «Лгунья» – пятнадцать. Но стоило многострадальной книге выйти в свет, как начиналась травля и книги, и ее автора. Временщики, взлетевшие к престолу, особой изобретательности не проявляли (откуда ей у них взяться?), но были неутомимы в этой травле. А на лице Герта как бы таилась полуулыбка, и в его глазах светилось неистребимое упорство. Он вопреки всему продолжал работать над новыми книгами.

«Герт был человеком с чувством собственного достоинства, – вспоминает профессор Тамара Яковлевна Ильина. – Так называлась одна из его публицистических статей, а эпиграфом к ней было четверостишие Булата Окуджавы:

Чувство собственного достоинства…
Кроме этого ничего
Не придумало человечество
Для спасения своего.

Это чувство проявлялось у него во всем. Как-то летней ночью Юра провожал меня домой. Мы шли по безлюдному в это время проспекту и вдруг увидели впереди группу не вызывающих доверия молодых людей. Я предложила не подходить к ним и перейти на другую сторону улицы. Герт возразил:

– Зачем? Ведь нам надо идти прямо, – и мы пошли, не сворачивая».

Виктор Бадиков рассказывал, как однажды они с Гертом ехали в автобусе после военных сборов, и кто-то из пассажиров позволил себе сказать вслух антисемитское словечко. Герт тут же ринулся в его сторону. У меня все похолодело внутри, рассказывал Виктор. По весовым категориям Герт и не сдержанный на язык пассажир весьма разнились. Герт что-то сказал пассажиру. Надо было видеть, как этот верзила покраснел и принес Герту свои извинения.

23 года проработал Юрий Герт в журнале «Простор». Он пришел еще в шуховский «Простор», в звездную пору журнала, когда

его тираж взлетел до 160 тысяч экземпляров. Помнится, тогда здесь был напечатан «Джан» Андрея Платонова, «Хранитель древностей» Юрия Домбровского… Здесь увидел свет и первый роман Юрия Герта.

А почти четверть века спустя было мучительное расставание с журналом, а потом и отъезд в США.

Из Алматы уезжать ему не хотелось. Здесь его знали, здесь был его читатель. Да, были злобные выпады против его книг в печати. Но была и поддержка читающей публики, был успех. А ехать было просто необходимо. Тяжело болел внук, вылечить его могли только в штатах. Да и дочь с зятем твердо решили связать свою судьбу с Америкой.

– Здесь я жил в полном смысле этого слова, – грустно говорил Юрий Михайлович, прощаясь с городом у подножия Алатау. – Туда мы едем с женой доживать.

Тем не менее, за десять лет проживания в Кливленде он написал и напечатал четыре книги – «Эллины и иудеи», «Северное сияние», «Лазарь и Вера» и, наконец, «Семейный архив», объемный многолетний труд. Впрочем, книги эти была задуманы и продуманы еще в Алматы. А с Америкой сердце его так и не срослось. Он тосковал по Алматы, по Казахстану, по алматинским друзьям…

Он ушел из жизни 29 июня 2003 г., как принято говорить в таких случаях, после тяжелой и продолжительной болезни. Говорят, он попросил пришедшую к нему медсестру выкатить его на балкон. Что он там увидел, что хотел увидеть в последние мгновения своей жизни? Может, далекие алматинские горы, парк возле его дома, заросший могучими тополями и кленом; друзей своих, молодых, шумных, которые оккупировали его шестиметровую кухню и не расходились, бывало, до утра. Через несколько минут медсестра по его знаку возвратила Герта в комнату, он лег в постель и умер.

А книги его продолжают жить, рассказывая уже новому поколению читателей про ту нестерпимую быль, которая приключилась с нашей страной и с нами в теперь уже минувшем XX веке. Эта летопись канувшей в прошлое жизни волнующа и правдива. Она переживет нас с вами и, быть может, аукнется в грядущих временах.

Юрий Михайлович Герт (1931-2003). Родился в Астрахани, служил на Кольском полуострове, окончил Вологодский пединститут. Работал в Караганде, потом в Алматы. Автор романов «Кто, если не ты?..», «Лабиринт», «Ночь предопределений», «Приговор», сборников рассказов и повестей «Первое апреля», «Солнце и кошка», «Листья и камни», книги публицистики «Раскрепощение» и др. Его книги всегда были связаны с острейшими проблемами, которыми жило общество: личность и государство, свобода и угнетающий человека режим.

Арцишевский А.

Заноза в сердце

Юрий Герт (1931-2003 гг.) всей судьбой своей связан с Казахстаном. Здесь написана большая часть его книг, здесь он снискал любовь и признание читателей. Но так сложились обстоятельства: на закате дней своих уехал он в США. Здесь успел написать две последних своих книги. Здесь он умер, здесь предан земле.

Он тяжело болел и был ограничен в движении. Говорят, в день кончины он попросил медсестру вывести его на балкон. Мы не знаем, какое небо было в тот день над Кливлендом, но то было небо планеты Земля – небо, под которым прошла его жизнь, исполненная житейских горестей, творческих мук, но и творческих радостей. Угасающим взглядом он последний раз в жизни смотрел в это небо, смотрел на этот благословенный мир, дарованный нам Всевышним. Он прощался с юдолью земной, с которой сроднился за свои 72 года и теперь должен был покинуть ее. Потом его увели с балкона. Он лег и умер.

Юрий Михайлович Герт родился в Астрахани. Испил горькую чашу сиротства: отец погиб на фронте, мать умерла от туберкулеза...

По профессии Юрий Герт учитель-словесник. Работал преподавателем в Мурманской области, служил в армии. Во время армейской службы была опубликована его первая повесть «Преодоление». В 1957-64 годах жил в Караганде, сотрудничал в молодежной газете. Потом 23 года работы в журнале «Простор». В 1964 году вышел в свет его роман «Кто, если не ты?..», вызвавший яростный огонь официозной критики (другой тогда и не было). Потом

были сборники его рассказов и повестей «Первое апреля», «Солнце и кошка», «Листья и камни». В начале 90-х уехал в США, где продолжал напряженно работать. Здесь им написаны роман «Эллины и иудеи», книга рассказов и повестей «Северное сияние».

Литературную жизнь Алматы, да и всей республики, второй половины XX века представить без него невозможно. Он был миниатюрен, тих, немногословен, но в этом изящном человеке таился темперамент борца и трибуна. Его спокойные умные книги отчего-то вызывали ярость чиновников от литературы. У него всегда были очень именитые и сильные враги. После каждой его публикации они открывали огонь из мощных идеологических мортир. Огонь шел на уничтожение.

Было самоочевидно, что в результате такой арт.атаки Герт будет стерт с лица земли. Но всякий раз – о чудо! – он восставал из пепла как птица Феникс, вселяя в нас, униженных и оскорбленных, веру в некую высшую справедливость, в некий Божий суд. А главное, вселяя веру в то, что человек, казалось бы, такой уязвимый и беззащитный, может устоять и выстоять, как бы ни злобствовали сильные мира сего. Потому что он всегда был прав. Потому что он не лгал, не кривил душой, не приспосабливался, не поступался совестью и принципами. Он всегда и везде оставался самим собой.

Та эпоха, как морок, канула в Лету, оставив страшные рубцы на судьбах и в человеческих душах, обманув не одно поколение своим ложным пафосом и псевдо романтикой.

Последние годы он жил в Кливленде. Теперь его отделяли от нас не чьи-то злые козни, а попросту немыслимые расстояния и континенты. Но до последней минуты мы помнили о нем, как и он о нас. И он писал книги, адресуя их читателю, который за тридевять земель. Уже не надо было бояться злобного критика, что захлебнулся собственной злобой и заглох, поскольку не востребован новой эпохой. И мы всякий раз, открывая книги Юрия Герта, ждали новых откровений и новых истин проницательного доброго таланта.

Он умер, но он оставил нам свои книги, и это, быть может, самое важное, что может оставить человек людям, уходя из жизни.

Очерк профессора Лилии Бельской о Герте был написан и опубликован в газете «Шалом» еще при жизни писателя. И мы не

стали менять в нем ни слова, словно бы писатель по-прежнему с нами, словно бы мы, как и прежде, согреты его присутствием, мудрым голосом, светом его животворящей души.

Бельская Л.

Двадцать веков их судьбу определяли две константы: гонения, которым они всюду подвергались, и стремление к свободе, равноправию, независимости, которые ценились ими превыше всего.

Юрий Герт «Эллины и иудеи».

Сколько лет знаю я этого человека? Как писателя – с того момента, когда в 1964 году прочла на одном дыхании только что вышедший в Алма-Ате его первый роман «Кто, если не ты?», в котором была передана гнетущая атмосфера последнего десятилетия сталинского правления, показаны идейные и нравственные искания старшеклассников и приоткрыт краешек страшной правды о репрессиях 30-х годов, когда погиб как враг народа отец главного героя Клима Бугрова.

Мне, восторженной молодой филологине, вдохнувшей вешнего воздуха оттепели, были близки романтические устремления юных правдоискателей из романа и хотелось приобщить к его прочтению как можно больше народа – друзей, знакомых, учеников, – пока у меня не «увели» книгу, о чем я долго горевала. Лишь через полтора десятка лет мне удалось раздобыть другой экземпляр того же, первого и последнего издания, и потом им зачитывались уже мои подросшие дети и их товарищи. Именно этот потертый, потрепанный экземпляр я привезла с собой в Израиль и теперь вспоминаю, что значил для меня 35 лет назад роман начинающего, неизвестного мне автора с библейским заглавием «Кто, если не ты?...».

С тех пор я запомнила имя Юрия Герта и внимательно следила за новыми его произведениями. Особенно пришлись мне по душе две повести: «Колокольчик в синей вышине» – воспоминания о военном детстве и военном отрочестве будущего писателя, и «Грустная история со счастливым концом» – о девочке Тане, фантазерке и лгунье, придумавшей себе подвиг и написавшей о нем в газету.

К 1990 году Ю. Герт стал автором десяти книг. Казалось бы, благополучная литературная судьба. Но я знала, с каким трудом пробивались гертовские произведения в печать, начиная с первого «Кто, если не ты?..». А его продолжение, роман «Лабиринт», действие которого происходило в студенческие годы Клима Бугрова на фоне «дела врачей» и арестов инакомыслящих, пролежал в писательском столе двадцать лет. Повесть «Лгунья» увидела свет через пятнадцать лет. Но рекорд «долголежания» побил рассказ «А ты поплачь, поплачь». Написанный в 1968 г., он был напечатан почти через тридцать лет. А какие разгромно-погромные статьи сопровождали Ю. Герта на протяжении его нелегкого творческого пути – с обвинениями в аполитизме, мещанстве, пошлости, нигилизме, вплоть до «мусорных пейзажей»!

Жизнь вообще не баловала Юрия Михайловича. Родился он в 1931 г. в Астрахани - там когда-то вне черты оседлости разрешили поселиться его прадедам-кантонистам после 25-летней армейской службы. Он рано потерял отца (убит в первые месяцы Отечественной войны) и мать (умерла в эвакуации от туберкулеза), воспитывался у бабушки. В десятом классе по подозрению в антисоветской деятельности его допрашивали в КГБ, он чудом избежал ареста. Не попал в МГУ, «срезанный» на экзаменах из-за «пятой графы», и вынужден был учиться в Вологодском пединституте. По распределению поехал в далекий северный поселок преподавать в школе; работал в молодежной газете в Караганде, где обосновалась после КарЛага его тетя (а ее брат, Юрин дядя, тоже репрессированный, погиб в лагере). Через несколько лет Ю. Герт с семьей переехал в Алма-Ату, стал завотделом прозы в литературном журнале «Простор» и жил в «хрущобе» на окраине города, месте обитания творческой и научной интеллигенции. Там, кстати, в соседних микрорайонах проживали и мои родители, и моя семья.

А познакомиться с Юрой и его женой Аней мне довелось на родительских собраниях в школе, где учились наши дети – их дочь и мой сын. Мы бывали в общих компаниях, встречали вместе Новый год. Они охотно приглашали нас к себе в гости, но ответных визитов избегали. Вначале я обижалась, но потом поняла, что, озабоченные и уставшие от испытаний, перегрузок, болезней, они стараются ограничить круг общения.

Случилось так, что мне понадобились Юрины совет и помощь. Мой муж, измученный тяжелой неизлечимой болезнью, чтобы както отвлечься и забыться, начал писать рассказы о своем геологическом прошлом. И я попросила Юру прочесть их и высказать свое мнение. Он тотчас откликнулся, хотя и опасался, что это графоманские опусы. Однако рассказы ему понравились, и он ободрил умиравшего человека. А позднее написал предисловие к изданному посмертно сборнику. С благодарностью я вспоминаю об этом.

Занятая своими проблемами и горестями, я все реже виделась с Гертами, но слышала о разрыве Юрия с редакцией «Простора», об отъезде в Америку единственной дочери и больного внука, которому срочно была необходима операция на сердце. Узнав об их сборах в дальнюю дорогу, пришла проститься.

Прошли годы. «Расстояния: версты, мили... Нас рас-ставили, рас-садили. Чтобы тихо себя вели. По двум разным концам земли» (М. Цветаева). Герты эмигрировали в США вслед за дочерью и внуком. А я репатриировалась в Израиль тоже к дочери и внуку. Не сразу разыскали мы друг друга. Теперь переписываемся.

А недавно Юра прислал мне две свои последние книги «Эллины и иудеи» («Еврейский мир», Саратов, 1996 г.) и «Северное сияние» («Побережье», Филадельфия, 1997 г.). Одна – документально-публицистическая, другая – художественная, и обе на еврейскую тему, причем первая имеет подзаголовок «Современные вариации на библейскую тему»; она была написана еще в 1988-1990 гг., но шесть лет дожидалась своего издателя.

Сюжетной основой «Эллинов и иудеев» послужили события из жизни автора – семейной и служебной: расставание с уезжающими детьми и конфликт в редакции журнала «Простор». Последний разгорелся в связи с публикацией очерка, в котором Герт почувствовал антисемитские интонации. Редакция не согласилась с его мнением и Герт подал заявление об уходе - после 23 лет работы в редакции. Юрий Герт вглядывается в лица своих коллег и товарищей, с которыми проработал столько лет, и, припоминая мелкие, незаметные случаи, поступки, реплики, осознает, что почти в каждом из них таится антисемитский душок, но он не хотел этого замечать.

Личный сюжет развивается в «Эллинах и иудеях» на широком фоне истории русского еврейства и российского юдофобства, представленной в документах и высказываниях исторических деятелей, начиная от Ивана Грозного, приказавшего утопить тех пленных евреев, кто не пожелает креститься. Герт прослеживает две традиции в отношении русских к евреям. Одна связана с именами писателей и ученых, выступавших в защиту еврейской нации, отмечавших, что ненависть к любому народу – гнусность, что в основе антисемитизма лежит бездарность, что он безнравственен по существу и крайне опасен для будущего России (В. Короленко, В. Соловьев, А. Толстой, Н. Бердяев, Д. Мережковский, И. Мечников, В. Вернадский). Другая традиция, уходя в далекое прошлое, процветает и в настоящее время. В книге цитируются указы российских монархов и германские «нюрнбергские законы», рассуждения Вольтера, Фихте, Достоевского; упоминается о деятельности «Союза русского народа» и приводится статистика погромов и эмиграции евреев из России в конце XIX – начале XX века. Перечислены и последующие этапы уничтожения русских евреев – от гражданской войны до «дела врачей». Формула решения еврейского вопроса, предложенная более ста лет тому назад Победоносцевым («Одна треть должна креститься, другая – эмигрировать, третья – сдохнуть с голоду»), близка к исполнению в усеченном виде: изгнать или уничтожить – вот девиз современных антисемитов.

Переходя ко дню сегодняшнему (конец 80-х годов), Ю. Герт убеждается, что националистические волны захлестывают весь Советский Союз, что непременными спутниками «коричневой чумы» становятся все проявления расизма, но евреи по-прежнему наиглавнейшие враги и виноваты и в революции, и в сталинских репрессиях, и в разрушении экологии, и в геноциде русского народа. А так как антиеврейские настроения существуют и в других странах, то «антисемитизм –- международный язык фашизма» (Ю. Тувим). Документы, цифры, факты, собранные воедино в «Эллинах и иудеях», производят удручающе-мрачное впечатлений. Но ими не исчерпывается содержание книги, недаром автор определил ее жанр как «лирико-философское эссе». Лирически окрашены и исторические экскурсы, и раздумья о современности, и новеллы о

друзьях и знакомых. Философский центр эссе – вечные вопросы «Кто мы? Откуда? Куда идем?», вынесенные в заглавие одной из его глав, и поиски ответов. Сравнивая себя со своими дедом и бабушкой, осознававшими себя евреями, повествователь признается, что не ощущает своей принадлежности к еврейству и отвергает заявления типа «я чувствую себя русским, евреем, французом» как шизофренические, вроде «я считаю себя крейсером или чайником». Однако, относя себя к «людям великой русской культуры», всегда защищавшей униженных и гонимых, знает, что его место среди них. А потому, пока продолжается травля евреев, он – еврей. Вот так, пусть не сразу, происходит национальное самоопределение автора и обретение своих корней.

Вторую книгу «Северное сияние» составляют рассказы и повести, в основном сочиненные уже в США, но посвященные (за одним исключением) советскому прошлому с его антисемитизмом. Герой-рассказчик с детских лет сталкивается с неприязнью окружающих, которые презирают и ненавидят его за то, что он еврей; в начале войны ему, 10-летнему ребенку, пришлось услышать от всегда приветливой и добродушной бабушки своей школьной подружки «сдавленное шипение»: «Ах ты, жиденок!.. Ну погоди, до вас до всех еще доберутся!»« («Трещина»); в эвакуации его преследовала, обзывала «Абрашей» и «жидом пархатым» и избивала орава подростков во главе с калекой на костылях, а мальчик не мог поднять на него руку («А ты поплачь, поплачь»); он старается стать лучше других – умнее, образованнее, честнее, благороднее, хочет помогать людям, готов трудиться в любом уголке страны, любит родную землю, ее природу, но его отвергают как чужака: «Вся ваша нация такая... Суетесь, куда не просят... А что вы в нашей жизни понимаете?» («Северное сияние»).

В рассказе «Сионист» автор-повествователь, уволившись из газеты из-за антисемитского фельетона, перебирает в памяти юдофобские «уколы», перенесенные им с детства. То это словцо «жидик», брошенное соседом по парте; то заниженная оценка на экзамене в МГУ; то провокационный вопрос следователя о дружбе с евреями. Вспоминает он и встречу с сионистски настроенным бывшим зэком, который поделился с ним мечтой о «родине наших

предков», где наконец-то соберутся все «свои». Тогда героя обидело отделение «своих» от «чужих»: какие же это чужие, если с ними прошла его жизнь? Но тут он вдруг осознал, что всю жизнь гордился своей принципиальностью по отношению к братьям по крови и собственной «непричастностью к еврейству». «Нет, не кого-то – самого себя судил я в эти дни, себя – втайне гордившегося тем, что никогда не чувствовал себя евреем и вспоминал об этом лишь тогда, когда напоминали другие, и негодовал за это на них, и, не чувствуя себя евреем, постепенно превратился в «полезного еврея». Полезного – кому?..

Повесть «Хочу быть евреем» – «почти невыдуманная история из нашего почти фантастического прошлого» о том, как в 1980 году целый школьный класс в знак протеста против антисемитизма взрослых записался в анкетах евреями и одержал победу, и сплотился, а впоследствии бывшие школьники, разъехавшись по всему миру, сохранили выстраданное чувство человеческой общности: все мы жители планеты Земля.

Я читаю новые книги Юрия Герта и думаю вот о чем. Мы привычно повторяем изречение «Нет мук сильнее муки слова». А разве ДЛЯ писателя не мучительнее молчание, означающее задушенное, умерщвленное слово? В прежних гертовских произведениях не было ни отзвука запрещенной еврейской темы. Какую боль носил он в душе, какая заноза постоянно саднила и нарывала в его сердце! Только теперь он обрел возможность высказаться и облегчить душу, но... потерял читателей. Раньше книги Герта издавались 100-тысячными тиражами и расходились по всему Союзу. ««Эллины и иудеи» насчитывают тысячу экземпляров, а «Северное сияние» – всего пятьсот. А ведь потенциальные читатели Ю. Герта живут не только на просторах СНГ, но и в Израиле, куда он однажды приезжал и опубликовал в журнале «22» один рассказ. Писатель уже не молод, не здоров и не богат, и ему остается жить надеждой, что голос его будет услышан всеми.

2001 г.

Тамендаров Ф.Ф.

Я работаю главным редактором литературно-художественного журнала «Простор» совершенно недавно. Мне выпал исторический шанс. Когда я зашел в кабинет, в котором хранятся все номера журнала с 1933 г., я окунулся в прошлое и настоящее литературной жизни страны. На это ушел месяц.

Я перебирал подшивки... Сменялись главные редактора… В журнале печатались Иван Шухов, Дмитрий Снегин, Иван Щеголихин, Морис Симашко, Николай Ровенский, Валерий Антонов, Юрий Герт, Надежда Чернова. На 90-летие журнала Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев отметил наградами главных редакторов издания и его наиболее активных сотрудников и авторов. Среди них и Надежда Чернова, которая бережно сохранила переписку с Ю. Гертом.

Мы собрались сегодня потому, что нас пригласила ассоциация «Мицва», а главным вдохновителем Международной научной конференции, посвященной творчеству Ю. Герта, стал Адольф Альфонсович Арцишевский. Идея проведения была поддержана Институтом литературы и искусства имени М.О. Ауэзова.

Таких авторов надо помнить. Мартовский номер нашего журнала полностью посвящен Морису Симашко. Уверен, что и сегодняшние доклады будут опубликованы. Мы все любим «Простор» и помним всех, кто в нем работал.

Жаксылыков А.Ж.

Я лично знал Юрия Михайловича Герта. Мы общались с ним лет пятнадцать. Познакомил меня с ним Мухтар Ауэзов.

Юрий Герт учил меня работать. Я был сырым автором, надо было меня учить. Необходимо было учиться писать.

Я не встречал больше в жизни такого доброго, вдумчивого человека как Юрий Михайлович, который так работал с молодым автором…

Надежда Чернова опубликовала мой первый роман «Поющие камни». До этого «Простор» опубликовал 5-6 моих рассказов «Вне правил игры» и еще несколько. Все эти вещи мне помогал готовить

к печати Юрий Михайлович. Каждое слово он со мной прорабатывал, десятки раз возвращал текст на доработку. Я проходил пороги отчаяния, но позже сделал вывод, что благодаря Юрию Михайловичу я смог состояться как литератор, выработать у себя отношение к литературе. Понять, что его требовательность, его обучение совершенно необходимая вещь. Иначе говоря, он демонстрировал большую культуру редакторской работы, воспитательной работы. Он не уставал вести молодого писателя. Можно было отмахнуться. Таких как я было немало. Были десятки других, с которыми он встречался и, тем не менее, он меня все вызывал и вызывал, уговаривал продолжать работать.

В моей памяти Юрий Герт остался изящным, миниатюрным человеком, легким, как Буратино с копной жгучих черных волос. В его глазах светилась доброта. Он был, несомненно, стратег в литературе. Он вел свою борьбу, вел свою линию. Имел принципиальную позицию. Мы у него учились. Я готовлю статью по его произведению «Приговор». Это антифашистская вещь.

Его позиция как литератора, человека, личности, как гражданина была несгибаема. Так он боролся всю жизнь. Это был человек цельный, полностью реализовавший свою судьбу.

Чернова Н.М.

Совместная работа переросла в товарищеские отношения. Но при этом Юрий Герт всегда разделял дружбу и работу, в которой проявлял твердость, и таким же образом воспитывал своих учеников – редакторов и писателей. В работе с молодежью он проявлял терпение, его доброжелательность сочеталась с требовательностью. Он был педагогом по профессии и по складу своего характера. Он постоянно занимался с молодежью, поставил на крыло многих молодых писателей. Наряду с Асланом Жаксылыковым это Геннадий Доронин, Вера Галактионова, Михаил Пак, Николай Веревочкин. Это авторы, выстрелившие с первой публикации, их произведения стали событийными.

Герт находил пути обойти цензуру, старался защищать одаренных авторов, учил литературную молодежь писать иносказательно. Он предложил открыть рубрику «Путешествия, приключения,

фантастика». Старики сказали, что фантастика – это баловство, литература «второго сорта», противились, но он настоял на своем и окунулся в эту работу с головой. Он связался с Борисом Стругацким, консультировался с другими сильными авторами.

Герт вел переписку с Ленинградом, Новосибирском, другими городами, где были сильные писатели-фантасты. Это принесло плоды – в редакцию стали присылать рукописи по научной фантастике. Однажды постучался мальчик – Сергей Лукьяненко. Сегодня это известный писатель, автор знаменитых «Дозоров».

Вспоминаю первые годы работы в отделе прозы журнала «Простор». В то время под началом Юрия Герта я постигала науку редактирования текстов, малых и больших литературных форм. Он проговаривал все нюансы, обращал внимание на детали, необходимые в работе редактора. Гонял меня как сидорову козу и в один прекрасный день решил, что мне уже пора доверить серьезную рукопись, сказал: «Будешь редактировать новый роман М. Симашко». Тут я вообще упала в обморок. Ну, правда, М. Симашко я к тому времени знала, дружила с его дочерью Риммой. Но одно дело – отец подруги, а другое – большой писатель. Герт наставлял: «Не бойся, главное, не уступай ему, проявляй в редактуре твердость».

Но Морис меня обезвредил с ходу. Он со мной был исключительно на «вы», пришел в отличном костюме с Эйфелевой башней на лацкане, был надушен дорогим парфюмом, принес коробку конфет. Наша редактура проходила так: мы пили чай, ели конфеты и мирно расставляли знаки препинания. Герт иногда отрывался от работы, с усмешкой на нас глядел и говорил: «Симашко, не развращай мне молодого сотрудника». Наконец мы решили, что работа сделана, вручили рукопись Герту – и тут началась буря. Когда он прочитал все это дело, разнес мою редактуру в пух и прах, нашел много недочетов и провалов. Пришлось доделывать работу.

М. Симашко противился, были жаркие споры, но в итоге пришли к соглашению о необходимости редактуры по замечаниям Ю. Герта. Это было для меня школой! Потом я редактировала многих, но этот опыт неоценим.

Жаксылыков А.Ж.

Философские аспекты повести Ю.М. Герта «Приговор»

Конфликт, положенный в основу содержания повести Ю.М. Герта «Приговор», наиострейший и в психологическом, и социальном смысле, многомерно отражает процессы, назревшие в обществе в «застойный» период. В реалистичности повествования сомневаться не приходится. Впечатление «жизненной густоты», достоверности изображаемого обусловливается самой манерой авторского повествования, для которой характерны искренность, страстность, а также отношением автора к действительности, стремлением проникнуть в суть сложнейших социальных и нравственно – психологических проблем современности. «События выскальзывают из-под власти людей», – вот, пожалуй, один из постоянных скрытых мотивов повести Ю. Герта. Событийно-ситуационный ряд в произведении – это цепочка «роковых», не зависящих от человека происшествий, приводящих героя к краю пропасти. События вышли из-под власти человека не потому, что так предопределено, исход определен самим героем, который не откликнулся на вызов Времени всем сердцем, всей совестью, который в творчестве добра в какой-то степени был формален.

В повести «Приговор» одним из основных мотивов является незатихающий ни на минуту поиск журналистом Федоровым той самой «точки», с которой «все» и началось, когда он упустил из виду развитие духовного мира сына, ставшего убежденным преступником. В поисках той самой точки Федоров этап за этапом перебирает в памяти всю свою жизнь, как ему кажется, честную, наполненную праведной борьбой против зла – социального мракобесия, шовинизма.

С нарастающим от страницы к странице моральным обвинением против самого себя, стремлением познать корни «зла» в самом себе связан философско-публицистический план произведения, занимающий важное место в структуре повести, – это размышления Федорова о «мировом зле», об истории фашизма и спонтанности человеконенавистнических учений. Показательно в этом аспекте то, что фрагменты философско-публицистического текста появляются в тех моментах повествования, когда самообви-

нение Федорова приобретает наиболее напряженный характер, сознание героя уже не в силах выносить лавину давящих безжалостных вопросов. Диалог с самим собой превращается как бы в монолог о мировом зле, плоскость более широкого и масштабного выхода к глобальным нравственным проблемам человечества становится средством пространственно-временного разрастания индивидуального, локального диалога в «большой» диалог героя с мировым читателем. Сознание Федорова как бы переключается на осмысление многосложной жизни планеты в ее исторической динамике, обобщает те факторы индивидуальных и массовых проявлений зла, которые не раз приводили человечество на грань катастрофы.

Проблема вины и ответственности носит в русской классической и европейской литературе характер «генетического кода», запрограммированного в культуре. Достаточно вспомнить творчество Т. Манна, Л. Толстого, Ф. Достоевского и др. В повести Ю. Герта, современного прозаика, писателя XX века, преломилась основная нравственно-философская проблематика мировой литературы.

Федоров журналист. Этим в немалой степени обусловлен страстный разоблачительный пафос его размышлений, в этом и истоки его неостановимого движения к трагической развязке. С той же энергией, с какой он преследовал общественное зло, журналист начинает обвинять самого себя. Чувство многомерности вины образуется из разных истоков: это и осознание своей невнимательности по отношению к взрослеющему сыну, память о всех невольных компромиссах, след в памяти о тяжелых периодах семейной жизни, молчание перед вопросами сына о причинах разгула фальши в жизни страны. Однако, как полагает Федоров, самая большая его вина заключается в отсутствии наступательной нравственной целостности в его душе. Вот почему вся его принципиальная общественная деятельность по экологическим проблемам воспринимается сыном как беспомощная. На суде Виктор заявляет о своем отношении к телемероприятиям отца:

« – Честно говоря, они казались мне довольно-таки примитивными.

– Это в чем же?

– Да хотя бы в том, что в жизни все сложнее. А то и совсем не так»[1] [с.112].

По мысли автора, не только сама общественная раздвоенность вокруг лжи, не только социальная беспомощность отца толкают сына по тропе зла к переоценке главных ценностей жизни, но и воспитанное желание во что бы то ни стало быть сильным человеком, стать сверхличностью, для которой не существуют нормы этики. В глубине подтекста скрыта мысль о первопричине этого неудержимого желания подростка стать сверхчеловеком – о несознаваемом, потаенном страхе перед необозримой социальной пирамидой жестко иерархированного общества. Внушить этот страх Виктору добродушный отец никак не мог, на обществе при всех его застойных явлениях всей вины лежать не может, значит ли это, что зло имманентно?

Все существо Федорова противится мысли, что зло могло быть уже в первородстве. Он вспоминает младенческие годы Виктора, как он болел корью, проходят перед глазами первая улыбка ребенка, первые шаги... Вспоминая пожар, случившийся в степи, когда они с сыном боролись против огня бок о бок, Федоров понимает, что слишком мало было в их жизни минут такого единения, чтобы они могли стать стеной на пути морального разложения. Однако и здесь он не находит всей своей вины. Да, вакуум, не заполненный светом добра, неизбежно заполнится злом. В то же время в перерождении Виктора нет механической обусловленности.

Федоров-солдат воевал на фронте против фашизма, дошел до Берлина. После войны он продолжал битву посредством журналистского пера. Но через много лет фашизм, казалось бы, убитый в логове, настиг борца и поразил в самое сердце – отобрал у него сына. Есть силы в обществе социального неравенства, заинтересованные в моральном перерождении дезориентированной молодежи. Есть их исполнители, действующие среди нашей молодежи. Их целенаправленный отбор порою точен. Они начинают работу с теми, кто уже сам себя успел обучить азам человеконенавистничества. Таким исполнителем чужой воли выступает в повести учитель каратэ – преступник Шульгин.

В связи с темой каратэ и теорией этой японской борьбы в повествование входит тема восточной философии, всплывает имя буддистского монаха Бодхихармы, который основал в средневековом Китае первый дзэнский монастырь и принялся обучать

послушников азам грозной борьбы. Однако автор далек от того, чтобы обвинять восточную философию в рассеивании зародышей зла. По мнению повествователя, все дело в искаженном и изначально неправильном восприятии тысячелетних истин восточной философии. Именно в этом смысле нужно воспринимать фразу из индийской философии, которая рефреном звучит в повести: «Когда готов ученик, приходит учитель». Из сокровищницы восточной духовности, где основной смысл в беспредельном альтруизме, современные искатели силы в виде Шульгина и ему подобных берут только то, что могло бы стать оружием – приемы психотренинга и выработки сиюминутной боеготовности.

Одна из глубоких мыслей автора повести заключается в понимании непрерывности острейшего противостояния добра и зла. Любовь к человеку, мудрость сами собой не приходят, они взрастают на почве подвижнического труда, борьбы за справедливость за счет нравственности в душе личности. В повести подчеркивается, что эти важнейшие факторы нравственного воспитания человека находятся в неуправляемом состоянии, молодой человек с детских лет окружен отупляющей рок-музыкой, с экранов потоком льются сцены насилия, по рукам ходят затрепанные книжки, на страницах которых смакуется эротизм. Многозначительно звучат на суде слова Виктора:

« – Вы не думайте – Чайковский, Шопен – я не против. – Но иногда мне куда приятней, скажем, «тяжелый рок». А им подавай только то, что было сто лет назад.

– А вам эта музыка чем нравится?

– Человек ее слушает и чувствует себя раскованно»[1] [с.112-113].

В повести Ю. Герта отчетливо проявилась связь с основной философской проблематикой творчества Ф.М. Достоевского, сущность которой выражена в коллизиях романов «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», – это мысль об искупительной сущности страдания и нравственной обреченности любых поползновений к праву на насилие над другими. Ю. Герт далек от того, чтобы в традиционном русле продолжать развитие известной проблематики, давно утвердившей себя в мировой литературе. Однако идейно-эстетическая связь с духом исканий Ф. М. Достоевского в

повести Ю. Герта все же служит как бы предостережением о том, что все в этом мире повторяется, и повторяется роковым образом, поэтому корреспондирующая связь с опытом великого классика все же находит прямой выход в нашу современность, в ее узловые проблемы.

Таким образом, в проблематике повести Ю. Герта «Приговор» нашли яркое и глубокое отражение назревшие вопросы общественного бытия и морали современности, зашедшей либо в тупиковые ситуации, либо в катастрофические для всей цивилизации обстоятельства.

Ю.М. Герт был неординарным человеком, замечательным писателем, мыслителем, он очень остро и масштабно реагировал на вызовы эпохи, создавая сложные, философски насыщенные произведения, которые до сих пор волнуют читателя. Он жил в трудное время, в стране, где за общественными кулисами творились неправедные вещи, о которых нельзя было говорить, а писателям рекомендовалось молчать, стоять в стороне, по крайней мере – лицедействовать. Так было выгодно и удобно всем, за молчание даже платили. Так режим приучал художников слова, писателей, поэтов, критиков, деятелей искусства, философии, публицистов к большой лжи, которая, по сути, была идеологическим оружием. Ю.М. Герт не молчал. Его эмиграция за рубеж в девяностых годах тоже была выражением его позиции.

А. Арцишевский так характеризует творческую, социальную позицию Ю.М. Герта: «Нет, Юрий Герт не возводил баррикад и не лез на баррикады, он просто книгами своими старался говорить правду. И не эзоповым языком, в котором мы тогда все поднаторели и ловили намеки с полуслова, а говорить негромко и с достоинством все, как было и как есть. Человеческое достоинство было для него величайшей ценностью, и, в сущности, все его книги посвящены так или иначе защите этой единственной ценности, которой нас пытались правдами и неправдами лишить»[2] [с.309-310].

1. Герт Ю. Приговор. – Алма-Ата: Жазушы, 1987. – 432 с.
2. Арцишевский А. Его нестерпимая быль. Юрий Герт // Арцишевский А. Наедине. – Алматы: Идан. – 2021. – С.309-310

Ананьева С.В.

Пространство времени Ю. Герта

Бахыт Кенжеев как-то написал о М. Симашко:

Пространство времени – вот родина его!
Он в нем кочует, выбравшись из плена
Сиюминутных благ, беспамятных забот…
Он там – в миру негаснущем, нетленном.

Это поэтическое посвящение – размышление с полным основанием характеризует Ю. Герта, чьи художественные произведения актуальны и в XXI столетии. Посвящены они вечным, непреходящим нравственным ценностям. Обращены к нам и молодым читателям. Заставляют о многом задуматься, поразмышлять…

Роман Ю. Герта «Кто, если не ты?..», созданный методом социалистического реализма, демонстрирует освоение художником слова закономерностей общественно-исторического развития всего многообразия жизни определенного исторического периода. В то же время мы видим органичный синтез опыта русской классической культурной традиции и эстетики модернизма.

Роман автобиографичен. Те, кто бывал в Астрахани или вырос в южной Венеции России, по названиям рек (Волга) и речек (Кутум, Стрелка), деталям городской жизни и быта (речные трамвайчики между городом и пляжем; скверик на Московской; машина для упаковки консервов; лесотарный завод, работники которого собирают ящики для консервных банок), пейзажным описаниям легко узнают город, где прошло детство писателя.

Город детства – мост через Кутум, городской парк и т.д. Это место, где начался жизненный путь будущего прозаика. Возвращался ли он хотя бы мысленно в Астрахань, меняя места своего жительства?!

Когда Ю. Герт уезжал в США среди провожающих был наш известный литературный критик Н. Ровенский. Николай Степанович работал в это время в нашем Институте, в отделе взаимосвязи литератур по настойчивому приглашению своего друга (не ситце-

вого, шутили они. – *С.А.*) доктора филологических наук, профессора Ш.Р. Елеукенова.

Готовя к изданию материалы прошедшей с большим успехом в феврале этого года Международной научной конференции, посвященной творческому наследию известного писателя со всесоюзным именем, обратила внимание на то, как тепло в своих письмах вспоминает Николая Степановича Юрий Михайлович. В эссе пишет о встречах с Н. Ровенским в Союзе писателей Казахстана, в редакции «Простора». А Николай Степанович переживал, как отразится отъезд прозаика на его дальнейшем творчестве. И именно Николай Степанович подтвердил мое предположение, что действие романа «Кто, если не ты?..» Ю. Герта происходит в Астрахани. Нигде в тексте произведения название города не упоминается.

Волжские просторы, степные расстояния раздвигают рамки действия романа. Для главного героя романа семьей были его книги. Так, концепт чтения проходит лейтмотивом всего повествования. Книжные шкафы, полки, стеллажи подробно описываются в домах и квартирах друзей и одноклассников. Не случаен спектакль, поставленный в школьном театре, наполнивший всех счастьем до краев.

«Я в человека верю», – убежден Клим (и, безусловно, автор романа. – *С.А.*). «Кто, если не ты, и когда, если не теперь…» – важнейшая мысль романа. И отбивают время куранты старинного Кремля (в Астрахани он, по-своему красив и уникален, включен в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. – *С.А.*), вокруг стен которого, видавших многие сражения и осады, тянется городской сад.

Особую роль как свидетель эпохи играет дневник Киры. Мальчишьи забавы: наблюдали Марс в самодельный телескоп. Взгляд выхватывает из интерьера «шарфик, завернутый в газетку». Вещная деталь как свидетель эпохи.

Ю. Герт – великолепный стилист. Голос у персонажа «треснул как пересохшая щепка»; «лязгнул наружный ставень» у дома (и это действительно так, более удачного глагола трудно подобрать. – *С.А.*). «Полуоторванный лист железа хлопал как крыльями птица». Неповторимы портретные описания: «улыбка получилась бледной и неоконченной»; «сломанные усмешкой губы» и др.

Важны детали семейного быта: сундук, этажерка, бумажные цветы, которые делают ученики, чтобы пойти с ними на демонстрации; вязаный половичок в прихожей. Колонка во дворе с питьевой водой, наполненные ею ведра хозяйки несут в дом на коромыслах. Бюстик Н.Г. Чернышевского, побывавшего, как известно, в городе на Волге. Гастрономические предпочтения сурового времени: разделали судака, на столах сухая воблёшка (на ней и выжили). И называют, действительно, воблу в Астрахани – воблёшка.

Пейзаж играет в произведениях Ю. Герта особую роль. Например: «Город спал, укрытый мраком и тишиной как стеганым одеялом». В. Бадиков в одной из своих статей пишет о влиянии на Ю. Герта Ю. Олеши. Но было бы интересно сравнить пейзажные описания в текстах К. Паустовского и Ю. Герта. Во всяком случае небо, звезды описываются очень похоже. Как известно, К. Паустовский был в Астрахани и Западном Казахстане. Не забываемо «черное небо», нависшее над городом «как шепот».

Пространство романа «Кто, если не ты?..» охватывает город на Волге, степные и речные просторы. Это родина Ю. Герта, и место, где разворачивается действие произведения, что придает тексту особую достоверность и привлекательность, «работает» на увлекательность повествования.

Хамраев А.Т.

Об образе времени в романе Ю. Герта «Кто, если не ты?..»

Роман Ю. Герта «Кто, если не ты?..» опубликован издательством «Казгослитиздат» в 1964 году [1]. Очевидно, писатель своевременно стремился дать характеристику эпохи сталинского времени в период хрущевской оттепели. Такая оценка свидетельствует о том, что Ю. Герт в морально-нравственном плане открыто поддерживал курс страны по разоблачению культа личности советского вождя. Действие романа происходит в конце сороковых годов. Время произведения также является неслучайным. Писатель осознанно переосмысливает общественно-политические

и культурные изменения, которые происходили в послевоенное время в стране.

Отец главного героя романа Клима Бугрова был расстрелян в 1937 г. как враг народа, трагическая правда раскрывается ему позже. Таким образом главный герой произведения опережает время и бросает вызов окружающим людям, которые вольготно чувствовали себя в сталинские годы, и постепенно становится «чужим». Ю. Герт знал, что в 1930-1950-е годы образ И.В. Сталина был одним центральных в советской литературе. Произведения, связанные с культом личности Сталина, в изобилии появились не только в советской печати, кинематографии, музыке, живописи, скульптуре, монументальном и изобразительном искусствах, но и в фольклорных текстах. Писатель, будучи молодым, как и его главный герой Клим Бугров, бросает вызов общественной лжи («антимиру, по А. Вознесенскому) в культуре и литературе.

Такое изображение образа времени в годы хрущевской оттепели выделяет Ю. Герта как романтически настроенного человека подобно Дон Кихоту. Он стремится к честности, справедливости, искренности и чистоте в отношениях в обществе.

Общественно-политическая ситуация в постсталинскую эпоху вынуждала молодых писателей искать ответы на многие волнующие вопросы современности. И Ю. Герт, наряду с другими значимыми представителями этого периода – В. Астафьевым, Б. Ахмадуллиной, Р. Рождественским, А. Вознесенским, Е. Евтушенко, Ч. Айтматовым, О. Сулейменовым, глубоко переосмысливал эпоху Сталина в искажении и создании мифологической картины советской истории. Писатель, несомненно, был знаком с произведением А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (первоначальный вариант произведения «Щ-854»), опубликованном А. Твардовским в журнале «Новый мир» в 1962 году.

Историк В. Иванаускас, рассуждая о современной литературе Литвы, пишет, что «после десталинизации мы можем наблюдать изменения в писательской среде, которые были связаны с появлением молодого поколения, входящего в профессию, появлением новых стилей в прозе и поэзии, а также определенными национальными ценностями наряду с идеологическими принципами.

Каждое поколение привносило изменение роли, которую литовские писатели играли в официальных процессах. Эта роль сместилась от участия в институциональной идеологической доктрине к участию в этнонациональных процессах, а впоследствии смещается в сторону формализма и динамики идей» [2, с.85). В идейно-художественном плане роман «Кто, если не ты?..» вносил значительную лепту не только в современную литературу Казахстана, но и в литературы СССР.

Главные герои романа – ученики школы представлены как мини общество. Некоторые из них прекраснодушные, романтичные, но бунтующие и ищущие справедливости. Им противостоят кое-кто из учителей, родителей, особенно комсомольские вожаки. Они изображены как лжецы и трусы, а некоторые вовсе подлецы. Отрицательный образ директора школы, как интриганки и доносчицы, особо выделен писателем. Ее мерзкие поступки и бесконечные подозрения являются вызывающими и запоминающимися. Директриса выступает против любого объединения учащихся, такое объединение называет – компаниями, где употребляют, по ее мнению, алкогольные напитки. Ее сторонники высмеивают хороших учителей, порочат добропорядочных учеников, сочиняют грязные пасквили и т.д. Они раздувают шумиху, некоторые лица подхватывают это и начинается всеобщий психоз. Школьники штудирует классиков марксизма-ленинизма, думают о мировой революции, хотят быть героями своего времени. Таким образом, обобщенный образ времени в романе «Кто, если не ты?..» превращается особый символ.

Реципиент внимателен к эпохе Сталина, к жизни молодежи. На квартире другой школьницы происходят совершенно иные события. Ученики проводят сходки, встречи, на которых обсуждают сложившуюся ситуацию, борются с пустословием, мещанством в их понимании, сочиняют сатирические пьесы, мечтают создать объединение, которое сплотит неравнодушных смельчаков. Итак, благодаря закручиванию спирали сюжета, объективно возникает волнующее представление читателя о сложном противоречивом характере советского общества того времени. Старшеклассники если и виноваты, то только в том, что они молоды и честны. Кульминация романа подвижна, финал открытый.

Резко прерываются события накануне главного судилища. Сам писатель сообщал, что роман «Кто, если не ты?..» не является выдумкой, фантазией автора. Произведение состоит из «воспоминаний, писем, протоколов, дневников, газетной информации, биографических данных» и т.д. На наш взгляд, в образе Клима Бугрова скрыт образ актора. Главный герой постепенно узнает правду о врагах народа, в частности, о своем отце. Общество доверяло руководителям страны, но постепенно прозревало. Так происходил всеобщий процесс избавления от стереотипов довоенных лет [3].

Писатель активно участвует в завершении процесса постсталинской социалистической трансформации на советском художественном пространстве в 60-е годы. Именно социально-политический и исторический сдвиг дал импульс более активному, а главное, постепенному созреванию у отдельных писателей той модели духовного развития, которая, по мнению казахского художника А. Нурпеисова, обрела «кровь и плоть» в результате такой трансформации.

1. Герт Ю. Кто, если не ты?.. – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1964. – 557 с.
2. Иванаускас В. Литература Литвы // Мировой литературный процесс XXI века / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Әдебиет Әлемі, 2016. – С.83-98
3. Хрущевская оттепель // Википедия // https://ru.wikipedia.org/wiki *(дата обращения: 15.12.2024).*

Бадиков В.В.

Кто, если не мы? Юрий Герт

Читателю, конечно, знакомы сдержанная эмоциональность гертовского повествования и остро личная, гражданская заинтересованность делами наших дней, процессами духовного обогащения и вызревания новой личности. Сущность нравственной и социальной проблематики, волнующей писателя, была точно выражена в названии первого романа – «Кто, если не ты?..» (1964 г.). В произведениях 70-80-х годов этот призыв к социальной активности расширялся: кто, если не мы, должны жить во имя самой высокой правды, бороться за нее ежечасно, ежедневно – и в самих себе и в других?

Ю. Герт не боится того, что его герои подчас могут показаться слишком прямолинейными и ригористичными. Думаю, в восприятии читателя их спасает какая-то изначальная человеческая бескомпромиссность, слитность внутреннего порыва и обдуманного решения. Пафос волевого самоочищения у Ю. Герта неразрывен с обличением людей, умеющих негодовать трусливо, бессильных пойти на риск открытой схватки с негодяем («Политанский»). Но как бы ни занимали писателя политанские и им подобные, он всегда противопоставит им свой идеал – человека подлинной и смелой чести, совести, долга. Проза Ю. Герта высветлена убежденностью в нелегкой, но неизбежной победе гуманизма, правды над косностью и фальшью равнодушия.

Писатель стремится не только отстоять и возвысить нравственные критерии нашего общества. Он по-своему остроконфликтный художник. Его привлекают коллизии очень злободневные, болезненные явления, изживаемые с трудом. Это прежде всего столкновения морального плана, в которых захватывает поиск человеческого в человеке. Когда в тяжелом походе солдат мучает нестерпимая жажда, то пожертвовать каплями воды для товарища – это уже подвиг («Глоток воды»). Учителя, убедившего выпускницу пойти на сделку с совестью (переписать сочинение для медали), постигает самое страшное – ученица перестает ему верить («Медаль»). В рассказе «Сирень» запоздалые укоры совести уже не могут спасти очерствевшую душу столичного инженера – именно от этой черствости умирает его одинокая мать. Это ранние,

начальные рассказы, но они очень гертовские, в них нет легких решений и назидательности.

Точность слова, интенсивность переживания отличают рассказ «Первое апреля» и повесть «И пусть повезет гренадеру!». В них заметно художественное взросление писателя – умение говорить, по существу, с ощутимой мыслительной нагрузкой самой незначительной детали.

В повести «И пусть повезет гренадеру!», развивающей тему «Политанского» – тему борьбы с гражданской пассивностью, особенно ярко прозвучала мысль о том, что наш современник не просто должен принимать мир целиком, какой он есть, но и смело, творчески вторгаться в него. С точки зрения центрального героя повести Еремина, близкого автору, социальная безынициативность – главный тормоз духовного развития личности. Никогда нельзя опускать руки в работе и жизни.

Очень неравнодушно читаются до сих пор повести, посвященные семье и школе – «Третий лишний» и «Лгунья», которую автор переиздал в 1984 году под названием «Грустная история со счастливым концом». И хотя к этим темам он больше не возвращался, указанные повести, по-моему, заняли не последнее место в ряду произведений о трудном и благородном деле воспитания. А этот ряд в современной литературе, как известно, начинают В. Тендряков, Ю. Нагибин, А. Алексин...

Гертовским произведениям при всей их остроте, лиризме, ироничности все-таки не хватало изобразительной свежести, чувственности. И, вероятно, не случайно он обратился к «началу жизни, началу детства». Мир ожил и заговорил, открылся в своих красках – особенно в повести «Солнце и кошка», затем в очерке «Листья и камни», романе «Ночь предопределений». Вообще вещи последнего десятилетия (1976-I986) стали выделяться большей пластичностью, свободой самовыражения. Тяга к открытому разговору с читателем, подспудный автобиографизм вызвали к жизни мемуарно-очерковую форму. В своем стремлении удержать в памяти «именно эти мгновения счастья» Ю. Герт, пожалуй, ближе всего к Ю. Олеше, который через все творчество пронес детское восхищение перед яркой красочностью мира. В «Солнце и кошке»

немало подлинных находок чувственно-зрительного и психологического планов («Потом начиналось лето. Голубое небо, как вынутый из чехла зонтик, вдруг распахивалось над Ливадией», «Дворники были похожи на цирковых дрессировщиков, шланги – на укрощенных удавов», «В тот же миг машина дрогнула, подалась назад, а потом с нарастающей скоростью покатила вперед и пропала. Я остался стоять столбом на краю тротуара. Электрический заряд страшной силы пронзил мое тело – и сжег меня. Испепелил. Я чувствовал себя горсткой золы. Слабого порыва ветра достаточно было, чтобы развеять ее по улице. Когда сознание вернулось ко мне, я чуть не умер вторично – уже от досады. Ведь я мог подойти... Заговорить... Сказать, что я... Не знаю, не знаю – что, но что-то я мог... И так оплошать!»).

Пестрый и звучный мир приближен к читателю до осязаемой реальности, а психология подростка раскрыта в самых тонких ее проявлениях. Здесь и первое преодоление чувства страха, и мальчишеская ревность к отцу, и влюбленность в красивую женщину, и буйный мир фантазии в играх.

Ю. Герт показывает, как на смену наивно-безмятежному существованию приходит понимание чужой боли, сложности людских отношений, а главное – как пробиваются в маленьком человеке ростки самостоятельности, отваги и чести – залог будущего гражданского мужества. Писатель верен себе: сохранить на всю жизнь это мужество тем более важно, что счастливое детство героя безжалостно обрывает война, в первые месяцы которой погибает его отец. Солнце и кошка – первые сознательные впечатления ребенка – в финале повести воспринимаются уже как символы неповторимо прекрасного детства. Как и надо было ожидать, писатель продолжил повесть серией миниатюр об отрочестве и начале юности. Мемуарная книга превратилась в «повесть в новеллах» под названием «Колокольчик в синей вышине».

Все тот же безымянный герой этой, теперь уже трехчастной повести, воспринимается как образ автобиографический, и все-таки не будем считать его документальным портретом автора. Невзгоды эвакуации, смерть матери, небывалая радость Победы, наконец, первый искус писательства (творчества) – все это переживает

духовный двойник автора, а точнее – представитель того поколения, которое, хотя и в детстве, но уже сознательно столкнулось с войной и сполна хлебнуло ее тыловой горечи. Неизвестно, будет ли это рассказ о рождении в человеке писателя. Пока что герой Ю. Герта, пребывая в состоянии первой всепоглощающей влюбленности, признается: «Мне легко писалось. Казалось, это не я, а она водит моим пером». Но на этой же, последней странице, в последней фразе дан предупредительный сигнал: «Я писал, и невидимый колокольчик тонко и нежно, словно что-то обещая, звенел и звенел надо мною в синей осенней тишине». Ну что ж, поскольку роман о писателе («Ночь предопределений») Ю. Герт уже написал, возможно, появится и художественная биография писателя (жанр, в котором охотнее выступают критики и литературоведы). Сейчас же лучезарная и горькая, проницательно-мудрая «повесть о жизни» не только чувственно и духовно воссоздает время народных испытаний, но и убедительно прослеживает истоки и условия формирования личности.

Совершенно очевидно, что это – творческая личность, будущий художник. Она начинает занимать все большее место в книгах писателя – и как предмет анализа, и как точка зрения на мир, историю и современность, особенно в романе «Ночь предопределений». Это не самый легкий, хотя наиболее безыскусственный способ эпического повествования.

К этому роману Ю. Герт шел через очерк «Листья и камни». Он был построен на перекличке и сравнении двух эпох – 40-е годы XIX века и наши, 70-е. Многое изменилось в облике современного Мангышлака – бывшей политической тюрьмы царской России, где томились на солдатчине Тарас Шевченко и пламенный польский революционер Зигмунд Сераковский, где в 1918 году собирал из добровольцев свой интернациональный отряд Алиби Джангильдин. Но история напоминает здесь о себе и развалинами Новопетровского укрепления, и старой ивой, посаженной еще Кобзарем, и музеем, в котором бережно собирают и хранят документы прошлого. Разыскивая материалы о Сераковском, вдумываясь в сущность его героической натуры, писатель подчеркивал мысль о том, что в «деяниях таких людей, в самые тяжкие для народа моменты...

продолжается его духовная жизнь», что без таких людей «сама идея свободы погибла бы в нем». Потому что «свободу надо заслужить, быть внутренне готовым к ней, достойным ее». Это был один из ответов на вопрос – зачем так самоотверженно, без колебаний шли на каторгу, вечную ссылку или смерть люди, подобные Сераковскому.

В романе «Ночь предопределений» (1981 г.) эта проблема была поставлена шире и конкретнее. Роман по своему материалу и многим идеям тесно связан с «Листьями и камнями». Легкое разочарование испытывает читатель, когда убеждается, что ни сам Ю. Герт (в своем очерке), ни его художественный двойник – писатель Феликс (в романе) так и не написали обещанного исторического романа о Зигмунде Сераковском. Вместо него возник роман о том, как не пишется, не получается давно задуманный роман. В первом случае был добротный очерк писателя о Мангышлаке и Форте Шевченко, во втором – собственно «очерк» творческой лаборатории писателя, из которого несколько искусственно, все время напоминая большой очерк, вырастал роман. Это, конечно, интересно, но писателю Феликсу нужно выигрывать в наших глазах не только за счет своих человеческих, но и писательских качеств. Здесь каждый комплимент герою может стать медвежьей услугой, а излишняя скромность – кокетством. Трудная задача. Не секрет, что персонаж с профессией писателя (конечно, хорошего) интересен тогда, когда его создатель обладает достаточно широкой известностью в этой области, а значит, пишет так или иначе «про себя», как, например, Э. Хемингуэй в «Зеленых холмах Африки» или Ю. Трифонов во «Времени и месте».

Но Ю. Герт достаточно опытный художник, чтобы не перегружать повествование секретами писательского мастерства. На дневниково-очерковом материале он показывает, как жизнь корректирует, порой круто меняет планы писателя, заставляет его жить и работать не так, как поначалу хотелось. Феликсу нужно собрать материал, вжиться в эпоху, чтобы написать о польском революционере. Но жизни, той ситуации, в которую попадает писатель, изучающий свой материал, «угодно» выявить его гражданские и человеческие качества. Вот эта «проверка» героя на гражданство и

спасает его от заурядной беллетристической судьбы и читательского равнодушия.

Несмотря на искусное вплетение в рассказ подлинных документов штаба войск Виленского округа 1863 г., библейских цитат, мемуаров Аполлонии Сераковской, записок самого Зигмунда, историческая сюжетная линия самостоятельного значения (и интереса) не имеет. Читатель в ней не живет, а только цитатно о ней извещается; во второй части романа приходят на смену уже другие цитаты – о свойствах нефтепродуктов «из популярных брошюр». Думаю, не занимательная двуплановость повествования, к которой стремился автор, а фабула мысли, поиска истины спасает дело. Это роман размышлений и споров, а не событий.

В Форте Шевченко, бывшем Новопетровском укреплении Феликс сталкивается с разными людьми – архитектор, журналист, работники музея, нефтяники. Но среди них особое его внимание привлекает фигура артиста-гипнотизера Тройского, а затем – районного инспектора-статистика Казбека Темирова. Современность помогает глубже и точнее понять историю. Несколько замедленный в первых главах роман начинает излучать энергию острой проблемы. Какая сила помогает Сераковскому избегать компромиссов с совестью, сохранять чистоту своих убеждений, наконец, предпочесть виселицу монаршьей «милости»? Загадка сильной человеческой и гражданской воли интригует и в Темирове, который не согласился умолчать о приписках в животноводстве, за что в конце концов поплатился жизнью. А как уговаривали, соблазняли, наконец, устрашали того и другого!

Феликс не случайно хочет понять механизм и эффект гипноза «уговаривания», при помощи которого «мастер психологических опытов» Тройский подчиняет людей своей воле, превращая их на сцене в смешных и безвольных марионеток своей недалекой фантазии, в сущности, унижая их. Артист охотно открывает свой профессиональный секрет: «Как бы то ни было, судя по опыту, которым я располагаю, внушить можно абсолютно все и всем!.. Если, разумеется, речь идет о вполне нормальных и здоровых людях».

С этой точки зрения Зигмунт Сераковский – маньяк, у него был выбор, но он не воспользовался им в собственных интересах.

Гронский не хочет толковать своих наблюдений расширительно, но Феликс понимает, какая философия стоит за профессиональным опытом. Есть «здоровая» масса, которую можно убедить в чем угодно и повести куда угодно, был бы политический гипнотизер типа Наполеона, Гитлера и т.п.

И есть «донкихоты», «гуманисты» с патологическим сознанием или, по Фрейду, с подсознанием. Конечно, гастролирующий в наше время по Мангышлаку полуницшеанец и полуфрейдист – фигура довольно редкая, если не экзотическая. Но дело и не в нем, а в том, что философия социальной пассивности, проповедь самых различных форм социального гипноза (власти, денег, компромисса, как в случае с Темировым) всегда были на руку силам зла – в любые исторические эпохи.

Феликс убеждается в этом на примере трагической судьбы Сераковского и благополучной жизни предателя Авейде. Спор с Тройским во многом проясняет в сознании Феликса сущность «маниакального» самопожертвования Сераковского.

Для таких, как он, действительно, выбора нет, потому что выбор сделан в пользу борьбы, революции, и даже гипноз жизни, которую можно продлить ценою предательства, бессилен над ним. Но время и личность Сераковского возникают, «оживают» в воображении писателя как бы за «стеклянной пластиной», отгороженные от проблем и дел сегодняшнего дня. «Стеклянная пластина» – точная деталь, показывающая работу художественного воображения. Но читатель гертовского романа в основном пребывает по эту, реальную, сторону «пластины» для того, чтобы вместе с писателем Феликсом почувствовать дыхание реальной жизни. А она заставляет не только думать и спорить, но и действовать.

Согласитесь, ничто так не отвлекает (в хорошем смысле) Феликса от его романа, как дело Казбека Темирова, в которое он решает активно вмешаться, особенно после «странной» гибели Темирова. «Кто, если не ты?..» – мог бы сказать себе и Феликс. Гражданское призвание, ощущаемое не менее глубоко, чем творческое, помогает Феликсу понять главное, о чем он хочет написать и за что борется в жизни сам. Нужно каждую минуту вырабатывать в себе иммунитет против дефицита чести, совести, правды.

Нужно высоко ценить дни и ночи «предопределений», когда «каждый человек отдает себе отчет в делах и помыслах».

К этому символу стягивается действие гертовского романа. И дело не столько в нем, сколько в пафосе гражданской смелости, действенности, самоотверженности, которым стремится «заразить» нас автор. Ю. Герт написал роман, призывающий к активному вмешательству в жизнь, особенно со стороны писателя. Историческая судьба Сераковского, подвиг нашего современника Темирова, а также глубоко неравнодушное отношение к ним Феликса – это, в сущности, факты одного порядка, и они доказывают, что роман «Ночь предопределений» не сочиняется, не складывается из исторических документов, а как бы извлекается из самой жизни. Настолько она романна. Но это же обстоятельство обязывало и Ю. Герта непосредственнее столкнуть Феликса с Темировым, полнее раскрыть характер и дело Темирова, наконец, не оставлять за рамками произведения в воображаемом эпилоге то, ради чего Феликс почти перед отлетом самолета сдал билет и, не дожидаясь машины, пешком возвращается в Форт Шевченко. Пока этому веришь на слово – его отваге и принципиальности.

Но что за роман получится у Феликса, писателя, почему-то лишенного фамилии – неизвестно. Предлагаемые наброски все-таки намного уступают бесхитростным свидетельствам современников Сераковского. При всей симпатии к нему, человеку и писателю, порою думаешь, не слишком ли он правилен, эмоционально холодноват, даже, может быть, благополучен по сравнению с тем, о ком собирается писать? Феликс не без оснований, но, пожалуй, подчеркнуто ценит в себе писателя-профессионала и порядочного человека, вовремя говорящего себе «нет». Думаю, эпизод с опрокинувшейся лодкой, когда Феликс едва ли не поддался искусительнице Рите, если и ироничен, то больше в сторону простоватой красотки, искательницы приключений. Но дело, конечно, не в фривольных бытовых деталях. В романе Ю. Трифонова «Время и место» старый писатель говорит молодому: «Литература – это страдание. Вам не приходилось страдать, Антипов? Нет? И слава богу. Но, значит, пока вам нечего сказать людям». Не хочу этой ассоциацией компрометировать гертовского героя и весь тонкий по

мысли и настроению роман. Но, читая и перечитывая его, все-таки ловишь себя на мысли, что «невидимый колокольчик в синей вышине» (голос жизненной полноты и силы в искусстве) звенел здесь автору каким-то отраженным звуком...

Во всяком случае, перечитывая книги Герта, ставишь их в ряд тех, которые помогали приближению эпохи большой правды, получившей теперь имя – «гласность». И если его герои не стали типами, которые символически выходят за рамки произведений, то авторская позиция, пафос совести и гражданского мужества придают его прозе очень ценное качество. Качество литературы чуткой и требовательной к людям своей эпохи, расширяющей в их сознании и жизни «поле правды».

1986 г.

1. Николай Ровенский. Портреты (Обзоры, рецензии, литературные портреты). Алма-Ата: Жазушы, 1983, с.164

Атембаева Г.

Эмигрантская книга-исповедь Юрия Герта «Эллины и иудеи»

Литературный процесс суверенного государства Казахстана – явление многосложное. Культура нашей республики включает в себя наиболее ценные черты и традиции культуры каждого народа, населяющее ее. Характерной чертой многонациональной литературы как культурного конструкта было так называемое «единство в многообразии». Многообразие национальных литератур внутри Казахстана связано с историческими событиями, такими как депортация многих народов в Казахстан.

Любое историческое событие может определять приоритеты художественного направления, жанровых предпочтений, систему образов художественных произведений. Одним из таких значительных явлений является эмиграция. На историю национальных литератур в разные периоды их развития всегда влияют миграционные процессы. Во взаимосвязи эмиграционных волн и литературных фактов можно отметить отражение казахстанского культурного контекста в литературе представителей тех национальностей,

которые определённое время проживали в Казахстане по тем или иным историческим причинам, в том числе – вследствие реализации переселенческой политики сталинского режима, и которые эмигрировали из республики в поисках исторической родины. Авторы художественных произведений, долгое время жившие на казахстанской территории, воплощают в своих произведениях социокультурный и ментальный контекст окружавшей их казахстанской действительности.

Таким человеком был писатель Юрий Герт, для которого эмиграция стала вынужденным шагом, но одновременно явилась и новой высотой его творчества.

Юрий Герт родился в Астрахани, в 1931 году. В начале Великой Отечественной погибает на фронте отец, а чуть позже от туберкулёза умерла мать. Ю. Герт с бабушкой и дедушкой находился в эвакуации в Узбекистане, откуда после войны они возвращаются в родной город. Юношество Ю. Герта проходит в тяжёлых условиях, но, оставшись сиротой, он не озлобился, не ушёл в себя. Он активно включился в новую жизнь. Вместе с одноклассником Александром Воронелем (ставшим впоследствии учёным-физиком, писателем, редактором израильского журнала «22») выпускает школьный литературный журнал, где наряду с творческими исканиями, обсуждением общественных проблем, критикуются разные недостатки. За это их обвинили в антисоветской пропаганде.

О своей юношеской жизни Ю. Герт написал в своём первом романе «Кто, если не ты?..». Он описывает гнетущую атмосферу сталинского режима, культ личности, нравственные и идейные искания юных героев.

После окончания школы его лишают заслуженной им серебряной медали. Он уезжает учиться в далёкий Вологодский пединститут, где пробует себя и на литературном поприще, пишет первые рассказы. После окончания пединститута работает учителем-словесником в Мурманской области.

Свою первую повесть «Преодоление» Ю. Герт написал и опубликовал во время службы на Кольском полуострове. Начинающий автор ещё не знал, что это название – «Преодоление» предопределит и его дальнейшую писательскую судьбу. Почти все

произведения Ю. Герта подвергались жесточайшей цензуре, годами дожидались публикации.

В 1957 году Ю. Герт с женой приезжают в Казахстан и остаются на долгие годы. Ему нравится эта земля, её люди, знакомство с которыми обогатило писателя. Тут родились его дочь и внук. Началась активная творческая деятельность. В Караганде он сотрудничал с местной молодёжной газетой, а затем перешёл на работу в журнал «Простор», где со временем стал зав. отделом прозы. Именно в казахстанский период жизни идёт становление его писательского таланта и признание читателей.

Выходят из печати романы «Ночь предопределений», «Приговор», сборники рассказов и повестей «Первое апреля», «Солнце и кошка», «Листья и камни», книга публицистики «Раскрепощение» и другие. Ю. Герт переводил на русский язык романы казахских и уйгурских писателей, среди них «Прикрой своим щитом» И. Есенберлина, «Майимхан» З. Самади и другие.

После 23-х лет работы он порвал с журналом из-за разногласий, связанных с публикацией провокационных материалов. В 1991 году, вслед за детьми, Ю. Герт с женой уехал в США и поселился в Кливленде. Однако Америка не стала для него второй Родиной.

Он говорил о себе шутя: «Там я жил, а здесь доживаю». Творчество и личная судьба писателя волей обстоятельств разделились на два периода – на жизнь и работу в Казахстане и после переезда в Америку. Но до конца жизни Ю.М. Герт тосковал по Казахстану и обращался к нему в своих произведениях.

Конфликт, возникший на фоне грандиозных потрясений общественной жизни, вошёл в новую книгу писателя «Эллины и иудеи». Книга вышла в России после эмиграции Ю. Герта в США.

«Эллины и иудеи» – это глубоко личная книга, книга-исповедь. В ней писатель рассказывает о себе, о своей семье, о людях, которые ему близки, и о тех, чьи убеждения ему враждебны. А главное – о том, что вопреки всему мир един и не делится на эллинов и иудеев.

«Эллины и иудеи» – своего рода лирико-философское эссе с экскурсами в прошлое, в историю. Автор пишет о том, что национальные страсти захлестывают весь мир, люди видят друг в друге

зобного врага, их сознание скованно кандалами стереотипов. «Не делай другому того, чего не хочешь себе», – говорили еврейские мудрецы. Об этом – «Эллины и иудеи». О том, чтобы увидеть в «другом» прежде всего подобного себе человека.

В США его по-прежнему интересовали события, происходящие на Родине. Он писал только на русском языке и, в основном, о России (СССР), а в последние годы и о жизни советских эмигрантов. За десятилетний американский период жизни Ю. Герт опубликовал четыре книги («Северное сияние», «Лазарь и Вера», «Элины и иудеи», «Семейный архив»). Большинство текстов было начато или задумано в Алма-Ате.

В последние годы жизни писатель регулярно печатался в русскоязычной прессе США («Форветс», «Вестник», «Панорама», «Чайка», ежегодник «Побережье»), а также в России, Казахстане, Израиле.

1. Герт Ю. Преодоление. – Петрозаводск: Госиздат Карел. АССР, 1958. – 69 с
2. Герт Ю. Избранное. – М.: ИП Ракитская Э.Б., 2014. – 990 с.
3. Герт Ю. Кто, если не ты?.. – Алма-Ата: Жазушы, 1991. – 384 с.
4. Герт Ю. Эллины и Иудеи. Современные вариации на библейскую тему. – Саратов: Еврейский мир, 1996. – 315 с.
5. Первушина Л. Особенности репрезентации литературы постсоветской славянской эмиграции в США. С.199-216. URL: https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/10385/1/L_Pervusina_Osobennosti_reprezentacii_literatury_postsovetskoj.pdf

Герт Ю.

Антисемитизм... с «человеческим лицом»

Когда-то я назвал его розовым. Почему, спросите вы, розовый?... Почему не черный, синий, зеленый?.. Ведь у антисемитизма такой богатый спектр.

Та разновидность антисемитизма, которую я имею в виду, представляется мне именно розовой, даже нежно-розовой... Оттого, возможно, что розовый цвет так мягко, незаметно, нечувствительно переходит в красный... Цвет крови... В нем и помина нет о зловещем коричневом, когда младофашисты опоганивают более ста памятников на старом еврейском кладбище в Берлине. Он не похож и на вульгарный черный, с его звериным кличем «Бей жидов, спасай Россию!» и троекратным ударом ножа, нанесенным недавно в Москве одному из еврейских лидеров... Напротив, «розовый» полон сочувствия к страданиям, неотделимым от истории еврейства и, прежде чем перейти к сути дела, непременно вспомнит и о Холокосте, и о Бабьем Яре...

Первая встреча с ним случилась у меня много лет назад. Достаточно известный московский писатель, с которым я находился в приятельских отношениях, дал мне прочесть свой только что законченный роман. Его герой, еврей, переживает некую метаморфозу, в результате которой приходит к мысли, что единственным выходом из жизненного тупика, в котором он находится, является отказ от еврейства и принятие христианства. Что же, как говорится, вольному воля. Но каковы аргументы?

Вот они: главное зло в жизни – это евреи; раньше они содержали шинки и публичные дома, потом «делали революцию», потом морили голодом Украину, а ныне сматывают манатки и улепетывают в свой Израиль, ни в чем – в отличие от героя романа – так и не покаявшись перед русским народом...

Я был ошеломлен. Роман писался в то самое время, когда в Алма-Ате, где я тогда жил, из университета изгоняли преподавателей-евреев, и один из них, мой друг, затравленный КГБ, покончил с собой, выбросившись с балкона. В Павлодаре шел суд – судили преподавателя-еврея за «самиздат», «связь с Израилем».

В любой газете поносили сионистов, агентов американского империализма, главных врагов мира во всем мире... И вот – этот роман... Как его назвать – антисемитским, юдофобским?.. Так ведь автор не призывает к погромам, не цитирует «Майн Кампф», и сам он немало пострадал за свои диссидентские убеждения. Да и роман писался без всякой надежды на публикацию (его опубликовали потом, в годы перестройки), а значит – был абсолютно искренним, исповедальным.

Моему приятелю важно было почему-то мое мнение. Не помню в точности нашего разговора, но с той поры встречаться мы стали все реже. В те годы мир для меня состоял из света и тьмы, они не сращивались, не имели полутонов. Антисемиты?.. Раньше это была черная сотня, фашисты, погромщики, теперь – те мерзавцы, которые засели в ЦК, обкомах, райкомах, КГБ, комитетах по печати, редакциях, издательствах.

В ту пору я бы ни за что не поверил, что Андрей Белый, хрустальнейший символист, «обитатель небесных сфер», мог писать в 1911 году (напомню, это год начала «дела Бейлиса»): «Бесспорна отзывчивость евреев к вопросам искусства; но равно беспочвенные во всех областях национального арийского искусства (русского, французского, немецкого), евреи не могут быть тесно прикреплены к одной области; естественно, что они равно интересуются всем; но интерес этот не может быть интересом подлинного понимания задач данной национальной культуры, а есть показатель инстинктивного стремления к переработке, к национализации (юдаизации) этих культур, а следовательно, к духовному порабощению арийцев...». И далее «ариец» Андрей Белый сообщает: «Становится страшно за судьбы родного искусства... Еврей-издатель, с одной стороны, грозит голодом писателю; с другой стороны – еврейский критик грозит опозорить того, кто поднимает голос в защиту права русской литературы быть русской и только русской... Вы думаете, что только в русской литературе имеет место грустный факт торжества еврейского городового? В том-то и дело, что нет...»

От «еврейского городового», угрожающего «не только русской литературе», не столь уж далеко до заговора угрожающих всему миру «сионских мудрецов»...

А. Куприн, создатель «Гамбринуса» и «Суламифи»? Он еще прямей, прямодушней: «Эх! Писали бы вы, паразиты, на своем говенном жаргоне и читали бы сами себе вслух свои вопли. И оставили бы совсем русскую литературу. А то они привязались к русской литературе, как иногда к широкому, умному, щедрому русской душой, но чересчур мягкосердечному человеку привяжется старая истеричная припадочная б-ь, найденная на улице, и держится около него воплями, угрозами скандалов, угрозой отравления, клеветой... И самое верное средство – это дать ей однажды по заднице и выбросить за дверь в горизонтальном направлении».

Тут можно бы задаться вопросом: ну, «выбросили в горизонтальном направлении» Шолом-Алейхема, доживавшего последние годы в Нью-Йорке... «Выбросили» Бродского, Галича, Горенштейна, Коржавина – расцвела после этого русская литература? Помогло ей, когда избавили ее от Мандельштама, от Бабеля? Когда не стало в ней Ильи Ильфа, Василия Гроссмана?.. Справедливости ради заметим, что если Андрей Белый излагал свои взгляды публично, в журнале «Весы», то Куприн – всего лишь в частном письме, адресованном другу... Правда, что толку, что в частном? Извлеченное из архива, письмо это было размножено «Памятью», и его можно было купить в проходах московского метро за какие-нибудь пять рублей...

Я потому говорю здесь об Андрее Белом и Куприне (можно бы присоединить к ним и другие, не менее значительные имена), что теперь, после всего, что мы видели и пережили, полагаю, следует отказаться от самоутешительной сказочки, будто бы интеллигент не может быть антисемитом или, по крайней мере, не может придерживаться антисемитских взглядов. Вспомним Вольтера, Фихте, Гете, Достоевского, вспомним Шекспира, автора «Венецианского купца»... Как же в таком случае быть?

А никак, то есть попросту придерживаться английской пословицы: «Take things as they are» – «принимай вещи такими, как они есть». В конце концов, главное не в том, что Достоевский был антисемитом, а в том, что помимо этого он обладал еще и другими качествами, сделавшими его гениальным писателем, открывшим глаза на многое в мире – всем, в том числе и нам, евреям... Так

надо ли стараться делать из него «даму, приятную во всех отношениях», как это случается у иных критиков и литературоведов? Ни Достоевскому, ни Андрею Белому или Куприну, ни, между прочим, и самим евреям это не нужно...

К тому же, хоть и жили они во времена свирепых еврейских погромов, однако же задолго до Холокоста, который, возможно, повлиял бы на кое-какие их взгляды... Мало того – заставил бы призадуматься над тем, что «*В начале* (т.е. до Освенцима и «Циклона-Б») *было Слово»*... К сожалению, Розенбергу, Геббельсу и прочим теоретикам-практикам борьбы с «еврейской угрозой» было кого цитировать... И тем, кого они цитировали, не снилось, в каком контексте звучали их слова.

Кстати, о «контексте истории», на фоне которого (да только ли «на фоне»?) прошла вся наша жизнь. Бабий Яр, «дело врачей», гибель Еврейского антифашистского комитета, искоренение еврейской культуры, закрытие еврейского театра; пять лет ГУЛАГа – за преподавание иврита, процентная норма при приеме на работу, при поступлении в институт, высшие военные заведения; отказ при попытке поступить на юрфак, в Институт международных отношений, не говоря уже о разного рода «ящиках», и прочее, и прочее. Кому все это не известно?

Выходит, есть такие, кому не известно. Хотя живут они не до, а после. И жизненного, и прочего опыта им, казалось бы, вполне хватает, чтобы усвоить и освоить приведенный выше «контекст». И в судьбе их близких и знакомых он, этот «контекст», сыграл немалую роль. И сами они, публицисты, очеркисты, философы, – известные фигуры в нашей эмигрантской прессе. Но вот какого рода поразительные открытия ими подчас делаются, – разумеется, после экскурсов в область Холокоста и блистающих эрудицией описаний средневекового гетто.

Оказывается, хотя государственный антисемитизм в СССР был, на самом деле его как бы и не было, поскольку, вспоминает автор одной весьма глубокомысленной статьи, в некоторых элитарных вузах можно было встретить студента-еврея... И ведь были же, к примеру, и Райкин, и Плисецкая, и Ботвинник, и Раневская, и Утесов, и Бернес, и даже Александр Борисович Чаковский,

редактор «Литературной газеты»... Можно добавить к ним и «отца атомной бомбы» Харитона, о котором «широким слоям трудящихся» стало известно лишь в самые последние годы, раньше на виду было только имя Курчатова...

Подобные доказательства вполне соответствуют далеко не новому анекдоту о Рабиновиче. Встретились два еврея, один радуется: наступили хорошие времена, у всех есть работа!.. Другой возражает: да, но Рабинович-то не работает! Проходит время, они встречаются вновь, один вздыхает: стало трудно жить, люди ищут и не находят работу... Второй возражает: да, но Рабинович работает! Всегда, при любой погоде сыщется такой Рабинович – он нужен, необходим любой власти, в него всегда можно ткнуть пальцем. Ну а если уж такой талант, как Харитон, да еще и в военно-промышленном комплексе...

Итак, ничего такого уж страшного не было, все это сочинили, про антисемитизм – государственный, бытовой... Кто сочинил. Ясно – кто... И тут же, на газетных страницах, рассказывается историйка во вкусе черносотенно-патриотических изданий: один еврей, добиваясь в американском посольстве статуса беженца, объясняет на интервью, что антисемиты его преследуют, нападают на него, когда он, помолясь, возвращается из синагоги. Ту же байку излагают консулу и второй, и третий «соискатель», но на вопрос, где находится эта синагога, он слышит ответ: «Меня так били по голове, что отшибли память...».

Так складывается образ еврея – эдакого жучка, рвача, проходимца, паразита. Вернее, образ-стереотип сложился давно, ему только придается более современная окраска. Не черная – розовая. С разного рода оговорками, экивоками, с реверансами – тоже в стиле времени – в сторону трагедии, постигшей еврейский народ. С заверениями, что никакой потачки антисемитизму тут нет, наоборот. Часто находится и «первоисточник», подкрепляющий собственные рассуждения. В иной статье можно встретить пространное описание существовавших, а большей частью выдуманных автором льгот, которыми пользовались члены Союза писателей, и тут же – цитату из Куприна. «Каждый жид – прирожденный русский литератор». В подтверждение этому сообщается, что

«московская писательская организация в 60-70-е годы более чем наполовину состояла из евреев».

Мне этот «сюжет» напомнил об известном скандале, учиненном в ЦДЛ Смирновым-Осташвили и его молодчиками в знак протеста против засилья «сионистов» в СП. И еще – о поэме лауреата Государственной премии Сергея Васильева, которую ом прочел в Союзе писателей в памятном 1949 году. Называлась она «Без кого на Руси житъ хорошо»:

В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай
На столбовой дороженьке
Советской нашей критики
Сошлись и зазлословили
Двенадцать медных лбов.

Один бежит за водкою,
Второй мчит за селедкою,
А третий, как ужаленный
Летит за чесноком.

Гуревич за Сутыриным
Бернштейн за Финкельштейном,
Черняк за Гоффеншефером,
В. Кедров за селектором,
М. Гельфанд за Б. Руминым
«Подай Луи Седера нам,
Подай нам Джойса. Киплинга,
Подай сюда Ахматову.

Подай Пастернака!».
Такой бедлам устроили.
Так нагло распоясались –
За гвалтом не заметили,
Как взял их крепко за ухо
Своей рукой могучею
Советский наш народ!
И т.д.

А что же Россия? Помимо явного черносотенного антисемитизма, исповедуемого генералом Макашовым, Баркашовым и прочими «спасителями русского народа», там в не меньшей степени процветает и «розовый».

Недавно я получил письмо, в котором старый мой приятель – литератор, изъяснившись в чрезвычайной и пылкой любви к евреям, сообщил мне что, во-первых, «под влиянием иудаизма господствующим классом стало считать себя все еврейство» и что, во-вторых, еврейство «осуществило невоенную ассимиляцию окружающего пространства». В первом случае, очевидно, подразумевается, что люди, жившие в черте оседлости, погибавшие в годы Холокоста, расстрелянные в качестве членов Антифашистского комитета, – что все они относились к «господствующему классу». Что же до второго утверждения, то оно исходит из мысли, что евреи «ассимилировали», т.е. подчинили себе, так называемое «окружающее пространство» – Россию, США, Францию, Англию, Германию и т.д. Горько было читать это письмо, видеть эволюцию, которую переживает мой товарищ – от священных когда-то понятий свободы и демократии в сторону «Протоколов сионских мудрецов»...

Зато не горько, а забавно было читать сведения такого, например, толка: Ленин, оказывается, дома разговаривал на идише и был женат на еврейке; из 384 комиссаров, назначенных в 1918 году, двое были неграми, тридцать русскими, двадцать два – армянами, а более трехсот – евреями; американский еврей-миллионер Якоб Шифф отвалил большевикам для производства революции 20 миллионов долларов, а «Кун и Леб» сделали все возможное и невозможное, чтобы Япония победила Россию в войне 1904-1905 годов.

А так как более 90 процентов большевистских лидеров были евреями, то совершенно ясно: именно евреи погубили Россию. Мало того, Троцкий и Литвинов, будучи сами атеистами, руководили сообществом раввинов всего мира, давали им инструкции, – очевидно, ради торжества мировой революции... Все это, равно как и множество других подобных «фактов», содержится в книге Дэвида Дюка «Мое пробуждение», главы из которой можно прочесть. Нет, Дэвид Дюк не призывает к неким мерам против еврейства, он

просто скорбит по поводу изничтоженной мировым еврейством России и предупреждает, что нечто не менее печальное может постигнуть Америку... Просто предупреждает...

Но это уже разговор особый, выходящий за рамки этой статьи.

Цейс А.

Если не теперь

Юрий Герт. Эллины и иудеи. – Саратов: Еврейский мир, 1996.

Книга Юрия Герта увидела свет на шесть лет позже, чем была написана. Впрочем, судьба «Эллинов и иудеев» в творческой биографии писателя не уникальна. Его романы «Кто, если не ты?..», «Лабиринт», повесть «Лгунья» и другие произведения с трудом прорывались сквозь рогатки цензуры и порой дожидались публикации десятилетиями. Теперь это не кажется странным: за последние годы чего мы только не узнали о том, по какому поистине тернистому пути шли к читателю 60-80-х годов искренние, откровенные книги, посвященные как теме культа личности, так и общественным проблемам после сталинского государства.

Но отчего же для новой книги Ю. Герта печальная история повторилась в 90-х, в эпоху демократических свобод?

Документальное повествование Ю. Герта поднимает вопрос, во все времена актуальный для нашего многоязыкого отечества, вопрос национальный. События, положенные в основу «Эллинов и иудеев», произошли десять лет назад. В алма-атинском журнале «Простор» готовилась публикация, преследовавшая откровенно провокационную цель. Журнал пытались намеренно вовлечь в отвратительную антисемитскую кампанию, развязанную в те годы обществом «Память» и обслуживающей российских черносотенцев прессой во главе с «Советской Россией» и «Нашим современником».

Писателю и его единомышленникам не удалось предотвратить публикацию, хотя в дело оказались вовлечены не только литераторы, журналисты, читатели, но и представители местных и столичных властей. Ю. Герт, проработавший в «Просторе» более двадцати лет, ушел из журнала, выразив тем свой протест против настроений,

нагнетаемых в редакции. Его протестом против набиравшей силу национально-патриотической истерии стала и книга-документ «Эллины и иудеи».

Жанр ее определить нелегко. Пожалуй, вернее всего было бы назвать ее романом-эссе, в котором неторопливый рассказ о событиях, перевернувших жизнь писателя и его семьи, задевших его друзей и близких, внезапно сменяется философско-публицистическими авторскими отступлениями. Книга, как заявлено в предисловии, знакомит читателя с «историей России, с круговоротом идей, бурлящих в ней уже два века, – от Чаадаева до Солженицына и Сахарова, от классиков-славянофилов до «Протоколов сионских мудрецов». В текст вплетены древние истины Талмуда и параграфы нюрнбергских законов, отрывки из статей Владимира Соловьева и цитаты из писаний нынешних юдофобов.

Обилие разнородных материалов обернулось, к сожалению, композиционной рыхлостью, снижающей общее впечатление от книги.

И все же гражданское, гуманистическое ее звучание не может оставить равнодушным. «... Разве дело только в антисемитизме? – риторически вопрошает автор. – А Казахстан?.. разве русские (“имперская нация”!), которые и раньше в этой республике считались людьми второго сорта (третьим были евреи), не дискриминируются там теперь еще откровенней, чем прежде?.. А Таджикистан... гражданская война, идущая там уже не один год? А Чечня, кровавая рана, боль и позор России?.. Любая ксенофобия жестоко мстит за себя... Камень, брошенный в другого, вернется и ударит тебя».

Вопреки всему мир един и не делится на эллинов и иудеев. Человечество должно осознать это сейчас, иначе оно окажется перед лицом катастрофы всемирного фашизма в самых крайних его проявлениях. Недаром в талмудическом трактате «Авот» рабби Нафана сказано: «Если не теперь, то когда же?».

Быть может, роман-эссе Ю. Герта долгих шесть лет пролежал в столе именно потому, что и поныне не найдено ответа на этот вопрос...

Октябрь. – 1998. – №3.

Шапиро А.

Его пером водила совесть

Необычно тёплая, ранняя весна в этом году. И потянулись перелётные птицы, возвращаясь к местам своих гнездовий. Но, прежде чем опуститься, набирают они высоту, кружат в воздухе, хлопая крыльями, радуясь встрече с родными пенатами.

Как это напоминает наш перелёт в Новый Свет. Правда, с нами всё произошло наоборот – мы оставили навсегда родные края, и мало кому доведётся вернуться обратно. А что касается высоты, то, что может быть выше силы духа и мысли человека, даже оторванного от своей земли… И всё-таки сохранившего видимые и невидимые нити с ней. Особенно, если таким человеком был писатель Юрий Герт, для которого эмиграция стала вынужденным шагом, но одновременно явилась и новой высотой его творчества.

Вот уже пять лет, как нет с нами этого талантливого человека, который умел не только проникать в тайный мир своих героев, но и вместе с ними утверждать идеалы добра, человечности и справедливости. Бороться с теми явлениями, которые противоречили его собственным нравственным критериям и убеждениям.

Одной из главных тем творчества писателя была судьба еврейского народа. Его трагического прошлого и настоящего. Борьба с любыми проявлениями национализма и антисемитизма, за честь и собственное достоинство любого человека и еврея.

Характерной особенностью Ю. Герта являлось и то, что он сам, его поступки могли служить примером героям его же произведений. Потому что и в личной жизни, и в своём творчестве писатель всегда опирался на правду, которая становится его творческим методом. Ту самую, о которой писал в «Несвоевременных мыслях» Максим Горький: «…говорить правду – это искусство, труднейшее из всех искусств, ибо в своём “чистом” виде, не связанная с интересами личностей, групп, классов, наций, правда почти совершенно неудобна для пользования обывателя и не приемлема для него. Таково проклятое свойство “чистой” правды, но в то же время это самая лучшая и самая необходимая для нас правда».

Юрий Герт родился в Астрахани, в 1931 году. В начале Великой Отечественной погибает на фронте отец, а чуть позже от туберкулёза умерла мать. В то время с бабушкой и дедушкой он находился в эвакуации в Узбекистане, откуда после войны они возвращаются в родной город. В тяжёлых условиях проходит его юношество, но, оставшись сиротой, парень не озлобился, не ушёл в себя. Напротив, он активно включился в новую жизнь. Вместе с одноклассником, Александром Воронелем (ставшим впоследствии учёным-физиком, писателем, редактором израильского журнала «22»), выпускает школьный литературный журнал. В нём, наряду с творческими исканиями, обсуждением общественных проблем, они смело критикуют и разные недостатки. Это не прошло мимо бдительного чекистского ока, и их обвинили в антисоветской пропаганде. Благо, что не посадили.

Об этом времени рассказывает писатель в своём первом романе «Кто, если не ты?..». В нём он раскрывает романтические представления юных героев-правдоискателей, нравственные и идейные искания которых задыхаются в гнетущей атмосфере сталинского режима, его культа личности.

После окончания школы Юрия лишают заслуженной им серебряной медали. Он уезжает учиться в далёкий Вологодский пединститут, где пробует себя и на литературном поприще – пишет первые рассказы. Уже работая учителем-словесником в Мурманской области, укрепляется в своём призвании стать писателем.

Шапиро А.

Анна и Юрий Герт

Ю. Герта призывают в армию. Его желание писать становится настолько сильным, что свою первую повесть «Преодоление» он написал и опубликовал во время службы на Кольском полуострове… Её название говорит само за себя. Можно только представить себе, сколько сил и энергии нужно было найти молодому солдату, чтобы по ночам, в неотапливаемой Ленинской комнате, вместо отдыха описывать армейскую жизнь. Искать и находить ответы на свои же многочисленные вопросы, рассуждать о верности долгу, о том, что сложнее: подчиняться или самому отдавать приказ.

Начинающий автор тогда ещё не знал, что это название – «Преодоление» предопределит и его дальнейшую писательскую судьбу. Почти все произведения Ю. Герта подвергались жесточайшей цензуре, шельмованию в прессе, годами дожидались своей публикации. Как, например, сатирическая повесть «Лгунья», пролежавшая в столе более пятнадцати лет… Потому что были они связаны с самыми неудобными и острыми проблемами общества: личности и государства, свободой совести и угнетённого человека, ощущением трагизма еврейского народа…

В 1957 году Ю. Герт с женой приезжают в Казахстан, и остаются там на долгие годы. Ему нравится эта земля, её люди, знакомство с которыми, очень обогатило писателя. Тут родились его дочь и внук. Началась активная творческая деятельность. Сначала в Караганде он сотрудничал с местной молодёжной газетой, а затем перешёл на работу в Алма-Атинский «Простор», где со временем стал зав. отделом прозы этого журнала. Именно в казахстанский период жизни идёт становление его писательского таланта и признание читателей.

Выходят из печати романы «Ночь предопределений», «Приговор», сборники рассказов и повестей «Первое апреля», «Солнце и кошка», «Листья и камни», книга публицистики «Раскрепощение» и другие.

Приход Ю. Герта в «Простор» в 1964 году совпал со звёздной порой этого органа Союза писателей Казахстана. Возглавлял его в ту пору замечательный писатель Иван Шухов, в своё время отмеченный М. Горьким. Это он заметил и пригласил начинающего литератора в свой журнал, напечатав в сокращённом варианте его роман «Кто, если не ты?..».

Много лет спустя, Ю. Герт напишет в своей книге «Семейный архив»: «В те годы, при Шухове, «Простор» был для нас чем-то вроде «островка свободы» – среди океана всяческой грязи и пакости…».

Действительно, журнал привлекал к себе внимание тем, что на его страницах впервые появились запрещённые ранее к публикации стихи А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштама, неизвестные произведения А. Платонова и Б. Пастернака. Материалы по булгаковедению. Публиковались произведения и талантливых местных авторов: О. Сулейменова, Г. Мусрепова, М. Симашко…

Была напечатана и повесть Елены Микулиной «Мать Мария», в которой рассказывалось о французском Движении Сопротивления в годы Второй мировой войны и участии в нём русских эмигрантов. О подвиге Е. Кузьминой-Караваевой (матери Марии), которая в немецком концлагере Равенсбрюк пожертвовала собой, спасая от смерти еврейскую девушку…

Юрий Герт переводил на русский язык романы казахских и уйгурских писателей: «Прикрой своим щитом» И. Есенберлина, «Майимхан» З. Самади и других.

В конце 80-х годов тираж журнала поднялся с 50 до 160 тысяч экземпляров. А по популярности он уступал разве что «Новому миру» А. Твардовского…

В 1987 году в журнал прислали очерк Марины Цветаевой «Вольный проезд», носивший откровенно антисемитский характер. По всей стране в это время продолжалась «перестройка», которая принесла не только распад прежних идеалов и ценностей, но и сопровождалась мощным всплеском националистических настроений.

Изменился и состав редколлегии журнала, главным редактором которого оказался бывший номенклатурный работник, газетчик Геннадий Толмачёв. Он принимает решение напечатать этот очерк. В обход заведующего отделом прозы, которого поставили в известность последним, после того как остальные сотрудники журнала прочитали и одобрили его. Вот как рассказывает об этом вдова писателя, Анна Герт, в одном из интервью: «…Ю. Герт был хорошо знаком с творчеством Марины Цветаевой, её трагической судьбой и страшным финалом. Безоглядная прямота и жизнь, полная страданий, делали её в его глазах почти святой. Тем не менее, он был категорически против публикации этого очерка, в котором евреи в угоду широко распространённым юдофобским стереотипам, опять, уже в который раз, изображались двоедушными, хищными и жестокими погубителями России. Как стало потом известно, публикации этого очерка в Париже, в 1924 году в русском журнале «Современные записки», Марина Цветаева предпослала стихотворение «Евреям», в котором она с «характерным цветаевским перехлёстом» неожиданно и убеждённо признаётся в любви всем евреям:

В любом из вас – хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке, –
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матвее, Иоанне и Луке».

Этого стихотворения в «Простор» никто не прислал, возможно, сознательно, и о его существовании узнали много позже.

Ю. Герт, проработавший в журнале двадцать три года, пользовался большим авторитетом и уважением не только среди своих коллег. Литературную жизнь Алма-Аты того времени невозможно было представить без него. Но позицию, которую он настойчиво разъяснял своим сотрудникам, не принял и не поддержал никто. Редактор же оправдывал своё решение наступившей полной свободой слова, раскрепощённостью любых взглядов, делая вид, что не понимает провокационности своего поступка.

Тогда Герт предпринял следующее. Он принёс в кабинет шефа свой рассказ «А ты поплачь, поплачь…» и предложил напечатать

его рядом с очерком Цветаевой. Повествование в нём идёт от лица мальчика, который во время эвакуации сталкивается со страшными проявлениями антисемитизма. Жуткое и пронзительное, являлось оно частью биографии самого Юрия. Сила, с которой был написан рассказ, не просто задела Толмачёва, но и показала истинное отношение этого редактора к евреям. Прочитав его при авторе, он решительно сказал: «Никогда! Вы слышите, никогда я не напечатаю его!».

На самом деле публикация очерка не преследовала литературной цели, а должна была поставить журнал в один ряд с «Нашим современником» и другими черносотенными изданиями, которые включились в грязную антисемитскую компанию, развязанную обществом «Память».

В знак протеста Ю. Герт навсегда покинул журнал, а в самой редакции произошёл раскол. Вчерашние друзья становятся противниками, врагами.

Позднее, эта ситуация в прессе преподносилась как некий локальный конфликт или сравнивалась с расколом в журнале «Современник». В нём, более ста лет тому, спорили о назначении искусства, выражали разные взгляды на будущее России, но никому не приходило в голову стравливать нации, обвинять во всех бедах инородцев.

Сам конфликт, возникший на фоне грандиозных потрясений общественной жизни, вошёл в новую книгу писателя «Эллины и иудеи». Трудно определить её жанр, потому что это не роман, а личная исповедь. Документ, где всё достоверно и пережито автором, где осмысление личной судьбы показано на фоне судьбы его народа. Это и лирико-философское эссе с цитатами из Талмуда и параграфами Нюрнбергских законов, с круговоротом идей от Чаадаева до Сахарова.

Написанная голосом совести, книга противостоит не только юдофобству, но и крайнему национализму – фашизму. В то же время она проникнута традиционным духом еврейского гуманизма, а в «Предисловии» к ней выделена одна из главных её мыслей о том, «…что вопреки всему мир един и не делится на эллинов и иудеев…».

Книга вышла в России уже после эмиграции Юрия Герта в США. В 1992 году, переехав с семьёй в г. Кливленд, штат Огайо, он продолжает свою литературную деятельность. Выходят новые книги «Северное сияние», «Лазарь и Вера», его печатают в русскоязычной американской прессе.

В эти годы с особой силой проявляется публицистический дар писателя. Статьи «Антисемитизм…с «человеческим лицом», «Тень фашизма. Открытое письмо Владлену Берденникову« до сих пор не потеряли своей актуальности.

Острой болью в статье «Чувство собственного достоинства» звучит такое признание автора: «Ты квартирант в нашем доме», – было сказано мне. А я всю жизнь полагал, что дом этот – наш общий…Согласиться… признать, что у себя, на своей родине я – не свой… Это было для меня чем-то вроде душевной катастрофы. И теперь, в Америке, мне хочется, чтобы моя дочь, мой внук, все мы чувствовали себя не только американцами, но и евреями, не дожидаясь, пока кто-то на это укажет…».

А ведь там, на нашей бывшей родине, продолжает культивироваться образ еврея: жулика, мафиози, паразита, приспособленца, торгаша, спаивающего русский народ… И, прикладывают к этому руку не только фашиствующие издания, которых наплодилось огромное количество. Не гнушается подобным и такой писатель как Александр Солженицын в книге «Двести лет вместе».

Незадолго до её выхода в свет появился последний роман Ю. Герта «Семейный архив», который своим содержанием даёт достойный ответ всем пасквилянтам. В нём идёт речь о невыдуманной истории простой еврейской семьи, начиная от преддверия двадцатого века и до его конца. О шести её поколениях, которые честно трудились, а когда было необходимо – не жалели своих жизней ради блага страны, которую считали своей. Они отдавали ей все свои силы и знания, преданность и любовь, как и сам автор этой замечательной книги.

28 июня 2003 г. ушёл из жизни Ю. Герт.

29 лет до своей публикации пролежал его рассказ «А ты поплачь, поплачь…».

Кто может объяснить эту магию цифр?.. Но магия притяжения творчества Ю. Герта вполне объяснима. Его литературное наследие созвучно нам своими темами, мыслями, образами и будет волновать ещё не одно поколение читателей, потому что пером писателя всегда водила чуткая, ранимая, а оттого и беспокойная совесть человека, талант которого целиком был отдан его народу.

Баффало
От редакции. См. также Александр Шапиро. «Интервью с Анной Герт», «Заметки по еврейской истории», 2005. №9(58).

Шапиро А.

Интервью с Анной Герт

С писателем Юрием Гертом, вернее с его творчеством, я познакомился уже в эмиграции, прочитав рассказ, героями которого были мои современники. Они спорили и рассуждали на знакомые темы, но их мнения и поступки, особая (без подтекста) правда, увлекали, втягивали в мысленную дискуссию с ними... (Статьи Юрия Герта печатались и на нашем сайте, еще до создания журнала «Заметки по еврейской истории» и альманаха «Еврейская Старина». Это «Антисемитизм... с «человеческим лицом«« и «Тень фашизма. Открытое письмо Владилену Берденникову«. Они до сих пор не потеряли актуальности. – *Прим. ред*.).

Затем были другие книги Ю. Герта, социально острые, с запоминающимися характерами. Особо привлекла меня в его творчестве тема еврейства. Познав мальчишкой, в эвакуации, боль антисемитизма, он пронёс её через всю жизнь. Личные переживания перешли в исследование боли и судьбы своего народа, которые отразились в рассказах, повестях, романах. Страстная борьба с тоталитарным началом и национализмом во всех его проявлениях стала жизненным кредо писателя. В этом сила его публицистики. Нерв эпохи проходил через беспокойное сердце автора.

Последние годы жизни Юрий Герт провёл в Кливленде, штат Огайо. И тут он продолжал плодотворно писать, опубликовав в США новые книги «Северное сияние», «Лазарь и Вера», «Семейный архив».

В одной из статей С. Баймухаметова в журнале «Вестник» есть такие строки: «... в литературных кругах ходила легенда, что после разгрома «Нового мира», умирая, Твардовский сказал: «Ничего, есть ещё «Простор», есть ещё Иван Шухов...». В то время в нём работал и Юрий Герт.

Об этом периоде жизни и творчества писателя, его окружении, многом другом я беседую с вдовой Анной Герт, его первым критиком, учёным-экономистом и публицистом.

– С Казахстаном вашу семью связывали долгие годы работы, как Ю. Герт попал в алма-атинский журнал?

– Юрий Герт значительную часть жизни провёл в Казахстане, он автор романов «Кто, если не ты?..», «Лабиринт», «Ночь предопределений», «Приговор», сборников рассказов и повестей «Первое апреля», «Солнце и кошка», «Листья и камни», серии публицистических статей «Раскрепощение» и др. Во всех его произведениях получили отражение важнейшие проблемы современности: личность и общество, свобода и угнетение, человек и режим. Его книги вызывали постоянное недовольство властных структур и шельмование в печати.

В 1964 году, почти одновременно с изданием, роман «Кто, если не ты?..» печатался в сокращённом варианте в журнале «Простор». Тогда же Ю. Герт познакомился с его творческим коллективом и главным редактором Иваном Петровичем Шуховым. Вскоре после нашего переезда из Караганды в Алма-Ату, Шухов предложил Юре работать в журнале. Юра с радостью согласился. Он проработал в «Просторе» двадцать три года, с 1964 по 1987.

– Что представлял собой журнал «Простор» в то время?

– В шестидесятые и начале семидесятых шуховский «Простор» был известен всей стране. На его страницах впервые были опубликованы стихи полузапрещённых А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштама, неизвестные произведения А. Платонова и Б. Пастернака. Вот что пишет, в связи с этим Ю. Герт в своей книге «Семейный архив»: «В те годы, при Шухове, «Простор» был для нас чем-то вроде «островка свободы» – среди океана всяческой грязи и пакости. Мы трепетно ловили каждый звук, каждый шорох, долетавший из Москвы, каждую подробность столичных

баталий и стремились помочь осаждённой «новомировской» стороне, печатали «новомировских» авторов, перед которыми захлопывались двери «больших журналов».

Наряду с этим в «Просторе» публиковались произведения талантливых казахстанских авторов О. Сулейменова, Г. Мусрепова, М. Симашко, Г. Черноголовиной, С. Муканова, И. Щеголихина, Р. Тамариной и многих других.

– Каковы были взаимоотношения Ю. Герта с сотрудниками журнала, был ли это союз единомышленников?

– Взаимоотношения между сотрудниками были исключительно дружескими. Многократные угрозы разгона редакции, постоянная напряжённость сближали, по сути, очень разных людей. В то время «шуховская команда» действовала сплочённо, и ничто тогда не предвещало всплеска националистических тенденций и возникшего, в связи с этим, раскола... С главным редактором у Герта отношения были доверительные. Он испытывал искреннее и глубокое уважение к Ивану Петровичу, который был не только талантливым писателем и прекрасным руководителем, но и человеком редкой порядочности и отзывчивости.

Когда в Алма-Ате и Павлодаре фабриковалось, так называемое, «еврейское дело», Юру вызвали в прокуратуру. В тот же день он рассказал обо всём Шухову и заявил, что не хочет подводить журнал, а потому пришёл подать заявление об уходе «по собственному желанию».

Шухов ему ответил: «Не надо, Юра, оставайтесь. Никуда вам не надо уходить. И, пожалуйста, никому обо всём этом не рассказывайте».

– Когда пишут и говорят о «времени застоя», обычно вспоминают известные всем события и имена, оставившие глубокий след в истории диссидентского движения. Но были и другие события, и совсем не известны их участники. Вы упомянули о попытках органов КГБ «сфабриковать» в Казахстане «еврейское дело»...

– В 1971-м году в Казахстане КГБ готовило «еврейское дело». С этой целью в Алма-Ате и Павлодаре была проведена серия обысков. Искали литературу об Израиле, т.е. так называемую сионистскую литературу, а также прочую «антисоветчину»: рукописи

Солженицына, кассеты с записями песен Галича, другой самиздат. Всё началось с Павлодара, где у преподавателя пединститута Шафера обнаружили румынский журнал с заметкой об Израиле.

В Алма-Ате был обыск у профессора КазГУ А. Жовтиса, преподавателя пединститута, кандидата филологических наук Е. Ландау, преподавателя мединститута, кандидата философских наук В. Штейна. За обысками следовали допросы. Причём, главной задачей органов КГБ было доказать не только наличие самиздата, но и антисоветской организации, созданной евреями для пропаганды сионистских настроений и распространения запрещённой литературы. Однако вся эта кагебешная затея с треском провалилась. Дело в том, что Е. Ландау, у которого нашли дневники с размышлениями об Израиле и судьбе еврейского народа, на следующее утро, услыхав звонок в дверь, понял, что это пришли за ним – и бросился вниз с четвёртого этажа.

Через два дня об этой истории уже знал весь город, так что органам пришлось её замять. Тем не менее, Шафер получил срок три года. В. Штейн, страдавший маниакально-депрессивным психозом, лёг в психбольницу, где его вместо лечения постоянно загоняли в депрессию. А. Жовтис, у которого нашли плёнки с записями песен Галича, отделался сравнительно лёгким испугом. Его выгнали из университета, и восемь лет он не имел возможности получить хоть какую-нибудь работу.

– Чем был вызван повышенный интерес органов к Ю. Герту, его вызов в прокуратуру?

– Повышенный интерес к Герту со стороны органов объяснялся тем, что им стало известно о посмертном завещании Ландау, которое он, будучи одиноким человеком, оставил у нас. После его самоубийства это завещание срочно понадобилось кагебешникам как доказательство того, что они никак не были причастны к вынужденной смерти Ландау, что планировал её он заранее, т. к., якобы, страдал каким-то психическим заболеванием.

Через два дня после смерти Ландау двое в штатском явились в редакцию и после короткого разговора повезли Герта сначала домой за завещанием, а затем на квартиру Ландау, где уже находился следователь КГБ. Он ожидал от Герта ответов, подтверждающих

версию органов, но Юра сказал, что не замечал у Ландау каких-либо психических отклонений и, как ему известно, последние месяцы Ефим Иосифович успешно работал над примечаниями к некоторым стихам И. Эренбурга.

– Расскажите, пожалуйста, об И.П. Шухове. При нём журнал стал одним из очагов свободомыслия в бывшем СССР, но это продолжалось не долго. Как его уволили?

– Иван Петрович Шухов был известным писателем, о таланте которого ещё в двадцатые годы писал А.М. Горький. Он происходил из рода сибирских казаков и был, как я уже говорила, глубоко порядочным человеком. В нём, как и в Твардовском, преобладало исконно-русское крестьянское начало и глубокая вера в то, что в России настоящий писатель обязательно должен быть «властителем дум», просветителем и борцом за свободу. Шухов сумел создать удивительно сплочённый коллектив, каждый член которого ощущал себя человеком, способным на риск в единоборстве с тоталитарной системой.

Причиной или, быть может, поводом для его увольнения послужил, как ни странно, печатавшийся в «Просторе» захватывающий детектив американского писателя Ф. Форсайта «День шакала». Сюжет этого детектива был целиком придуман и не имел никакого отношения к реальной действительности. Он базировался на фантастической версии о, якобы, существовавшем заговоре, целью которого было убийство президента Франции Шарля де Голля.

После того, как один из номеров журнала, содержащий очередную порцию детектива, был отпечатан и должен был поступить в продажу, звонок из республиканского ЦК запретил его распространение, а Шухова вызвали на «ковёр» в это учреждение. Там ему прочли телеграмму от Суслова, в которой с возмущением указывалось, что в тот момент, когда Л.И. Брежнев собирается ехать в Казахстан, в «Просторе» публикуется подробный рецепт политического убийства.

ЦК отреагировал мгновенно. Печатать дальше детектив запретили, а редактора уволили.

– Уход Ю. Герта из «Простора» связан с публикацией на его страницах очерка М. Цветаевой «Вольный проезд». Почему очерк

известной поэтессы, к тому же трагически погибшей, вызвал такое неприятие с его стороны? Мне приходилось читать разные инсинуации, в чём же истинная подоплёка этого события?

– В 1987 году, когда вместе с перестройкой повсеместно наблюдался мощный всплеск националистических и антисемитских настроений, в журнал был прислан очерк М. Цветаевой «Вольный проезд». К тому времени состав редакции существенно изменился, а место главного редактора занял газетчик из номенклатурной обоймы Геннадий Толмачёв. Хотя Ю. Герт был главным редактором отдела прозы и членом редколлегии, об этом очерке он узнал последним после того, как все остальные сотрудники редакции его прочитали и одобрили.

В очерке рассказывалось о том, как в сентябре голодного 1918-го М. Цветаева поехала за продуктами в тульскую губернию и остановилась в доме, где жил командир продотряда, «еврей со слитком золота на шее». Непомерной страстью к золоту была преисполнена и его жена, разумеется, тоже еврейка. «Опричники», то бишь продотрядовцы, разбойничали и выжимали из страдающего народа всё до последней капли. Причём, главное в них не то, что они занимались грабежом и насилием, а то, что большинство из них были евреями. Впрочем, один из продотрядовцев, не лучше и не хуже других, но с яркой славянской внешностью и двумя Георгиями, даже вызвал у автора немалую симпатию, поскольку напоминал Стеньку Разина.

Ю. Герт был хорошо знаком с творчеством Марины Цветаевой, её трагической судьбой и страшным финалом. Безоглядная прямота и жизнь, полная страданий, делали её в его глазах почти святой. Тем не менее, он был категорически против публикации этого очерка, в котором евреи в угоду широко распространённым юдофобским стереотипам, опять, уже в который раз, изображались двоедушными, хищными и жестокими погубителями России.

Как стало потом известно, публикации этого очерка в Париже, в 1924 году в русском журнале «Современные записки», М. Цветаева предпослала стихотворение «Евреям», в котором она с «характерным цветаевским перехлёстом» неожиданно и убеждённо признаётся в любви всем евреям:

В любом из вас – хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке, –
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матвее, Иоанне и Луке.

Но этого стихотворения в «Простор» никто не присылал, о его существовании узнали много позже. А тогда Ю. Герт один выступил против публикации очерка, терпеливо и настойчиво объясняя свою позицию бывшим друзьям и коллегам. Однако, его никто не поддержал. Когда редакция, проигнорировав его мнение, приняла решение – печатать, он ушёл из журнала. О конфликте, переросшем редакционные рамки и происходившем на фоне тогдашних грандиозных потрясений и острых национальных междоусобиц, Ю. Герт рассказал в книге-эссе «Эллины и иудеи», издание которой было спонсировано «Джойнтом», а вышла она в России после его эмиграции.

– В своё время романы Ю. Герта «Кто, если не ты?..», «Лабиринт», повесть «Лгунья» и другие с трудом пробивались через цензуру. Все ли его книги опубликованы?

– Книги Ю. Герта, как правило, носили остросюжетный характер, поэтому путь к читателю для каждой из них был тяжёлым и долгим. Так, первый роман «Кто, если не ты?..» рассказывает о молодёжном бунте, драматической борьбе группы старшеклассников со сталинским тоталитаризмом. Этот роман обрёл широкую известность далеко за пределами Казахстана, но долго не допускался к печати и был напечатан в 1964 году, в период оттепели.

В романе «Лабиринт» действие разворачивается в маленьком провинциальном городе, где происходящее в то время «дело врачей» кардинально меняет судьбы многих – евреев и не евреев, приводит к трагической гибели главную героиню.

Роман не печатался более двадцати лет, сатирическая повесть «Лгунья» – более пятнадцати. Этот список можно было бы продолжить. В настоящее время почти всё написанное автором опубликовано.

– Что характерно для новых произведений писателя, появившихся в годы эмиграции, какая из книг, написанных в последний период, кажется Вам более значительной?

– Произведения Ю. Герта, написанные в последние годы, в основном посвящены еврейской тематике. Как всегда, для автора духовный мир его героев, их умение действовать и контролировать свои поступки с жёстких нравственных позиций гораздо важнее национальных, социальных или каких-либо других факторов. Сейчас невозможно себе представить творчество писателя без созданных в эмиграции «Лазаря и Веры», «Антисемита», «Северного сияния» и др. И всё же наиболее значительным, по-моему, стал его последний роман «Семейный архив», который является как бы ответом А. Солженицыну на его книгу «Двести лет вместе».

В противоположность А. Солженицыну, изображающему евреев мелкими и крупными жуликами, приспособленцами или просто мерзавцами, виноватыми буквально во всех бедах и неурядицах, постигших Россию за последние двести лет, Ю. Герт рассказал о шести поколениях одной еврейской семьи. В ней, как и в большинстве еврейских семей, не было ни торговцев сомнительной репутации, ни ростовщиков, ни банкиров. Это были обычные люди, они много и добросовестно работали на благо страны, которую считали своей, воевали, и с честью пронесли через всю жизнь тяжёлое бремя своего еврейства.

Герт Ю.

Его знали многие…

Его читали русские и англичане, израильтяне и туркмены, американцы и латыши, казахи и итальянцы. Его романы, повести, рассказы, статьи публиковались почти на пятидесяти языках.

Полуеврей – полунемец, он родился 18 марта 1924 г., в день Парижской коммуны, и его родители, свято верившие в революционное переустройство мира, дали ему французское имя – Морис.

Он был русский писатель. Его подлинная фамилия – Шамис, так называют служку с синагоги. Он родился в Одессе, во время войны был военным летчиком, потом школьным учителем, журналистом, собкором центральных газет. Твардовский напечатал в «Новом мире» в начале 60-х две его первые повести – с тех пор он ступил на стезю писательства и уже не сходил с нее до конца жизни. Он умер в Эрец Исраэль, куда переселилась вся его семья.

Он умер, только-только поставив заключительную точку в последней книге – «Четвертый Рим».

Когда десять лет назад в Париже вышел его трехтомник, известный французский критик Ален Боске писал в «Фигаро»: «Морис Симашко – русский писатель, не похожий ни на кого другого. Он не в традиции классиков, его никак нельзя причислить к романистам досоветской или чисто советской эпохи, таким как Горький или Шолохов. Не является он и диссидентом рядом с Солженицыным и Синявским. В нем, скорее, можно увидеть наследника эзотерического Ремизова, для которого сияние, отсвет значили больше, чем рассказанная суть, или Булгакова, который при помощи Фрейда ищет при полном освещении намек на дрожащую тень…».

Он жил не в Москве, не в Ленинграде, не в Лондоне или Нью-Йорке. Около сорока лет – в провинциально тихой Алма-Ате, которая по весне превращалась в яблоневый сад, раскинувшийся вдоль предгорий Алатау с белыми, заснеженными вершинами на фоне плотной, густой синевы небес.

Однако жизнь М. Симашко была далеко не идеалистической. За эти годы он написал широко известные романы и повести «Маздак», «Емшан», «Искупление дабира», «Повести Черных песков», «Повести Красных песков», «Семирамида». Он был писателем-историком, его мысль охватывала столетия, тысячелетия, но казалось, он пишет не о прошлом, а о сегодняшнем дне. И это чувствовали не только читатели, но и разных рангов идеологические надсмотрщики, от которых зависела судьба его книг. Один из них любил повторять: «Чем талантливей автор, тем приятнее с ним бороться…».

Мы были дружны много лет. В последней своей книге, присланной «с другого полушария», он назвал себя «старинным другом» – моим, моей жены… Несмотря на нелегкую жизнь, я не встречал человека более веселого, доброго, умеющего пошутить и ценившего чужую остроту и шутку. У него была раблезианская натура, он любил жизнь в любых ее проявлениях, будь то стихи Омара Хайяма, застольная беседа, бутылка «Гамзы» – дешевого болгарского вина, «крестьянского», как мы его называли… Он мог несколько месяцев жить с виду беспечно, легко, но в это время в

его сердце, его голове зрели, копились новые замыслы. И наступал момент, когда его «раблезианство» вдруг обрывалось – и наступал период «запойной работы», она шла и днем и ночью, он бледнел, худел, глаза его краснели от непрерывного напряжения, он был и «здесь» и «не здесь» – там, где бушевали не знавшие меры страсти, где в смертельной схватке боролись Добро и Зло, где мудрость всегда одерживала верх над Глупостью, но честность и праведность часто уступали наглой, жестокой силе.

Я не встречал и, разумеется, уже не встречу человека, который больше бы знал Восток, Азию, чем М. Симашко. И не только знал, но и любил. Он добродушно подсмеивался над вошедшим тогда в моду Львом Гумилевым, который считал древнюю Хазарию оплотом иудаизма, злейшим врагом христианства и Киевской Руси, угрозой славянству со стороны евреев, почему и возник впоследствии в Московском государстве исторически обоснованный антисемитизм. Он посмеивался над тенденциозным невежеством Гумилева, поскольку знал и писал о том, что именно в Хазарии имела место не свойственная средневековой Европе веротерпимость, что в состав Хазарии входило двадцать пять различных народов и каждый пользовался в той или иной степени региональной самостоятельностью, что на территории Хазарии существовали и уживались, не мешая друг другу, четыре религии – иудаизм, христианство, ислам и язычество, что на территории Хазарского каганата действовала в частности, христианская метрополия, объединяющая семь епархий, и первая христианская церковь в пределах нынешней России была построена здесь, в Хазарии, в ее столице Итиле…. И кто кого, в конце концов, разгромил и уничтожил: Киевская Русь – Хазарию или наоборот?

Да, он любил Восток. И не шарахался от него в область более близкой нам европейской культуры. Восток, Передняя Азия для него – это Фирдоуси, Авиценна, Фараби, Бируни, Низами, это величайшие арабские, персидские, тюркские ученые, философы, историки, это великие древние эпосы «Шах-наме», «Сказки тысячи и одной ночи», это оттуда вернулись в Европу Платон и Аристотель, это там зародилась алгебра, там возникло современное понимание строения Вселенной. И что до ислама, то в нем необходимо

различать иудео-христианско-мусульманскую традицию, основанную на десяти заповедях, и человеконенавистнический фундаментализм, вдохновляемый беспредельными фанатиками и патологическими властолюбцами.

В одной из последних статей М. Симашко писал: «Фундаменталистская “революция” вряд ли добьется того, чтобы обратить великие древние народы в то же состояние, в котором прибывали они тысячу лед назад… однако крови еще может пролиться немало, не говоря уж об атомном пепле. Молодым государствам следует быть начеку, а остальному миру не играть в прятки с дьяволом, преследуя преходящие политические или экономические выгоды. Не все еще до конца осознали эту опасность. Прекраснодушие и уступчивость здесь неуместны. Новый Мюнхен в этом случае может дорого обойтись человечеству».

Он сделал все, что мог, предупреждая людей о грядущей опасности. Он исполнил свой человеческий и писательский долг. Пусть будет легким пухом ему суровая и нежная израильская земля.

Каштелюк Ю.И.

Писатель и время

Вторая половина XX века стала временем стремительного развития литературы в Казахстане. Появлялись яркие авторы – поэты, прозаики, публицисты, литературные критики. Они не только занимались индивидуальным творчеством, издавались большими тиражами, но и составили основу литературных редколлегий журналов, выступали в качестве наставников для начинающих литераторов. Одним из ярких представителей той эпохи был Юрий Герт (1931-2003 гг.).

В литературном сообществе имя писателя стало известным после выхода его романа «Кто, если не ты?..». Изданный в 1964 г. роман встал в один ряд с ранними произведениями Александра Солженицына, разоблачавшими культ личности Сталина. На следующий год после выхода книги Герт возглавил отдел прозы в литературном журнале «Простор», работе в котором посвятил 23 года жизни. За это время отдел стал настоящей школой для молодых писателей, постоянно действующим литературным семинаром,

помогавшим авторам оттачивать свое перо. В центре этой работы был Ю. Герт.

Сегодня ученики Герта входят в число известных авторов в стране. Среди них Народный писатель Любовь Шашкова; прозаик, доктор филологических наук, профессор Аслан Жаксылыков; поэт, переводчик, журналист, литературный критик Надежда Чернова. Эти и другие литераторы стали участниками Международной научной конференции, посвященной памяти писателя Ю. Герта. Прошедшая в общинном центре Ассоциации «Мицва» встреча собрала ведущих литературоведов, писателей, публицистов, издателей, общественных деятелей республики.

Инициатором конференции выступил глава еврейской общины Казахстана – председатель Совета Ассоциации «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана Александр Барон. Наряду с Ассоциацией «Мицва» и Республиканской еврейской библиотекой имени Мориса Симашко соорганизаторами конференции стали Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, Союз писателей Казахстана и Казахстанский ПЕН-клуб.

Открывая работу конференции, директор Республиканского еврейского благотворительного общественного объединения «Центр заботы – Хэсэд Полина» Инесса Чугайнова отметила важность конференции. Вклад в развитие литературы Ю. Герта трудно переоценить, он создавал произведения, в которых говорил о непреходящих человеческих ценностях, актуальных в любую эпоху.

Модераторами выступили литературовед, заведующая отделом международных связей и мировой литературы ИЛИ имени М.О. Ауэзова, член Правления Союза писателей Казахстана, кандидат филологических наук Светлана Ананьева и писатель, публицист, поэт, член творческих союзов писателей, театральных деятелей и кинематографистов Адольф Арцишевский. Они подчеркнули значимость конференции: память о таких литераторах, как Юрий Герт, символизирует преемственность литературных поколений.

Дух «оттепели»

А. Арцишевский напомнил биографию Ю. Герта. Писатель родился в Астрахани. Детство было непростым: отец погиб в первые

дни войны, а мать вскоре умерла от туберкулеза. По профессии Герт был учителем словесности, работал преподавателем в Мурманской области, служил в армии. Во время армейской службы была опубликована его первая повесть «Преодоление».

В 1957-1964 гг. жил в Караганде, сотрудничал с молодежной газетой, а потом много лет работал в журнале «Простор». Вышедший в 1964 году роман «Кто, если не ты?..» стал событием в литературном мире Казахстана и всего СССР. Потом были сборники рассказов и повестей «Первое апреля», «Солнце и кошка», «Листья и камни». В начале 1990-х по семейным обстоятельствам уехал в США, где продолжал работать, написал роман «Эллины и иудеи», книгу рассказов и повестей «Северное сияние», «Семейный архив», «Лазарь и Вера».

– В моем восприятии Юрий Герт прежде всего ассоциируется с «Простором», а «Простор» ассоциируется с островком свободы советского периода. Всей своей душой Герт был связан с Казахстаном, здесь была написана большая часть его книг, здесь он снискал любовь читателей, – поделился А. Арцишевский.

По словам писателя, Ю. Герт, равно как и его коллеги того времени, умел создавать вокруг себя творческую атмосферу – даже вне редакции «Простора» с его участием проходили бурные обсуждения произведений, дискуссии на литературные темы.

– Не могу забыть, как мы с Витей Бадиковым (Виктор Бадиков – советский и казахстанский критик и литературовед. – *Прим. ред.*) вечером сумели проникнуть в шашлычную, называвшуюся «этажеркой», это рядом с рестораном «Алма-Ата», там было битком народу. Мы сидим там, очень скромно пьем пивко, и вдруг появляется «Простор» – Косенко, Ровенский, Антонов и Герт. Помню, Герт нес «огнетушитель» – бутыль популярного в те годы плодово-ягодного вина, вермута. Причем держал он ее вверх тормашками: пытаясь вынуть пробку без штопора, они случайно ударили ее о тротуар, и треснуло дно... Надо сказать, что Герт не пил – неся «огнетушитель», он выступал верным оруженосцем своих товарищей. Но этот вермут был для них поводом для того, чтобы собраться и поговорить, побеседовать о разном и о литературе, ведь она всегда была с ними.

Сразу сформировалась особенная среда, это был «Простор» на выезде, где звучали идеи, где ключом била творческая жизнь, и от этого было невозможно оторваться, – продолжил соведущий конференции.

А. Арцишевский зачитал письмо вдовы писателя Анны Герт, направленное участникам конференции.

Поблагодарив литературное сообщество за добрую память, она отметила, что для Герта как для писателя была важна тема правды, тема человеческой совести и порядочности. Именно об этом он рассуждал в своих произведениях, говорил с читателем честно и открыто. «Герт – писатель из плеяды шестидесятников, которые после развенчания на XX съезде КПСС режима Сталина безоговорочно осудили тоталитаризм и начали активно призывать к строительству социализма с человеческим лицом.

Его первый роман «Кто, если не ты?..» рассказывает о том, как в одной из обычных провинциальных школ ребята организовали кружок, на котором обсуждали волнующие их идеологические и политические проблемы. Как стало известно позже, такие кружки были не редкостью. В книге заостряется внимание на том, что нельзя подавлять молодежь, необходимо поддерживать ее творческую активность. После выхода романа в свет фраза «Кто, если не ты?..» стала девизом ищущей, прогрессивной молодежи. Двадцать лет нет Ю. Герта, а книги писателя продолжают жить своей жизнью, рассказывая о проблемах и судьбах его современников», – зачитал отрывки из письма А. Арцишевский.

Прост как правда

Литературовед Светлана Ананьева также подчеркнула непреходящую ценность прозы Ю. Герта. Она отметила, что произведения писателя изучают студенты, магистранты и докторанты как в Казахстане, так и в ближнем зарубежье. По ним пишутся научные работы. При этом проза Герта остается живой, современной.

– В романе «Кто, если не ты?..» много удивительного. Это не просто призыв к тому, чтобы каждый почувствовал свою ответственность, ощутил свое место на земле, это роман-воспитание, роман, который зовет читателей дальше и заставляет вновь и вновь

обращаться к своим страницам. Его строки написаны с большой любовью, с большим количеством важных исторических деталей. Он объединил поколения, – дала экспертную оценку роману кандидат филологических наук.

Воспоминаниями о встречах с Ю. Гертом поделился президент Международного Казахстанского ПЕН-клуба, секретарь Союза писателей Казахстана, писатель и публицист Бигельды Габдуллин. Он подчеркнул человеческие качества Герта, его доброту, отзывчивость, скромность.

– Он был прост как правда, мы должны помнить таких людей и пропагандировать их творчество, – сказал Бигельды Габдуллин.

Эту мысль развил секретарь Союза писателей Казахстана, писатель, поэт, главный редактор журнала «Простор» Фархат Тамендаров. Он напомнил, что имя Герта связано с периодом расцвета «Простора», когда журнал стал высоко котироваться в литературной среде СССР, и в этом наряду с другими замечательными людьми большая заслуга Юрия Герта.

– Мне выпала честь возглавить «Простор» в минувшем году, когда журнал отмечал 90-летие. Тогда в моем кабинете собрали подшивки нашего издания. Листая их, я испытываю чувство гордости за нашу литературу, за то, что в ней есть такие имена как Герт, Шухов, Снегин, Щеголихин, Симашко, Ровенский, Антонов. В период их работы в журнале тираж «Простора» достигал 160 тысяч экземпляров. Мы должны изучать наследие этих людей, помнить о них. «Это очень важно», – сказал Фархат Тамендаров.

Чуткий наставник

Для доктора филологических наук, профессора, члена Союза писателей Казахстана, члена Исполнительного комитета Международного Казахского ПЕН-клуба Аслана Жаксылыкова Юрий Герт был не только старшим коллегой, но и наставником.

– Мы общались лет 15, когда он был в «Просторе». Познакомил меня с ним Мурат Ауэзов, мой первый литературный наставник. Фактически он передал меня Юрию Михайловичу Герту, и он, будучи редактором отдела прозы, все это время работал со мной, учил писать. Такого вдумчивого, доброго, отзывчивого человека я,

наверное, в жизни, больше не встречал. Он очень внимательно работал с молодыми авторами. Вначале «Простор» опубликовал пять-шесть моих рассказов и повестей. Их готовил к публикации Юрий Михайлович. Каждое слово он со мной прорабатывал, десятки раз возвращал меня к работе над этими вещами, порой даже доходило до моего отчаяния, но в конечном итоге я сделал вывод, что в значительной мере именно благодаря Юрию Герту я смог реализоваться как литератор, – поделился Аслан Жаксылыков.

Член Союза писателей Казахстана, поэт, прозаик, публицист, литературный переводчик Надежда Чернова осваивала редакторское дело под началом Юрия Герта. Совместная работа переросла в товарищеские отношения. Но при этом Герт всегда разделял дружбу и работу, в которой проявлял твердость, и таким же образом воспитывал своих учеников – редакторов и писателей. В работе с молодежью он проявлял терпение, его доброжелательность сочеталась с требовательностью.

– Он был педагогом по профессии и по складу своего характера. Он постоянно занимался с молодежью, поставил на крыло многих молодых писателей. Наряду с Асланом Жаксылыковым это Геннадий Доронин, Вера Галактионова, Михаил Пак, Николай Веревочкин. Это авторы, выстрелившие с первой публикации, их произведения стали событийными, – поделилась Надежда Чернова.

Также Чернова рассказала, как Герт находил пути обойти цензуру, старался защищать одаренных авторов, учил литературную молодежь писать иносказательно.

– Он предложил открыть рубрику «Путешествия, приключения, фантастика». Старики сказали, что фантастика – это баловство, литература «второго сорта», противились, но он настоял на своем и окунулся в эту работу с головой. Он связался с Борисом Стругацким, консультировался с другими сильными авторами. Герт вел переписку с Ленинградом, Новосибирском, другими городами, где были сильные писатели-фантасты. Это принесло плоды – в редакцию стали присылать рукописи по научной фантастике. Однажды постучался мальчик – Сергей Лукьяненко. Сегодня это очень известный писатель, автор знаменитых «Дозоров», – поделилась Надежда Чернова.

Продолжая воспоминания, писательница рассказала о первых годах работы в отделе прозы журнала «Простор». В то время под началом Юрия Герта она постигала науку редактирования текстов, малых и больших литературных форм. Обучая ее, как молодого сотрудника, он проговаривал все нюансы, обращал внимание на детали, необходимые в работе редактора.

– Он гонял меня как сидорову козу и в один прекрасный день решил, что мне уже пора доверить серьезную рукопись, сказал: будешь редактировать новый роман Симашко. Тут я вообще упала в обморок. Ну правда, Симашко я к тому времени знала, дружила с его дочерью Риммой. Но одно дело – отец подруги, а другое – большой писатель… Герт наставлял: «Не бойся, главное – не уступай ему, проявляй в редактуре твердость». Но Морис меня обезвредил с ходу. Он со мной был исключительно на «вы», пришел в отличном костюме с Эйфелевой башней на лацкане, был надушен дорогим парфюмом, принес коробку конфет… Наша редактура проходила так: мы пили чай, ели конфеты и мирно расставляли знаки препинания. Герт иногда отрывался от работы, с усмешкой на нас глядел и говорил: «Симашко, не развращай мне молодого сотрудника».

Наконец мы решили, что работа сделана, вручили рукопись Герту – и тут началась буря. Когда он прочитал все это дело, разнес мою редактуру в пух и прах, нашел много недочетов и провалов. Симашко противился доработке, были жаркие споры, Герт настаивал на переделке. Делал он это тактично, спокойно, а Морис стоял на своем и ни в какую не соглашался… Атмосфера накалились, и тут произошло неожиданное: Герт вскочил, подхватил рукопись и бросил ее в сторону. Но это было не все – он выпалил в адрес Мориса крепкое словцо. Мы обомлели, ведь при нас Герт никогда не употреблял ненормативной лексики… Наступила тишина, и в этой ситуации Морис тоже себя повел неожиданно – он сказал: «Ну неужели, наконец-то родил… Сказал бы сразу «иди на…», а то мямлит, мямлит… Я все понял, я со всем согласен» – и побежал за бутылкой. Как уже говорилось, Герт не пил, но обрадовался примирению. В итоге пришли к соглашению о необходимости редактуры по замечаниям Герта. Это было для меня школой, – рассказала Надежда Чернова.

Народный писатель Казахстана, поэт, прозаик, публицист, заместитель главного редактора журнала «Простор» Любовь Шашкова поблагодарила организаторов за идею проведения конференции: наследие Юрия Герта важно сохранять, оно должно быть живым материалом для исследователей и читателей. Она напомнила о книге «Семейный архив», которую Юрий Герт издал, живя в США. В ней собраны ценные воспоминания Юрия Герта о писателях, с которыми ему довелось общаться. К слову, круг общения у него был широк.

«Простор» планирует публиковать отрывки из этой книги. Эти живые очерки помогут экспертам в работе над историей отечественной литературы, а читатели получат представление о замечательной эпохе становления и развития «Простора» и других изданий, а также литературы в целом.

Заместитель заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета РУДН имени П. Лумумбы, кандидат филологических наук, доцент Карина Галай также подчеркнула ценность произведений Ю. Герта – его проза раскрывает целые пласты советского времени. Проза Герта написана живым языком и позволяет читателю идти по сюжету вместе с героями, думать и переживать вместе с ними.

К. Галай рассказала, что с именем Юрия Герта впервые столкнулась на третьем курсе РУДН: о писателе и его романе «Кто, если не ты?..» на лекции рассказал доктор филологических наук, профессор, историк русской литературы XX века Анатолий Карпов.

– Наше знакомство с Гертом произошло в рамках лекции о шестидесятниках. Мы прочитали сборник «Раскрепощение». Тогда подумалось, что название изданной в 1995 году книги отсылает нас к духу свободы постсоветского времени. Но сейчас, перечитывая «Раскрепощение», я поняла, что название сборника символизирует освобождение от гнета, от зависимости. Там несколько планов – автор начинает повествование с 1930-х, проходит через «оттепель» и завершает 1990-ми. Причем Герт не пишет о конкретных репрессиях, он просто описывает несколько судеб. Через них перед нами раскрывается эпоха. В этом и заключается большое мастерство писателя, – подчеркнула Карина Галай.

Эту мысль развил в своем выступлении главный научный сотрудник Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, доктор филологических наук Алимжан Хамраев. Он обратил внимание на то, что в странах бывшего Варшавского договора писателей «оттепели» называют сторонниками социалистической надежды.

– Это хорошее название. Оно отражает чаяния плеяды послевоенных писателей, таких как Ч. Айтматов, О. Сулейменов, других поэтов и прозаиков, проходивших творческое становление в ту эпоху. Они дышали воздухом «оттепели», творили на этой волне оптимизма. Им выпала миссия написать о том времени, с чем они прекрасно справились, и теперь, читая их произведения, мы проникаемся тем временем, – сказал А. Хамраев.

Завершилась конференция диалогом между профессиональными экспертами в области литературы и подростками еврейской общины, которые поделились своими суждениями о романе «Кто, если не ты?..».

Планируется, что в еврейской общине и дальше будут проходить встречи на тему творчества Ю. Герта, а также других писателей, внесших вклад в развитие литературы Казахстана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
к сборнику «История. Память. Люди»

Сейдуманов С.Т.,
Генеральный директор Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, академик НАН РК, доктор социологических наук, профессор

Уважаемые читатели!

Позвольте вновь обратить Ваше внимание на важность исторической памяти как неотъемлемой части культурного и духовного наследия народа. Думаю, что мы все согласимся с тем, что история – это не просто набор фактов, зафиксированных в учебниках и архивах, это живое повествование о судьбах людей, в котором переплетаются личное и общественное, формируется уникальная ткань времени и обстоятельств.

В этом отношении сборник «История. Память. Люди» представляет собой очень важное, глубокое и вдумчивое исследование коллективной и индивидуальной памяти. В труде раскрываются драмы и свершения, открытия и даже трагедии минувших лет. Авторы предпринимают попытку переосмыслить богатый опыт народов Евразии, в частности еврейского народа, который, бесспорно, внес свой особый вклад в культурное, научное и социальное развитие всей человеческой цивилизации и, конечно, Казахстана.

В сборнике рассматриваются вопросы сохранения исторической памяти в контексте современного информационного общества, где поток информации становится все более обширным, а восприятие истории становится фрагментарным. Авторы статей стремятся зафиксировать исторические события, и, самое важное, проанализировать их, выстраивая целостную картину. Они исследуют взаимосвязь истории и коллективной идентичности, а также влияние различных процессов на судьбы отдельных людей и народов.

В издании представлены результаты исторических повествований, охватывающих широкий круг тем. Они включают в себя изучение вклада выдающихся личностей в различные области – искусство, науку и общественную жизнь. Кроме того, в сборнике рассматриваются масштабные процессы, которые оказывали влия-

ние на целые регионы. При этом, истории, представленные в издании, помогают лучше понять механизмы социально-политической эволюции, а также влияние внешних и внутренних факторов на жизни народов.

Важно отметить, что данный труд имеет в большей степени просветительскую ценность. Но он одновременно представляет интерес для специалистов в области истории, культурологии и межэтнических отношений, а также для широкой аудитории, интересующейся процессами формирования коллективной памяти и сохранения культурного наследия. Сборник может быть полезен в образовательных программах, научных дискуссиях и общественных инициативах, направленных на сохранение исторической правды.

И вновь. История – это не только описание прошлого, но и основа для понимания настоящего и построения будущего. А память – это дань уважения предкам, а также мощный инструмент формирования национальной идентичности, понимания культурного многообразия и укрепления межэтнического диалога.

Дорогие коллеги!

2 сентября 2024 года в своем Послании народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» Глава государства Касым-Жомарт Кемелевич Токаев отметил: *«Нельзя постоянно оглядываться назад, вести поиск виновных, будь это система или отдельные политические персонажи. Нужно знать и изучать свою историю, но не искать в ней поводов для уныния и обид. Из событий прошлого, какими бы они трагичными ни были, следует извлекать полезные уроки. Надо с оптимизмом смотреть вперед, думать о прогрессе и развитии нашей страны»*.

В данном случае, особую значимость имеет тот факт, что книга опубликована в Казахстане – стране, в которой еврейская община сохранила свою идентичность и внесла ценный вклад в ее общее развитие. Действительно, представители различных этносов, проживающих в Казахстане на протяжении веков, жили в мире и согласии, оказывали поддержку друг другу в трудные времена и с уважением относились к культурным традициям каждого.

Такой бесценный опыт взаимопонимания и поддержки остаётся важным ориентиром для современного общества и будущих поколений.

К слову, в развитии еврейской общины Казахстана и сохранении её исторического и культурного наследия важную роль играют такие организации, как Ассоциация еврейских национальных организаций Казахстана «Мицва» и Ассамблея народа Казахстана. Не секрет, что «Мицва» на протяжении многих лет активно работает над укреплением еврейской идентичности, сохранением исторической памяти о еврейском народе в Республике, вносит вклад в такие особо ценные сферы как наука, образование, культура.

В свою очередь, Ассамблея народа Казахстана, объединяя представителей различных этнических групп, является символом единства и согласия. Она создает платформу для межнационального диалога и сохранения культурного разнообразия нашей страны.

Деятельность этих организаций наглядно демонстрирует, что история – это еще и живой процесс, в котором каждый народ и каждая община могут и должны принимать активное участие.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что сборник «История. Память. Люди» представляет собой яркий пример того, как должно проводиться изучение истории. Он содержит множество фактов, личных свидетельств и архивных материалов, что делает его настоящим документом эпохи.

Пусть этот труд станет ещё одним связующим звеном между народами, способствует укреплению взаимопонимания, уважения и доброжелательности между всеми нами – такими разными, но такими похожими!

«Тарих. Тағылым. Халық» жинағына ҚОРЫТЫНДЫ

Сейдуманов С.Т.,
ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас директоры, ҚР ҰҒА академигі, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор

Құрметті оқырмандар!

Тарихи жадының халықтың мәдени әрі рухани мұрасының ажырамас бөлігі ретіндегі маңыздылығына назарыңызды қайта аударуға рұқсат етіңіздер. Менің ойымша, тарих тек оқулықтар мен мұрағаттарда жазылған фактілер жиынтығы ғана емес, бұл жеке бас пен қоғамның бір-бірімен тоғысатын, уақыт пен жағдаяттың ерекше мазмұны қалыптасатын адамдардың тағдыры туралы жанды баяндау екендігімен бәріміз келісеміз.

Бұл қатынаста «Тарих. Тағылым. Халық» жинағы ұжымдық және жекеменшік естеліктердің өте маңызды, терең әрі ойластырылған зерттеу екендігін білдіреді**.** Еңбекте өткен жылдардың драмалары мен жетістіктері, жаңалықтары мен тіпті трагедиялары көрініс тапқан. Авторлар Еуразия халықтарының бай тәжірибесін, атап айтқанда, бүкіл адамзат өркениетінің және, әрине, Қазақстанның мәдени, ғылыми және әлеуметтік дамуына ерекше үлес қосқан, әсіресе, еврей халқының бай тәжірибесін қайта қарастыруға тырысады.

Жинақта заманауи ақпараттық қоғам контекстіндегі тарихи жадыны сақтау мәселелері қарастырылады, мұнда ақпарат легі әлдеқайда кең, ал тарихты қабылдау үзінділермен қабылданады. Мақала авторлары тарихи оқиғаларды қатыстыруға тырысады, және, ең бастысы, оларды біртұтас туынды қылып талдайды. Олар тарих пен ұжымдық сәйкестіктің өзара байланысын, сондай-ақ, әртүрлі процестердің жеке адамдар мен халықтардың тағдырына әсерін зерттейді.

Басылымда кең тақырыптар шеңберін қамтитын тарихи баяндамалар нәтижелері ұсынылған. Олар көрнекті тұлғалардың әртүрлі салаларға – өнер, ғылым және қоғамдық өмірге қосқан

үлесін зерттеуді қамтиды. Сонымен қатар, жинақ толық аймақтарға әсер еткен ауқымды процестерді қарастырады. Сонымен бірге, басылымда ұсынылған әңгімелер әлеуметтік-саяси эволюцияның тетіктерін, сондай-ақ, сыртқы және ішкі факторлардың халықтардың өміріне әсерін жақсы түсінуге көмектеседі.

Айта кету керек, бұл жұмыс көбіне ағартушылық құндылыққа ие. Бірақ ол сонымен бірге тарих, мәдениеттану және этносаралық қатынастар саласындағы мамандарды, сондай-ақ, ұжымдық жадыны қалыптастыру және мәдени мұраны сақтау процестеріне қызығушылық танытатын кең аудиторияны қызықтырады. Жинақ тарихи шындықты сақтауға бағытталған білім беру бағдарламаларында, ғылыми пікірталастарда және қоғамдық бастамаларда пайдалы болуы мүмкін.

Қайтадан. Тарих – бұл өткенді сипаттау ғана емес, сонымен бірге, бүгінді түсіну мен болашақты құру үшін негіз. Ал тағылым – бұл ата-бабаларға деген құрмет, сонымен қатар, ұлттық бірегейлікті қалыптастырудың, мәдени әрқилылықты түсінудің және этносаралық диалогты нығайтудың қуатты құралы.

Құрметті әріптестер!

2024 жылғы 2 қыркүйекте өзінің Қазақстан халқына «Әділ Қазақстан: заң және тәртіп, экономикалық өсу, қоғамдық оптимизм» үндеуінде Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Кемелұлы Тоқаев: *«Үнемі артқа қарап, кінәлілерді іздеуге болмайды, бұл жүйе немесе жеке саяси кейіпкерлер болсын. Өзіңіздің тарихыңызды біліп, зерттеуіңіз керек, бірақ одан көңілсіздік пен реніштің себептерін іздемеу керек. Өткен оқиғалардан, олар қаншалықты қайғылы болса да, пайдалы сабақ алу керек. Біз алға оптимистік көзқараспен қарауымыз керек, еліміздің озуы мен дамуы туралы ойлануымыз керек»* – деп, атап өтті.

Бұл жағдайда кітаптың Қазақстанда – еврей қауымдастығы өзінің жеке басын сақтап, оның жалпы дамуына құнды үлес қосқан елде жарияланғаны ерекше маңызға ие. Шынында да, Қазақстанда

ғасырлар бойы өмір сүрген түрлі этностардың өкілдері бейбітшілік пен келісімде өмір сүріп, қиын кезеңдерде бір-біріне қолдау көрсетіп, әрқайсысының мәдени дәстүрлеріне құрметпен қарады. Өзара түсіністік пен қолдаудың мұндай баға жетпес тәжірибесі қазіргі қоғам мен болашақ ұрпақ үшін маңызды бағдар болып қала береді.

Айта кетейік, Қазақстанның еврей қауымдастығын дамытуда және оның тарихи және мәдени мұрасын сақтауда Қазақстанның «Мицва» еврей ұлттық ұйымдарының Қауымдастығы және Қазақстан халқы Ассамблеясы сияқты ұйымдар маңызды рөл атқарады. Жасыратыны жоқ, «Мицва» көптеген жылдар бойы еврейлердің жеке басын нығайту, Республикадағы еврей халқы туралы тарихи жадыны сақтау үшін белсенді жұмыс істейді, ғылым, білім, мәдениет сияқты ерекше құнды салаларға үлес қосады.

Өз кезегінде, Қазақстан халқы Ассамблеясы түрлі этникалық топтардың өкілдерін біріктіре отырып, бірлік пен келісімнің символы болып табылады. Ол ұлтаралық диалог пен еліміздің мәдени әрқилығын сақтау үшін платформа жасайды.

Бұл ұйымдардың қызметі тарихтың әр халық пен әр қауым белсенді қатыса алатын және қатысуы керек тірі процесс екенін айқын көрсетеді.

Қортындылай келе, «Тарих. Тағылым. Адамдар» жинағының тарихты зерттеуді қалай жүргізу керектігінің жарқын мысалы болып табылатын туынды екенін атап өткім келеді. Онда көптеген фактілер, жеке куәліктер мен мұрағат материалдары бар, бұл оны дәуірдің нақты құжатына айналдырады.

Бұл жұмыс халықтар арасындағы тағы бір байланыстырушы буын болсын, соншалықты өзгеше, бірақ соншалықты ұқсас – барлығымыздың арамыздағы өзара түсіністікті, құрмет пен ізгі ниетті нығайтуға ықпал етсін!

CONCLUSION
to the publication «History. Memory. People»

Seidumanov S.T.,
General Director of the Institute of Philosophy,
Political Science and Religious Studies,
Academician of Academician of the National Academy of Sciences
of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sociological Sciences, Professor

Dear readers!

Let me once again draw your attention to the importance of historical memory as an integral part of the cultural and spiritual heritage of the people. I think that we all agree that history is not just a set of facts recorded in textbooks and archives, it is a living narrative of people's fates, in which personal and social intertwine, a unique fabric of time and circumstances is formed.

In this respect, the book «History. Memory. People» is a very important, deep and thoughtful study of collective and individual memory. The work reveals the dramas and accomplishments, discoveries and even tragedies of the past years. The authors make an attempt to rethink the rich experience of the peoples of Eurasia, in particular the Jewish people, who undoubtedly made their special contribution to the cultural, scientific and social development of the entire human civilization and, of course, Kazakhstan.

The collection deals with the preservation of historical memory in the context of modern information society, where the flow of information is becoming more and more extensive, and the perception of history is becoming fragmented. The authors of the articles seek to record historical events, and, most importantly, to analyze them, building a holistic picture. They explore the relationship between history and collective identity, as well as the impact of various processes on the fates of individuals and nations.

The publication presents the results of historical narratives covering a wide range of topics. They include studies of the contributions of outstanding personalities in various fields - art, science and public life. In addition, the collection examines large-scale processes that influ-

enced entire regions. At the same time, the stories presented in the publication help to better understand the mechanisms of socio-political evolution, as well as the influence of external and internal factors on the lives of peoples.

It is important to note that this work has more of an educational value. But it is also of interest to specialists in the field of history, cultural studies and interethnic relations, as well as to a wide audience interested in the processes of forming collective memory and preserving cultural heritage. The collection can be useful in educational programs, scientific discussions and public initiatives aimed at preserving historical truth.

History is not only a description of the past, but also a basis for understanding the present and building the future. And memory is a tribute to ancestors, as well as a powerful tool for forming national identity, understanding cultural diversity and strengthening interethnic dialog.

Dear Colleagues!

On September 2, 2024 in his Address to the people of Kazakhstan «Fair Kazakhstan: Law and Order, Economic Growth, Public Optimism» the Head of State Kasym-Jomart Kemelevich Tokayev noted: "*One should not constantly look back, search for the guilty, whether it is the system or individual political characters. It is necessary to know and study our history, but not to look for reasons for discouragement and resentment. We should draw useful lessons from the events of the past, no matter how tragic they were. We should look forward with optimism, think about the progress and development of our country".*

In this case, the fact that the book is published in Kazakhstan, a country in which the Jewish community has preserved its identity and made a valuable contribution to its overall development, is of particular significance. Indeed, representatives of the various ethnic groups living in Kazakhstan over the centuries have lived in peace and harmony, supported each other in difficult times and respected each other's cultural traditions. Such invaluable experience of mutual understanding

and support remains an important reference point for modern society and future generations.

By the way, such organizations as the Association of Jewish National Organizations of Kazakhstan «Mitsva» and the Assembly of the People of Kazakhstan play an important role in the development of the Jewish community of Kazakhstan and preservation of its historical and cultural heritage. It is not a secret that «Mitsva» for many years actively works on strengthening of the Jewish identity, preservation of historical memory about the Jewish people in the Republic, makes a contribution to such especially valuable spheres as science, education, culture.

In its turn, the Assembly of the People of Kazakhstan, uniting representatives of various ethnic groups, is a symbol of unity and harmony. It creates a platform for inter-ethnic dialog and preservation of cultural diversity of our country.

The activities of these organizations clearly demonstrate that history is also a living process in which every nation and every community can and should take an active part.

In conclusion, I would like to emphasize that the book «History. Memory. People» is a vivid example of how the study of history should be conducted. It contains many facts, personal testimonies and archival materials, which makes it a true document of the era.

May this work become one more link between peoples, promote mutual understanding, respect and goodwill between all of us - so different, but so similar!

Фотографии, опубликованные на обложке

1. Супруги Барон Самуил и Марьям, их дети – Иосиф и Марк, [1934 г.] Фото из семейного архива А.И. Барона

2. Выступление Главы государства на XXXII сессии Ассамблеи народа Казахстана «Справедливый Казахстан: единство, стабильность, развитие», 27.04.2023 г. URL: // https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-rabote-xxxii-sessii-assamblei-naroda-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-edinstvo-stabilnost-razvitie-273488 *(дата обращения 19.12.2024 г.)*

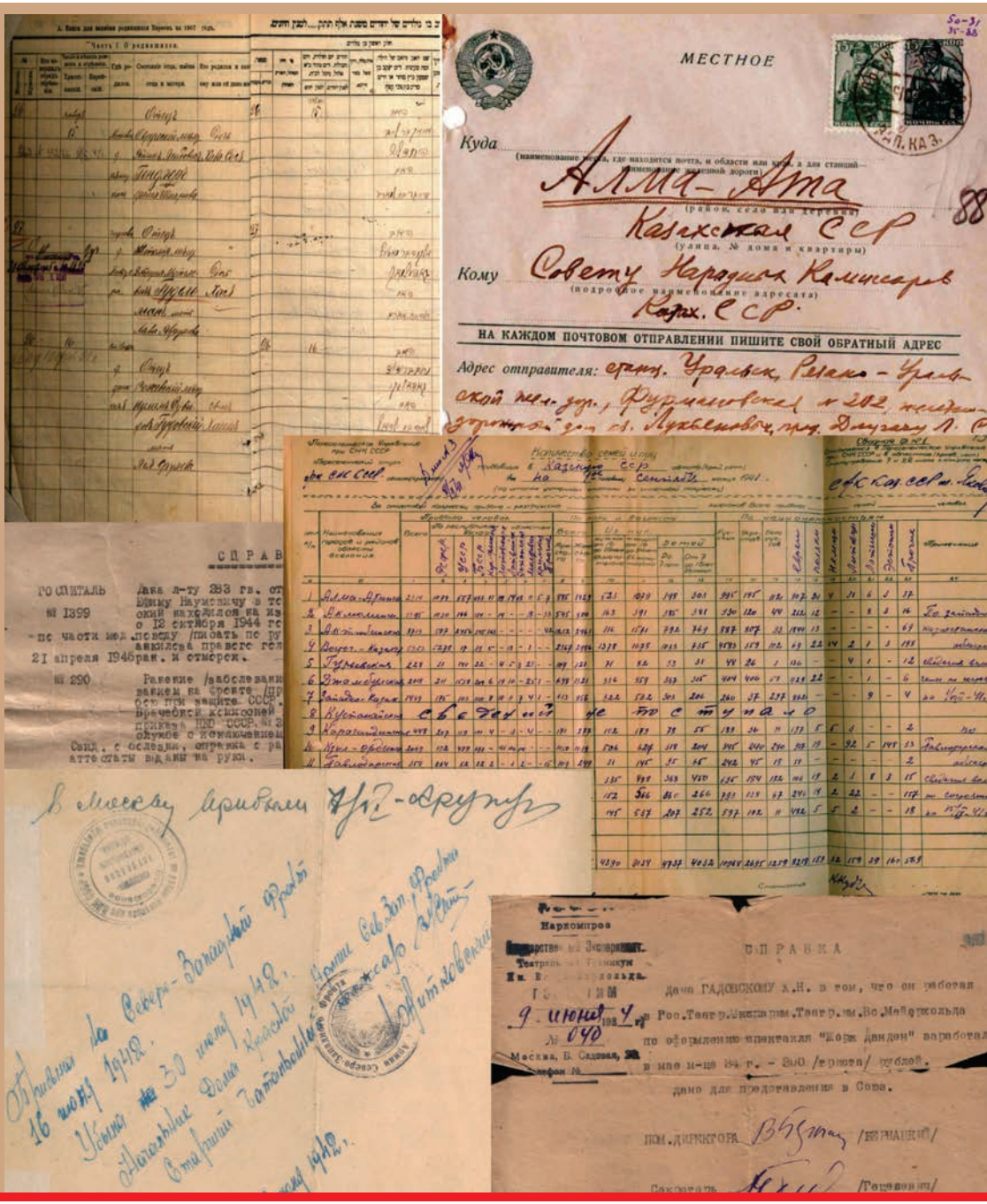
3. Фото из семейного архива А.И. Барона

4. Выступление А.И. Барона в Республиканском Доме дружбы. День памяти жертв холокоста. На сцене: Л. Допчинский, П. Сименова – члены еврейской общины, 2018 г. Фото из архива О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва», 2024 г., Алматы

5. К сообщению Крутовой Н. «Ефим Годовский − театральный художник и педагог Восточного Казахстана». Фото из семейного архива

6. Встреча с представителями библиотеки Архива Президента. Фото из архива О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва», 2024 г., Алматы

Подписано в печать «28» февраля 2025 г.
Формат изд. 60х84/16, Объем 30 усл.печ.л.



INSTITUTE
OF PHILOSOPHY, POLITICAL SCIENCES AND RELIGIOUS STUDIES
EAJC
EURO-ASIAN
JEWISH CONGRESS